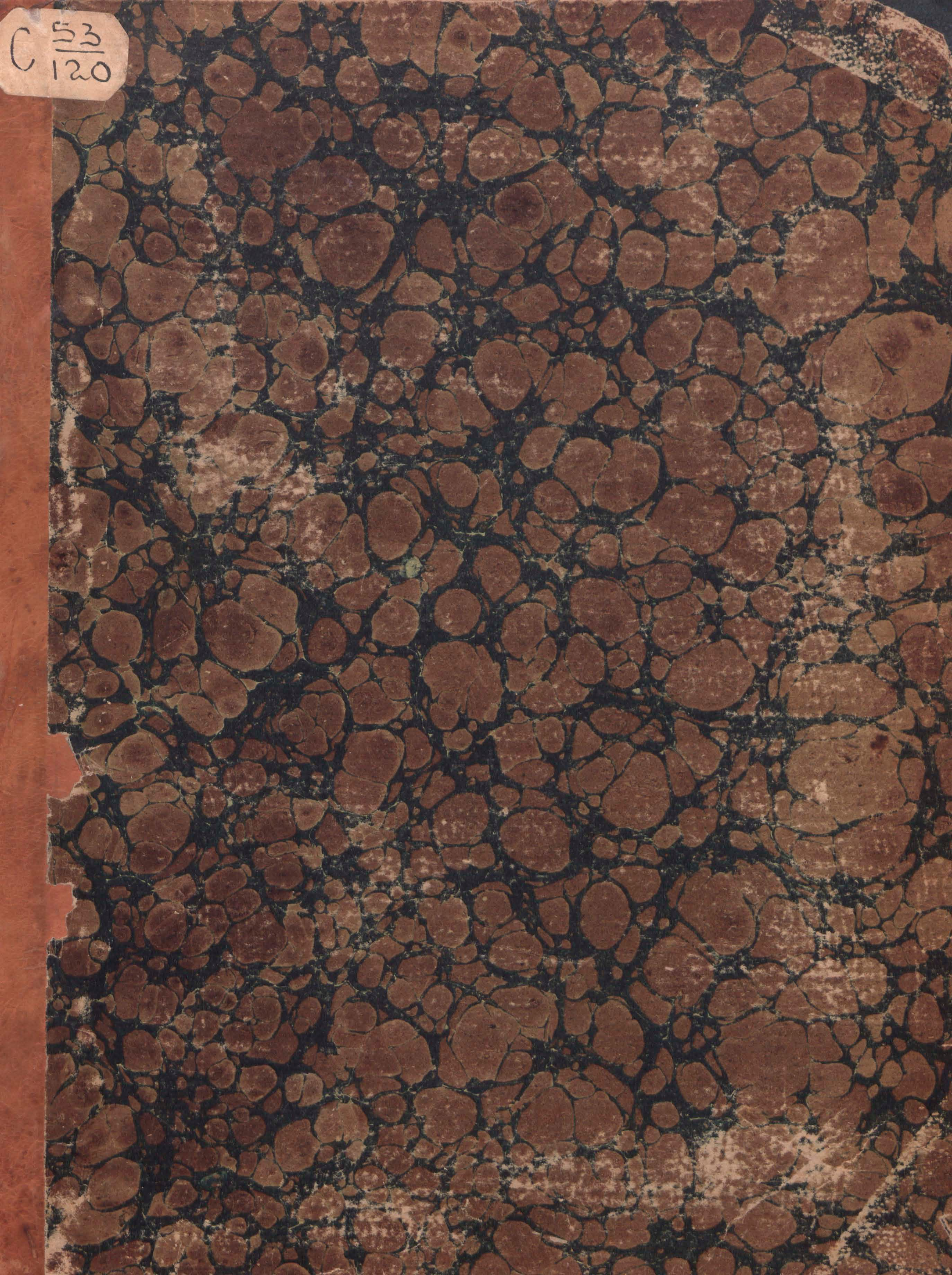
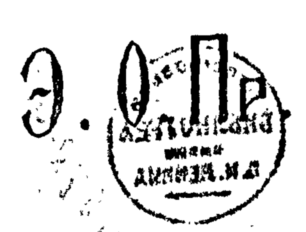

C 53/120

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ,

читанныхъ въ весеннемъ семестрѣ 1886/7 ак. г.

Э. О. Пр. П. Г. Виноградовымъ.

Второе изданіе.

Москва

1889 г.

Введеніе.

Общій очеркъ исторіографіи среднихъ вѣковъ.

Исторіографія XVII и XVIII в.в. По отношенію къ среднимъ вѣкамъ, какъ начало разработки исторіи, приходится отмѣчать XVII вѣкъ. - XVII вѣкъ, при преобладаніи интересовъ отвлеченныхъ, не выставилъ никакихъ общихъ построеній по средневѣковой исторіи. Но спеціальная часть средневѣковой исторіи была довольно разработана. Тутъ дѣйствовали цѣлыя корпораціи, главнымъ образомъ духовныя. Главное, что было сдѣлано въ этомъ случаѣ, было сдѣлано бенедиктинцами, во главѣ ихъ стоитъ Мабильонъ и Муратори. Трудъ сосредоточивался на собираніи матерьяловъ и первоначальной переработкѣ, которую я называю археологическою. Цѣль этихъ трудовъ состоитъ не въ томъ, чтобы представить связную картину, но установить хронологическую основу исторіи и разъяснить главнѣйшія условія государственнаго быта. Первой цѣли Муратори старается достигнуть въ „анналахъ“, второй - въ „Antiquita“ (древности Италіи). Нечего и говорить, что ни та, ни другая цѣль не достигается вполнѣ, но къ этимъ работамъ приходится тѣмъ не менѣе обращаться даже и теперь для разъясненій отдѣльныхъ фактовъ и условій государственнаго быта. Именно въ

этомъ отношенiи литература XVII вѣка представляетъ гораздо больше пособiя, чѣмъ можно было бы ожидать съ перваго раза; тогда, не мудрствуя лукаво, разъясняли отдѣльные историческiе факты.

Въ XVIII в. работы по исторiи начинаютъ принимать уже болѣе организованный видъ, онѣ начинаютъ входить въ тѣсную связь съ философскимъ движенiемъ, которое характеризуетъ этотъ вѣкъ. Это придаетъ историческимъ работамъ съ одной стороны интересъ и значенiе, съ другой — пожалуй затрудняетъ ихъ и часто направляетъ на ложную дорогу. Философская мысль этого времени является основанiемъ для критики существующаго строя. Дѣло въ томъ, что жизнь въ XVII в. во всѣхъ ея формахъ: политической и религiозной находится подъ влiянiемъ потерявшихъ смыслъ формъ предшествующаго перiода. Теперь, въ XVIII в. недовольны этимъ устройствомъ; созданные идеалы приходятъ въ рѣзкое столкновенiе съ практической жизнью. Вездѣ присутствiе отвлеченныхъ началъ выражается броженiемъ мысли. Критическое, революцiонное направленiе литературы и мысли предшествуетъ борьбѣ матерьяльной, оттѣняетъ весь ходъ XVIII вѣка, точно также и по отношенiю къ исторiи, при чемъ тамъ образуются два направленiя. Самымъ главнымъ представителемъ одного служитъ Вольтеръ, другаго — Монтескье. —

Вольтеръ въ своей работѣ о нравахъ нацiй* излагаетъ философiю исторiи. Но эта философiя исторiи совершенно на службѣ у общей философiи, т. е. она ему служитъ для историческихъ аргументовъ: исторiя важна для него, поскольку она даетъ аргументы противъ существующаго строя. Поэтому исторiя у Вольтера принимаетъ очень одностороннее направленiе и особенно по отношенiю къ среднимъ вѣкамъ. Средние вѣка для Вольтера — время ненавистное, время тьмы, противъ которой слѣдовало бороться еще и тогда, а къ сожалѣнiю приходится

* Essai sur les moeurs et sur l'esprit des nations." Нравы и духъ нацiй. 1754 г.

бороться и въ XVIII в. Аномаліи и злоупотребленія, противъ которыхъ приходилось дѣйствовать въ XVIII в., всѣ имѣли начало въ Среднихъ Вѣкахъ. Поэтому критика средневѣковой исторіи отличается крайней воинственностью и легкомысліемъ. Тутъ игнорировались цѣлые важные моменты исторіи, обзывались нѣсколькими болѣе или менѣе бранными эпитетами и вычеркивались изъ области изученія. Цѣлая цѣпь важныхъ фактовъ средневѣковаго развитія, связанныхъ съ дѣятельностью церкви, остается у Вольтера въ полномъ пренебреженіи или же даетъ поводъ къ совершенно ложнымъ толкованіямъ. Въ совершенно другомъ видѣ трактуются историческіе матерьялы у Монтескье. Монтескье самъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, противъ которыхъ поднималась критика Вольтера, и это связывало ему въ значительной степени руки. Поэтому онъ болѣе осмотрителенъ, за историческими формами онъ болѣе признаетъ права, чѣмъ это дѣлали люди, которые въ нихъ видѣли цѣпи, насильно наложенныя и которыя должно было разорвать въ настоящее время. - Не смотря на отсутствіе предварительной подготовки, Монтескье въ своемъ сочиненіи „L'esprit des lois" дѣлаетъ попытку серьезной исторической работы, попытку, въ которой очень важную роль играетъ выясненіе формъ быта среднихъ вѣковъ. Вліяніе этого быта необходимо Монтескье для того, чтобы разъяснить самое происхожденіе Французской монархіи, онъ ищетъ историческихъ прецедентовъ для нея. Монтескье первый старается, въ концѣ концовъ довольно безуспѣшно, выбиться изъ подъ вліянія античныхъ образцовъ. Вліяніе античнаго міра было уже черезчуръ сильно въ то время. Тѣмъ не менѣе онъ вводитъ элементъ, взятый изъ наблюденія историческихъ формъ Англіи и Франціи. Добытыя положенія онъ старается приложить къ Франціи, онъ старается связать новую Францію съ средне-вѣковой. Благодаря этому у него является историческая основа для одного важнаго положенія. Онъ различаетъ, какъ главныя формы правленія:

республику, монархію и деспотію, удаляясь въ данномъ случаѣ отъ древней классификаціи. Монархія - это господство одного, но господство не безраздѣльное, монархъ стѣсненъ по содержанію въ своихъ распоряженіяхъ - законами, а по формѣ - цѣлымъ рядомъ „промежуточныхъ властей": аристократіей, духовенствомъ, городскими корпораціями, парламентомъ. Тотъ самый феодальный строй, который въ Англіи переработался въ болѣе совершенныя конституціонныя формы, во Франціи перешелъ въ монархію. Такъ, Монтескье дѣлаетъ одинъ очень капитальный выводъ, который впослѣдствіи подтвердился. Онъ указываетъ на тѣсную связь конституціоннаго развитія Англіи съ историческими формами Франціи, которыя коренятся въ феодализмѣ Среднихъ Вѣковъ.

Послѣдователи Монтескье, забывая историческую часть его разъясненія и опираясь на одну теоретическую, стали толковать объ англійскомъ строѣ, какъ о государствѣ sui generis, не вставляя его въ истинную историческую рамку. А уже у Монтескье все дано для того, чтобы сопоставить англійскую свободу съ ея историческимъ развитіемъ и показать, что въ этомъ случаѣ вездѣ, гдѣ образуется почва „промежуточныхъ властей", существуетъ возможность образованія свободы, подобной англійской.

Вотъ два главныхъ направленія: односторонне-критическое и конструктивное. Но помимо этого, въ XVIII в. вопросъ объ изученіи средневѣковой исторіи рѣшался на очень спеціальной почвѣ и давалъ поводъ къ обсужденію очень тонкихъ подробностей средневѣковаго строя. - При этомъ представляется любопытный фактъ, что существуетъ тѣсная связь между движеніемъ политической мысли и мысли исторической. Историческія школы находятся въ тѣсной связи съ характеромъ политическихъ задачъ извѣстнаго времени. Новыя школы зарождаются въ связи съ обширной реакціей противъ господства абсолютизма. Конецъ царствованія Людовика XIV, ознаменовавшійся полнымъ крушеніемъ абсолютизма, полной неудачей въ войнѣ за Испанское наслѣдство, въ

военномъ, дипломатическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, вызвалъ полную реакцію противъ королевской власти. Царствованіемъ Людовика XIV прямо ставится вопросъ: что нужно для дальнѣйшаго руководства политической жизнью французскаго народа. - Прежде всего стремленіе къ измѣненію политическаго порядка образовалось въ аристократіи, т. е. въ томъ классѣ, который имѣлъ наибольшія политическія привилегіи, если не права и который еще по своей фамильной исторіи помнилъ, что было время, когда король былъ не полноправенъ. Теперь эта аристократія была съ одной стороны оттѣснена людьми низкаго рода, съ другой - прижата королевской властью. Это движеніе выразилось цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ попытокъ въ придворныхъ и аристократическихъ кругахъ. Изъ этихъ попытокъ главная была сдѣлать своимъ сторонникомъ внука Людовика XIV, герцога Бургундскаго, который былъ наслѣдникомъ - дофиномъ. Воспитаніе его было поручено архіепископу Фенелону.* Въ противоположность Людовику, опредѣлявшему свою политику словами: l'Etat c'est moi, наслѣднику внушали, что необходимо оживить въ управленіи самостоятельность провинціи и аристократическаго класса. Реакція находила необходимымъ отказаться отъ завоевательной политики и обратиться къ внутреннему переустройству государства на началахъ аристократическаго либерализма. Эта реакція высказалась впервые въ исторіографіи въ работѣ Буленвилье.** Во-первыхъ онъ думаетъ, что исторія Франціи свидѣтельствуетъ о монархическомъ началѣ и столько-же или, пожалуй, еще сильнѣе, о началѣ аристократическомъ; во-вторыхъ онъ говоритъ, что Франція рѣзко распадается на 2 сословныя группы: аристократическій независимый классъ и зависимую массу. Исторія Франціи шла неуспѣшно вслѣдствіе того, что зависимые люди стали стремиться къ независимости, въ чемъ ихъ под-

---

*Фенелонъ, Франсуа-де-Салиньякъ-де-Ламотъ, 1651-1715. Членъ французской академіи, съ 1695 г. архіепископъ Камбрейскій. Соч.: Похожденія Телемака и др.

**Boulainvilliers, 1727: Histoire de l'ancien gouvernement de la France.

державами короли, захватывавшие въ то же время все больше и больше власти; аристократіи-же пришлось отступить. Поэтому онъ рѣшаетъ поставленный временемъ вопросъ тѣмъ, что совѣтуетъ возвратиться на практикѣ къ древнему строю. Историческую аргументацію онъ ведетъ такъ: Франція представляетъ два слоя: слой завоеванныхъ Галло-Римлянъ и слой завоевателей — Франковъ. Галлы были порабощены для матеріальнаго труда, Франки же стали господствовать. Они свободны и равны съ королями, король только первый изъ равныхъ, ему предоставляется только общее руководство, а не полновластіе. Не даромъ Франкъ отказалъ передать Хлодвигу чашу при Суасонѣ при дѣлежѣ добычи.*

Такъ завоеваніе положило начало неравенству сословій и съ другой стороны вызвало такое устройство общества, которое представляетъ собственно нѣчто въ родѣ какой-нибудь античной греческой общины: извѣстная небольшая группа имѣетъ полныя права, стоитъ у правленія, а остальная масса обречена на трудъ. Феодальная эпоха только разъединила эти элементы, но не измѣнила ихъ по существу. Бѣда заключается въ томъ, что съ возвышенія Капетинговъ начинается долгое паденіе. Короли устанавливаютъ свой деспотизмъ и подкапываются подъ дворянство. И подкапываются они, возбуждая на дворянство завоеванные классы. Лига королей съ коммунами приводитъ къ тому, что они становятся самостоятельнѣе, а низшіе классы получаютъ отъ короля права. Такъ исторія разсматривается съ точки зрѣнія узко-аристократической; вопросъ рѣшается предложеніемъ вернуться къ свободнымъ аристократическимъ учрежденіямъ, такъ какъ Франція пала отъ усиленія королевской власти и возвышенія завоеванной массы.

Но понятно, что подобная реакція не могла удовлетворить въ средѣ какъ разъ низкородныхъ элементовъ. Отвѣтъ скоро былъ данъ въ совершенно противоположномъ духѣ. Историческимъ отвѣтомъ на работу Буленвилье служитъ работа аббата Дюбо. Въ 1734 году явилась его работа: „Histoire critique de

---

*Хлодвигъ, король Франковъ. 481–511 г.

l'établissement de la monarchie française dans les Gaules", она представляетъ именно попытку отстоять союзъ монархіи съ народомъ. Дѣло ставится такъ, что успѣхи развитія Франціи вполнѣ зависѣли отъ этого союза. Неуспѣхи были вслѣдствіе того, что этотъ союзъ былъ стѣсненъ аристократическимъ строемъ. Теорія Дюбо и далѣе идетъ въ систематическомъ противорѣчіи съ теоріей Буленвилье. Буленвилье говоритъ, что завоеваніе Франціи создало два класса: завоеванныхъ и завоевателей; былъ полный разрывъ новаго государства съ прежнимъ галло-римскимъ. Дюбо говоритъ, что никакого завоеванія въ сущности не было, Франки не завоевали Галлію; они явились по приглашенію. Поэтому и разрыва между римскими традиціями и новымъ государствомъ не было. Появленіе Франковъ не создало аристократіи, и власть свою короли не увеличили насильно. Своею теоріею объ отсутствіи завоеванія Дюбо является во главѣ романистовъ. Именно, онъ говоритъ, что власть свою короли получили какъ бы отъ императора, по галло-римской традиціи, а не отъ власти германскаго вождя. Зло же последовало отъ того, что наступило время узурпаціи аристократіи. Было время, когда передъ всесильной властью короля все смиралось; теперь идетъ узурпація со стороны аристократіи, со стороны сеньёровъ (seigneurs). Они изъ чиновниковъ дѣлаются своего рода королями, захватываютъ политическое верховенство. Вотъ что повело къ упадку Франціи, а никакъ не развитіе демократической массы и монархической власти. Итакъ, по мнѣнію Дюбо, должно въ дальнѣйшей исторіи возвратиться къ первоначальной монархіи и равенству. Въ попыткѣ Дюбо любопытна именно та черта, что 3е сословіе въ его лицѣ ждетъ реформы отъ короля и сообразно съ этимъ понимаетъ исторію.

Но въ половинѣ XVIII в. выяснилось, что это великое заблужденіе. Королевская власть стояла въ слишкомъ тѣсной связи съ придворной аристократіей и ея привилегіями, чтобы быть способной на смѣлую реформаторскую дѣятельность. Демократическая масса принуждена была поэтому отдѣлить свое дѣло

отъ королевской власти. И въ исторической работѣ аббата Мабли во второй половинѣ вѣка (Mably. Observations sur l'histoire de France. 1765–1788), именно, дѣло государя и дѣло народа разъединяются. Мабли беретъ въ основаніе теорію Буленвилье, но выводы дѣлаетъ иные, принимая кое-что въ основаніе изъ теоріи Дюбо. Завоеваніе признается и отъ него ведется вольность республиканскаго устройства Франковъ. Признается подчиненіе Галловъ, но исходящее не изъ права, а изъ неспособности галловъ воспользоваться свободой послѣ унизительнаго рабства. Затѣмъ, вольности Франковъ являются основаніемъ для всякой свободы, а не для привилегій небольшаго класса. Онъ указываетъ, во первыхъ, на то, что устройство древней Франціи не было аристократическимъ, а было устройствомъ, изъ котораго выходили точно также коммуны, какъ и сеньоры. Въ доказательство онъ приводитъ двойное устройство майскихъ собраній на широкій сеймъ — майское собраніе — являлась масса свободныхъ людей, которыхъ ввелъ туда Карлъ Великій. Тѣмъ не менѣе началась было узурпація аристократіи, но скоро королевская власть стала возвышаться, и именно, этимъ было задержано и безъ того медленное развитіе народа; вотъ чѣмъ ограничивалась первоначальная свобода. Королевская власть достигаетъ развѣта при Карлѣ V Мудромъ (Карлъ V Мудрый 1364–1380), но съ него начинается паденіе королевской власти и возвышеніе аристократіи. Онъ далъ силу рыцарямъ, уничтоживъ генеральные штаты. Это было началомъ бѣдствій государства, такъ какъ уничтоженіе генеральныхъ штатовъ внесло произволъ. Итакъ, стоитъ только возвратиться къ старому порядку, возстановить генеральные штаты, чтобы дѣло пошло хорошо. Современный строй долженъ дать мѣсто этому демократическому учрежденію. Только такимъ образомъ можно пріобрѣсть отсутствующія теперь добродѣтели, безъ которыхъ государство существовать не можетъ, безъ нихъ государство можетъ ожидать только разрушенія. И вотъ другая любопытная сторона работы Мабли: онъ выдвигаетъ въ политикѣ впервые нравственный элементъ, заимствуя въ данномъ слу-

чалъ краски изъ работы Руссо*, который въ сочинении, писанномъ на премію Дижонской Академіи, доказывалъ, на сколько такъ называемая цивилизація была разрушительна во многихъ отношеніяхъ, и насколько необходимо вернуться къ старымъ добрымъ нравамъ. Мабли совѣтуетъ согласно съ нимъ возвратиться не только къ старымъ, свободнымъ учрежденіямъ, но и къ старымъ простымъ нравамъ, которые должны служить основой и гарантіей для извѣстныхъ политическихъ учрежденій. Вотъ тѣ три главныхъ представителя исторіографіи XVIII вѣка, съ которыми до сихъ поръ всѣмъ, изучающимъ средневѣковую исторію приходится считаться, и которые своими, часто очень грубыми и наивными аргументами повліяли на образованіе современныхъ историческихъ школъ.

Исторіографія XIX в.

Германская исторіографія. Переходя теперь къ характеристикѣ исторіографіи въ XIX вѣкѣ по Среднимъ вѣкамъ, я напомню вамъ о томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ для исторіографіи XIX вѣка фактъ революціи и слѣдовавшей за ней реакціи. Французская революція разрѣшаетъ противорѣчія XVIII вѣка и тѣмъ общимъ потрясеніемъ, которое она произвела во всѣхъ отрасляхъ, вызываетъ, такъ сказать усиленную историческую мысль, такъ какъ все поколебалось: и учрежденія, и нравы, и воззрѣнія, то никто уже не въ состояніи былъ во вновь зарождающійся XIX вѣкъ относиться сколько-нибудь наивно къ учрежденіямъ, нравамъ, воззрѣніямъ, какъ къ чему-то данному и постоянному. Догматическая связь теряетъ свое значеніе, повсюду является вопросъ о происхожденіи общества, его ростѣ и видоизмѣненіи. Первая школа, съ воззрѣніями которой приходится считаться была школа

---

* Ж. Ж. Руссо, 1712–1778. Въ 1750 г. онъ написалъ на премію Дижонской Академіи сочиненіе, въ которомъ отвѣчаетъ отрицательно на вопросъ: содѣйствовало-ли улучшенію нравовъ возстановленіе классич. наукъ въ 3 послѣднія столѣтія? Друг. соч.: Новая Элоиза, Эмиль, Общ. договоръ, Исповѣдь.

реакціонная, главной цѣлью которой было показать, насколько увлекались французскіе революціонеры, воображая, что можно отвлеченными воззрѣніями измѣнить жизнь извѣстнаго народа, переправить то, что безсознательно создалось. Старались показать, сколько силы имѣетъ эта прошлая исторія, насколько она непоколебима, инстинктивна, независима отъ всякихъ указовъ, насколько съ ней приходится считаться — это было основнымъ воззрѣніемъ реакціонной школы и главной ея задачей. Школа реакціонная получаетъ свое выраженіе въ трудахъ Савиньи*, Якова Гримма** и Эйхгорна.*** Можно сказать, что она, главнымъ образомъ, касается исторіи Среднихъ вѣковъ по той причинѣ, что всѣмъ этимъ ученымъ надо было показать, до какой степени сильна связь настоящей Германіи съ отдаленнымъ ея прошлымъ, какъ вообще сложилась историческая личность Германскаго народа, а сложилась она въ Средніе вѣка.

Работа Гримма, которая важна въ данномъ случаѣ, это его Rechtsalterthümer. Тутъ онъ дѣлаетъ сравнительные очерки юридическаго быта древнихъ Германцевъ, въ которыхъ племенныя особенности подсчитываются, подводятся къ одному общему итогу, для того, чтобы выяснить общеисторическія воззрѣнія Германцевъ на право. Въ связи съ этой работой стоитъ замѣчательное собраніе памятниковъ: „Weisthümer", заключающихъ въ себѣ рѣшенія сельскихъ судовъ и сходовъ, которое давало сырой матеріалъ для исторіи народнаго права.

Еще большее имѣетъ значеніе работа Савиньи, освѣщающая юридическую жизнь Германцевъ съ нѣсколько иной стороны. Гриммъ старается выдѣлить спеціально Германскій элементъ въ образованіи права. Савиньи написалъ свою капитальную работу: „Исторія римскаго права въ Средніе вѣка", доказывая въ этой рабо-

---

*Фридрихъ-Карлъ-фонъ-Савиньи — 1779-1861, правовѣдъ, проф. Римскаго права въ Ландсгутѣ и Берлинѣ. Сочин.: Исторія Римск. права въ Средніе вѣка" и др.

** Братья Гриммы: Яковъ-Людвигъ-Карлъ 1785—1863, проф. въ Геттингенѣ и Вильг. Карлъ 1786—1859.

*** Эйхгорнъ Іоганнъ Готфридъ 1752—1827, проф. въ Геттингенѣ. „Обзоръ Франц. револ." и др. соч.

тѣ, насколько трудно изменяется строй жизни, какъ онъ мало способенъ къ измѣненію, какъ онъ представляетъ собою, именно, безсознательно ростущее теченіе въ исторической жизни; показывая на примѣрѣ, какъ послѣ паденія Римской имперіи живетъ гражданское право римское въ его осколкахъ, продолжають существовать и отдѣльныя учрежденія, напримѣръ корпораціи городовъ.

Наконецъ, работа Эйхгорна* и одна изъ мелкихъ работъ Савиньи, именно, работа по исторіи дворянства освѣщаетъ возрѣнія реакціонной школы съ другой еще стороны. И въ работѣ Эйхгорна, и въ послѣдней работѣ Савиньи стоитъ одинъ очень капитальный вопросъ о томъ, насколько можно опредѣлить основы политической жизни, сложившiяся въ историческихъ судьбахъ Германской націи. Эти политическіе взгляды Эйхгорнъ и Савиньи сводятъ къ двумъ основнымъ пунктамъ стремленій Германской націи: къ партикуляризму и аристократизму Германцевъ. Наполеоновское господство грозило уничтожить разнокалиберную, разномѣрную Германію. Оно разрозненныя политическія величины Германіи стало приводить къ одному знаменателю. Реакція противъ Наполеоновскаго господства, реакція національная въ Германіи вызвала въ обществѣ мысль, что отдѣльныя части Германіи имѣютъ законное въ силу исторіи право развивать свое самостоятельное существованіе на счетъ цѣлаго. Это мнѣніе развилось въ силу историческихъ стремленій, постепенное развитіе которыхъ можно прослѣдить вездѣ у Германскихъ обществъ. По мнѣнію Эйхгорна и Савиньи это выразилось прежде всего исторически въ роли дружины, разрознившей племя, затѣмъ въ феодализмѣ и, наконецъ, въ образованіи отдѣльныхъ княжескихъ территорій. Поэтому было бы вредно и опасно отвергать это положеніе о наклонностяхъ нѣмецкаго народа къ партикуляризму. Эта черта находится въ опредѣленномъ контрастѣ съ французскимъ развитіемъ объединенія. Что касается второй черты — аристократизма, то она опять таки отличаетъ нѣмецкую жизнь отъ романскаго нивеллирующаго развитія. Указывали на то, что въ противоположность

*Deutsche Stats und Rechtsgeschichte.

однообразному римскому строю, въ противоположность этому однообразію состава уже Германія Тацита представляетъ картину выдѣленія господствующаго слоя. Выдвигаются principes, которые представляли собою высшую касту, сравнительно съ которой масса находилась въ пассивномъ положеніи, и мало по малу пассивность эта привела къ тому, что въ Средніе вѣка аристократія приняла уже очень твердую форму, которая повліяла и на современное развитіе Германіи. Вотъ тѣ общія политическія воззрѣнія, которыя подтверждаются историческимъ анализомъ въ реакціонной школѣ.

Дальнѣйшее развитіе Германской исторіографіи приходится характеризовать болѣе или менѣе раздѣльно, такъ какъ въ жизни современной Германіи и ея исторіи и литературѣ господствуютъ нѣсколько главныхъ интересовъ; выдаются съ одной стороны вопросы политическіе и соціальные, съ другой стороны является религіозная борьба. И политическая борьба, и религіозная оставили отображеніе въ исторической литературѣ. Что касается до политической борьбы, до стремленія къ объединенію, къ которому главнымъ образомъ направлялась исторія Германіи XIX вѣка, то это стремленіе завершилось успѣхомъ семидесятаго года. Оно и въ исторіи считалось съ тѣми же главными вопросами, съ какими оно считается въ практикѣ: именно, съ вопросами о роли Большой и Малой Германіи, о роли Австріи и Пруссіи въ Германскомъ развитіи. До 66го года важное практическое значеніе имѣла задача, какую новую организацію дать Германіи, организацію, которая становится все болѣе необходимой, и вслѣдствіе чувства національнаго единства, и вслѣдствіе давленія съ запада и съ востока. А при этомъ было крайне важно рѣшить, что будетъ центромъ, Австрія или Пруссія, образуется ли обширная и слабо соединенная Германія съ чужеземнымъ элементомъ, или тѣсный кругъ чисто-германскихъ элементовъ безъ чужеземныхъ примѣсей. Образуются въ соотвѣтствіе этому двѣ школы, которыя такъ и называются: Школа Великонѣмецкая и Школа Малонѣмецкая. У одной - центръ жизни Германіи въ Австріи, у другой - въ Пруссіи.

Главные представители Велико-Нѣмецкой школы - это

историки въ родѣ, напримѣръ, Австрійца Фиккера, который въ своей работѣ: „Das Caiserreich," разбирая причины паденія имперіи, доказываетъ, что въ этомъ фактѣ не виновно то обстоятельство, что въ имперію входили славянскіе элементы Австріи, что общая имперія начала падать тогда только, когда Гогенштауфены перенесли центръ тяжести на югъ Италіи. Вотъ та капитальная ошибка, которая поставила средневѣковую Германскую имперію въ такое печальное положеніе; ошибка, которую повторилъ въ возродившейся Германской имперіи Карлъ V, преимущественно Испанскій, а не Нѣмецкій государь. Не то обстоятельство, что Германское племя захватило и подчинило себѣ постороннія племена, не это обстоятельство было для Германіи пагубно и раздробило ее, а то, что въ извѣстный моментъ имперская власть денаціонализировалась въ южно-Итальянское королевство и сдѣлалась принадлежностью скорѣе Италіи, чѣмъ Германіи.

Въ противоположность этому воззрѣнію цѣлый рядъ представителей Мало-Нѣмецкой школы указываетъ на то, что Германская имперія раздробилась на части вслѣдствіе того, что захватила слишкомъ большую территорію, вслѣдствіе того, что государство, такъ сказать, разбросалось: эта мысль проскальзываетъ уже въ работѣ Раумера*, та-же мысль выражается въ самой капитальной работѣ по средневѣковой исторіи имперіи Гизебрехта. Сочиненіе Гизебрехта „Geschichte der deutschen Caiserzeit" характеризуется слѣдующими его словами: „Нашъ народъ слишкомъ пострадалъ отъ этой разрозненности, отъ вмѣшательства сосѣднихъ державъ, пользовавшихся этой разрозненностью. Слишкомъ долго задерживался онъ въ развитіи своихъ силъ, чтобы не чувствовать жгучаго влеченія (Sehnsucht) возвратиться къ времени единой, великой, могущественной Германіи." Тутъ уже являлась идея объединенія въ ея внѣшнихъ очертаніяхъ. Но уже реакціонная школа выставила иную задачу. Реакціонная школа указала на то, что есть и внутреннія обстоятельства, вызвавшія раздробленіе Германіи,

* Фридрихъ Людвигъ Георгъ фонъ-Раумеръ, 1781–1873. Профес. въ Бреславскомъ университетѣ, съ 1811 — въ Берлинѣ.

а не только то, что Нѣмцы слишкомъ много захватили. Этотъ вопросъ о внутреннихъ причинахъ раздробленія былъ тогда поставленъ и сдѣлался капитальнымъ вопросомъ Германской исторіи. Для того, чтобы объяснить тѣсную связь между исторіей и политикой, я сошлюсь на слова одного изъ главныхъ представителей Германской исторіографіи - Рота, который въ своей книгѣ „Beneficialwesen Feodalität und Unterthanverband" говоритъ: „во всей области нашей правовой исторіи нѣтъ вопроса, который имѣлъ бы такое громадное значеніе для настоящаго, какъ вопросъ, чѣмъ объясняется ея разрушеніе королевской власти, и образованіе княжескихъ территорій, какія причины ея четырехсотлѣтней агоніи. Неужели правда, что истинное государственное устройство Германіи есть анархія?" Чѣмъ-же объясняется этотъ процессъ? Савиньи и Эйхгорнъ говорятъ, что онъ объясняется исконными Нѣмецкими свойствами. Если онъ объясняется исконно-Нѣмецкими свойствами, то противъ раздробленія нельзя бороться. Если правда, что, по выраженію Шлегеля, истинной государственной формой Германіи надо считать анархію, то нечего и думать объ объединеніи. Вайцъ (Vaitz) и Ротъ подходятъ къ коренному вопросу со стороны происхожденія средневѣковаго феодализма; именно, такого рода вопросомъ занимается работа Вайца: „Die Verfassungsgeschichte". Она имѣетъ цѣлью указать, что первоначальное Германское устройство, описанное у Тацита, не аристократическое. Это важно, потому что древняя исторія не является подготовленіемъ феодализма: Германскій феодализмъ не подготовленъ чисто Германскими элементами, феодализація является главнымъ образомъ вслѣдствіе смѣшенія двухъ элементовъ: элемента Германскаго и Романскаго. Безпорядокъ, коснувшійся цивилизаціи, объясняется тѣмъ, что столкнулись два міра. Вслѣдствіе глубокаго развитія воззрѣній и политическихъ, и нравственныхъ, они не могли соединиться безъ значительнаго безпорядка и раздробленія. Школа юридическая, главнымъ представителемъ которой является Ротъ, отвѣтила еще рѣзче на этотъ вопросъ. Ротъ доказалъ, лучше сказать, постарался доказать, что партикуляризмъ, вызвавшій слабость Германіи, ничего не имѣетъ общаго съ основными чертами Германскаго пониманія государства. Не только, то лишь что

Рота, эпоха Тацита, но и Франкское время представляютъ основы здраваго и прочнаго государственнаго порядка. Роковой оборотъ къ разрозненности Германская исторія получила только вслѣдствіе случайнаго факта: неудачной политической реформы Каролинговъ, которые попробовали замѣнить или видоизмѣнить прежній государственный строй на аристократическомъ началѣ. Другой юристъ Зомъ (Sohm, altdeutsche Rechts und Gerichtsverfassung) рѣзко и искусно развилъ главное положеніе Рота въ примѣненіи къ Меровингской эпохѣ.- Искусственность построенія прямо бросается въ глаза въ сочиненіяхъ Рота и Зома, не смотря на все остроуміе аргументаціи. Въ данномъ случаѣ сказывается не только общее вліяніе политическихъ предубѣжденій и желаній, но также одно личное свойство обоихъ писателей: оба - юристы, и потому ихъ изложеніе и способъ мышленія отличается особенной стройностью, послѣдовательностью, ясностью и, въ то же время, односторонностью и произвольнымъ обращеніемъ съ источниками. Историкъ Вайцъ не способенъ былъ, именно, вслѣдствіе исторической подготовки проводить свои идеи такъ безусловно.

Вмѣстѣ съ вопросомъ объ объединеніи важное значеніе для развитія исторіографіи имѣлъ и вопросъ о томъ, въ какой степени было благотельно вліяніе протестантизма на развитіе Германіи, каково было вліяніе католицизма и папъ въ средневѣковой жизни, вопросъ религіозный. Самой капитальной работой по этому вопросу является работа Гфререра: „Исторія Григорія VII", не смотря на свою крайнюю односторонность и католическое пристрастіе. Онъ показываетъ въ противоположность прежнимъ увлеченіямъ, какую громадную и какую важную роль сыграла средневѣковая Церковь въ развитіи, особенно соціальномъ. Въ конкурренцію съ нимъ вступаетъ уже прежде названная работа Гизебрехта (Gesch. der deutsch. Caiserzeit).

Вотъ тѣ двѣ школы, которыя стояли въ связи съ политическимъ вопросомъ - вопросомъ объ объединеніи и съ религіознымъ вопросомъ. Но выдвигается и третья школа, для которой центръ тяжести уже другой. Третья школа задается уже другимъ вопросомъ и иными интересами, она занимается преимущественно экономическими вопросами. Но эта школа не стоитъ отдѣльно отъ

направленія исторіографіи въ другихъ странахъ. Точно такъ же, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи и Англіи исторіографическія работы задаются въ послѣднее время экономическими вопросами. Поэтому я скажу объ этомъ новомъ направленіи въ концѣ, когда укажу на развитіе Французской и Англійской школъ и на главныхъ представителей ихъ.-

<u>Французская исторіографія</u>. Перехожу къ характеристикѣ Французскихъ исторіографическихъ школъ. Въ данномъ случаѣ мы точно также замѣтимъ тѣсную связь между направленіями государственной практики и направленіями исторической теоріи. Современная французская исторіографія открывается двумя работами: работою Гизо* и работою Тьерри**. Книга <u>Гизо</u> главная, которую намъ надо имѣть въ виду; это „<u>Исторія цивилизаціи во Франціи</u>" („Histoire de civilisation en France"), и затѣмъ книга <u>Тьерри</u>: „<u>Исторія завоеванія Англіи Норманнами</u>" („Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands").

Какимъ же практическимъ вопросамъ и интересамъ отвѣчаетъ книга <u>Гизо</u>? - Она составляетъ собраніе лекцій, читанныхъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Сорбоннѣ, и стоитъ совершенно подъ вліяніемъ главнаго политическаго вопроса, который тогда волновалъ французское общество,- вопроса о томъ, на сколько возможно во французскомъ государствѣ установленіе политической свободы. Въ началѣ Французской революціи смотрѣли на такого рода установленіе чрезвычайно оптимистически. Выражаясь словами одного изъ главныхъ руководителей революціоннаго движенія — Лафайета:*** „думали, что достаточно народу увидать свободу, чтобы полюбить ее, достаточно полюбить ее, чтобы осуществить". Но затѣмъ Французская революція показала, что приходится считаться при установленіи этого новаго порядка не только съ безсмысленными предразсудками и цѣлымъ рядомъ укоренившихся историческихъ привычекъ;

*Guizot, Франсуа, 1787-1874, въ 1812 профес. въ Сорбоннѣ; былъ въ 1832 г. министр. нар. просв., съ 1830 г. членъ Франц. Академіи Наукъ.

**Thierry, Огюстенъ, 1795-1856, членъ Франц. Академіи Наукъ съ 1830 года.

***Маркизъ де-Лафайетъ 1757-1834; участвовалъ въ 1777 г. въ войнѣ за независимость С.-Америк. Штатовъ, въ революціи 1789 г., былъ сторонникомъ конституціоннаго престола въ революцію 1830 года.

но приходится считаться съ политической незрѣлостью общества, и попытка осуществить политическую свободу при такой исторической подготовкѣ общества привела къ образованію самаго страшнаго въ исторіи деспотизма Наполеона I. Поэтому поколѣніе реставраціи, наученное революціей, уже менѣе оптимистически смотрѣло на дѣло установленія политической свободы и тѣмъ болѣе интересовалось историческимъ вопросомъ о томъ, какъ устанавливается политическая свобода, при какихъ условіяхъ она можетъ пустить глубокіе корни, и существуютъ ли подобныя условія во Франціи, или такихъ условій нѣтъ. Вотъ та основная политическая задача, которой опредѣляется работа Гизо. Работа эта не даетъ, конечно, прямого отвѣта на эти политическіе вопросы, но за то даетъ вполнѣ отвѣтъ косвенный. Отвѣтъ этотъ станетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе и другой курсъ, читанный Гизо, который называется „Исторія представительнаго правленія во Франціи" („Origines du gouvernement représentatif en France"). Главная мысль Гизо идетъ прямо о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя были выставлены уже въ общихъ чертахъ Монтескье, и на которыя я обратилъ ваше вниманіе выше. Главная мысль состоитъ въ томъ, что для прочности свободы необходима политическая подготовка и соединеніе свободы и порядка. Гизо имѣлъ предъ собою политическое устройство Англіи. Онъ сторонникъ умѣренной свободы, но никакъ не крайне-демократической. Онъ старается показать, до какой степени тѣсна связь между феодальной эпохой и современной Франціей; какъ было бы большимъ заблужденіемъ отрывать ихъ другъ отъ друга. Напротивъ, феодальная эпоха съ ея полу-германскими, полу-римскими учрежденіями — это будущая Франція. Точно также существуетъ связь между Англіей и Франціей. Англійскій конституціонализмъ и исторія французскаго порядка — это какъ бы родныя сестры. Указывая на эту тѣсную связь онъ въ то же время указываетъ на возможность существующими элементами произвести реформу. Такимъ образомъ онъ показываетъ возможность предоставить политическую свободу и во Франціи. Вотъ та чисто политическая тема, которая лежитъ въ основѣ историческихъ работъ Гизо. Гизо разрѣшаетъ свою задачу съ необыкновеннымъ успѣхомъ, если

принять во вниманіе тотъ фактъ, что мы имѣемъ дѣло не съ какими нибудь подробными монографіями, а съ курсами. И эти курсы, такіе старые, двадцатыхъ годовъ, до сихъ поръ не потеряли своего значенія. „Исторія цивилизаціи" лучшая книга для ознакомленія съ элементами средневѣковой жизни, на нее и до сихъ поръ приходится указывать какъ на книгу, хотя очень устарѣвшую, но очень подходящую для перваго ознакомленія съ Средними Вѣками.

Тьерри ставитъ задачи нѣсколько иначе, но точно также задачи эти находятся въ связи съ практикой. Работа Тьерри по самому своему заглавію: „Исторія завоеванія Англіи Норманнами" выходитъ за предѣлы Франціи и тѣмъ не менѣе во Французской исторіографіи она стоитъ въ прямой связи съ работами Буленвилье, Дюбо и т. д. Въ Французской исторіографіи XVIII в. вопросъ о характерѣ завоеванія играетъ, какъ вы помните, чрезвычайно важную роль. Характеромъ завоеванія опредѣляется характеръ сословнаго развитія. Пошло ли историческое развитіе отъ завоеванія и подчиненія массы, или оно пошло въ сущности отъ римскихъ формъ равенства? Вотъ этотъ вопросъ о завоеваніи и есть центральный вопросъ работы Тьерри, но онъ расширяетъ его, ставитъ его въ связь съ общимъ ходомъ исторіи. Ему важно опредѣлить общій характеръ средневѣковаго завоеванія и изъ завоеванія, какъ таковаго, выяснить характеръ тѣхъ отношеній, которыя являются въ завоеванныхъ странахъ. Этотъ характеръ онъ опредѣляетъ на англійской почвѣ, чтобы затѣмъ перенести выработанное здѣсь на почву Франціи. Выбираетъ онъ Англію, ибо завоеваніе Англіи Норманнами можетъ быть лучше выяснено, потому что этотъ фактъ былъ позднѣе; стало быть онъ, разсматривая болѣе ясный процессъ завоеванія Англіи, получаетъ освѣщеніе для болѣе труднаго случая. — Разсматривая процессъ завоеванія Англіи и Франціи, онъ приходитъ къ заключенію, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствовали одинаковыя, однородныя силы. По сущности его заключеніе является прямымъ продолженіемъ заключенія Мабли. По его мнѣнію завоеваніе играло рѣшающую роль въ исторіи Англіи и Франціи. Всю исторію Англіи и Франціи можно вывести изъ завоеванія Англіи Норманнами и Галліи Франками. При завоеваніи образуются, такъ сказать, два

политическихъ полюса. Результаты, которыми разрѣшается борьба этнографическихъ элементовъ, даютъ толчекъ историческои жизни, прогрессивному движенію. Безъ этой борьбы элементовъ, безъ этого завоеванія немыслимо достигнуть высшей культурной формы. Является уже важный взглядъ, который особенно обращаетъ вниманіе на значеніе для исторической жизни смѣшенія народностей. При этомъ установивъ разъ такого рода общую точку зрѣнія, Тьерри уже сравнительно легко нанизываетъ факты на общую нить. По его мнѣнію можно легко показать, какъ въ Англіи знаменитая борьба, приведшая къ установленію вольностей, къ Великой Хартіи, къ реформамъ Симона де-Монфора, въ сущности была не борьба противъ королей, а низшаго саксонскаго слоя противъ высшаго Норманскаго. Этнографическая противоположность даетъ основаніе для противоположности классовъ, для противоположности аристократіи и народа, и эта же противоположность даетъ основаніе для политическаго развитія, для развитія прославленной политической формы Англійскаго народа. Совершенно тоже самое наблюденіе относительно политической борьбы двухъ классовъ онъ переноситъ и на Французскую почву. Но тамъ низшій классъ галло-римскій, который поэтому въ самомъ своемъ подъемѣ проводитъ галло-римскія черты: централизацію, сильную центральную власть. „Высшіе и низшіе классы", говоритъ Тьерри: „которые въ настоящее время съ недовѣріемъ другъ на друга смотрятъ, или ведутъ борьбу за идеи и политическія формы, эти классы во многихъ странахъ просто потомки прежнихъ побѣдителей и побѣжденныхъ". Такимъ образомъ развитіе Европейскихъ народовъ ставится въ связь съ завоеваніемъ. Вотъ два исходныхъ сочиненія французской исторіографіи: одно даетъ толчекъ для развитія собственно вопроса о политической жизни, другое даетъ тонъ для развитія ученія о сословныхъ формахъ французской исторіи. Дальнѣйшее движеніе французской исторіи показываетъ, что и та, и другая традиціи не затериваются. Во-первыхъ, самъ Тьерри разсматриваетъ свои мнѣнія еще въ прямой связи съ вопросомъ о французской свободѣ и національности въ сочиненіяхъ, которыя были написаны нѣсколько позже подъ вліяніемъ образовавшейся послѣ революціи 30-го года монархіи. Іюль-

ская монархія, повидимому, удовлетворила наконецъ желаніе Франціи имѣть представительный строй учрежденій. Это была монархія буржуазіи, класса средняго, третьяго; еще не четвертаго или низшаго. И Тьерри въ своихъ работахъ: „Considerations sur l'histoire de France" и главное въ „Essais sur l'histoire du tiers états" 1853 г., старается опредѣлить основные политическіе элементы Франціи, имѣя въ виду историческій порядокъ. Онъ подготовлялъ свои работы во время господства Людовика Филиппа и при этомъ пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ: масса французскаго народа имѣетъ галло-римскій характеръ и потому Франція стремится къ централизаціи; не смотря на вторженіе Германцевъ, централизація идетъ настолько успѣшно, что все болѣе и болѣе устанавливается единство территоріи и націи. Такимъ образомъ въ контрастъ съ ученіемъ о децентрализаціи Германистовъ выдвигается ученіе о централизаціи Романистовъ. Но не только это является наслѣдіемъ и завѣтомъ исторіи во Франціи: въ теченіе 14^{ти} вѣковъ образовалась монархическая власть, которая была главнымъ двигателемъ французской исторіи и развитіе которой клонилось къ упадку аристократіи. Она послѣ извѣстной борьбы признала, наконецъ, право народа на самодѣятельность. Монархія точно также, стало быть, является заложенной въ исторіи Франціи, по мнѣнію Тьерри. Римскую традицію французская масса - народъ унаслѣдовала по крови, нраву, языку и идеямъ. Это писалось уже послѣ революціи 48го года; нечего и говорить о важности такого историческаго взгляда: предлагалось возвратиться опять къ роялизму умѣренной буржуазіи. Нечего и говорить о томъ, до какой степени такое историческое оправданіе было на руку буржуазіи. Это признаніе не уничтожалось даже по мѣрѣ того, какъ было опровергаемо второе мнѣніе Тьерри, не смотря на то, что самый знаменитый французскій историкъ Токквиль* прямо указалъ на мертвящую пагубность централизаціи въ жизни демоса - народнаго класса. Не смотря на то, что этотъ протестъ противъ централизаціи былъ высказанъ такъ открыто, во Франціи и въ практической политикѣ установилась централиза-

*Токквиль Алексисъ (1805-1859), французскій публицистъ и государств. дѣятель; въ 1849 г. министръ иностранныхъ дѣлъ.

ція. Даже такіе практическіе умы, какъ Гамбетта, - высказались за централизацію, но Тьерри сдѣлалъ самое главное для историческаго обоснованія этого взгляда.

Революція 48-го года произвела движеніе, направленное столько же противъ монархіи, сколько противъ средняго класса, это было движеніе низшаго класса въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Оно вызвало свою особую исторіографію, оно также имѣло своего представителя среди историковъ. Этотъ политическій представитель - Мишле.* Для нашей цѣли важно его сочиненіе, озаглавленное „Исторія Франціи" (Histoire de France), работа, которая, въ сущности, содержитъ исторію средне-вѣковой Франціи. Эта работа имѣетъ для насъ важное значеніе потому, что въ этой работѣ онъ всего болѣе живъ во всѣхъ своихъ достаткахъ и недостаткахъ. У него есть цѣлый рядъ продолженій этой средневѣковой исторіи Франціи, но они представляютъ всетаки меньшій интересъ: самый капитальный вкладъ его въ науку это - „Histoire de France". Мишле - человѣкъ, который всею душою художникъ, принадлежитъ къ низшему классу. Въ исторіи средневѣковой Франціи онъ ищетъ культурнаго вліянія народной массы. Конечно, ему приходится при этомъ обращаться менѣе къ политической области, къ которой низшіе классы не могли имѣть доступа въ Средніе вѣка, нежели къ общей исторіи воззрѣній и нравовъ, къ исторіи культурной, употребляя этотъ терминъ въ его тѣсномъ смыслѣ, въ противоположность исторіи соціально-политической. Она занимается развитіемъ нравовъ, умственныхъ направленій; она противополагается исторіи народа, какъ совокупности политическихъ тѣлъ, сословій, учрежденій. Итакъ задачу Мишле составляетъ культурная исторія, и задача съ этой стороны выполнена блестящимъ образомъ. Конечно, тотъ, кто будетъ искать въ исторіи Мишле отвѣта на вопросъ, какой характеръ имѣли генеральные штаты и т. п., пожалуй не найдетъ достаточнаго отвѣта, но исторія французскаго народа въ различные вѣка средневѣковаго строя, исторія постоянныхъ привычекъ, отношенія нравовъ французскаго народа къ его быту, ни въ одной книгѣ не изображена такъ хорошо, не изображена съ такою поэтическою силой.

---

*Michelet, Жюль, 1798-1874, съ 1838-1851 профессоръ въ Collège de France.

Онъ въ данномъ случаѣ является типомъ историка художника болѣе, чѣмъ ученаго. И несомнѣнно, что въ той области исторіи, въ которой онъ занимался, этотъ художественный синтезъ имѣетъ наиболѣе мѣста и можетъ охватить то, что недоступно ученому анализу. Предъ нами является представитель политической жизни четвертаго сословія, того сословія, которое зародилось, такъ сказать, сознательно въ 48мъ году, и, отмежевавшись отъ третьяго, продолжало жить своею сильною соціальною жизнью, не смотря на то, что вторая имперія наложила на нее нѣкоторыя ограниченія. Вторая имперія старалась въ свою пользу эксплуатировать антагонизмъ между третьимъ и четвертымъ сословіями. Формально этотъ антагонизмъ выражался въ томъ, что де условія успѣшнаго развитія государства для низшаго городского и крестьянскаго заключаются въ развитіи матеріальныхъ интересовъ, что для четвертаго сословія даже и лучше, если политическую опеку надъ нимъ возьметъ монархія демократическая, монархія на томъ началѣ, на которомъ стояло государство Римлянъ, которая отнявъ оружіе высшихъ классовъ въ политикѣ дастъ мѣсто матеріальнымъ интересамъ четвертаго сословія. Но какъ разъ Мишле, какъ представитель четвертаго сословія, былъ далекъ отъ подобнаго воззрѣнія. Онъ называетъ ограниченіе сферы дѣятельности народа одною жизнью матеріальныхъ интересовъ убійствомъ народа.

Полнаго выраженія взглядъ Тьерри достигъ въ работахъ Веньямена Герарда и Фюстель де Куланжа. Герардъ это писатель сороковыхъ годовъ, который посвятилъ себя эрудиціи, занимался исторіей средневѣковыхъ классовъ во всѣхъ подробностяхъ и оказалъ громадныя услуги собираніемъ матеріаловъ для этой исторіи. Онъ издавалъ писцовыя книги, но онъ предпосылалъ имъ обширныя предисловія. Его prolegomenon къ работѣ аббата Ирминона (Benjamin Guérard, Prolégomènes au Politique de l'abbé Irminon. 1845) представляетъ необыкновенно точный анализъ хозяйственной и юридической жизни французскаго общества въ средневѣковую эпоху. Что сдѣлано имъ въ этомъ предисловіи для VIII вѣка, то же сдѣлано и для X и XI вѣковъ въ изданіи актовъ Notre Dame de Paris и др. Всѣ работы необыкновенно точныя; но любопытно, до

какой степени главная мысль автора является продолженіемъ взгляда Тьерри о преобладаніи римскаго элемента надъ германскимъ. „Напрасно, говоритъ Герардъ, „поэтическое увлеченіе и духъ систематизаціи стараются возвеличить Германцевъ, облагородить ихъ характеръ, представить, что они будто бы своимъ смѣшеніемъ съ Римлянами обновили общественный бытъ... Вторженіе Франковъ въ Римское общество произвело очень мало хорошаго и громадную долю зла. Цивилизація, мало по малу, стала подниматься только по мѣрѣ очищенія жизни отъ германскихъ элементовъ, и теперь во всемъ нашемъ быту Германія можетъ считать своимъ наслѣдіемъ развѣ-дуэль." Вотъ объясненіе Французской исторіи о движеніи отъ того безпорядка, который произошелъ вслѣдствіе насильственнаго вторженія Германцевъ, къ постепенному освобожденію и къ постепенной романизаціи Франціи. Свою задачу отысканія слѣдовъ романизаціи Герардъ разрѣшаетъ вполнѣ удачно, потому что онъ занимается исторіей того общества, которое менѣе всего подверглось германизаціи. Германизація сказалась на высшихъ слояхъ, низшіе же слои оставались все еще подъ вліяніемъ романизаціи, не смотря на германизацію высшихъ. Это во всякомъ случаѣ облегчило задачу Герарда.

Изъ живыхъ историковъ Франціи Фюстель де Куланжъ безусловно самый блестящій. Его двѣ работы, кромѣ „La cité antique", касающіеся древняго міра, относятся къ исторіи средневѣковой Франціи: „Исторія политическихъ учрежденій древней Франціи" и „Изслѣдованія... (Fustel de Coulange: Histoire des institutions politiques de l'ancienne France или просто: „Institutions de la France" и „Recherches sur quelques problèmes d'histoire"). Работа Куланжа поражаетъ оригинальностью и остроуміемъ. Дѣло освѣщается съ другой точки зрѣнія, чѣмъ та, чрезъ которую освѣщается работа Гизо, и нѣсколько одностороннее; тонъ ея — тонъ романиста, т.е. поклонника римской традиціи. Его попытка доказать силу римской традиціи, выставить благодѣянія римскаго господства, особенно централизаціи, отсутствіе потребности свободы, которая не исключаетъ нѣкоторой провинціальной независимости — неудачна. Тѣмъ не менѣе попытка, неудачная по общему выводу,

производится съ необыкновеннымъ ученымъ остроуміемъ, при значительной произвольности въ построеніи исторіи. То, что онъ дѣлаетъ въ общемъ въ „Исторіи учрежденій", онъ провѣряетъ въ „Recherches". И та, и другая книга остаются замѣчательными въ современной исторіографіи.

<u>Англійская исторіографія</u> (XVIII и XIX вѣковъ). Перехожу къ характеристикѣ англійской исторіографіи. Въ Англіи развитіе исторіографіи Среднихъ вѣковъ началось гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, по той причинѣ, что въ Англіи средневѣковая исторія имѣла политическое значеніе. Въ Англіи развитіе политическихъ учрежденій объясняется подъ условіемъ постепеннаго, такъ сказать, расширенія прецедентовъ. Въ Англіи свободу не выдумывали и не вводили заразъ, а постоянно расширяли болѣе или менѣе искусственно тѣ рамки, которыя были даны изначала въ самомъ феодальномъ строѣ. Феодальный строй представляетъ политическіе задатки самостоятельности, но самостоятельность эта предназначалась только для очень небольшаго числа лицъ, для очень тѣснаго кружка, и задача состояла въ томъ, чтобы распространить эту самостоятельность въ обществѣ, сдѣлать для общества изъ привилегіи право, изъ вольности — свободу. Это и дѣлалось съ формальной стороны тѣмъ, что новые классы постепенно выдвигаются въ исторію Англіи, ссылаясь въ подтвержденіе своихъ требованій на предшествующую, средневѣковую исторію классовъ высшихъ; исторія является такимъ образомъ арсеналомъ для прецедентовъ. И дѣйствительно, уже, напримѣръ, во время первой революціи <u>Сельденъ</u> свою громадную ученость употребилъ на то, чтобы показать, до какой степени средневѣковый англійскій строй представляетъ оправданіе для политическихъ требованій <u>XVII</u> вѣка.

Въ <u>XVIII</u> вѣкѣ подобныя попытки являются уже въ систематической формѣ, и при этомъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ работы, которыя характеризуютъ двѣ главныя точки зрѣнія, существующія въ Англійской школѣ исторіографіи — это работы Блакстона и Юма.* Работа <u>Блакстона</u> прямо юри-

---

* Hume, Давидъ, 1711–1776, съ 1767–69 — помощникъ статсъ-секретаря. Соч.: „Исторія Англіи" и др. „Юмъ родился глубокимъ мыслителемъ и остроум-

дическая, она называется: „Комментарии на английские законы". Въ этихъ комментаріяхъ онъ представляетъ сводъ положеній английскаго права, но именно, потому что английское право не было вполнѣ кодифицировано, а было правомъ историческимъ, правомъ рѣшеній, обычаевъ и статутовъ, Блакстонъ всѣ отдѣлы своего изложенія начинаетъ съ историческихъ очерковъ. Поэтому сочиненіе Блакстона имѣетъ не только юридическое, но и историческое значеніе. Эти историческіе очерки съ нашей теперешней точки зрѣнія совершенно неудачны: масса анахронизмовъ, никакого безпристрастнаго методическаго изученія источниковъ, ему они были нужны только какъ юридическій прецедентъ. Но всетаки общее воззрѣніе Блакстона характерно для одной большой партіи и повліяло на развитіе исторіографіи XIX вѣка. Блакстонъ либералъ и очень умѣренный. Онъ обращаетъ вниманіе на ограниченіе королевской власти и на развитіе народнаго вліянія на почвѣ гражданскихъ правъ. При этомъ народная власть понимается, какъ вліяніе образованныхъ и имущественныхъ классовъ; для собственно массы народа въ то время не было средствъ проявленія самостоятельности и въ политическую исторію ее не могли еще ввести.

Что касается до Юма, то его работа чисто историческая: Исторія Англіи (History of England). Онъ тори и крайній тори; въ его сочиненіи поражаетъ его монархизмъ и его антиклерикальное настроеніе. Въ этомъ отношеніи онъ сынъ антиклерикальнаго вѣка. Въ исторіи Церкви Английской онъ видитъ извращающее условіе для жизни английскаго народа. Наоборотъ, онъ старается выяснить громадное историческое значеніе монархіи для Англіи и уменьшаетъ значеніе вольностей.

Обращаюсь теперь къ работамъ XIX вѣка, къ двумъ капитальнымъ работамъ по исторіи английскихъ учрежденій — это работы Галлама* и Стеббса. Работа Галлама начата около 1818 года и окончена въ 1820 году, подъ заглавіемъ „Middle ages". Она представляетъ, такъ сказать, съ английской стороны освѣщеніе того-же тезиса, который Гизо старался выяснить въ французской исторіи. Вы помните, что политическая попытка Гизо соединить порядокъ и свободу оправдывается примѣромъ Англіи. Точно также Галламъ сталъ

нымъ„ скептическимъ критикомъ." Ши. V. 693-4.

*Hallam, Генри, 1777-1859, соч.: Middle ages, Constitutional History of England и др.

рается выяснить эти идеи и дѣлаетъ это, главнымъ образомъ на анализѣ Англiйской исторiи. Галламъ старается свести въ одно теченiе различные средневѣковые порядки. Съ той точки зрѣнiя, съ которой освѣщается исторiя Англiи, освѣщается и исторiя Германiи, Испанiи, Италiи и Францiи. Его тезисъ является однимъ изъ главныхъ тезисовъ современной науки, именно, тезисъ объ однородности первоначальнаго средневѣковаго развитiя. Вслѣдствiе такого исходнаго пункта является полная возможность подмѣтить вступленiе тѣхъ элементовъ, которые сдѣлали исторiю народовъ различною. Если искать основы, такъ сказать, для исхода, избирать исходную точку въ сужденiи о теперешнихъ разнообразныхъ отношенiяхъ и подбирать для этихъ существующихъ различiй опредѣляющiя причины, то слишкомъ трудно будетъ распредѣлить второстепенныя и главныя, слишкомъ трудно будетъ всѣ эти историческiе варiанты, существующiе въ Западной Европѣ, свести на немногiе корни. Гораздо болѣе легкою становится задача въ методическомъ отношенiи, если взять путь обратный, если взять, такъ сказать, антикварно въ западно-европейской исторiи тотъ моментъ, когда строй всѣхъ странъ Западной Европы былъ приблизительно одинаковъ, и затѣмъ отмѣчать въ исторiи вступленiе новыхъ и новыхъ элементовъ, которые уже въ своемъ развитiи и перемѣнахъ и создаютъ все разнообразiе формъ современной жизни. Такимъ образомъ исходнымъ моментомъ становится раннiй средневѣковый порядокъ. Этотъ прiемъ придаетъ необыкновенный интересъ и въ настоящее время всѣмъ изслѣдованiямъ о средневѣковой исторiи. Выходитъ, что средневѣковая исторiя, съ этой точки зрѣнiя, есть исторiя сложенiя, образованiя современныхъ государствъ. - Эта точка зрѣнiя всего ранѣе опредѣляется, именно, въ работѣ Галлама, но въ частности эта работа заставляетъ желать еще многаго, и работа, которая, собственно, по своему внутреннему достоинству представляетъ болѣе интереса - это работа Стеббса (Constitutional history). Его сочиненiе стоитъ на высотѣ современной науки. Это лучшее изъ сочиненiй, которыя посвящены собственно развитiю конституцiонныхъ учрежденiй Англiи. Посмотримъ, въ чемъ заключается основная точка зрѣнiя этой работы Стеббса, и чѣмъ опредѣляется эта точка зрѣнiя. Если остановиться на главныхъ

чертахъ работы Стеббса, то выяснится одно общее положеніе, которое даетъ, такъ сказать, свои развѣтвленія. Это общее положеніе можно формулировать такимъ образомъ: ростъ Англійскаго парламента и политической свободы, который въ исторіи Англіи обращаетъ на себя главное вниманіе, объясняется прежде всего образованіемъ самостоятельности въ областяхъ, а затѣмъ сплоченіемъ элементовъ, которые сначала играли только мѣстную роль. Въ этомъ отношеніи исторія Англіи является восхожденіемъ отъ низшихъ формъ самостоятельности сельскихъ и городскихъ общинъ къ національному соединенію и самодѣятельности. Вотъ основная мысль, которая проводится Стеббсомъ.

Для того, чтобы уяснить положительное значеніе этой основной мысли, надо обратить вниманіе на двѣ другихъ работы, предшествовавшія работѣ Стеббса, на работу Токвиля и на книгу Гнейста.* Точка зрѣнія, которая у Стеббса является въ исторической формѣ, является въ формѣ политической теоріи у Токвиля въ его сочиненіяхъ: „Демократія въ Америкѣ" и „Старый порядокъ". Токвиль въ своей дѣятельности представляетъ любопытный типъ аристократа, который силою вещей попалъ въ струю демократическаго развитія и чувствуетъ всю ея силу, чувствуетъ, что этому развитію принадлежитъ будущее. Противъ нея нечего бороться съ точки зрѣнія простой реакціи, простаго возстановленія аристократическихъ формъ. Но въ то же самое время, не смотря на то, что онъ подчиняется демократіи, онъ очень сильно чувствуетъ ея недостатки и ея опасности. Именно его аристократизмъ натуры и воспитанія открываетъ ему глаза на опасное стремленіе демократіи къ политической безправности. При сравнительномъ удовлетвореніи массы въ матеріальномъ отношеніи уничтожаются тѣ тѣсные кружки, которые изъ политической дѣятельности дѣлали свое личное дѣло и которые поэтому всегда особенно живо и сильно стояли за политическую свободу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ исторіи Европы и особенно Англіи эти кружки играли важную роль. Въ Англіи аристократическіе кружки сыграли рѣшительную роль,

*Гнейстъ Рудольфъ, род. въ 1816 г., съ 1844 г. былъ профес. Берлинскаго университета. Соч.: „Исторія самоуправленія въ Англіи" и др.

потому что, отстаивая свои права, они отстаивали права парламента. Между тѣмъ демократическая масса пригнетена матеріальнымъ положеніемъ, и для нея является чрезвычайно труднымъ возвыситься до пониманія политическихъ задачъ и до политическаго самоотверженія. Но есть одно условіе, которое можетъ облегчить дѣло демократіи. Въ исторіи Англіи и въ исторіи Америки политическая жизнь была чрезвычайно расчленена въ областномъ отношеніи, всякая мѣстность была свободна, и поэтому получалась градація политическихъ привиллегій и строй, восходившій отъ приходскихъ и сельскихъ интересовъ, близкихъ каждому, къ самымъ сложнымъ формамъ національныхъ учрежденій. Образуется цѣлый рядъ звеньевъ, которыя какъ разъ во Франціи отсутствуютъ, гдѣ съ одной стороны мы имѣемъ дѣло съ полнымъ безправіемъ массы, съ другой съ полной государственной централизаціей. Такимъ образомъ указывается на мѣстное самоуправленіе, какъ на необходимое основаніе для управленія свободой въ центрѣ.

Та же мысль, которая выражается у Токвиля такимъ образомъ, проводится въ цѣломъ рядѣ сочиненій Гнейста: „Исторія самоуправленія въ Англіи", „Исторія англійскихъ учрежденій" и т. д. Въ этихъ сочиненіяхъ мысль Токвиля взята очень односторонне. Гнейстъ старается, главнымъ образомъ, свести и въ мѣстности все значеніе на роль помѣщиковъ. Приниженіе демократическаго элемента не только въ городской, но и въ сельской жизни Англіи, составляетъ коренную ошибку Гнейста. Есть и другая сторона дѣла, которая также разбиралась характерно и какъ разъ противоположно Франціи. Во Франціи, какъ мы видѣли, теченіе исторіографіи опредѣляется работами Гизо и Тьерри; работа Тьерри имѣетъ параллель въ Англійской исторіографіи — это сочиненіе Фримана. Сочиненіе Фримана прямо посвящено Норманнскому завоеванію. Оно, имѣя въ виду прямо работу Тьерри, старается оспорить ея капитальный выводъ съ точки зрѣнія, такъ сказать, германистической. Тьерри доказывалъ, дорожа этимъ доказательствомъ для Французской исторіи, что Англійская исторія пошла изъ коренной вражды высшаго класса Норманновъ и низшаго — саксонскаго, изъ долгой борьбы, которая была сначала чисто этнографической, потомъ стала сословной и, наконецъ, приняла видъ чисто полити-

ческой. Фриманъ отвергаетъ это; онъ говоритъ, что появленіе Норманновъ не оказало кореннаго вліянія на развитіе Англіи по той причинѣ, что Норманскіе завоеватели ввели въ жизнь Англіи только очень поверхностный элементъ. Въ жизни Англіи это вліяніе не отразилось ни на учрежденіяхъ, ни на классахъ. Исторія Англіи никакъ не зависитъ отъ равномѣрнаго смѣшенія Германцевъ-Саксовъ и Французовъ-Норманновъ; нѣтъ, она является чисто Германской, въ духѣ порядка, описаннаго еще Тацитомъ, даже болѣе Германской, нежели въ самой Германіи. Въ жизни Англійскаго народа Фриманъ считаетъ возможнымъ лучше прослѣдить основныя начала Германской націи, которая въ Германіи подверглась сильнѣйшей феодализаціи, т.е. подпала вліянію высшихъ классовъ. Въ жизни Англійскаго народа, напримѣръ, сельскія общины удержали свою самостоятельность, а изъ этой самостоятельности пошли всѣ остальныя вольности.

И нельзя сказать, чтобы тезисы Фримана являлись какимъ-нибудь личнымъ увлеченіемъ, уже потому что работа его о Норманскомъ завоеваніи въ значительной степени подготовлена другой крупной работой Френсиса Пельгрева (Исторія Англійскаго государства; Нормандія и Англія).

Новое направленіе исторіографіи.

Въ противоположность рѣзкому различію національныхъ школъ, дальнѣйшую исторіографію приходится уже характеризовать независимо отъ національнаго теченія, потому что тѣ вопросы, которые давали поводъ такъ рѣзко враждовать въ литературѣ исторіи, вопросы о завоеваніи, о противоположности Норманновъ и Германцевъ, о характерѣ политической свободы, всѣ эти вопросы отодвигаются на задній планъ, а выдвигаются такіе вопросы, предъ которыми національная борьба имѣетъ второстепенное значеніе, — вопросы хозяйственнаго строя. Конечно, было чрезвычайно важно то обстоятельство, что въ ряду вопросовъ дня въ Европейской политикѣ все болѣе и болѣе стали выдвигаться вмѣсто интересовъ чисто политическихъ интересы соціальные, вопросы объ отношеніи капитала къ труду, объ отношеніи различныхъ формъ промышленности между собою, объ аграрной организаціи. Въ связи

съ этимъ рядомъ явленій. Европейская исторіографія начинаетъ принимать новый характеръ съ конца сороковыхъ годовъ.

Самая первая крупная работа, которая дѣлается въ этомъ направленіи — это работа Маурера*. Его работы распадаются на цѣлый рядъ отдѣльныхъ сочиненій: Einleitung, Geschichte der Fronhöfe, der Markenverfassung, der Dorf-der Stadtverfassung; Markenverfassung — исторія марки, какъ хозяйственно-политической единицы, Fronhöfe — помѣстья, Dorfverfassung — какъ исторія села и Stadtverfassung — какъ городскаго устройства. Эти громадныя, неуклюжія работы Маурера составили значительный вкладъ въ науку и дали дѣйствительно направляющій толчекъ исторіографіи. Главная мысль Маурера состоитъ въ томъ, что для пониманія всѣхъ отношеній, и средневѣковыхъ, и современныхъ необходимо выяснить себѣ первоначальную ячейку. А эта первоначальная ячейка есть самоуправляющаяся сельская община, которую онъ называетъ маркой; области ея вѣдѣнія принадлежатъ распредѣленіе владѣній деревни, веденіе извѣстныхъ хозяйствъ, пользованіе угодьями, рядъ вопросовъ, рѣшаемыхъ сельскимъ сходомъ. Изъ этой первоначальной ячейки происходятъ различныя комбинаціи: вслѣдствіе захвата чиновниковъ и вліянія римскихъ порядковъ ~~происходитъ помѣстье, т.е. на селѣ появляезя~~ барская усадьба, баринъ приводитъ село къ себѣ въ извѣстное постоянное подчиненіе. Но не смотря на то, что надъ сельской организаціей является новая форма, самая сущность этой организаціи этимъ обстоятельствомъ не измѣняется, только вмѣсто полной самостоятельности является внутренняя самостоятельность, при извѣстномъ внѣшнемъ подчиненіи. Другая возможность была, если положеніе общины было выгодное: вблизи отъ судоходной рѣки, у дороги, если удавалось укрѣпиться противъ сеньора; въ такомъ случаѣ его можно было вытѣснить. И тѣ политическія формы, на которыя давно обращали вниманіе американскіе и англійскіе писатели, эти формы въ сущности являются развитіемъ все той-же сельской общины, завершающейся въ сельскомъ сходѣ.

---

*Георгъ Людвигъ 1790-1872, нѣмецкій юристъ и государств. человѣкъ, съ 1826 г. — профес. въ Мюнхенѣ, 1847 года — министръ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи.

Ту же мысль, съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, сельской техники, т.е. приложенія къ вопросу о сѣвооборотѣ, смѣнѣ полевыхъ системъ и т.д. развивается Гансеномъ въ его этюдахъ объ аграрной организаціи.

Но рядомъ съ этою теоріею, которая нашла себѣ популярное изложеніе у Мэна „Ancient law" (Maine), является съ особенною силою въ послѣднее время другая. Мауреръ предполагалъ, что усадьба, устроившаяся надъ сельской общиной, есть только нѣчто внѣшнее, къ ней примыкающее. Въ настоящее время и въ Германіи Инама-Штернеггъ (Deutsche Wirthschaftsgeschichte), и въ Англіи Сибомъ, и во Франціи Фюстель-де-Куланжъ выставляютъ на видъ, главнымъ образомъ, вліяніе помѣщичьихъ усадебъ на сельскую общину, развитіе которой является результатомъ приложенія помѣщичьихъ порядковъ къ сельской жизни. Нечего и говорить, насколько такая точка зрѣнія исключаетъ первую теорію.

Возвышеніе интереса къ соціальной исторіи объясняется еще отчасти вліяніемъ научной разработки, общимъ движеніемъ исторической современной литературы въ такомъ направленіи, которое позволило бы возможно усилить, такъ сказать, элементъ точности въ исторической наукѣ и подготовить почву для вывода общихъ положеній относительно развитія общества; стремленіемъ приблизить по возможности историческую науку къ наукамъ естественнымъ по характеру пріемовъ, къ политической экономіи и наукѣ права по точности выводовъ. Это стремленіе выразилось не только общими положеніями и теоріями въ родѣ тѣхъ, которыя высказывались Боклемъ* и Контомъ**, но выразилось и въ практическомъ вліяніи на самый выборъ вопросовъ и способъ ихъ разъясненія.

При этомъ, естественно, было обращено вниманіе на одно чрезвычайно важное обстоятельство для подготовки общихъ положеній относительно развитія человѣческаго общества, напримѣръ, тѣхъ положеній, которыя существуютъ въ естественныхъ наукахъ.

*Генри Бокль, 1822-1862. Историкъ, сочин.: „Исторія цивилизаціи Англіи".
**Огюстъ Контъ, 1798-1857, основатель позитивной философіи, съ 1832-1851 - профессоръ политехнической школы въ Парижѣ. Соч.: „Курсъ позитивной философіи" и др.

Прежде всего является необходимымъ ввести историческое сравненіе, какъ единственно возможное предварительное средство для всякой классификаціи и наведенія. Сначала была сдѣлана попытка примѣнить этотъ пріемъ, главнымъ образомъ, къ изученію религіозныхъ вѣрованій и эпическихъ сказаній, но затѣмъ попытка эта была распространена и на область, которая представляетъ необыкновенное множество данныхъ для примѣненія сравнительнаго пріема, именно, на область соціальную. Факты соціальной жизни въ исторіи представляютъ несравненно болѣе однообразія и поэтому въ гораздо большей степени подчинены научному изслѣдованію, нежели факты жизни политической и жизни культурной. Факты соціальной жизни прежде всего считаются съ народнымъ развитіемъ на раннихъ ступеняхъ, и гораздо легче услѣдить здѣсь, какъ входъ того или другаго элемента въ народное развитіе вноситъ въ него тотъ или другой варіантъ. Естественно, поэтому, что, отыскавъ новую почву, новый научный способъ изслѣдованія, исторія прежде всего стала обращаться, именно, къ разсматрѣнію въ хозяйственной жизни смѣны различныхъ хозяйственныхъ системъ, вліянія различныхъ хозяйственныхъ факторовъ и затѣмъ тѣхъ сторонъ сословной организаціи, организаціи классовъ и состояній, которыя тѣсно примыкаютъ къ исторіи хозяйства и которыя находятся въ связи съ хозяйствомъ. Въ этомъ отношеніи интересъ соціальной исторіи объясняется не только соображеніями, взятыми изъ практической политики, но и соображеніями, взятыми изъ положенія общенаучныхъ вопросовъ, изъ положенія науки въ данный моментъ. Нечего и говорить, что это нисколько не предрѣшаетъ того направленія, которое въ извѣстномъ случаѣ должна принять историческая школа при изъясненіи соціально-историческихъ элементовъ въ политическихъ вопросахъ. Сколько же явилось защитниковъ, напримѣръ, общинныхъ порядковъ, сколько защитниковъ совершенно противоположныхъ взглядовъ, защитниковъ крупныхъ владѣній? Хотя вопросъ разрѣшается и направо, и налѣво, но интересъ къ вопросу, возбужденіе вопроса объясняется въ наше время этими двумя причинами: жгучимъ характеромъ соціальной борьбы за послѣднее время и важнымъ значеніемъ со-

ціально-историческихъ проблемъ съ научно-теоретической точки зрѣнія.

Въ заключеніе обращу ваше вниманіе на послѣдовательное развитіе исторіографическихъ школъ, для того, чтобы устранить тотъ упрекъ или возраженіе, которое можно сдѣлать, если обратить исключительное вниманіе на вліяніе со стороны въ области историческаго изученія. Мы видѣли, что смѣна историческихъ школъ въ значительной степени опредѣляется интересами и пристрастіями какъ прежде, такъ и въ настоящее время. Слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что историческія школы, установивши извѣстные исходные пункты на основаніи практической политики, перестраиваютъ сообразно своему пристрастію весь историческій матеріалъ? Если бы это было такъ, то объ исторіи можно было бы говорить только какъ о запасѣ случайныхъ аргументовъ для случайно смѣняющихся политическихъ партій. Не стоило бы ею заниматься въ такомъ случаѣ. Но дѣло въ томъ, что при самомъ даже бѣгломъ обзорѣ исторіографическихъ школъ можно въ такой же степени замѣтить поступательные элементы исторической науки, какъ и эти смѣны точекъ зрѣнія. Точки зрѣнія, дѣйствительно смѣняются и вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросы разрѣшаются очень различные, иногда совершенно противоположные. Но всегда послѣ перемѣны точекъ зрѣнія, послѣ этихъ перестановокъ остается нѣсколько важныхъ капитальныхъ результатовъ, съ которыми и послѣдующимъ школамъ приходится считаться.

Результаты дѣятельности исторіографическихъ школъ.

Укажу на нѣсколько такихъ капитальныхъ результатовъ. Оставляя въ сторонѣ школы XVIII вѣка, какъ школы подготовительныя, не опиравшіяся на настоящую критическую обработку источниковъ, остановлюсь на историческихъ школахъ XIX вѣка. Первой стоитъ въ числѣ ихъ школа реакціонная, выставившая рядъ положеній относительно особенностей историческаго развитія и особенностей племеннаго характера. Все-ли уничтожено изъ того, что она доказывала? — Конечно, нѣтъ. Прежде всего она ввела въ историческое пониманіе идею исторической традиціи въ объясненіи произрастанія общества съ такою силою, что въ сущности, именно, съ появленія этой школы можно считать совершенно новымъ отношеніе ко всѣмъ историческимъ проблемамъ. До Французской революціи и до появленія реакціонной школы не признавалось значеніе безсознатель-

наго традиціоннаго элемента въ исторіи, не признавали совершенно той опредѣленной роли, которую онъ получилъ вслѣдствіе историческихъ работъ этой школы. Она значеніе этого элемента преувеличивала, но хотя она его преувеличивала, она его всетаки и выдвинула. И послѣдующія школы, раздѣлавшись съ преувеличеніемъ, оставили въ полной силѣ основныя убѣжденія. Теперь уже никто не думаетъ при историческихъ построеніяхъ о возможности измѣненія сознательнаго въ теченіи одного поколѣнія, которое совершенно покончило бы съ предыдущими элементами, разорвало бы съ предшествующимъ бытомъ. Никто не думаетъ о томъ, что различныя племена и народы представляютъ нѣчто однообразное, нѣчто такое, въ чемъ сказывались бы только общечеловѣческія свойства. Рядомъ съ этими общечеловѣческими свойствами признается вліяніе и значительной массы специальныхъ условій, составляющихъ такой же инстинктивный капиталъ для народной личности, какими являются свойства физическія, свойства нравственныя для отдѣльнаго человѣка. Съ этимъ безсознательнымъ капиталомъ, создавшимся въ теченіи долгихъ поколѣній, всякимъ заключеніямъ приходится считаться. Такимъ образомъ и традиціонное вліяніе, идущее иногда совершенно наперерѣзъ съ стремленіями, признается въ одинаковой степени положительнымъ фактомъ. Хотя никто теперь не станетъ говорить о невозможности реформы, о полной неприменимости революціи, какъ говорила школа реакціонная, но никто не станетъ говорить, что подобной реформой и внезапной революціей возможно сразу передѣлать старый строй. Затѣмъ никто не станетъ серьезно утверждать въ наукѣ, что извѣстное племя имѣетъ какія-нибудь специальныя привилегіи, напримѣръ, что только германское племя способно къ свободѣ, какъ говорила прежде реакціонная школа. Но съ другой стороны пріисканіе нравственныхъ чертъ, характерныхъ для извѣстнаго народа или племени сохраняетъ свое полное значеніе.

Изучая, положимъ, исторію эмиграціи, вліяніе ея какъ на условія, отъ которыхъ она отправляется, такъ и на ея результаты, мы тотчасъ-же замѣтимъ, что приходится считаться не только съ такими отвлеченными фактами, какъ давленіе народонаселенія въ той странѣ, изъ которой выходятъ эмигранты, и положеніе географическое, экономическое той мѣстности, куда они переселяются. Эти факты важные, но они не единственные и далеко не они одни рѣшаютъ вопросъ. Если бы эмиграція зависѣла только отъ этого, то не было бы той

громадной разницы, той страшной противоположности въ результатахъ эмиграціи Французской и Англійской, которая вездѣ замѣчается: Французъ не легко уходитъ изъ своей страны и если покидаетъ ее, то только по необходимости; Англичанинъ охотно эмигрируетъ. Въ одномъ случаѣ эмиграція прививается, въ другомъ она является какъ бы внѣшней наклейкой.

Я указываю вамъ на этотъ фактъ, чтобы показать, до какой степени народный характеръ играетъ важную роль въ политической жизни, и насколько необходимо принимать во вниманіе этотъ народный характеръ при рѣшеніи историческихъ вопросовъ. Вотъ главное, что осталось отъ дѣятельности реакціонной школы.

Точно также и другія школы сдѣлали свое дѣло, оставили свои результаты. Возьмемъ, напримѣръ, школу романистовъ, которые участвуютъ и въ Французской, и въ Нѣмецкой, и въ Англійской литературѣ. Французская исторіографія совершенно отрицала дѣйствіе германскаго элемента въ развитіи Западной Европы. Но развѣ она ничего не сдѣлала прочнаго въ исторіи? - Она доказала, что Римскій элементъ является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ въ исторіи Франціи. Не можетъ быть и спора о томъ, что своеобразная исторія Франціи, въ ея контрастъ съ исторіей Германіи съ одной стороны, Англіи съ другой, объясняется, именно, тѣмъ обстоятельствомъ, что Франція была долгое время римской провинціей. И не можетъ быть сомнѣнія, что школа романистовъ доказала преемственность идеи централизаціи отъ римскаго порядка. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію и то, что доказывали романисты относительно громаднаго вліянія Римской имперіи на варварскіе народы, какъ оно проникло даже туда, гдѣ колонизація была слаба. Даже, напримѣръ, въ Британіи замѣтно это вліяніе въ сферѣ хозяйства, въ Британіи, которая была занята сравнительно поверхностно.

Нечего и говорить о томъ, что и школа германистовъ очень много сдѣлала для разъясненія капитальныхъ историческихъ вопросовъ. Цѣлый рядъ положеній стоитъ въ связи, именно, съ ея дѣятельностью. Во-первыхъ, школа германистовъ показала, въ какой тѣсной связи стоитъ конституціонный строй современной жизни съ средневѣковыми началами феодализма, которыя явились въ Европѣ вслѣдствіе сильнаго влі-

янія германскихъ племенъ. Затѣмъ они обратили вниманіе на децентрализацію мѣстностей и областей, которая характеризуетъ жизнь Англіи и Германіи. Они болѣе другихъ сдѣлали для выясненія важнаго политическаго закона, закона о связи политической свободы съ самостоятельностью отдѣльныхъ областей. Законъ этотъ можетъ быть выраженъ въ такой общей формѣ: политическая свобода въ своемъ развитіи зависитъ отъ присутствія или аристократическаго элемента въ жизни народа, или отъ расчлененія демократіи на самоуправляющіяся областныя тѣла.

Наконецъ Германисты подготовили почву для вывода, который затѣмъ развивается школой соціальной. Они первые стали обращать вниманіе на значеніе первоначальной хозяйственной ячейки — сельской общины. Они брали сельскую общину съ ея политической стороны и политическую организацію ея они ставили въ связь съ выводомъ о децентрализаціи. Затѣмъ отсюда пошла школа Маурера, которая разбирала сельскую общину съ хозяйственной и правовой стороны, и получила въ наблюденіи надъ нею исходный пунктъ для развитія своихъ взглядовъ относительно взаимной зависимости хозяйства и общественныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, если даже брать во вниманіе крупнѣйшіе выводы, не будетъ никакого сомнѣнія въ томъ, до какой степени каждая школа зависитъ отъ выводовъ предыдущихъ. Еще меньшую роль играетъ политическое и критическое пристрастіе относительно болѣе частныхъ вопросовъ.

Вотъ основныя точки зрѣнія, которыя казалось мнѣ необходи
установить при характеристикѣ исторіографическаго движ
отношенію къ средневѣковой исторіи.

Исторія среднихъ вѣковъ.

Очеркъ перваго періода.

Въ этомъ курсѣ я намѣренъ кратко пройти древній періодъ и ограничиться самымъ необходимымъ при указаніи вліянія съ одной стороны римскаго элемента, съ другой первоначальнаго германскаго

элемента. Я остановлю ваше вниманіе, главнымъ образомъ, на второмъ періодѣ средневѣковой исторіи приблизительно послѣ 1000-го года, на образованіи Западно-Европейскихъ государствъ.

Римскій элементъ.

Римская имперія первыхъ трехъ вѣковъ. Первый элементъ, съ которымъ приходится считаться въ исторіи среднихъ вѣковъ, это элементъ римскаго вліянія. Что такое представляла изъ себя Римская имперія, и въ какой степени она повліяла на средневѣковое развитіе? — Позднѣйшую Римскую имперію слѣдуетъ отличать по существу отъ Римской имперіи перваго періода — Римской имперіи Юліевъ, Флавіевъ и Антониновъ. Противоположность между Римской имперіей первыхъ трехъ вѣковъ и затѣмъ Римской имперіей IV и V в., эта противоположность резюмируется очень просто, въ двухъ словахъ: Римская имперія первыхъ 3-хъ вѣковъ не есть монархія, а есть принципатъ; Римская имперія IV и V в. является монархіей. Повидимому, говорить, что Римская имперія первыхъ трехъ вѣковъ не монархія — есть парадоксъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что въ данномъ случаѣ нѣкоторая странность этого выраженія объясняется нашимъ предвзятымъ взглядомъ на то, что такое имперія, тѣмъ, что мы привыкли знать имперію, какъ монархію. Имперія Юліевъ и Флавіевъ была магистратурой, магистратурой опредѣленной, которая называется principatus, какъ прежде были магистратуры консула, трибуна. Мало того, она представляетъ соединеніе двухъ совершенно республиканскихъ магистратуръ, именно, соединеніе проконсульской и трибунской должности. Римскій императоръ первыхъ трехъ вѣковъ — должностное лицо, избираемое пожизненно, и только эта пожизненность отличаетъ его отъ прежнихъ республиканскихъ магистратуръ. И пожизненность эта ввелась не сразу, а ввелась совершенно постепенно въ исторіи Цезаря и Августа. Затѣмъ всѣ права императора раздѣляются на главныя, такъ сказать, и второстепенныя. Если принять совокупность всѣхъ этихъ правъ, то мы увидимъ, что фактически императоръ является господиномъ положенія, потому что опирается на войско и на массу; является фактически полновластнымъ, но съ государственно-правовой точки зрѣнія полновластія не было. Намъ остался отрывокъ того закона, той lex Regia, которой

установилъ власть Веспасіана. Этотъ законъ представляетъ совершенно опредѣленное полномочіе, которое дается сенатомъ и народомъ. Въ этомъ полномочіи точно обозначено, какія права и преимущества принадлежатъ императору; косвенно, слѣдовательно, какія ему не принадлежатъ. Съ этой точки зрѣнія императорская власть является твердо ограниченной опредѣленными законами. Затѣмъ она была ограничена также и дуализмомъ учрежденій. Императоръ былъ далеко не единственнымъ господиномъ имперіи, а рядомъ съ нимъ былъ господиномъ имперіи и сенатъ. - Императоръ господствовалъ всецѣло только на границахъ и въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были на военномъ положеніи, а сенатъ имѣлъ подъ своею властію провинціи мирныя, такъ сказать, на общемъ положеніи. Фактически Тиберій могъ захватывать область, подчиненную сенату, но юридически онъ былъ только главный проконсулъ и представитель низшаго класса передъ классами привилегированными, передъ сенаторами и всадниками. Любопытны эти два основанія императорской пожизненной диктатуры: власть военная и власть демократическая; это два основанія, которыя постоянно встрѣчаются въ исторіи вездѣ, гдѣ возникаетъ диктатура.

Вотъ характеръ первоначальнаго принципата, въ связи съ этимъ характеромъ стоитъ и положеніе относительно наслѣдственности: наслѣдственности въ принципатѣ нѣтъ. Для возобновленія императорской власти всегда требуется новое рѣшеніе и въ правовомъ отношеніи оно должно было выходить изъ народныхъ выборовъ, фактически же дѣло приходило къ тому, что вліяло войско или сенатъ. Уже это одно показываетъ, какая глубокая разница между имперіей и римскимъ принципатомъ. Въ монархіи наслѣдственность регулируетъ переходъ власти отъ одного лица къ другому, между тѣмъ какъ въ принципатѣ этого регулированія не было, не было даже опредѣленнаго избранія монарха какъ въ Польшѣ, потому что каждый императоръ являлся какъ бы диктаторомъ въ исключительномъ положеніи. Не смотря на всѣ происходившія отсюда неудобства и бѣдствія этотъ порядокъ или безпорядокъ держался въ теченіи вѣковъ, потому что вполнѣ соотвѣтствовалъ основной идеѣ государственнаго строя. -

Имперія-монархія. Итакъ принципатъ первыхъ трехъ вѣковъ римскихъ не есть монархія, а есть такая же магистратура, какъ консульство и трибунатъ, есть соединеніе императоромъ

двухъ магистратуръ. Императоръ или princeps — командиръ войскъ въ провинціяхъ, которыя, именно, находились на военномъ положеніи, и представитель низшаго класса въ провинціяхъ, находящихся на мирномъ положеніи. Въ совершенномъ контрастѣ съ этимъ является начало государственно-правовое, дѣйствующее въ имперіи IV и V вв. Это уже настоящая монархія, въ которой вся власть исходитъ отъ императора. Онъ является основой всего политическаго положенія.

Любопытенъ переходъ отъ одной формы къ другой, на который я считаю всетаки необходимымъ указать. Я настаиваю на томъ, что вслѣдствіе пониманія имперіи первыхъ трехъ вѣковъ какъ магистратуры, ея власть является избирательной. Поэтому не только наслѣдственности, но и правильной смѣны государей быть не могло, а власть всякій разъ вновь и вновь захватывалась. Имперія позднѣйшая есть монархія наслѣдственная. Но какъ совершился переходъ? — Онъ совершился не сразу; въ промежуткѣ стоитъ изобрѣтенная Діоклетіаномъ форма усыновленія; форма очень сложная, при которой имѣлось въ виду, что старшій императоръ, называвшійся Августомъ, будетъ назначать себѣ преемника Цезаря и будетъ уступать ему мѣсто по истеченіи извѣстнаго времени. Это — форма, съ которой начинается установленіе наслѣдственности.

Наслѣдственность устанавливается тогда, когда въ составъ римской императорской власти входитъ совершенно новый элементъ, каноническій. Она устанавливается вмѣстѣ съ Константиномъ (274-337), и весь характеръ строя измѣняется вслѣдствіе того, что языческая магистратура вступаетъ въ тѣсный союзъ съ христіанской силою, которая выросла въ имперіи и въ концѣ концовъ признаетъ ее, и сама подъ ея вліяніемъ видоизмѣняется, принимаетъ видъ новаго господства, правильно основаннаго; является монархія „Божіею Милостію" вмѣсто имперіи, какъ магистратуры, делегированной народомъ. Поэтому, впослѣдствіи хотя и говорили по традиціи о томъ, что монархія есть делегація народа, но это были пустыя слова, а въ первые вѣка это было далеко не пустымъ словомъ. И такъ вслѣдствіе привхожденія христіанскаго элемента Римская имперія сдѣлалась монархіею „Божіею Милостію," и въ связи съ этимъ произошелъ полный переворотъ во всей ея организаціи.

Бюрократія. Эта организація получила свою опредѣленную

окраску изъ понятія благодѣтельности и необходимости деспотической монархіи, которая уже является не исключительной диктатурой, а основаніемъ учрежденій. Это начало деспотизма проводится въ жизни опредѣленной системой бюрократіи. Для того, чтобы понимать вліяніе Римскаго элемента въ средніе вѣка, прежде всего надо обратить вниманіе на общій характеръ этой бюрократіи. Мы увидимъ впослѣдствіи и въ средневѣковой исторіи и въ средневѣковой жизни, какъ различныя должности и положенія окрашивались благодаря участію въ нихъ римскаго элемента - бюрократіи. Основное начало этой бюрократіи совершенно противоположно началу древняго міра. Тутъ дѣйствуетъ начало контроля сверху, ревизія назначается сверху. Громадная масса чиновниковъ вся централизуется въ извѣстномъ количествѣ діоцезъ и префектуръ; во всей этой массѣ проводится рѣзкое раздѣленіе между гражданской властью и властью военной; раздѣленіе, которое было совершенно неизвѣстно древнему римскому устройству. Затѣмъ устанавливается, такъ сказать, соединеніе между секретарскими обязанностями канцеляріи и управленіемъ по существу, чего не было при старыхъ условіяхъ.

Старая канцелярія состояла изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, а въ Діоклетіановой имперіи, именно, канцелярія пріобрѣтаетъ громадное государственное значеніе: изъ нея назначаются префекты и губернаторы. Затѣмъ вся масса чиновниковъ распадается на два, чрезвычайно многочисленныхъ класса: одни находятся на дѣятельной службѣ, другіе состоятъ при министерствахъ. Притомъ употребляется и держится такой порядокъ, что тотъ, кто въ теченіи одного года исправлялъ дѣятельную службу, затѣмъ на годъ поступалъ въ распоряженіе своей коллегіи, а состоявшій при коллегіи назначался на дѣятельную службу. Такимъ образомъ являлся перемѣнный составъ черезъ каждый годъ. Это дѣлалось въ виду взаимнаго контроля. Такъ какъ не было отчета къ низу, отчета по отношенію къ народу, который делегировалъ власть, то и нужно было установить контроль сверху и съ боку; вотъ форма контроля съ боку, если такъ можно выразиться, и устанавливается въ этой смѣнѣ чиновниковъ. Тѣ чиновники, которые состоятъ при коллегіяхъ и канцеляріи наблюдаютъ за своими товарищами на дѣятельной службѣ. Но затѣмъ, конечно, элементъ ревизіонный, элементъ контроля сверху, развивается въ

цѣлую систему. Является цѣлая система, такъ называемые, agentes in rebus et curiosi. Это ревизіонные чиновники, которые посылались въ извѣстную мѣстность для справокъ гласныхъ или негласныхъ относительно ея состоянія. Они прямо подчинялись министру внутреннихъ дѣлъ Діоклетіановой имперіи, такъ называемому, magister officiorum. Установилась централизація и въ томъ смыслѣ, что прежде дѣйствовавшая безформенно консисторія* дѣлается постояннымъ государственнымъ совѣтомъ, и что лица прежде употреблявшіяся для переписки и счетной части императора становятся министрами.

Четыре министра, главнымъ образомъ, выдвигаются въ это время: во первыхъ, уже указанный Magister officiorum - министръ внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшій дѣлами имперіи и заготовлявшій матеріалъ для военныхъ дѣйствій, т.е. интендантъ. Затѣмъ Quaestor sacri Palatii, который кромѣ исполненій извѣстныхъ обязанностей по дворцовому управленію, является какъ бы начальникомъ втораго отдѣленія, т.е. начальникомъ учрежденія, подготовляющаго и редактирующаго въ окончательной формѣ законы. Затѣмъ еще два министра финансовъ: comes sacrarum largitionum - министръ доходовъ и министръ расходовъ, и другой Comes rei privatae, т.е. министръ, который завѣдуетъ частною собственностью императора, но такъ какъ императоръ чрезвычайно крупный собственникъ, то этотъ министръ захватываетъ въ своемъ вѣдомствѣ очень часто область министра финансовъ. Вотъ четыре главныхъ колеса этого управленія.

Чрезвычайно важнымъ значеніемъ въ провинціальномъ управленіи пользуются praefecti praetorio. Тутъ являются уже мѣстныя, такъ сказать, причины къ развитію вліянія этихъ префектовъ. Вся имперія разбита на четыре большихъ префектуры; есть префектуры, которыя являются преимущественно наступательными въ имперіи, - это сѣверныя префектуры: Галлія и Ѳракія или Востокъ; есть та-

*Consistorium со времени Діоклетіана императорскій государственный совѣтъ, состоявшій изъ знатнѣйшихъ людей и обсуждавшій съ императоромъ законодательные, административные и судебные вопросы. Уже Августъ исходатайствовалъ у сената учрежденіе особаго совѣта, состоявшаго изъ 15ти выбираемыхъ по жребію на шестимѣсячный срокъ сенаторовъ, на помощь себѣ при своемъ новомъ законодательствѣ. Въ 12 году по Р.Х. число членовъ совѣта увеличилось до 20, и избирались они на годъ; предсѣдателемъ былъ назначенъ Тиберій.

кія, которыя призваны, главнымъ образомъ, защищать имперію отъ вторженія варваровъ, именно, южныя префектуры Италіи и Азіи, которыя остаются по прежнему при мирномъ состояніи въ подчиненіи сенату. Но любопытно, что, давая значительную власть префекту (praefectus praetorio) императоръ дѣлаетъ эту власть безвредной для себя, смѣняя префектовъ ежегодно.

Система, какъ видно, вся основана на строгомъ подчиненіи низшихъ чиновниковъ высшимъ, на совершенно иномъ началѣ, чѣмъ старая система магистратовъ. Любопытно вспомнить происхожденіе этой чиновничьей системы, которая такъ развѣтвилась, которая считаетъ своихъ членовъ сотнями и тысячами, какъ это видно изъ Notitia dignitatum, памятника V-го вѣка, своего рода оффиціальнаго календаря или альманаха императорскихъ чиновниковъ. Вся эта система представляется вышедшей изъ двухъ началъ: изъ начала примѣненія чисто рабскаго труда въ канцеляріи и изъ начала развитія должностей всадническихъ въ противоположность магистратурамъ. Исторія Рима, именно, представляется въ совершенно новомъ свѣтѣ, если обратить вниманіе на то, что постепенное отнятіе власти императоромъ у сената было въ тоже время борьбою противъ класса землевладѣльческой аристократіи и возвышеніемъ класса аристократіи денежной, т.е. императоръ, завладѣвая все больше и больше властью, отвоевывалъ ее у старыхъ магистратуръ и у сената, завершавшаго эти магистратуры. При этомъ онъ создавалъ рядъ должностей, на которыя назначались всадники, т.е. представители капитала денежнаго. Эти должности всадниковъ начинаютъ развиваться при Клавдіи (10-41-54 г.), преимущественно развиваются и систематизируются при Адріанѣ (76-117-138), и наконецъ вся эта система окончательно формируется при Діоклетіанѣ и Константинѣ.

Любопытно, однако, что, когда бюрократическая система приходитъ къ совершенному паденію, тогда ясно увидѣли ея мертвенность и ея казенность. Императоры сами въ указахъ, которыхъ масса сохранилась въ Θеодосіевомъ кодексѣ (Θеодосій 346-379-395) и отчасти въ codex Justinianeus (Юстиніанъ 482-527-565) указываютъ на то, что ихъ администрація, развѣтвленная и технически очень высоко стоящая, страдаетъ однимъ главнымъ недостаткомъ: ей нельзя довѣряться, всѣ эти чиновники казнокрады, притѣсняютъ при вся-

комъ удобномъ случаѣ, и нѣтъ возможности вызвать къ существованію какую-нибудь такую силу, которая могла бы усмотрѣть за нами. И вотъ, является любопытная попытка въ V вѣкѣ оживить земскія учрежденія, идущія совершенно наперерѣзъ существующему строю: оживить съ одной стороны провинціальное земское собраніе, и съ другой стороны создать новое учрежденіе - дефензоровъ.

Провинціальныя собранія являлись въ имперіи первыхъ трехъ вѣковъ остатками разныхъ сторонъ федеративнаго строя, происходили изъ федеративнаго устройства, напримѣръ, Кельтскихъ племенъ. Это федеративное учрежденіе удержалось въ первые вѣка имперіи: въ Ліонѣ разъ въ годъ происходило земское собраніе. Населеніе могло предъявлять свои жалобы чрезъ него проконсуламъ и на проконсуловъ. Мало по малу эти учрежденія, однако, пришли въ упадокъ вмѣстѣ со всѣми самостоятельными элементами жизни, независимыми отъ центра, на которыя давилъ императорскій деспотизмъ. Но когда началъ прилагаться и развиваться бюрократизмъ и стали обозначаться извѣстныя, чрезвычайно невыгодныя стороны его, императоръ попробовалъ оживить провинціальныя собранія, предоставивъ имъ право жалобъ на губернаторовъ, но было уже слишкомъ поздно.

Затѣмъ была еще другая сила въ Римской имперіи, могущая контролировать этотъ чиновничій порядокъ - эта сила была Церковь. И къ Церкви-то обращается второй институтъ, именно, defensores. Для того, чтобы императорскіе чиновники не притѣсняли населенія, для того, чтобы они не разоряли его, надъ ними ставили контролеровъ или, лучше сказать, становились контролеры, которымъ даютъ названіе defensores, которые избирались на 5 лѣтъ въ извѣстныхъ городахъ членами куріи при участіи самой народной демократической массы. Мало по малу почти вездѣ такими defensores становились епископы. Поэтому и является попытка со стороны императорской власти, опираясь на церковныя должности, установить надзоръ именно противъ чиновниковъ, прямо зависѣвшихъ отъ императора. И та и другая попытка любопытны не какъ признакъ поступательнаго движенія, а какъ критика императора на свой собственный порядокъ: онъ былъ принужденъ обратиться къ defensores и признать свою собственную бюрократію во многихъ отношеніяхъ неподходящей.

Организація правительственныхъ средствъ. Остается еще указать на одну важную сторону этого государственнаго порядка — на организацію правительственныхъ средствъ. — Вообще всякій государственный порядокъ можно разсматривать или съ точки зрѣнія той системы управленія и власти, какую онъ представляетъ, или съ точки зрѣнія тѣхъ средствъ, которыя общество постоянно доставляетъ государству для его существованія. Правительственныя средства выражаются въ той дани, которую платитъ общество государству людьми и деньгами, войскомъ и податями. Въ организаціи войска и въ организаціи податей сказывается чрезвычайно характерно свойство позднѣйшей Римской имперіи, сказывается до какой степени являетсяя тяжелымъ ходъ ея исторіи для общественной жизни.

Войско было организовано на срокъ въ 20 лѣтъ. Значитъ, солдатъ, можно сказать, навсегда выбирался изъ общества для службы. Ворошившись, онъ становился ветераномъ, получалъ землю. Этотъ классъ сдѣлался въ концѣ имперіи чрезвычайно многочисленнымъ. Считалось 138 легіоновъ, 168 когортъ, 91 отрядъ кавалеріи, всего по спискамъ считалось до милліона солдатъ, кромѣ различныхъ вспомогательныхъ войскъ, преимущественно варварскаго происхожденія и поселенческихъ войскъ, которыя, такъ сказать, составляли военныя границы или казачьи поселенія. Эта масса представляется чрезвычайной особенно для того времени, тѣмъ болѣе, что ее брали, вѣдь, не изъ всего населенія, а изъ свободныхъ людей. Въ этомъ отношеніи милліонъ въ то время представлялъ приблизительно 5 милліоновъ въ наше время, потому что отношеніе свободнаго класса къ зависимому, въ грубой формѣ, выражалось отношеніемъ 1:4. Рабовъ, на которыхъ лежалъ матеріальный трудъ, было несравненно больше, чѣмъ свободныхъ гражданъ, а въ легіоны записывались только люди свободные. Поэтому не мудрено, что масса войскъ, существовавшая въ имперіи, вызывала страшное податное напряженіе. Это было послѣдствіе до извѣстной степени того осаднаго положенія, въ которое попала имперія вслѣдствіе напора варваровъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что и внутренніе безпорядки губительно дѣйствовали. Надо было избѣжать возвращенія такъ называемыхъ 30-ти тирановъ (при Галліенѣ 218-259-268), т. е. того разложенія имперіи на составныя провинціальныя части, которое грозило имперіи въ III вѣкѣ. Во внутренней политикѣ, так. обр. войско играло не меньшую роль, чѣмъ для защиты.

Тяжести, лежавшія на государствѣ, были чрезвычайныя, а для поддержки этихъ тяжестей приходилось дѣлать большія затраты и налагать большія подати. Подати эти были двухъ родовъ: во-первыхъ, такъ называемое tributum soli, подать по названію поземельная, но по существу на весь доходъ, который можно было связать съ землей; промышленный заработокъ рабовъ, которые были прикрѣплены къ землѣ, присчитывался также къ доходу. Для обложенія въ этомъ смыслѣ вся Римская имперія была разбита на податные квадраты, носившіе названіе iuga или capita. На совершенно точныхъ основаніяхъ расчислялась цѣнность этихъ квадратовъ, мы имѣемъ одно такое расчисленіе по отношенію къ Сиріи, гдѣ видно, что принималось въ разсчетъ количество виноградныхъ лозъ, ихъ качество и т.д. Принималась въ разсчетъ и земля, она различалась по тремъ категоріямъ доходности и удобности. Принималось въ разсчетъ количество рабовъ, количество скота.

Для того, чтобы правильно разложить на iuga налогъ, производилась чрезвычайно точная перепись. Рядомъ съ этой оцѣнкой, которая падала на доходъ, приводившійся въ связь съ землей, существовала другая оцѣнка - по работѣ - capitatio humana. Въ данномъ случаѣ 2 и 3 мужчины и 4 женщины считались на одинъ caput, и облагались соотвѣтственно своему труду. Описаніе индикціи, т.е. переписи сохранилось у Лактанція,* оно показываетъ, что необходимость точной переписи приводила къ самымъ страшнымъ истязаніямъ населенія: „площади полны толпами служителей; все населеніе согнано въ городъ для переписи, каждый явился съ дѣтьми, съ рабами; начинается допросъ, слышатся удары; вымаютъ дѣтей, чтобы вынудить ихъ признаніе противъ отца; мучаютъ вѣрныхъ рабовъ противъ господъ, женъ противъ мужей. Если все это не помогло, подвергаютъ пыткѣ самихъ противъ себя и насчетъ несчастныхъ, не вынесшихъ...." Положимъ Лактанцій пишетъ объ индикціяхъ Діоклетіана и пишетъ въ сочиненіи „De mortibus persecutorum", т.е. пишетъ какъ разъ въ духѣ, враждебномъ гонителямъ христіанства. Но совершенно несомнѣнно главное въ приведенномъ мѣстѣ, именно, что для опредѣленія доходовъ въ Римской имперіи пускались въ ходъ пытки. У насъ есть и вто-

*Лактанцій жилъ при Діоклетіанѣ и умеръ уже въ концѣ царствованія Константина въ преклонныхъ лѣтахъ. Сначала язычникъ, потомъ христіанинъ. Соч.: „Institutiones divinae" 7 кн.; языкъ его близокъ къ классическому.

рое средство, чтобы судить о чрезвычайной тяжести податей и желанiи населенiя освободиться отъ уплаты этихъ податей. Когда Юлiанъ сдѣлался правителемъ Галлiи, то онъ счелъ необходимымъ для того, чтобы облегчить давленiе податей, уменьшить обложенiе каждаго caput съ 15^{ти} золотыхъ на 7, и только при этомъ условiи стало возможнымъ взиманiе податей въ Галлiи, не подрывая ея благосостоянiя. Этимъ объясняются громадныя недоимки и уступки, которыя дѣлались въ указахъ императора, которые мы имѣемъ, напр. въ Θеодосiевомъ кодексѣ. Скидывалось 3/4 всей суммы, имѣющей поступить.

Организацiя общества. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть другой рядъ вопросовъ: какъ складывалось общество подъ давленiемъ этого государства и этой администрацiи. Государство находилось въ особомъ положенiи, все въ немъ напряжено до крайности и все пожертвовано одному интересу - iерархической дисциплинѣ. Отражается это въ цѣломъ рядѣ дѣйствiй государства по отношенiю къ обществу, которыя придаютъ всему общественному строю характеръ, такъ сказать, военныхъ отношенiй. Въ имперiи IV и V в.в. всѣ на службѣ, всѣ въ караулѣ и нарядѣ; не только чиновники и солдаты, но точно также землевладѣльцы и купцы; всѣ отбываютъ повинности: одинъ отбываетъ повинность военную, иной судейскую, третiй по нуждамъ города, а четвертый по управленiю своимъ собственнымъ имѣнiемъ или своими собственными коммерческими дѣлами. Купцы точно также получаютъ свою организацiю, точно расчлененную.

Любопытно и особенно рѣзко отражается это на торговлѣ. Повидимому торговля дѣло частное, которое требуетъ прежде всего свободы отдѣльнаго человѣка, но и тутъ является строгая организацiя на началахъ государственнаго вмѣшательства. Наприм., торговля хлѣбомъ, совершавшаяся путемъ подвоза съ моря изъ Испанiи, изъ Египта, изъ Сицилiи, была предоставлена извѣстной опредѣленной гильдiи купцовъ, которые носили названiе navicularii, дѣйствiя которыхъ регулировались совершенно опредѣленными государственными законами. Но этого мало, государство наблюдало и за тѣмъ, чтобы navicularii не скрывали своего достатка, а торговали бы по возможности всѣми суммами, такъ какъ нуженъ большой подвозъ хлѣба, безъ котораго Италiя, пожалуй, умретъ съ голода, или можетъ быть голодъ въ Грецiи. Вся торговля, поэтому, была подчинена строгому надзору; флотъ, торговавшiй

хлѣбомъ, составлялся по приказу, останавливался въ опредѣленныхъ пристаняхъ, шелъ подъ опредѣленнымъ конвоемъ, отмѣчалась переписка тѣхъ продуктовъ, которые онъ привозилъ, устанавливались цѣны, мѣста продажи, однимъ словомъ вся торговля носила какъ бы казенный характеръ. Совершенно на тѣхъ же началахъ были организованы гильдіи и цехи ремесленниковъ. Понятно, какъ тяжела была такая организація для торговыхъ и ремесленныхъ классовъ. А вслѣдствіе того, что и торговля и ремесло понимались какъ опредѣленная и тяжкая служба, были возможны ссылки въ извѣстный ремесленный цехъ въ наказаніе.

Совершенно такой же видъ имѣетъ организація землевладѣльцевъ; землевладѣльцы сгруппированы въ кружки по городамъ, они всѣ тянутъ къ своимъ уѣзднымъ и губернскимъ, такъ сказать, городамъ, гдѣ они составляютъ курію. Они записываются въ курію не по своей волѣ, а по цензу; всякій землевладѣлецъ, который имѣетъ болѣе 25 югеровъ, записывается въ курію. Обязанности куріала были тяжелы: онъ долженъ былъ исполнять обязанности по управленію городомъ и онъ же отвѣчалъ передъ государствомъ за взносъ податей. Куріалы распредѣляли подати, вносили ихъ авансомъ и затѣмъ уже собирали ихъ съ населенія. Куріалъ по завѣщанію могъ передать только 1/4 лицамъ, не принадлежащимъ къ куріи, по закону онъ могъ оставить дѣтямъ 3/4. Если куріалъ хотѣлъ отлучиться изъ города, то онъ долженъ былъ просить отпуска, потому что его подозрѣвали въ намѣреніи убѣжать. Если куріалъ хотѣлъ какъ нибудь избѣжать исполненія повинностей, сказывался нѣтчикомъ, то его два раза назначали городскимъ головой или совѣтникомъ.

Не мудрено, что при такого рода системѣ, которая свидѣтельствуетъ о постоянномъ принужденіи, мы слышимъ объ обратныхъ дѣйствіяхъ, т.е. о постоянномъ стремленіи куріаловъ бѣжать изъ города, уклониться отъ обязанностей, и мы имѣемъ въ Өеодосіевомъ кодексѣ указы, которые представляютъ весь строй римскаго общества такъ, какъ будто бы каждый убѣгалъ отъ своего собственнаго владѣнія для того, чтобы не подпадать тягостямъ, связаннымъ съ этимъ владѣніемъ, потому что тягости перевѣшивали выгоды, доставляемыя владѣніемъ.

Колонатъ. Общая мысль того времени — закрѣпить различныя части общества къ ихъ обязанностямъ — осуществляется не только по отношенію къ купцамъ, ремесленникамъ, землевладѣльцамъ, но также и

по отношенію къ земледѣльческому населенію. Земледѣльческое населеніе древняго міра распадается на двѣ главныя части: во-первыхъ, является масса рабовъ, которая по праву находится въ полномъ распоряженіи своихъ господъ, и во-вторыхъ, являются обѣднѣвшіе свободные, которые не имѣютъ собственной земли и снимаютъ чужую землю на условіяхъ свободнаго найма.

По отношенію къ тому и другому классу дѣйствуетъ политика прикрѣпленія. Матеріалъ для образованія колоната IV и V вв. накопился задолго до законодательной дѣятельности Діоклетіанова и Константинова времени. Но онъ не получилъ своей окончательной юридической формы, прежде чѣмъ образовалось это опредѣленное законодательство.

Я пока оставлю въ сторонѣ классъ рабовъ и обращу ваше вниманіе на нѣсколько существенныхъ пунктовъ въ исторіи класса свободныхъ колоновъ, т.е. въ исторіи свободныхъ арендаторовъ, которые мало по малу были прикрѣплены къ землѣ. Тутъ приходится, главнымъ образомъ, имѣть въ виду два факта: во-первыхъ, паденіе хозяйства латифундій (latifundia), крупнаго плантаціоннаго хозяйства, разложеніе его на хозяйства мелкія, — это одинъ фактъ; и во-вторыхъ, постепенное образованіе фактической крѣпости мелкихъ арендаторовъ вслѣдствіе ихъ задолжанія.

Форма хозяйства, которая выработалась въ концѣ республики и въ началѣ имперіи — это была форма большой плантаціи, на которой работали большія массы, работали для обширнаго рынка по общему плану. Эта форма могла существовать только до тѣхъ поръ, пока были обезпечены обширныя государственныя связи, необходимое условіе для сбыта и обмѣна произведеній съ этихъ плантацій. Громадная имперія первыхъ двухъ вѣковъ, именно, является такою, въ которой всѣ отдѣльныя части работаютъ другъ для друга и обмѣниваются своими произведеніями. Такого рода площадь является, какъ разъ, выгодной для образованія этихъ латифундій. На центръ — Италію и Грецію приготовляютъ хлѣбъ Испанія, Африка, Сицилія. И тутъ хлѣбное хозяйство развивается на началахъ крупнаго землевладѣнія, примѣняются крупныя затраты капитала и образуются изъ массы зависимыхъ людей цѣлые полки земледѣльцевъ, находящіеся подъ опредѣленной администраціей помѣщиковъ.

Но наступаетъ моментъ, онъ намѣчается въ концѣ II^го^ вѣка, совершенно опредѣляется въ III^мъ^, когда ослабляется государственная власть имперіи,

и отдѣльныя области начинаютъ тянуть врозь, начинается реакція областей противъ централизаціи и деспотіи имперіи; реакція, которая ведетъ къ тому, что въ III в. затеривается на время совершенно центральное правительство — это именно эпоха такъ называемыхъ 30ти тирановъ.

Мало того; начинающіяся нападенія варваровъ приводятъ къ тому, что варвары пробиваются за границы имперіи и опустошаютъ не только что провинціи по Рейну и Дунаю, но даже Италію и Грецію. Эти вторженія точно также дѣлаютъ чрезвычайно труднымъ сообщеніе и свободный обмѣнъ между отдѣльными частями цѣлаго.

При этихъ условіяхъ разрушается главная, необходимая черта крупнаго хозяйства: разрушается для нея обширный рынокъ. Является уже невозможнымъ для Африканскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ разсчитывать на постоянный сбытъ своего хлѣба въ Италію и Грецію. Является невозможнымъ для Итальянскихъ землевладѣльцевъ разсчитывать на подвозъ хлѣба изъ Африки или Сициліи. Уже нельзя Греціи и Италіи заниматься только культурой овощей и цвѣтовъ. Является, поэтому, необходимость перейти къ простой формѣ хозяйства, которая прямо удовлетворяла бы непосредственныя потребности мѣста, а не потребности обширнаго рынка. Является, такимъ образомъ, необходимый хозяйственный запросъ на разложеніе крупныхъ культуръ на мелкія части.

Этотъ запросъ особенно великъ въ сѣверныхъ частяхъ имперіи, въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ собственное производство хлѣба ослабилось. И вотъ, именно, въ сѣверныхъ частяхъ имперіи: Италіи, Галліи, Ѳракіи начинается усиленное стремленіе и государства, и землевладѣльцевъ поднять мелкія земледѣльческія культуры, для того чтобы эти провинціи могли сами прокормиться.

Вотъ первый запросъ историческій, съ которымъ приходилось считаться: распаденіе всемірнаго рынка, а вслѣдствіе этого паденіе крупнаго хозяйства и переходъ отъ крупнаго хозяйства къ мелкому, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ.

Затѣмъ необходимо обратить вниманіе и на вліяніе другаго факта. Является потребность въ мелкихъ хозяйствахъ, и для удовлетворенія этой потребности рабу даютъ вмѣсто совершенно зависимаго положенія, въ какомъ онъ былъ при крупныхъ хозяйствахъ, собственный участокъ, собственный домъ, предоставляютъ ему возможность ра-

ботать для своей семьи и заставляють платить съ участка только извѣстный оброкъ. Такимъ образомъ рабъ дѣлался самостоятельнымъ хозяиномъ. Кромѣ того въ видѣ политической мѣры пересаживаются неимущіе граждане изъ городовъ въ села, чѣмъ увеличивается матерьялъ для класса свободныхъ арендаторовъ. Положеніе этихъ свободныхъ людей пока управлялось не постоянными законами, а колебаніями спроса и предложенія. Прежде всего эти люди попали на почву, которую оставляла крупная культура. Латифундіи уничтожились какъ крупныя хозяйственныя цѣлыя, но сохранились какъ цѣлыя юридическія. Новые поселенцы, попадавшіе на эти крупныя культуры, обыкновенно нуждались въ хозяйственной помощи, и обыкновенно помѣщикъ снабжалъ ихъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Благодаря этому долгу, образовавшемуся при первомъ появленіи на землѣ латифундіи поселенца, будетъ ли то поселенецъ свободный или рабъ, отпущенный на свободу и посаженный на оброкъ, все равно онъ сразу получалъ положеніе задолжавшаго, котораго фактически держитъ аренда на землѣ, хотя бы онъ пользовался правами свободнаго и имѣлъ юридическое право уйти, разорвать договоръ. Это задолжаніе со временемъ обыкновенно увеличивалось вслѣдствіе того, что капиталъ сосредоточивался въ рукахъ немногихъ.

Въ результатѣ получается уже въ III в., что масса часто свободныхъ мелкихъ хозяевъ сидитъ на землѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, не въ состояніи выйти съ земли и не въ состояніи разсчитаться съ помѣщикомъ по долгу на землѣ. Это основаніе крѣпости въ долговомъ правѣ образовалось уже въ III вѣкѣ, но эта крѣпость еще далеко была не та, которая извѣстна въ IV и V вв. Въ самомъ дѣлѣ, при этихъ условіяхъ обыкновенно совершенно было не возможно для мелкихъ свободныхъ арендаторовъ уйти отъ помѣщика; но совершенно было возможно для помѣщика переместить арендатора съ одной части своего помѣстья на другую или переместить его изъ землевладѣльческаго труда въ промышленный, если ему было такъ выгодно. Эта послѣдняя свобода прекращается въ IV и V вв. Причины тому были различныя.

Императорское законодательство, что мы видимъ въ кодексахъ Өеодосіевомъ и Юстиніановомъ, преслѣдовало одну главную цѣль: оно старалось хозяйственнымъ формамъ придать видъ, такъ сказать, прочный, неподвижный для того, чтобы имѣть возможность лучше оцѣнивать, переписывать и облагать эти формы хозяйствъ. Оно боялось, что

если хозяйства будутъ подвергаться частымъ измѣненіямъ, то податной политикѣ не удастся услѣдить за этими измѣненіями. Податная политика императора требовала поэтому, чтобы собственникъ, разъ посадивши на участокъ рабовъ, ихъ не сводилъ, держалъ бы постоянно тѣхъ же самыхъ колоновъ на тѣхъ же самыхъ повинностяхъ и на тѣхъ же самыхъ участкахъ. Тутъ связывались руки не только и не преимущественно зависимому населенію, а связывались руки и помѣщикамъ. Само собой разумѣется, что запрещалось колону бѣжать съ участка, запрещалось бѣжать рабу съ участка, но государственная власть обезпечивала также и колона противъ помѣщика. Обезпечивается онъ не только относительно пользованія извѣстной частью земли, но и относительно размѣра повинностей, хотя онъ и становится полусвободнымъ человѣкомъ. - Это характерная черта римскаго колоната, которая часто упускается изъ виду. Упуская изъ виду эту важную черту можно, пожалуй, говорить о томъ, что законодательная роль правительства была какъ бы второстепенной, не существенной. Если имѣть въ виду вторую сторону дѣла, то придется чрезвычайно важное значеніе приписать этой законодательной работѣ.

Новое положеніе массы земледѣльческаго класса совершенно не подходило къ понятіямъ древняго міра. Древній міръ зналъ гражданъ и негражданъ, зналъ человѣка политически полноправнаго и человѣка-орудіе, но теперь вслѣдствіе хозяйственныхъ и историческихъ условій вырабатывается новая форма полусвободнаго человѣка. Онъ находится въ эксплуатаціи другого частнаго лица, принадлежитъ частному лицу, но не какъ вещь или рабъ, а только въ извѣстной опредѣленной степени и формѣ, и въ то же время онъ принадлежитъ государству. Этотъ классъ полусвободныхъ отмѣчаетъ собою все соціальное развитіе среднихъ вѣковъ, точно такъ же, какъ классъ рабовъ отмѣчаетъ собою соціальное развитіе древняго міра.

Уже на этомъ примѣрѣ можно видѣть, до какой степени важнымъ элементомъ въ средневѣковомъ развитіи является элементъ римскаго вліянія. Впослѣдствіи намъ еще придется въ цѣломъ рядѣ случаевъ указать на значеніе этого фактора въ образованіи средневѣковой жизни.

Общій итогъ характеристики. Въ заключеніе напомню вамъ основныя положенія, къ которымъ мы пришли при общей характеристикѣ условій жизни Римской имперіи при ея концѣ. Са-

мая характерная черта Римской имперіи - это крайнее напряженіе силъ въ смыслѣ іерархической централизаціи; крайнее напряженіе, которое вызывалось тѣмъ, что Римская имперія находилась въ осадномъ положеніи. Оно живетъ, поэтому, на исключительныхъ правахъ, выражающихся въ политической области тѣмъ, что все, что можетъ способствовать успѣху внѣшней борьбы, выступаетъ на первый планъ. Имперія жертвуетъ всѣмъ идеѣ власти, подчиненія и дисциплины. Одностороннее развитіе этой идеи вызываетъ прямо очень дурныя послѣдствія, которыя замѣчаются въ самой имперіи и критикуются ею. Проявленіе такой критики выражается въ попыткѣ вызвать контроль Церкви, какъ контроль самостоятельнаго учрежденія, способнаго стать въ независимое положеніе отъ императорской власти, отъ власти чиновниковъ. И такъ, общая характеристика строя состоитъ въ томъ, что развивается въ ущербъ всему остальному начало власти государственной. Подъ давленіемъ этого начала самая общественная жизнь принимаетъ совершенно особый характеръ.

При теперешнемъ отношеніи государства и общества, какъ бы много ни требовало государство отъ общества, всетаки всегда представляется, что государство есть внѣшняя охраняющая оболочка, которая служитъ обществу, а не является сама по себѣ цѣлью: государство существуетъ для общества, а не общество для государства. Въ Римской имперіи въ ея отчаянной борьбѣ съ варварами отношенія принимаютъ обратный характеръ. Оказывается, что всѣ различныя проявленія свободной дѣятельности общества существуютъ для государства и въ подчиненіи государству. Занятія торговлею, которыя являются несомнѣнно свободнымъ проявленіемъ общественной дѣятельности, - въ Римской имперіи являются казенной службой. Землевладѣнію, которое подчинено извѣстнымъ законамъ государства, но все-таки принадлежитъ по существу своими чертами частному праву, тоже дается опредѣленная форма. Повсюду проводится одинъ принципъ, принципъ службы. Отношеніе къ своимъ обязанностямъ и проявленіе дѣятельности отдѣльныхъ личностей и классовъ понимается Римскою имперіею какъ служба. Вотъ тѣ основныя черты государственнаго и общественнаго порядка, съ которыми приходится считаться характеристикѣ Римской имперіи въ ея исходѣ.

Германскій элементъ.

Обращаюсь теперь къ той силѣ, которая выдвигалась въ противовѣсъ Риму и которая должна была своимъ смѣшеніемъ съ римскимъ элементомъ произвести средневѣковый строй. Обращаюсь въ порядкѣ изложенія къ характеристикѣ быта Германскихъ племенъ до завоеванія провинцій.- Вы увидите, что основныя начала этого быта какъ разъ противоположны основнымъ началамъ Римской имперіи. Уже изъ этого можно заключить, до какой степени много безпорядка должно было произойти, когда эти совершенно разнородныя стихіи смѣшались на одной территоріи.

Повѣствованія Цезаря и Тацита. Для характеристики Германцевъ до завоеванія приходится обратиться къ двумъ капитальнымъ повѣствованіямъ: повѣствованію Цезаря и Тацита. Между ними лежитъ 150 лѣтъ и развитіе исторіи, которое даже болѣе значительно, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ 150 лѣтъ.

Повѣствованіе Цезаря при всей своей краткости необыкновенно поучительно. Цезарь характеризуетъ политическій бытъ Германіи съ полной ясностью слова и съ необыкновенной ясностью и точностью мысли. Онъ руководился при этомъ полнымъ заинтересованнымъ, можно сказать, безпристрастіемъ; я говорю заинтересованнымъ безпристрастіемъ, чтобы возможно сильно обозначить точку зрѣнія государственнаго человѣка и полководца, который начинаетъ войну противъ Германцевъ, сталкивается съ этимъ новымъ этнографическимъ элементомъ и въ интересахъ своего собственнаго успѣха старается точно опредѣлить, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, какія основныя черты быта и строя тѣхъ племенъ, съ которыми ему придется бороться. Это первоначальное опредѣленіе имѣетъ для него просто стратегическое значеніе, потому что отъ условій этого быта зависятъ условія борьбы. Онъ понимаетъ свою задачу, какъ человѣкъ, именно, государственный, въ крупномъ, а не мелкомъ смыслѣ этого слова. Тутъ опредѣленіе свойствъ Цезаремъ дѣлалось съ извѣстною цѣлью, оно должно было быть безпристрастно. И этимъ своимъ безпристрастіемъ его описаніе стоитъ въ опредѣленномъ контрастѣ съ дидактическимъ и риторическимъ характеромъ позднѣйшаго повѣствованія Тацита, который составлялъ свое описаніе не ради непосредственной

борьбы съ Германцами, а ради поученія Римлянъ. Окраска повѣствованія совершенно различная и окраска выгодная для Цезаря.

О Тацитѣ мнѣ еще придется сказать впослѣдствіи, теперь я только обозначу общее различіе между человѣкомъ государственнымъ, опредѣляющимъ извѣстныя политическія условія для того, чтобы ими воспользоваться и литераторомъ, пользующимся извѣстными политическими условіями для того, чтобы произвести впечатлѣніе на свою публику. Точки зрѣнія совершенно различны.

Германія по Цезарю.

Прежде всего важна въ повѣствованіи Цезаря характеристика общаго культурнаго состоянія Германцевъ. Это характеристика народа, который только что начинаетъ занимать земли и въ сущности находится въ промежуточномъ положеніи между бродячимъ состояніемъ и осѣдлымъ. Земледѣліе въ зачаточномъ состояніи: agriculturae non student (C. b. g. VI, 22); земледѣліе уже существуетъ, но какъ поверхностное, не дающее много выгоды. Главныя средства питанія извлекаются изъ продуктовъ скотоводства: молоко, сыръ и мясо, вотъ чѣмъ питаются Германцы. Не смотря на неблагопріятныя условія для скотоводства, происходящія оттого, что Германцамъ приходится двигаться въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, они всетаки, очевидно, занимаются скотоводствомъ. Этой формы они могли держаться только подъ условіемъ занятія чрезвычайно обширныхъ пространствъ. Вслѣдствіе этого даже и при ихъ сравнительной малочисленности имъ было тѣсно тамъ, гдѣ Римлянамъ совсѣмъ не было тѣсно, гдѣ Римляне могли бы скучиться. Этимъ и объясняется то, что Германскія племена стараются устроить, какъ говоритъ Цезарь, вокругъ себя пустое пространство*.

Цезарь непосредственно наблюдалъ движеніе одной большой группы племенъ, которая пробивалась съ востока на западъ и при этомъ приводила въ движеніе и всѣ остальныя, разбросала ихъ вверхъ — это группа Свевскаго племени. Своими передними частями она уже начинала перебираться въ Галлію и Цезарю приходилось бороться какъ съ Гельветами, которыхъ толкнули Германцы въ этомъ передвиженіи,

* VI, 23. S1. Civitatibus maxima laus est quam latissime circum se vastatis finibus solitudines habere.

такъ и съ Аріовистомъ, государемъ Свевовъ. Эта Свевская масса характеризуется уже какъ нѣчто организованное, ея организація основана на совершенно военныхъ началахъ. На первый взглядъ она представляется даже чѣмъ-то страннымъ, кажется слишкомъ искусственной. Описывается, что у Свевовъ 100 областей и каждая высылаетъ ежегодно по 1000 воиновъ, остальное населеніе занимается земледѣліемъ въ это время и выходитъ въ свою очередь на войну въ слѣдующій годъ*. Прежде всего насъ поражаютъ цифры въ этомъ описаніи: конечно, Цезарь не могъ передавать точныхъ статистическихъ данныхъ, а дѣлалъ обозначеніе въ круглыхъ цифрахъ. Но кромѣ того извѣстный схематизмъ становится очень понятнымъ, если принять во вниманіе, что описывается, именно, племя на походѣ, племя неосѣдлое, занимающее территорію на время, только для того, чтобы двинуться дальше: въ жизни его совершенно преобладаютъ военныя задачи.

Но Цезарь знаетъ не только Свевовъ, онъ знаетъ и другія племена и даетъ достаточно матеріала для того, чтобы представить общую характеристику Германскаго хозяйственнаго и политическаго быта. Прежде всего относительно хозяйства и владѣнія, связаннаго съ нимъ, выставляется Цезаремъ и по отношенію къ Свевамъ, и по отношенію къ другимъ племенамъ одно важное положеніе: такъ какъ земледѣліе не привилось еще у нихъ окончательно, то вслѣдствіе этого частныхъ владѣній у нихъ нѣтъ, а владѣніе землей, или лучше сказать, занятіе земли совершается обществами.

Цезарь говоритъ прямо и рѣзко, и это заявленіе перевѣшиваетъ всякія постороннія соображенія, которыя высказывались иногда въ Германской наукѣ.

Цезарь говоритъ прямо: privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet (C. b. g. IV, 1, §7). Нѣтъ, значитъ, частнаго и раздѣльнаго владѣнія землею и нельзя оставаться на одномъ мѣстѣ для обработки земли болѣе года, А затѣмъ онъ подробнѣе описываетъ, какъ производилась эта обработка: neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibus-

*Hi centum pagos habere dicuntur, ex quibus quotannis singula milia armatorum bellandi causa educunt. Reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt. (C. b. g. IV, 1 гл. § 4–5.)

que hominum, qui tum una coierunt, quantum et quo loco visum est agri, attribuunt atque anno post alio transire cogunt (C. b.g. VI, 22, §2). На этомъ мѣстѣ слѣдуетъ остановиться. Отдѣльныя поля и собственныя границы не существуютъ, но магистраты, какъ сказано у Цезаря, и князья на одинъ годъ отводятъ землю родамъ и родственнымъ союзамъ (такъ я перевожу cognationes) извѣстное количество земли, а въ слѣдующемъ году они заставляютъ ихъ перейти на другія мѣста. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ на способъ раздѣленія, такъ и на тѣхъ лицъ, которыя производятъ раздѣленіе.

Оказывается, что раздача участковъ является совершенно опредѣленнымъ дѣломъ начальниковъ племени: magistratus ac principes. Различаются магистраты и principes, очевидно, на томъ основаніи, какое вообще принимается въ Римскомъ государственномъ правѣ. Princeps — это вождь, который держитъ свою власть самостоятельно наслѣдственно; magistratus — это вождь выборный.

Во всякомъ случаѣ, раздача участковъ дѣлается начальниками, правящими племенемъ; затѣмъ раздаютъ они ихъ не отдѣльнымъ лицамъ, а gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt. Относительно gens сомнѣнія быть не можетъ, это родъ, т. е. общественный союзъ, развивающійся изъ семьи; можетъ быть, съ примѣсью извѣстнаго искусственнаго элемента, но во всякомъ случаѣ на основаніи кровнаго родства. Вы знаете, какъ и въ древности еще кровное родство распространялось, такъ сказать, на людей, которые, не будучи прямо родственниками, усыновлялись въ родѣ и присоединялись къ культу.

Что касается до cognationes hominum, qui una coierunt, то толкованіе этого выраженія можетъ быть дано, если опять-таки принять во вниманіе обыкновенный смыслъ. Cognatio не родство, а свойство, и указывается, такимъ образомъ, въ опредѣленной противоположности gens, родовой группѣ; указывается группа людей, которые связаны бракомъ, сошлись вслѣдствіе того, что между извѣстными лицами произошелъ бракъ. Эта черта, которая у Цезаря намѣчена вскользь, вполнѣ развивается позднѣйшимъ правомъ.

Въ позднѣйшемъ правѣ мы видимъ, что крѣпнутъ отношенія, которыя возникли у человѣка вслѣдствіе принадлежности къ опредѣленному роду, организованному на патріархальныхъ началахъ. Кромѣ этихъ отношеній являются отношенія очень важныя по свой-

ству, наприм., отношенія мести и отношенія наслѣдства. Человѣкъ несъ обязанности кровомстителя, потому что онъ считался не только родственникомъ, но и свойственникомъ убитаго. Или, ставя дѣло иначе, мщеніе и наслѣдство въ Германскомъ правѣ шло не только въ патріархальномъ порядкѣ рода, но точно также шло и въ матріархальномъ порядкѣ. Человѣкъ являлся мстителемъ и наслѣдникомъ и въ родѣ отца, и въ родѣ матери. Эти отношенія разъясняютъ ту разницу, которую устанавливаетъ Цезарь между gens и cognatio hominum. Но главное для насъ заключается въ томъ, что земельное владѣніе является не владѣніемъ отдѣльнаго лица, а цѣлыхъ большихъ группъ родственниковъ и свойственниковъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется хозяйство и владѣнія Германцевъ времени Цезаря: переходъ отъ кочевой системы къ земледѣльческой; постоянное движеніе племенъ, вслѣдствіе этого крайне неустойчивое занятіе земли; владѣніе землей, находящееся не въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ или семействъ, а большихъ группъ, группъ родства и свойства, gentes и cognationes.

Посмотримъ, что даетъ намъ Цезарь относительно политической организаціи Германскаго племени. Къ сожалѣнію у него не сказано ничего относительно внутренняго устройства тѣхъ gentes и cognationes, о которыхъ только что было упомянуто. Мы не узнаемъ у Цезаря, дѣйствуетъ ли здѣсь монархическое начало полнаго подчиненія старшимъ въ родѣ того, какъ оно устанавливается, наприм., въ римскомъ правѣ, или наоборотъ, существуетъ извѣстное воздѣйствіе взрослыхъ мужчинъ на старшихъ въ родѣ того, какъ это устанавливается въ греческомъ правѣ. Этихъ вопросовъ Цезарь не разрѣшаетъ, но онъ совершенно ясно разрѣшаетъ другой вопросъ, въ какомъ видѣ находится организація племени. Эта организація является во времена Цезаря совершенной федераціей родовъ и областей. У племени, говоритъ Цезарь, во время мира даже и нѣтъ одного общаго начальника, а князья областей творятъ судъ и расправу: in pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt controversiasque minuunt (C.b.g. VI, 23, §5).

Въ мирное время, такимъ образомъ, не существуетъ даже общественной власти, только давленіе военныхъ потребностей заставляетъ отдѣльныя области, отдѣльные роды сойтись, сблизиться и выбрать себѣ начальника для войны, только тогда magistratus deliguntur (§4).

Любопытна эта сторона дѣла: возникаетъ государственная организація въ отвѣтъ на военныя потребности. Безъ войны въ это время у Германцевъ нѣтъ собственно государственнаго магистрата, общаго начальства въ государствѣ, а жизнь идетъ въ отдѣльныхъ областяхъ. Пока является только единственный представитель центральной связи — этотъ военный начальникъ, избираемый съ правомъ жизни и смерти.

Но спрашивается, нѣтъ-ли какого вѣчеваго собранія? У Тацита мы слышимъ очень много о вѣчѣ. У Цезаря прямо о вѣчѣ не говорится въ характеристикѣ государственнаго строя, но мы узнаемъ только косвенно. Именно, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ образованіи дружины для производства набѣга, говорится, что поднимается въ собраніи одинъ изъ вождей, объявляетъ, что онъ будетъ вождемъ, и къ нему примыкаютъ тѣ, которые одобряютъ и дѣло и начальника: consurgunt ii, qui hominem et causam probant (VI, 23, §7). Тутъ описывается во всякомъ случаѣ, собраніе вѣчевое. Но уже потому только, что указаніе это косвенное, можно заключить что вѣче во время Цезаря еще не имѣло особеннаго значенія, и понятно почему. Именно, потому что связь между отдѣльными частями государства была слаба, и государство было настолько мало развито, что политическая жизнь соединяла ихъ въ федераціи только въ исключительныхъ случаяхъ, выдвигала исключительныхъ начальниковъ.

Слабость государственной связи порождала безпорядочность политическихъ отношеній. Это выясняется изъ двухъ фактовъ въ описаніи Цезаря. Это, именно, изъ описанія дружиннаго союза, о которомъ я только что говорилъ. Наряду съ подчиненіемъ Германцевъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ, племеннымъ начальникамъ, съ подчиненіемъ, такъ сказать, обыкновеннымъ, существуетъ чрезвычайное. Можетъ возникнуть начальство и политическое тѣло совершенно исключительнаго характера, для опредѣленнаго набѣга, въ которое войдутъ добровольцы, люди, примыкающіе къ вождю, не потому что онъ ихъ вождь, а потому что они одобряютъ человѣка и дѣло — hominem et causam probant. Они совершенно добровольно соединяются для опредѣленной цѣли, преимущественно, конечно, военной и соединяются временно, именно, потому что имѣется въ виду опредѣленная цѣль, опредѣленная causa. Этотъ союзъ совершенно безформенный и идущій наперерѣзъ обыкновеннымъ политическимъ отношеніямъ.

Этотъ союзъ есть первая форма Германской дружины, форма, которая по повѣствованію Тацита является уже въ болѣе опредѣленномъ систематическомъ видѣ.

Вотъ главныя основанія быта, какъ онъ характеризуется у Цезаря. Политическій бытъ совершенно соотвѣтствуетъ общимъ основаніямъ быта общественнаго. Насколько общественный строй находится на первой ступени культуры, настолько это отражается и въ политической жизни, совершенно зачаточной, которая сосредоточивается въ областныхъ и родовыхъ дѣленіяхъ и восходитъ къ племенной дѣятельности только въ исключительныхъ случаяхъ, когда вносится безпорядокъ въ самое племенное дѣленіе чрезъ учрежденіе дружиннаго союза добровольцевъ для опредѣленныхъ набѣговъ.

Германія Тацита.

Посмотримъ теперь, какъ стоитъ дѣло у Тацита. Прежде всего надо принять во вниманіе, что въ тѣ 150 лѣтъ, которыя прошли между Цезаремъ и Тацитомъ, совершилось важное измѣненіе въ бытѣ Германскихъ племенъ. Цезарь и его легіоны въ борьбѣ съ Германцами оказали Германскимъ племенамъ громадную косвенную услугу. Они провели Римскую границу limes, укрѣпили Рейнъ и Дунай, остановили постепенное движеніе Германскихъ племенъ и тѣмъ самымъ заставили ихъ перейти къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, къ болѣе прочнымъ формамъ соціальнаго строя и къ болѣе сложнымъ формамъ политической организаціи. Именно, этотъ фактъ, пріостановка движенія и начало осѣдлости и отражаются въ описаніи Тацита. Это описаніе во многихъ отношеніяхъ менѣе удовлетворительно, чѣмъ описаніе Цезаря. Оно гораздо болѣе подробно и составлено, конечно, на основаніи свѣдѣній, приходившихъ изъ разныхъ мѣстъ, приходившихъ въ теченіи многихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи онъ болѣе обстоятеленъ, чѣмъ Цезарь, который только что знакомится съ Германцами. Но дидактическая цѣль его значительно портитъ работу. Объ этой дидактической цѣли я уже говорилъ выше. Она бросаетъ извѣстное общее освѣщеніе на картину быта, общее освѣщеніе, которое во многихъ отношеніяхъ искусственно и невѣрно. Является извѣстное сантиментальное отношеніе къ Германцамъ; разсказывается о Германскомъ бытѣ для того, чтобы представить съ...

въ полномъ контрастѣ съ бытомъ дурно-цивилизованнаго Рима. Именно разложеніе цивилизованнаго общества, противъ котораго Тацитъ возстаетъ у себя дома, заставляетъ его идеализировать простоту быта Германцевъ, что и придаетъ невѣрное освѣщеніе его описанію. Но невѣрное общее освѣщеніе нисколько не подрываетъ вѣрности описанія опредѣленныхъ учрежденій и опредѣленныхъ подробностей права. Всего замѣтнѣе въ нравственной характеристикѣ вліяніе невѣрнаго, въ характеристикѣ общей культуры и нравовъ, и гораздо менѣе отражается на описаніи учрежденій. Тутъ относительно учрежденій и чертъ хозяйственнаго и сословнаго быта приходится уже считаться съ другимъ большимъ недостаткомъ Тацита, который въ сущности связанъ съ первымъ. Тацитъ не любитъ говорить прямо и просто, онъ постоянно старается, во-первыхъ, вложить въ свое изложеніе намекъ, а во-вторыхъ, сказать глубокомысленно и сжато. Вслѣдствіе этого становится иногда очень трудно разобрать, что онъ собственно имѣлъ въ виду сказать по поводу какого-нибудь факта; требуется поэтому относительно Германіи Тацита гораздо болѣе комментаріи, поясненій, чѣмъ относительно описанія Германцевъ и Цезаря. Вотъ тѣ необходимыя предостереженія, которыя приходится дѣлать прежде, чѣмъ приняться за частныя извѣстія.

Первое, что поражаетъ среди этихъ частныхъ извѣстій – это несомнѣнный прогрессъ общественной культуры и хозяйственнаго строя со времени Цезаря. Во время Цезаря, повторяю вновь, кочевой бытъ только начинаетъ еще осложняться извѣстнымъ родомъ землевладѣнія и осѣдлости. Во время Тацита уже можно говорить о Германцахъ какъ объ осѣдломъ племени, и тутъ Тацитъ противополагаетъ Германцевъ Сарматамъ восточной Европы, нынѣшней Россіи, онъ устанавливаетъ общую противоположность между осѣдлыми Германцами и кочевыми Сарматами.

Ему приходится высказаться объ этой общей противоположности при описаніи, такъ сказать, промежуточныхъ племенъ, племенъ, которыя сидятъ въ восточной Германіи и на границѣ съ Русской землей, между Певцинами (Peucini) и Феннами (Fenni). Венеты бродятъ въ лѣсахъ. Но скорѣе, замѣчаетъ Тацитъ, ихъ слѣдуетъ отнести къ Германскимъ племенамъ: хотя они бродятъ, т. е. не достигли еще цивилизаціи, они строятъ дома, бьются пѣшимъ стро-

емъ и пользуются щитами. А все это совершенно отличаетъ ихъ отъ Сарматовъ, живущихъ на телѣгахъ и на коняхъ*.

Итакъ, Германцы являются, въ общемъ, племенемъ уже осѣдлымъ, но осѣдлость ихъ ясно недавняя и слабая. Вслѣдствіе этого постройки ихъ являются необыкновенно легко переносимыми, и городовъ у нихъ въ сущности нѣтъ. Тацитъ говоритъ даже сначала: у Германцевъ совсѣмъ нѣтъ городовъ — nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est; они даже и не терпятъ поселеній непрерывныхъ — ne pati quidem inter se iunctas sedes. Но затѣмъ оказывается изъ частнаго описанія, что, если у нихъ нѣтъ городовъ въ смыслѣ современномъ или римскомъ, то есть городища или городки, куда сбѣгается племя для сопротивленія или обороны во время войны. Устраивается, такимъ образомъ, извѣстное убѣжище, стѣны крѣпости, но городъ въ смыслѣ промышленномъ въ Германіи Тацита не существуетъ; нѣтъ поэтому того, что Римляне называли urbs, а существуютъ только oppida. Даже села Германцевъ являются непохожими на Римскія села. Вмѣсто того, чтобы вытянуться въ правильныя улицы, они разбросаны, каждый селится, гдѣ ему удобно: colunt discreti ac diversi; ut fons, ut campus, ut nemus placuit. И такимъ образомъ является возможность всегда переносить отдѣльныя постройки и легко сниматься цѣлыми поселеніями. Соотвѣтственно этимъ общимъ чертамъ быта является и то обстоятельство, что Германцы, хотя они и переходятъ къ земледѣлію, преимущественно сваливаютъ это земледѣліе на своихъ рабовъ и женщинъ, сами же они стараются заниматься главнымъ образомъ военнымъ дѣломъ и охотой, которая близко подходитъ къ военному дѣлу: nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris, quam vocare hostem et vulnera mereri (g. 14).

Когда не ведется войны, они проводятъ время въ лѣности и бездѣятельности и стараются, именно, обойтись тѣмъ трудомъ, который могутъ имъ дать зависимые люди и младшіе слабые члены семейства, наконецъ старики, которые уже на войну ходить не мо-

*Veneti multum ex moribus traxerunt, nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur latrociniis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu et pernicitate gaudent: quae omnia diversa Sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus (g. 46).

чут. Вотъ, въ какомъ видѣ представляются общія культурныя условія Германіи времени Тацита. Естественно, что при этомъ самое землевладѣніе является уже болѣе прочнымъ, нежели во время Цезаря, но оно еще не достигло совершенной прочности, не совсѣмъ утвердилось и не совсѣмъ расчленено. У Цезаря говорится о смѣнѣ участковъ черезъ годъ, а у Тацита въ 26-й главѣ описывается порядокъ, при которомъ ежегодной смѣны полей уже нѣтъ, но есть періодическое смѣщеніе цѣлаго племени для занятія новой территоріи. Это знаменитое мѣсто читается такимъ образомъ: agri pro numero cultorum ab universis invicem occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant, et superest ager.

Мѣсто самое трудное или одно изъ двухъ самыхъ трудныхъ во всей Германіи, и мѣсто, по поводу котораго составилась цѣлая литература. Я не буду входить въ очень подробный филологическій разборъ мѣста, но укажу на главный фактъ, который приходится принимать во вниманіе и съ филологической стороны, и съ хозяйственной. Прежде всего укажу на то обстоятельство, что это мѣсто рѣзко распадается у Тацита на двѣ части. Сначала говорится о занятіи того, что называется agri, во второй половинѣ мѣста говорится о занятіи и смѣнѣ того, что называется arva, параллелизмъ, который наводитъ на одно важное соображеніе, параллелизмъ не случайный, распространяемый и на дальнѣйшее развитіе мѣста. Facilitatem partiendi, говорится въ одномъ случаѣ; въ другомъ указывается, что superest ager, т.е. указывается, что всю территорію распредѣляютъ, а затѣмъ въ частности, что не смотря на ежегодныя смѣны остается ager. Стало быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двойнымъ описаніемъ. Agri это поля въ неопредѣленномъ смыслѣ слова, земля подъ обработкой; arva - поля подъ хлѣбомъ. Ясно изъ всей противоположности двухъ половинъ, что въ первой части дѣло идетъ о владѣльческомъ занятіи территоріи, а во второй о хозяйственномъ распорядкѣ, о сѣвооборотѣ. А сѣвооборотъ совершается черезъ годъ; arva per annos mutant, смѣняются поля подъ хлѣбъ каждый годъ и смѣняются такъ, что остается еще земля въ распоряженіи (superest ager).

Эта система ежегодной смѣны поля, очевидно, не есть трехпольная система, потому что не стоило бы ее такъ описывать и подчеркивать.

Въ Римскомъ хозяйствѣ господствовала трехпольная система. Эта же система болѣе экстенсивная, которая требуетъ большаго количества земли, чѣмъ обыкновенно имѣлось въ распоряженіи Рима. Она изъ существующихъ наиболѣе подходитъ къ такъ называемой залежной, или переложной системѣ, при которой поле для хозяйственной обработки берется первый годъ въ одномъ мѣстѣ, а второй въ другой, а затѣмъ вся остальная часть территоріи оставляется для скота. Эта система очень долго держалась въ Германіи, ее можно прослѣдить отъ времени Тацита до нашего времени, и она носитъ, именно, техническое названіе: wilde Feldgrasswirthschaft.

Характерна она, потому что является, именно, при переходѣ отъ скотоводства, какъ главной отрасли народнаго хозяйства къ земледѣлію. При ней чрезвычайно обширная территорія занята пастбищемъ и изъ пастбища ежегодно вынимаются клинья для пашни, для земледѣльческой обработки.

Вотъ какъ разъясняется вторая половина мѣста. Первая половина говоритъ не объ этой перемѣнѣ полей, а о занятіи и раздѣленіи (facilitatem partiendi), дѣло идетъ, очевидно, о томъ, что занимаютъ территорію цѣлыя села, цѣлыя племена, такъ и сказано: arva mutant, agros occupant universi и при томъ invicem. Оказывается, значитъ, что кромѣ опредѣленныхъ смѣнъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ все племя или весь родъ (universi) передвигаются въ своемъ земельномъ занятіи съ мѣста на мѣсто. Срокъ передвиженія не указанъ, но, очевидно, это уже не годовой срокъ. Годовой срокъ существуетъ только относительно смѣнъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, а относительно занятія всей территоріи, обрабатываемой группой, отмѣчается тотъ только характерный фактъ, что это занятіе не вѣчное, не Римское, а занятіе, при которомъ группы по истеченіи извѣстнаго періода времени передвигаются на другую территорію.

Итакъ, и въ характерѣ владѣнія произошла перемѣна, значительная сравнительно съ временемъ Цезаря, — перемѣна къ большей твердости, осѣдлости, но далеко еще не къ той прочной осѣдлости, какую мы знаемъ теперь и какую знали Римляне времени Тацита.

Третье наблюденіе, которое приходится уже дѣлать не изъ этого мѣста, а изъ другихъ, и которое стоитъ въ совершенной связи съ указаннымъ мѣстомъ, касается субъектовъ владѣнія, тѣхъ группъ,

которыя захватываютъ въ свои руки землю. У Цезаря это группы очень обширныя: gentes et cognationes; у Тацита ясно видно, что хозяйства сосредоточиваются въ рукахъ отдѣльныхъ семействъ, субъектомъ владѣній и хозяйствъ является уже не родъ и не свойство, а семейства — группы болѣе тѣсныя. Разложеніе, такимъ образомъ, коллективнаго землевладѣнія въ сторону индивидуальнаго идетъ рука объ руку съ усиленіемъ интенсивной обработки, съ переходомъ все къ болѣе и болѣе прочной осѣдлости. Направленіе взято, но оно еще не дошло до конца. Дѣло находится въ промежуточной стадіи семейной общины: забираютъ и обрабатываютъ землю семейныя группы. При этомъ владѣніе не пріобрѣло еще характера частнаго владѣнія, и возможны постоянныя переселенія и передѣлы племени въ тѣ періоды, когда племя передвигается съ мѣста на мѣсто. Начинается и новый порядокъ раздѣла (mox inter se partiuntur secundum dignationem).

Что такое это secundum dignationem? Одни предполагаютъ, что подъ dignatio тутъ разумѣется оцѣнка хлѣбородности, дохода изъ участка. Это мало вѣроятное предположеніе, потому что при той экстенсивности, которую имѣло хлѣбопашество въ описываемое время, едва-ли могло приниматься въ разсчетъ такое соображеніе. Гораздо вѣроятнѣе другое. Какъ мы увидимъ, въ Германіи Тацита уже существовала іерархія, а эта іерархія должна была соотвѣтствовать извѣстному имущественному различію. У Тацита подъ dignatio и разумѣется dignatio hominum; слѣдовательно, partiuntur secundum dignationem значитъ, что извѣстнымъ аристократическимъ семьямъ даются болѣе крупные и лучшіе участки, чѣмъ другимъ.

Сословія. Перехожу теперь къ характеристикѣ того сословнаго быта, который развивается на той хозяйственной основѣ, которая описана у Тацита. Во время Тацита масса Германскаго общества является уже расчлененной на классы и состоянія, и уже ясно, что устанавливаются довольно значительныя различія какъ разъ въ отношеніи имущества. Ясно, что эти имущественныя различія должны были болѣе всего установиться не вслѣдствіе сильнаго развитія частной собственности на землю, какъ я говорилъ, такое развитіе не могло еще образоваться при частыхъ передѣлахъ и перемѣщеніяхъ; нѣтъ, основаніемъ для имущественнаго различія

здѣсь, какъ и всегда въ первобытномъ обществѣ, является различіе въ обладаніи движимостью. Частная собственность, прежде чѣмъ укрѣпиться относительно земли, захватываетъ движимое имущество, потому что корень частной собственности всегда и вездѣ заключается въ присвоеніи отдѣльныхъ предметовъ отдѣльнымъ лицомъ въ силу того особеннаго личнаго труда, который оно положило для ихъ пріобрѣтенія. Прежде чѣмъ индивидуализируется земельная собственность и обработка, являются основанія для частной собственности относительно скота и относительно людей. Относительно скота является рано, еще въ кочевой періодъ, разница въ хозяйствахъ отдѣльныхъ семействъ, которая даетъ основу для имущественнаго паденія однихъ и возвышенія другихъ. Относительно людей, т. е. военнопленныхъ, рабовъ являются основанія для различія, какъ скоро развивается военный бытъ. Личная доблесть играетъ при этомъ важную роль: одинъ захватываетъ больше, другой меньше, и вотъ, обладаніе рабами является основаніемъ для дальнѣйшаго развитія частной собственности.

Я указываю на самыя рѣзкія формы, но точно также можно было бы указать на то, какъ рано являются основанія для развитія частной собственности на оружіе, на одежду и т. п.

Какъ бы то ни было, у Тацита указывается на то, что имущественное различіе у Германцевъ очень замѣтно: locupletissimi veste distinguuntur (G. 17). На основаніи этихъ имущественныхъ различій у Тацита все общество группируется на четыре главныхъ класса: знатные nobiles, ingenui свободные, libertini вольноотпущенные и servi рабы.

Наиболѣе замѣтнымъ и фактически наиболѣе сильнымъ элементомъ является несомнѣнно второй классъ – ingenui. Общее описаніе политической жизни времени Тацита повсюду предполагаетъ, именно, этотъ классъ тамъ, гдѣ спеціально не оговариваются преимущества класса знатныхъ, и преимуществъ этихъ не много. Въ вѣчѣ, которое составляетъ центральное политическое учрежденіе, всѣ равны; въ этомъ отношеніи свободные и знатные стоятъ на одной и той же почвѣ.

Фактъ чрезвычайно важный, потому что какъ скоро аристократическій элементъ развивается у народа на сравнительно ранней ступени развитія, такъ тотчасъ же развитіе аристократическихъ преимуществъ отражается на политическихъ учрежденіяхъ, на участіи различныхъ классовъ въ устройствѣ политическаго центра. Такъ

и было впослѣдствіи въ Германіи, когда тамъ развивались первоначальные зачатки аристократизма.

Теперь еще этого нѣтъ, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что классъ знатныхъ — nobiles, хотя онъ и опредѣлился, тѣмъ не менѣе еще не имѣетъ большаго значенія; еще является какъ бы исключительнымъ среди массы свободныхъ, эта масса не подчинилась еще ему. Эта масса главнымъ признаетъ свое положеніе, имѣетъ участіе въ политической и въ военной жизни. Всѣ свободные люди времени Тацита воины: и всѣ свободные люди времени Тацита, именно, потому что они держатъ оружіе въ рукахъ, являются участниками народнаго верховенства въ центральномъ политическомъ учрежденіи - вѣчѣ.

Это является исходной точкой дальнѣйшаго развитія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что сословное развитіе Среднихъ вѣковъ, сословное развитіе феодальнаго времени характеризуется какъ разъ тѣмъ, что просто свободные теряютъ оружіе и вслѣдствіе этого впадаютъ въ зависимость.

Чѣмъ же отличаются отъ этой массы свободныхъ nobiles, классъ которыхъ образуется среди ingenui на правахъ исключенія. Они отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что только изъ этого класса избираются короли: reges ex nobilitate sumunt (g. 7). Вотъ единственное важное политическое отличіе, которое встрѣчается у Тацита. Весьма вѣроятно, что это политическое отличіе распространяется не на однихъ королей, а и на князей. Есть, по крайней мѣрѣ, указанія, при описаніи дружины, на то, что княжеское достоинство могло доставаться даже очень молодому человѣку, еще не совершеннолѣтнему вслѣдствіе его особенно благороднаго происхожденія: insignis nobilitas (aut magna patrum merita) principis dignationem etiam adulescentulis adsignant (g. 13), — благородное происхожденіе (или великія заслуги отцовъ) могли доставить княжеское достоинство, достоинство вождя даже молодому человѣку.

Но я указываю вамъ на этотъ фактъ всетаки съ нѣкоторой оговоркой. Рядомъ съ этой nobilitas стоитъ и другое слово: aut magna patrum merita. Значитъ, наравнѣ съ особенною знатностью происхожденія могли молодаго человѣка выдвинуть въ положеніе вождя и заслуги отцовъ, т. е. непосредственныхъ предковъ. Какъ бы то ни было nobilitas имѣетъ извѣстную важную привилегію относительно избранія королей и князей.

Какая же это была знать? - Знать ранних эпох формируется обыкновенно по одному изъ трехъ порядковъ. Она можетъ быть или знатью земельной, землевладѣніе можетъ образовать ее; или знатью служилой, т.е. она можетъ выдвинуться вслѣдствіе службы при сильной королевской власти; или, наконецъ, знатью родовой, т.е. такою знатью, которая образовалась, наприм., въ Греціи подъ названіемъ эвпатридовъ, или въ Римѣ подъ названіемъ патриціевъ. Эта родовая знать является вслѣдствіе того, что при организаціи родовъ и вообще дѣленій на родовомъ началѣ извѣстная семья получаетъ значительное преобладаніе надъ другими для культа и для управленія родомъ. Вы помните, какъ приходилось характеризовать эту патриціанскую знать рода относительно греческой аристократіи. Старшинство въ извѣстномъ родѣ переходитъ не просто отъ старшаго къ старшему, а держится въ предѣлахъ одной семьи, которая имѣетъ преобладающее значеніе въ родѣ, πάτρα, какъ говорили Спартанцы. Являются такимъ образомъ мелкія родовыя правительства для поддержанія культа и для управленія всѣмъ родомъ. Образованіе такого рода правительствъ является условіемъ аристократіи. Одно семейство въ цѣляхъ объединенія всего рода получаетъ аристократическое положеніе среди его членовъ.

Вотъ три возможныя основанія для образованія первобытной аристократіи. Два изъ этихъ основаній исключаются для жизни Германскихъ племенъ по общимъ соображеніямъ. Мы не имѣемъ какого либо опредѣленнаго мѣста Тацита, которое позволило бы намъ сказать, что зарождающаяся знать Германскихъ племенъ имѣла характеръ знати родовой. Такого мѣста, я говорю, у Тацита мы не найдемъ. Но въ описаніи Тацита есть достаточно данныхъ для того, чтобы устранить предположеніе о землевладѣльческой и служилой знати. Нѣтъ возможности предположить землевладѣльческое основаніе этой знати, потому что все земельное владѣніе этой эпохи является чрезвычайно слабо организованнымъ, именно, съ точки зрѣнія частнаго владѣнія. Значитъ, различіе отдѣльныхъ группъ и семействъ если обозначается, то обозначается слабо. При такихъ условіяхъ образоваться землевладѣльческая знать не можетъ. Она образуется тогда, когда создается частное владѣніе и отъ этого частнаго владѣнія приводится въ хозяйственную зависимость масса. Такого положенія во время Тацита нѣтъ. Еще менѣе можно предположить знать служилую. Для

знати служилой надо очень значительное возвышение герцогской, королевской власти; необходимо, чтобы королевская или герцогская власть, наприм., являлась съ очень значительными полномочіями, чтобы она имѣла возможность возвышать своихъ слугъ. Это являлось во время Тацита только въ видѣ очень рѣдкаго исключенія. Вообще же говоря короли мало чѣмъ отличаются отъ другихъ вождей.

Относительно двухъ другихъ разрядовъ можно ограничиться болѣе краткимъ очеркомъ.

О вольноотпущенникахъ или полусвободныхъ Тацитъ говоритъ очень прямо и ясно: вольноотпущенники мало возвышаются надъ рабами, рѣдко имѣютъ значеніе въ дѣлѣ хозяйства и никогда не имѣютъ значенія въ государствѣ, кромѣ тѣхъ государствъ, у которыхъ есть короли. Въ этихъ государствахъ они случайно возвышаются даже и надъ свободными и надъ знатными. Вотъ мѣсто Тацита: liberti non multum supra servos sunt, raro aliquid momentum in domo, nunquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus, quae regnantur. Ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt (G. 25). Оно, во первыхъ, интересно потому, что показываетъ маловажное различіе вольноотпущенныхъ отъ рабовъ: они мало, слабо отдѣляются отъ рабовъ. Интересно оно и въ другомъ отношеніи: эти люди, такъ мало отличающіеся отъ рабовъ, въ извѣстныхъ случаяхъ пріобрѣтаютъ значеніе. Именно, королевская власть дѣлаетъ иногда возможнымъ возвышеніе вольноотпущенника, и поэтому случается, что отдѣльные вольноотпущенники восходятъ у племенъ съ королевскою властію выше свободныхъ и знатныхъ.

Но это явленіе, конечно, отдѣльное и исключительное; явленіе, которое въ теченіи мѣста даетъ косвенное указаніе относительно того, что германская аристократія ни коимъ образомъ не была служилая, потому что какъ разъ тутъ возвышеніе съ помощію королевской власти у племенъ, управляемыхъ королями, совершается вольноотпущенниковъ, а не nobiles. Nobilitas, значитъ, не имѣетъ служилаго характера, а служилая аристократія является въ видѣ исключенія только относительно нѣкоторыхъ отпущенныхъ на волю.

Рабство Германцевъ поразило Римскаго наблюдателя своимъ глубокимъ различіемъ съ рабствомъ Римскимъ. Вмѣсто той массы Римскихъ рабовъ, представлявшихся мертвыми орудіями господина, кото-

рая группировалась по его произволу, управлялась исключительно его приказаніемъ, Германскіе рабы всѣ или по крайней мѣрѣ самая большая часть ихъ имѣютъ свое хозяйство, поставлены самостоятельные, а не являются въ качествѣ простыхъ хозяйственныхъ орудій. Вотъ какъ говоритъ объ нихъ Тацитъ: suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum certum dominus aut pecoris aut vestis aut colono iniungit, et servus hactenus paret (G. 25). Господинъ обязываетъ его опредѣленнымъ оброкомъ, хлѣбомъ-ли или скотомъ, или одеждою и, именно, въ этихъ размѣрахъ повинуется рабъ, подобно нашему колону, т.е. свободному арендатору времени Тацита: ut colono iniungit et servus hactenus paret.

Такого рода характеристика была важна, конечно, чрезвычайно для дальнѣйшаго развитія рабскаго состоянія. Вы видите, что здѣсь у Германскихъ племенъ мало по малу складывается положеніе, похожее на положеніе Римскаго свободнаго колона. Это обстоятельство значительно облегчило развитіе зависимыхъ классовъ въ Средніе вѣка. Какъ разъ тутъ Римская форма, выработавшаяся въ IV и V вв., встрѣтилась съ похожей, хотя совершенно самостоятельно развившейся формой Германской. И изъ этихъ то двухъ основаній похожихъ, хотя самостоятельно развившихся, и пошло полусвободное состояніе массы средневѣковаго крестьянства.

Политическая организація. Въ какомъ же видѣ представляется политическая организація времени Тацита? - Дѣло уже значительно измѣняется со времени Цезаря. Что особенно поражало Цезаря, - это слабость или отсутствіе центральной организаціи племени. Князья областей вершаютъ судъ въ этихъ областяхъ, и только для военнаго времени и для военныхъ цѣлей избирается одинъ вождь. Во время Тацита является уже постоянная центральная власть и въ мирное время. Въ мирное время центральная власть принадлежитъ однако не вождю, а вѣчу. Вѣче является главнымъ политическимъ учрежденіемъ времени Тацита.

Подготовительную роль къ нему играетъ областной съѣздъ князей, которые разсуждаютъ и рѣшаютъ второстепенныя дѣла и подготовляютъ важнѣйшія: de minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes praetractentur (G. 11). Съѣздъ князей дѣйствуетъ такимъ образомъ относительно вѣча точно такъ же, как γερουσία, βουλή и senatus дѣйствовали относительно народнаго собранія древняго міра. Ме-

жущая политика и подготовка дѣлъ на вѣче является его обязанностью.

Это верховное вѣче описано у Тацита чрезвычайно характерно для преобладанія, именно, народнаго элемента, для республиканскаго, такъ сказать, характера политическаго устройства Германцевъ. На вѣчѣ могутъ присутствовать и короли; если короли стоятъ во главѣ племени, то они даже обязаны присутствовать на вѣчѣ; присутствуютъ тамъ герцоги, князья. Но всѣ эти лица стушевываются передъ верховенствомъ вѣча; настолько стушевываются, что они являются только въ качествѣ отдѣльныхъ ораторовъ и совѣтниковъ. Имъ принадлежитъ слово, но наравнѣ съ другими, и они будутъ говорить, какъ и частные люди, только опираясь на свое краснорѣчіе, на свою славу, знатность. Дисциплина на вѣчѣ, такъ сказать, нарушается: положеніе короля стушевывается, и руководство собраніемъ принадлежитъ не этому вождю, а жрецу, который является предсѣдателемъ вѣча. Король на вѣчѣ, такимъ образомъ, только одинъ изъ членовъ. Естественно, что при этихъ условіяхъ, такъ сказать, народнаго верховенства самыя формы вѣча довольно безпорядочны и дисциплина не строгая: трудно заставить ихъ сойтись и устроиться, трудно и руководить ими.

Но основное положеніе совершенно ясно и это основное положеніе верховенства стоитъ въ опредѣленномъ контрастѣ съ тѣмъ, что мы видѣли относительно ранняго развитія вѣча у древнихъ народовъ. Вспомните спартанскую апеллу, вспомните вѣче Гомеровской эпохи, вспомните, наконецъ, медленное развитіе народнаго собранія у Римлянъ. Контрастъ въ этомъ случаѣ очень значительный, который только показываетъ, что мы въ данномъ случаѣ въ эпоху Тацита имѣемъ уже второй періодъ народнаго развитія, а никакъ не первый, — второй періодъ, при которомъ масса сознательно относится къ своимъ правамъ и политическимъ преимуществамъ. Первый періодъ тоже отражается въ нашихъ источникахъ относительно Германцевъ, и онъ закончился не такъ давно. Остаткомъ перваго періода является тотъ consilium, о которомъ упоминаетъ Цезарь. Въ этомъ consilium дѣйствуетъ одинъ вождь, масса присутствуетъ и ея роль ограничивается тѣмъ, что она примыкаетъ къ рѣшенію вождя. И въ этомъ отношеніи 150 лѣтъ между Цезаремъ и Тацитомъ произвели очень важную перемѣну въ политической жизни.

На вѣчѣ избираются областные князья, которые творятъ судъ и расправу въ отдѣльныхъ частяхъ племенъ: eliguntur in isdem conciliis et principes, qui iura per pagos vicosque reddunt (g. 12). Важна въ данномъ случаѣ характеристика устройства областей на выборномъ началѣ. Только о выборныхъ вождяхъ знаетъ Тацитъ. Вспомните у Цезаря: magistratus ac principes: magistratus – выраженіе, которое выбрано было Цезаремъ, очевидно, потому что уже въ его время были выборные вожди у Германцевъ. Римскій писатель точно опредѣлилъ: это не просто должностное лицо и не просто вождь, а должностное лицо, получившее делегацію народа, получившее свою власть изъ рукъ народа. Такимъ образомъ одно слово magistratus въ томъ мѣстѣ Цезаря, въ которомъ онъ говоритъ о составѣ начальствующихъ лицъ, указываетъ на то, что уже въ эпоху Цезаря были выборные магистраты. Но въ эпоху Цезаря были и другіе, потому что указывается въ контрастъ на principes, а Тацитъ говоритъ для областей только о principes, и уже не проводитъ дѣленія на два класса. Вожди или начальники у него являются только какъ одинъ классъ, и при томъ они только выборные.

Наравнѣ съ этими вождями, которымъ принадлежитъ судъ по областямъ, Тацитъ упоминаетъ о короляхъ и о герцогахъ. Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этихъ властей, я укажу на одно замѣчаніе Тацита въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ областныхъ выборныхъ властяхъ, которое, очевидно, есть недоразумѣніе. Онъ, продолжая свою характеристику, говоритъ: centeni singulis ex plebe comites consilium simul et auctoritas adsunt (g. 12), т. е. каждый изъ этихъ principes имѣлъ по 100 сопровождавшихъ его помощниковъ, которые въ то же время являлись для него и совѣтниками, и сообщали ему судебный авторитетъ. Эти сто помощниковъ являются очевиднымъ недоразумѣніемъ. Можно-ли, во-первыхъ, предположить, чтобы въ эту сравнительно раннюю эпоху образованы были у Германцевъ такіе опредѣленные трибуналы, вмѣщавшіе по сту человѣкъ, не больше и не меньше! Можно-ли, во-вторыхъ, предположить, что если бы эти трибуналы были, то они не оставили бы никакихъ слѣдовъ въ позднѣйшемъ развитіи; а характеризуются они у Тацита не относительно одного племени, а относительно всего народа. Остается сдѣлать одно предположеніе, впрочемъ, очень естественное, что Тацитъ перепуталъ сотню судебную съ сотнею спутниковъ

или помощниковъ. Ему сообщили его источники, лица, къ которымъ онъ обращался, что князья Германскіе судятъ въ сотнѣ, въ сотенномъ собраніи. А онъ сказалъ, что они судятъ съ сотнею судей, т.е. съ сотнею спутниковъ, что можетъ быть для Римлянина представлялось болѣе простымъ, и было невѣрно. А сотенныя собранія, какъ мы знаемъ изъ послѣдующей исторіи, были судебными собраніями у отдѣльныхъ областныхъ дѣленій всѣхъ Германскихъ племенъ: и у Франковъ, и у Англосаксовъ, и у Лонгобардовъ. Такія областныя дѣленія назывались сотенными дѣленіями, при этомъ въ основаніе была положена военная организація: каждая область выставляла, такъ сказать, роту - 100 человѣкъ. И это-то областное названіе есть въ то же время какъ разъ названіе суда. Это, именно, и дало Тациту основаніе для нѣкоторой путаницы въ передачѣ, съ которою однако легко справиться.

Короли и герцоги. Остаются, такимъ образомъ, для центральнаго руководства герцоги, короли и, затѣмъ, упоминаемые Тацитомъ мимоходомъ principes civitatis. Относительно этихъ principes civitatis мы слышимъ только названіе и узнаемъ, что это были князья, стоявшіе не надъ областью, а надъ племенемъ; по всей вѣроятности, совершенно похожіе на областныхъ князей, но отличающіеся отъ нихъ только обширностью компетенціи.

Тацитъ болѣе обстоятельно говоритъ о герцогахъ и короляхъ. Королей, по его словамъ, берутъ сообразно знатности, герцоговъ сообразно доблести; ни у королей, ни у герцоговъ нѣтъ при этомъ неограниченной власти и своеволія. И тѣ и другіе больше увлекаютъ примѣромъ, нежели приказываютъ: увлекаютъ своимъ личнымъ примѣромъ, если они лично замѣтны, идутъ впереди всѣхъ, - вотъ основаніе для ихъ власти. Стало быть тутъ обозначается, что и та и другая власть имѣетъ главнымъ образомъ военное значеніе; это подобно тому communis magistratus, о которомъ говорилъ Цезарь въ выше приведенномъ мѣстѣ.

Но есть различіе, отличающее dux какъ вождя избраннаго по своей доблести, избраннаго для временнаго руководства отдѣльными предпріятіями, отъ rex, власть котораго не прекращается на отдѣльномъ предпріятіи и который избирается не только по доблести. Мы уже видимъ, что у Германцевъ относительно reges устанавливается, такъ сказать, промежуточная форма, которую нельзя назвать ни избирательной, ни наслѣдственной. Короли избираются обыкновенно изъ одной

stirps, изъ одного колѣна, но избираются, а не то, чтобы положеніе отца всегда переходило по наслѣдству къ сыну. Вотъ это смѣшеніе наслѣдства въ предѣлахъ извѣстной семьи и избранія народомъ и составляетъ самую характерную черту Германской королевской власти; черту, которая продолжала дѣйствовать и послѣ переселенія народовъ. Власть эта была совершенно подчинена народному верховенству. Reges и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ повелѣваютъ главнымъ образомъ благодаря своему нравственному авторитету, а не въ силу какихъ-либо обширныхъ правъ.

У Тацита описываются два, три племени, у которыхъ королевская власть развита сильнѣе. Эти племена находились съ одной стороны на римской границѣ (Маркоманны), у нихъ королевская власть развилась подъ вліяніемъ Римскихъ учрежденій и борьбы съ Римлянами; продолжительная борьба выдвигала, такъ сказать, диктатуру съ сильной властью. А затѣмъ есть указанія, что восточныя Германскія племена имѣли болѣе сильную королевскую власть, нежели та, которая вообще развивалась у Германскихъ племенъ. Это второе обстоятельство трудно объяснить. Очень вѣроятно, что оно стоитъ въ связи съ тѣмъ, что на востокѣ Германскія племена смѣшивались съ Финскими и Славянскими народностями.

Дружина. Дружина Германская, описанная у Тацита, дала поводъ къ самымъ противоположнымъ толкованіямъ того мѣста Германіи, которое ей посвящено. Это XIII глава. Толкованія эти расходятся главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Одни утверждаютъ, что дружина это учрежденіе, случайно образующееся около какого-нибудь частнаго человѣка; учрежденіе, которое по этому самому сталкивается съ племенной организаціей. Племя организовано на началѣ подчиненія извѣстнаго ряда лицъ вѣчу, герцогамъ, королю, смотря по обстоятельствамъ. И вдругъ среди этого организованнаго круга появляется совершенно новая власть, частнаго происхожденія! Свободный человѣкъ или знатный, но не имѣющій обязательно офиціальнаго положенія, собираетъ вокругъ себя добровольцевъ, дѣлается самъ княземъ и выдѣляется съ группою примкнувшихъ къ нему молодыхъ людей, выдѣляются такимъ образомъ какъ бы самостоятельныя политическія тѣла среди племени. Вотъ одно представленіе.

Въ силу другаго мнѣнія, дружина не имѣетъ этого характера, до-

бровольческаго случайнаго политическаго союза. Она есть просто отрядъ тѣлохранителей и примыкаетъ не ко всякому частному лицу, подходящему, а примыкаетъ только къ опредѣленному, къ офиціальному вождю племени. Дружину, слѣдовательно, можетъ имѣть только король, или герцогъ, или князь, а никакъ не свободный или знатный, не имѣющій офиціальнаго положенія. При такомъ взглядѣ дружина умѣщается въ племени, становится учрежденіемъ служебнымъ и не запутываетъ политическихъ связей Германской жизни, не придаетъ имъ характера безпорядка, недоконченности, неразвитости.

Вотъ два мнѣнія. Каждое изъ нихъ опирается на общее представленіе о бытѣ Германцевъ. Однимъ кажется вполнѣ естественнымъ, что у зарождающагося народа, у народа, находящагося на чрезвычайно низкой ступени развитія, культурныя и политическія формы безпорядочны, неловки, представляютъ своего рода организованную анархію. Одна школа, такимъ образомъ, не видитъ ничего страннаго въ томъ, что случайно возникающая дружина вступаетъ въ конкурренцію съ опредѣленной организаціей племени. Другая школа, исходя изъ предположенія, что бытъ Германцевъ, описанный у Тацита, представляется совершенно стройнымъ, не менѣе выработаннымъ, чѣмъ бытъ древнихъ народовъ, въ то время, когда мы знакомимся съ ними; что поэтому нѣтъ мѣста для этого постояннаго безпорядка и для этой конкурренціи между племенемъ и дружиной. Вотъ два основныхъ положенія, которыя имѣютъ больше значенія, чѣмъ простой спеціальный споръ объ учрежденіяхъ. Какъ разъ тутъ споръ расширяется, становится пробнымъ камнемъ для оцѣнки вопроса, на какой ступени развитія находится Германскій народъ въ эпоху, описанную Тацитомъ: слѣдуетъ ли говорить о полной политической незрѣлости или слѣдуетъ говорить о крѣпкомъ, уже сформировавшемся строѣ. Первое мнѣніе поддерживается старой реакціонной школой и школой романистовъ главнымъ образомъ. Второе мнѣніе развито преимущественно школою Германистовъ, которые, какъ вы знаете, стараются всячески устранить изъ исторіи Германскихъ племенъ всѣ поводы заподозрить нѣмцевъ въ склонности къ разрозненности и безпорядку.

Посмотримъ теперь, заручась этой общей характеристикой спорящихъ мнѣній, на то, что собственно говоритъ описаніе дружины въ XIII гл.: То мѣсто, которое главнымъ образомъ имѣется въ виду,

какъ внушающее такія сомнѣнія, слѣдующее: insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adulescentulis adsignant: ceteri robustioribus ac iam pridem probatis adgregantur, nec rubor inter comites adspici.

Переводъ, простой, безъ толкованія, такъ сказать, будетъ приблизительно слѣдующій: особенная знатность и великія заслуги предковъ предоставляютъ даже отрокамъ достоинство вождя; остальные (подразумѣвается, отроки, молодые люди) присоединяются къ болѣе крѣпкимъ и уже испытаннымъ, и не стыдно быть въ числѣ дружинниковъ или спутниковъ - comites. Далѣе слѣдуетъ описаніе комитата.

Вотъ это мѣсто. Я не буду говорить о разныхъ попыткахъ толкованія отдѣльныхъ выраженій, попыткахъ, которыя завели бы въ чрезвычайно долгій разборъ аргументовъ спора. Укажу только на коренной поводъ къ разногласію. Та школа, которая предполагаетъ въ данномъ мѣстѣ характеристику частной дружины, т.е. дружины, которая собирается около всякаго частнаго лица, переводитъ principis dignationem такъ же, какъ если бы было principis dignitatem, т.е. какъ я только что перевелъ: достоинство вождя. И толкуетъ такимъ образомъ, что даже молодые люди сразу становятся воинами и избираются вождями или князьями, потому что за нихъ говорятъ особыя заслуги предковъ или особенная знатность. Остальные же молодые люди зачисляются въ дружину, т.е. первоначально становятся обязательно спутниками кого-либо другаго, и при этомъ другомъ учатся военному ремеслу. Такъ какъ эти другіе, къ которымъ примыкаютъ молодые люди, характеризуются общими выраженіями: robustiores ac iam pridem probati, то и можетъ быть рѣчь только объ избраніи по крѣпости, такъ сказать, по силѣ и по испытанности, а не по официальному положенію. Дѣло идетъ, значитъ, о свойствахъ, которыми можетъ обладать всякій частный человѣкъ, а не обладающій официальнымъ положеніемъ князя, герцога, короля.

Для другого толкованія, во-первыхъ, не слѣдуетъ такъ разсматривать мѣсто. Principis dignationem толкуютъ не въ смыслѣ principis dignitatem, не въ смыслѣ достоинства, а въ смыслѣ вниманія вождя, удостоенія съ его стороны. И все мѣсто получаетъ такой характеръ. Дѣло идетъ раньше о передачѣ оружія, какъ о свидѣтельствѣ, такъ сказать, совершеннолѣтія, когда юноша достигнетъ извѣстнаго возра-

ста. Но въ видѣ исключенія князь передаетъ оружіе, приближаетъ къ себѣ, записываетъ въ свою дружину даже adulescentulos, даже тѣхъ, кто не достигъ еще совершеннолѣтія, а кто по особенной знатности въ данномъ случаѣ присоединяется къ старшимъ и не стыдится считаться среди дружины и т. д. Такимъ образомъ principes являются центромъ всего описанія, и разъ principes являются центромъ всего описанія въ дружинѣ, значитъ, рѣчь идетъ только объ образованіи такого рода скопа около вождя, около офиціальнаго представителя государственнаго элемента; значитъ, дружина входитъ въ племя, а не противорѣчитъ государственному порядку.

Вотъ, въ самыхъ краткихъ чертахъ сущность контроверзы по отношенію къ указанному мѣсту Германіи. Какъ разрѣшить контроверзу? Мнѣ кажется, что, — независимо отъ критики мѣста, которое достаточно даетъ указаній, но въ которую я входить не буду за недостаткомъ времени —, есть много обстоятельствъ косвенныхъ, которыя показываютъ, съ какой дружиной имѣлъ дѣло Тацитъ. Надо принять во вниманіе только не одну эту характеристику, не одно самое трудное, самое спорное мѣсто, а взять все описаніе дружины въ ея совокупности, и тотчасъ-же выяснится, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ отрядомъ-ли тѣлохранителей или съ политическимъ тѣломъ, которое осложняетъ и запутываетъ политическія отношенія племени. Во-первыхъ, достаточно ясно, что дружина, описанная Тацитомъ, является совершенно внѣ племенной связи по своему составу. Въ дружину, оказывается, вступаютъ не только молодые люди племени, но и молодые люди со стороны. Составъ дружины разноплеменный, уже это одно дѣлаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы шло дѣло объ отрядѣ тѣлохранителей. Элементы организаціи дружины выступаютъ за предѣлы племенной организаціи. Личный авторитетъ ея вождя привлекаетъ къ нему людей, которые съ племенной организаціей ничего общаго не имѣютъ; очевидно, что этихъ чужестранцевъ привлекаютъ не какія-нибудь офиціальныя полномочія этого человѣка, а его храбрость, его успѣхъ, его слава на войнѣ, т. е. условія, такъ сказать, частныя; не связанныя съ политическимъ положеніемъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, вліяніе дружины точно также не ограничивается извѣстнымъ положеніемъ среди племени. Дружина выходитъ за его предѣлы какъ самостоятельное политическое тѣло,

она является in pace decus, in bello praesidium. Вождь дружины получаетъ особенное политическое значеніе и силу совершенно независимо отъ того, принадлежитъ ли онъ къ племени Семноновъ или къ племени Маркоманновъ. Въ-третьихъ, дружина эта разноплеменная по своему составу, вліяющая политически за предѣлы племени, имѣетъ кромѣ того, прямой предметъ, такъ сказать, своего совершенно случайнаго скопа. Не можетъ быть сомнѣнія относительно того, что эта дружина стоитъ въ связи съ тѣмъ учрежденіемъ, которое описано у Цезаря, но описано совершенно какъ случайный набѣгъ добровольческаго характера. На совѣтѣ или на вѣчѣ встаетъ кто-нибудь изъ племени и къ нему совершенно добровольно примыкаютъ тѣ или другіе, клянутся за нимъ слѣдовать; и такимъ образомъ является извѣстная постоянная связь. Эта связь однако совершенно ограничивается предѣлами одного предпріятія, одного набѣга. Въ эпоху Тацита она упрочивается; но характеръ этой связи всетаки разъясняется тѣмъ, что она развилась изъ Цезаревскаго описанія. Тамъ дѣло шло о набѣгѣ банды, здѣсь дѣло идетъ во всякомъ случаѣ не объ организаціи гвардіи или отряда тѣлохранителей, а о скопѣ добровольцевъ, только для болѣе постоянной цѣли, тутъ уже in pace decus, а тогда только было in bello praesidium.

Но главное, на чемъ я настаиваю, это то, что въ общей характеристикѣ дружины выступаетъ принципъ, который прямо противоположенъ основному принципу, дѣйствующему въ племени. Надъ племенемъ господствуетъ начало народнаго верховенства; всѣ въ племени равны, даже король и князь не болѣе какъ простой гражданинъ на вѣчѣ. Не можетъ быть и рѣчи о подчиненіи одного свободнаго человѣка другому. Въ дружинѣ, какъ она описана у Тацита, все имѣетъ противоположный характеръ. Здѣсь является связь контраста: дружинникъ Тацита жертвуетъ своею личностью для вождя. Мало того, что дружина основана на безусловномъ повиновеніи дружинника своему вождю, на безусловномъ подчиненіи одного свободнаго человѣка другому, она основана даже на самоотреченіи отъ заслуги. Дружинникъ долженъ, напр., отказываться отъ своего славнаго дѣла и приписывать его вождю.

Вотъ тѣ общія замѣчанія, которыя необходимо имѣть въ виду для оцѣнки смысла XIII гл. и для выбора между двумя толкованіями. Выборъ между двумя толкованіями, я думаю, въ виду этихъ общихъ замѣчаній долженъ склониться въ пользу того предположенія, что мы имѣемъ дѣло

въ Тацитовской дружинѣ не съ подчиненнымъ началомъ, а съ началомъ самостоятельнымъ, противоположнымъ племенному и по составу и по характеру. А потому нѣтъ надобности ограничивать дружину офиціальной ролью тѣлохранителей. Въ самомъ мѣстѣ есть одно, по моему мнѣнію, указаніе на то, какъ слѣдуетъ его толковать. Это, именно, выраженіе: nec rubor inter comites adspici. Оно появляется совершенно безъ предувѣдомленія. Если принять толкованіе Германистовъ, то остается непонятнымъ, какъ Римскій читатель долженъ былъ истолковать себѣ это comites, если сначала не было ни одного слова сказано о подчиненіи одного лица другому. Если же толковать, что adulescentuli подчиняются и болѣе сильнымъ и испытаннымъ, если видѣть вождей дружины въ этихъ robustiores, а не въ principes, тогда comitum rubor получаетъ полное разъясненіе въ предыдущемъ. Дѣлаю это замѣчаніе болѣе въ видѣ намека, чѣмъ ключа къ разъясненію. Мой взглядъ резюмируется такимъ образомъ: дружинное начало, какъ оно описано у Тацита, втиснутое въ рамки племени, выходитъ за эти рамки, представляетъ основаніе для борьбы между племенной организаціей и дружинной и является симптомомъ чрезвычайной незаконности политическаго развитія, незрѣлости, важнымъ симптомомъ для характеристики той ступени развитія, на которой находились Германцы.

Общая характеристика быта Германцевъ по Цезарю и Тациту. Напомню вамъ въ самыхъ краткихъ чертахъ тѣ основныя положенія, къ которымъ я пришелъ при характеристикѣ древняго Германскаго быта по Цезарю и Тациту.

Осѣдлость является въ самыхъ своихъ начаткахъ. У Германскихъ племенъ во время Цезаря еще преобладаетъ кочевой и бродячій порядокъ; во время Тацита наступаетъ преобладаніе началъ осѣдлости, не вытѣснивъ однако вполнѣ кочевого порядка. Въ связи съ этимъ частная собственность развивается преимущественно въ формѣ захвата движимости. Землевладѣніе является еще коллективнымъ. Носителями коллективнаго землевладѣнія въ эпоху Цезаря были роды и союзы свойства, въ эпоху Тацита семьи. Политическая организація эпохи Цезаря тѣсно связана съ развитіемъ областной жизни, центральныя учрежденія играютъ второстепенную роль; вѣче упоминается мимоходомъ; вождь является только въ видѣ исключенія для войны. Центральныя учрежденія эпохи Тацита уже развились и утвердились.

главное изъ нихъ это вѣче, которое по своему преобладанію и могуществу придаетъ всему быту республиканскій характеръ, и даже тамъ, гдѣ существуютъ короли. Наперекоръ племенному началу, завершающемуся вѣчемъ въ своей организаціи, дѣйствуетъ политическая форма, тѣсно связанная съ военнымъ бытомъ, съ постоянными передвиженіями, съ политической незрѣлостью, — форма дружины, т. е. военнаго добровольческаго союза, который проводится на началахъ политическаго подчиненія, точно такъ же какъ племя развивается на началѣ политическаго равенства. Вотъ политическія основы Германскаго строя. Вы видите здѣсь рѣзкій контрастъ съ Римомъ.

Германскія племена послѣ завоеванія Римскихъ провинцій.

Распаденіе родовъ и переживанія родоваго порядка.

Перехожу къ слѣдующему отдѣлу. Я остановлюсь на тѣхъ сторонахъ быта, которыя въ позднѣйшей исторіи Германскихъ племенъ послѣ завоеванія провинцій представляютъ въ различныхъ формахъ смѣшеніе Римскаго и Германскаго элементовъ. Первый рядъ вопросовъ, на который приходится обратить вниманіе, касается развитія какъ разъ тѣхъ коллективныхъ единицъ, о которыхъ я упомянулъ при характеристикѣ эпохъ Цезаря и Тацита. Родовыя начала, всемогущія въ эпоху Цезаря, еще даютъ себя чувствовать и при Тацитѣ. Но послѣ завоеванія провинцій они поддаются подъ Римскимъ вліяніемъ, и роды мало по малу распадаются на семьи. Распаденіе этихъ родовыхъ союзовъ характерно и составляетъ важную сторону жизни Германскихъ племенъ послѣ завоеванія провинцій. Въ видѣ исключенія родъ въ смыслѣ обширнаго кровнаго союза, болѣе обширнаго, нежели семья; въ смыслѣ союза, посредствующаго между семьей и племенемъ, такой обширный родъ сохраняется въ Германіи и послѣ завоеванія провинцій. Мы слышимъ о немъ еще въ варварскихъ „Правдахъ". Lex Allemannorum говоритъ, напримѣръ, о generationes, о родахъ, на которые раздѣляется войско, о genealogiae, которыя владѣютъ землею и вступаютъ въ тяжбу изъ-за земли. Очевидно, дѣло идетъ не о семьяхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, не о familiae и propinquitates, а о родахъ въ болѣе

обширномъ смыслѣ. У Бургундцевъ являются роды, которые называются фаре, т.е. большие союзы, въ которыхъ связь между братьями не прекращается послѣ смерти отца, а разрастается мало по малу въ чрезвычайно обширное общество, которое иначе нельзя назвать по-русски, какъ именемъ рода. Члены этого союза называются фараманни. Въ болѣе поздния эпохи, переживания такого порядка мы встрѣчаемъ въ разныхъ углахъ Германии, въ городахъ, въ которыхъ извѣстная часть отмежевывается въ привиллегированное сословие, въ городскую олигархию, или въ сельскихъ округахъ, которые мало были затронуты постепенными передвижениями и столкновениями племенъ. Мы видимъ обширные роды, напримѣръ въ прирейнскихъ городахъ. Всѣ члены купеческой аристократии такихъ городовъ, какъ Майнцъ, Мецъ, Кобленцъ распадаются на извѣстное число громадныхъ родовъ, которые считаютъ свое родство до седьмаго поколѣния и дальше и составляютъ корпорации, имѣющия опредѣленныя права въ управлении городомъ. Но рядомъ съ этимъ и въ сельскихъ округахъ, напримѣръ, у Фризовъ и Дитмарсовъ, въ сѣверозападномъ углу Германии, встрѣчаются точно также крупные роды, называемые слахты и клуфты. И тѣ и другие факты являются въ разрядѣ, такъ называемыхъ, переживаний, т.е. условий, засѣвшихъ въ позднѣйшую эпоху въ силу несамостоятельнаго, такъ сказать, права на существование, не самостоятельной резонности своего существования, а въ силу традиции; въ силу того, что прошлое не охотно умираетъ въ правѣ и, если умираетъ, то всегда оставляетъ послѣ себя слѣды, обломки. Но въ общемъ, конечно, эти переживания являются всетаки исключениемъ, характернымъ для предшествующаго периода, характернымъ отрицательно для дальнѣйшаго быта Германскаго племени. Въ Средние вѣка въ общемъ правилѣ обширные родовые союзы, похожие на Римские gentes, на Греческия γένη, на Кельтские кланы, у Германцевъ распадаются. Они остаются только въ извѣстныхъ углахъ Германии на правахъ исключения.

Другимъ условиемъ, содѣйствовавшимъ этому распадению, были особенно частыя передвижения Германскихъ племенъ и постоянная внутренняя и внѣшняя борьба, которую они вели. Очень ясно, конечно, какъ должны были влиять передвижения племенъ на родовой порядокъ. Извѣстная часть рода оставалась сидѣть въ старонасиженной мѣстности, другая уходила; уже этимъ самымъ родъ раздѣлялся. Затѣмъ,

переходя изъ одного мѣста въ другое, переселенцы перепутывались съ другими племенами, перемѣшивались съ остатками туземцевъ той мѣстности, въ которую они переходили. Это также содѣйствовало ослабленію кровной связи. Село перестаетъ имѣть значеніе соединенія единокровныхъ, приходится подыскивать уже другое условіе для соединенія хозяйственнаго и юридическаго. 2)

Рѣшающее значеніе здѣсь имѣло наконецъ столкновеніе съ Римомъ, борьба съ нимъ, которая мало по малу научила Германцевъ Римскому порядку. Въ этой борьбѣ вліяніе Рима сказывалось все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ когда удалось занять Римскія провинціи, Германцы быстро уступили Римскому порядку. Распались тѣ большія группы, въ которыхъ они первоначально жили, тѣ gentes cognationesque hominum, о которыхъ говоритъ Цезарь. Распались они, во-первыхъ, передъ римскимъ правомъ, главная черта котораго есть индивидуализмъ, и которое вслѣдствіе этого не могло примириться съ коллективными формами быта. Затѣмъ непосредственно вліяла самая Римская жизнь, ея нравы и привычки, не признававшія обширныхъ круговъ обязанностей и родственныхъ отношеній. Вотъ тѣ главныя причины, которыя вызвали распаденіе крупныхъ родовыхъ группъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ частяхъ права остались слѣды стараго порядка: въ уголовномъ правѣ, въ правѣ мести и выкупа, въ судопроизводствѣ, въ правѣ соприсяжничества и въ гражданскомъ правѣ, въ тѣхъ основаніяхъ, которыя получило право наслѣдованія у Германцевъ. 1) 3)

При характеристикѣ родовыхъ правъ и обязанностей я могу исходить изъ тѣхъ общихъ положеній, которыя я установилъ при изложеніи греческой исторіи. Родовые порядки въ античномъ мірѣ сохранились полнѣе, развились въ болѣе сложныя и законченныя формы, нежели въ мірѣ германскомъ. Но основныя понятія остались тѣ же самыя и у Германцевъ, какія дѣйствовали въ родовыхъ порядкахъ античныхъ народовъ. Главнымъ центромъ родовой жизни является солидарность между отдѣльными членами родового союза; солидарность, которая особенно сильно проявляется въ семьѣ, но распространяется и за ея предѣлы, захватываетъ родственниковъ дальнихъ, входящихъ въ составъ собственно рода и обнимающихъ приблизительно семь степеней родства. Эта солидарность родовой группы выражается, во-первыхъ, въ томъ, что она составляетъ единый союзъ для 1)

защиты своихъ членовъ, для защиты матеріальною силою и для защиты на судѣ; во-вторыхъ, солидарность родовой группы выражается хозяйственной кооперацiей, которая проводится въ ней и которая ведетъ къ опредѣленнымъ послѣдствіямъ въ имущественномъ и наслѣдственномъ правѣ.

По отношенiю къ защитѣ, — къ одной сторонѣ въ жизни рода, на которую приходится обратить вниманіе, — характерною чертою древняго права является совершенно выжившая въ настоящее время черта кровной мести, которая у Тацита подведена подъ его общее основаніе въ короткихъ и очень понятныхъ сильныхъ словахъ. „Обязательно", говоритъ онъ: „принимать на себя вражду, которая падаетъ на отца или на родича."* По отношенiю къ враждѣ всѣ родственники стоятъ за одного, и понятное дѣло, что, если тутъ имѣется въ виду защита своего родича отъ обиды, отъ ранъ, то еще болѣе имѣется въ виду мстить за него, убитаго. Въ данномъ случаѣ говоритъ не только оскорбленное кровное чувство, но и ущербъ рода, который потерялъ работника или защитника. Надо мстить, брать голову за голову, и поэтому собственно изъ принципа родовой мести развивается понятіе прямо частной войны. Но такъ какъ на ряду съ элементомъ мести, удовлетворенія крови, играетъ тутъ значительную роль и удовлетвореніе матеріальнаго ущерба, то, мало по малу, въ связи, во-первыхъ, съ ослабленіемъ вліянія рода, а во-вторыхъ, съ развитіемъ утилитарной точки зрѣнія у отдѣльныхъ членовъ его, развивается изъ мести выкупъ. Элементъ вознагражденія гражданскаго ущерба поглощаетъ, такъ сказать, элементъ кровной мести, осиливаетъ его, получаетъ надъ нимъ преобладаніе. И вездѣ у Германскихъ народовъ въ тотъ моментъ, когда мы застаемъ ихъ въ исторіи, уже существуетъ рядомъ съ файдой, т. е. съ борьбой изъ мести, существуетъ выкупъ — compositio, описанное уже у Тацита. Онъ говоритъ, что вражда являлась не непримиримой, и что возможно вознагражденіе за ущербъ потерпѣвшихъ родственниковъ платой извѣстнаго количества головъ скота. При этомъ получаетъ удовлетвореніе вся семья, весь дворъ — universa domus. Любопытно, что и обязанности по отношенiю къ мести и права по отношенiю къ выкупу падаютъ не на тѣхъ только лицъ, которыя жи-

* Suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui quam amicitias necesse est... G. 21.

вутъ съ убитымъ на одномъ дворѣ, которыя принадлежатъ къ его отцовскому роду. Мстителями и наслѣдниками и получателями выкупа являются и родичи со стороны матери, которые живутъ въ другихъ родовыхъ отношеніяхъ и стоятъ въ связи только по свойству.

Чрезвычайно важной чертой, которая вполнѣ ясно выражается и въ Салической Правдѣ и въ Англо-саксонскихъ, является одно ограниченіе. Оно, именно, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще кровныя отношенія Германцевъ, первоначально подобныя кровнымъ отношеніямъ античныхъ народовъ, исходили изъ болѣе широкаго понятія, нежели понятіе патріархальнаго рода. Прежде чѣмъ съузиться въ рамки рода патріархальнаго, родство разсчитывалось также и даже преимущественно по отношенію къ матери. И при требованіи мести и раздѣлѣ головничества имѣлись въ виду одинаково и родъ отца и родъ матери. Обратной стороной полученія выкупа является обязанность помогать своему родственнику при его уплатѣ. Эта обязанность и это право уравновѣшиваютъ другъ друга.

Въ Салической Правдѣ въ противоположность параграфу статьи, которая распредѣляетъ между отдѣльными родичами выгоды или вознагражденія ущерба за смерть родича, — стоитъ другая о круговой уплатѣ родичей въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, и совершившій преступленіе не можетъ заплатить выкупа. Именно, это статья, такъ называемая де chrenecruda. Здѣсь описывается, какъ преступникъ, если онъ не въ состояніи выплатить виры, призываетъ своихъ родичей къ себѣ въ хату, раздѣвается, остается босой, беретъ посохъ, и затѣмъ бросаетъ черезъ плечо землю на близкихъ родственниковъ со стороны отца и со стороны матери въ знакъ того, что онъ самъ не можетъ заплатить; а затѣмъ выскакиваетъ изъ своей хаты. Онъ, значитъ, употребилъ весь свой личный достатокъ для того, чтобы уплатить за свое преступленіе, и все-таки этого оказалось недостаточно; если ему не помогутъ родичи, то его возьмутъ въ рабство или даже убьютъ.

И такъ по Салической Правдѣ родичи привлекаются къ отвѣтственности за преступленіе одного изъ нихъ, причемъ отвѣтственность эта является не такой, какая была бы распредѣлена на всѣхъ родичей, она падаетъ только на ближайшихъ, отдаленные родственники не принимаютъ участія въ уплатѣ выкупа. Это уже, я говорю, позднѣйшее

видоизмѣненіе, потому что родъ представляется расчлененнымъ не только на семейные союзы или обширныя родовыя дѣленія, но на нѣсколько градацій, по которымъ и спадаетъ, такъ сказать, отвѣтственность преступника. Но эта болѣе поздняя форма всетаки выражаетъ одно коренное воззрѣніе, что отвѣтственность преступника есть въ то-же время отвѣтственность всѣхъ родичей, они могутъ быть привлечены къ уплатѣ штрафа, и на это можетъ пойти все ихъ состояніе. Уже изъ этого видно, до какой степени обязанность мстить, право получать выкупъ, обязанность участвовать въ выкупѣ, придаютъ опредѣленный характеръ родовому союзу; во-первыхъ, онѣ должны были приводить къ послѣдствіямъ важнымъ по отношенію къ суду, къ уголовному и полицейскому праву.

Если родичамъ приходилось отвѣчать за своего родича, за его преступленіе, то понятно, что они должны были имѣть извѣстное контрольное право надъ его дѣйствіями, что у нихъ должно было быть судебное и полицейское право по отношенію къ нему; иначе отвѣтственность являлась бы слишкомъ случайной, и не представлялось бы никакой возможности человѣку, при самомъ чистомъ и незапятнанномъ поведеніи, никакой возможности избѣжать кары, которую навлекъ бы на него преступникъ изъ родственниковъ. А потому совершенно соотвѣтственно этимъ обязанностямъ рода стоитъ внутренняя организація родоваго суда. Родъ представляетъ чрезвычайно тѣсную единицу въ этомъ случаѣ. Его судебныя и полицейскія права очень широки, и съ судомъ въ предѣлахъ рода государство не вмѣшивается, государство его не ограничиваетъ въ предѣлахъ рода. Если, положимъ, человѣкъ совершаетъ преступленіе въ предѣлахъ рода, то преступникъ этотъ пойдетъ не на общегосударственный судъ, а дѣло будетъ разобрано старшими, или всѣми взрослыми, или старшимъ патріархомъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, по развитію племени. И этого мало: даже тогда, когда родъ является на общегосударственный судъ, онъ является опять-таки всею своею совокупностью. Онъ не только платитъ за преступленіе родича, за преступленіе одного изъ своихъ членовъ, онъ очищается отъ этого преступленія, отговаривается отъ него, защищается противъ обвиненія опять-таки цѣлымъ союзомъ.

Изъ этого понятія, именно, родовой солидарности происходитъ странное, на первый взглядъ, учрежденіе соприсяжничества. Въ системѣ

судебныхъ доказательствъ древнѣйшаго права, не у однихъ германцевъ, присяга на судѣ играетъ чрезвычайно важную роль. Это происходитъ отъ того, что древній судъ имѣетъ чрезвычайно слабую силу. Разбирая въ сущности дѣло, древній судъ есть выразитель только поверхностной федеративной связи между отдѣльными родовыми областями. Власть у государства того времени незначительна и примѣнить ее для того, чтобы разобрать по существу, совершено-ли данное преступленіе или не совершено, примѣнить въ формѣ обстоятельнаго слѣдствія является крайне затруднительнымъ, если не совершенно невозможнымъ. Оно ограничивается поэтому самыми элементарными средствами разбора: ставитъ стороны другъ противъ друга, сводитъ ихъ, и требуетъ иногда, чтобы они рѣшали свой споръ не силою, а именно, судебною борьбой; устраиваетъ болѣе или менѣе равныя условія; при этомъ для судебной борьбы создается совершенно опредѣленный формализмъ судебныхъ испытаній или въ формѣ поединка, который является, такъ сказать, ограниченной войной между сторонами, войной, перенесенной въ судъ; или въ формѣ ордалій, т.е. испытанія огнемъ, водой, раскаленнымъ желѣзомъ, которое налагается въ томъ случаѣ, если есть сильныя подозрѣнія, что человѣкъ совершилъ преступленіе; или, наконецъ, въ формѣ присяги, которая возлагается на одну изъ сторонъ. Одна изъ сторонъ, по усмотрѣнію суда, получаетъ право завѣрить своимъ клятвеннымъ утвержденіемъ истину. При этомъ клятвенномъ завѣреніи дѣйствуетъ не только обвиняемый въ преступленіи, но дѣйствуютъ также его родичи. И древнее право устанавливаетъ подробно, сколько человѣкъ должно участвовать въ этой клятвѣ, въ какой степени родства. Чѣмъ болѣе тяжущихся привлекаетъ преступленіе, чѣмъ болѣе то наказаніе, которое влечетъ за собою преступленіе, чѣмъ болѣе штрафъ, тѣмъ болѣе людей требуется для присяги. Самая присяга совершается при такихъ условіяхъ, которыя, именно, являются испытаніемъ, можетъ быть, болѣе легкимъ, нежели испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, но всетаки испытаніемъ, потому что этимъ 12, 24, иногда 48 родственникамъ приходится говорить другъ за другомъ сложную формулу присяги и не проговариваться. Если одинъ изъ нихъ проговорится, это считается разрушеніемъ присяги, свидѣтельствомъ, такъ сказать, того, что божество не признаетъ этой присяги. Вотъ средство контроля, средство провѣрять поданную присягу.

Но самая присяга представляется, кромѣ того, естественной и понятной, если принять во вниманіе, какой обширный контроль въ родѣ существовалъ надъ членами рода, и что всѣ родичи солидарны между собой. При такой гласности родъ отвѣтственен за преступленіе своего члена, потому что онъ можетъ и удержать его отъ преступленія и знать о совершившемся преступленіи. Вотъ какъ объясняется этотъ, на первый взглядъ, весьма странный институтъ, по которому призывались къ дачѣ показаній люди, которые при фактѣ не присутствовали, и люди, которые были при фактѣ; при томъ такіе люди, которые при современномъ судѣ отводятся, которымъ запрещается давать присягу.

Кромѣ послѣдствій въ уголовномъ правѣ и судоустройствѣ, родъ имѣлъ послѣдствія и въ правѣ имущественномъ. Наиболѣе ясны эти послѣдствія при передачѣ собственности изъ поколѣнія въ поколѣніе, но кое-что замѣтно и въ другихъ частяхъ имущественнаго права. Мы должны въ данномъ случаѣ судить по матеріалу, собранному въ сравнительно позднюю эпоху, по матеріалу Варварскихъ Правдъ, которыя представляютъ намъ развитіе не чисто уже Германское, а развитіе порядка Германскаго права, перемѣшаннаго съ условіями римской жизни. Не мудрено, что имущественная солидарность родовыхъ группъ при такой постановкѣ дѣла уже значительно затеривается. Она превращается въ имущественную солидарность другой группы — сельской, о которой намъ придется еще сказать; но все-таки кое-какіе слѣды ея остались въ Варварскихъ Правдахъ. Какъ на наиболѣе характерные укажу на слѣдующіе два.

Варварская Правда, древнѣйшая по своему происхожденію, относящаяся къ концу V вѣка, именно, Правда Салическая въ своемъ древнѣйшемъ текстѣ не знаетъ тяжбы за землю. Очевидно, предполагалось, что земля находится въ рукахъ такихъ союзовъ, которые исключаютъ возможность процессуальныхъ дѣйствій между отдѣльными лицами или отдѣльными владѣльцами, именно, потому что коллективное землевладѣніе преобладаетъ, поэтому можно было обойтись безъ опредѣленнаго процесса о недвижимости. Салическая Правда такимъ образомъ не принимаетъ во вниманіе этихъ формъ судебной борьбы. Спрашивается, какіе-же коллективные союзы могли имѣть въ рукахъ землю? Очевидно, союзы родовые; именно, объ нихъ Салическая

Правда упоминаетъ, о другихъ же союзахъ приходится только догадываться. Что касается до родовыхъ союзовъ, то они являются въ полной силѣ въ извѣстномъ параграфѣ статьи относительно „головничества" и солидарности въ уплатѣ выкуповъ. Но то, что намъ даетъ косвенно Салическая Правда, является очень прямо въ Правдѣ Аллеманской. Тутъ является тяжба за землю, но тяжба тамъ происходитъ не между отдѣльными землевладѣльцами, а между родами: Si contentio inter duas genealogias orta fuerit de termino terrae eorum....

Вотъ какъ начинается одинъ изъ параграфовъ Правды Аллемановъ. Genealogiae очень неловкое выраженіе, оно указываетъ во всякомъ случаѣ на родственные союзы и притомъ болѣе обширные, чѣмъ семейные. Это gens, и земля является распредѣленной между этими союзами, самый споръ изъ-за земли предполагается возможнымъ только между ними.

Рядомъ съ этими существуютъ опредѣленныя послѣдствія въ правѣ наслѣдственномъ. Самымъ характернымъ признакомъ архаической формы наслѣдства является постановленіе одного французскаго эдикта — эдикта короля Хильперика, относящагося къ 574 г. Вотъ, что говоритъ постановленіе: если у человѣка нѣтъ дѣтей, а есть братья, то пусть землю по его смерти получитъ братъ, а не сосѣди. Это постановленіе крайне любопытно по своей отрицательной сторонѣ. Для нашего времени нисколько не представляется страннымъ наслѣдство родственниковъ въ боковой линіи при отсутствіи нисходящихъ. Но въ 574 году пришлось франкскимъ государямъ вводить это постановленіе въ противоположность предшествовавшему праву наслѣдованія сосѣдей. Подобное наслѣдство сосѣдей объясняется, конечно, тѣмъ предположеніемъ, что сосѣди родственники, что первоначально сосѣдство является родственнымъ просто потому, что при поселеніи семьи садятся группами, что первоначальная осѣдлость распространяется по кровнымъ группамъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, сосѣди являлись членами родоваго круга. И предполагалось, что за отсутствіемъ дѣтей имущество и, въ частности, земля переходитъ къ родовой группѣ. Вотъ, какое важное послѣдствіе, которое отмѣнено въ 574 г.

III

1)

Затѣмъ, самымъ важнымъ, самымъ характернымъ является отстраненіе женщины отъ наслѣдства земли. Дѣло въ томъ, что это отстраненіе женщины отъ земельнаго наслѣдства прямо 2)

мотивируется въ нѣкоторыхъ варварскихъ Правдахъ тѣмъ, что женщина не можетъ принимать участія въ исполненіи родовыхъ обязанностей. Женщина не мститъ, она не достаточно сильна для того, чтобы оказывать дѣятельное содѣйствіе при родовой защитѣ. Она не мститъ, поэтому она не имѣетъ права получать выкупъ. Она не можетъ надѣть военной брони и взять мечъ и поэтому она не имѣетъ права получить землю. Отношенія къ женщинѣ прямо вытекаютъ изъ родоваго порядка.

Но даже тогда, когда эти старыя постановленія выживали и устранялись юридически, въ обычаѣ сохранилось прежнее воззрѣніе, которое дѣйствовало при родовомъ порядкѣ, что въ наслѣдствѣ люди вполнѣ связаны родственнымъ кругомъ. Завѣщаніе, т.е. свободное распоряженіе человѣка имуществомъ, является уже совсѣмъ позднимъ фактомъ въ жизни Германскихъ племенъ. Завѣщаніе предполагаетъ, что извѣстное имущество находится подъ личною волею одного человѣка, который можетъ распоряжаться имъ даже на время послѣ своей смерти; взглядъ, совершенно не мирящійся съ представленіями родоваго порядка, по которому каждый отдѣльный человѣкъ являлся только временнымъ распорядителемъ, управителемъ и пользователемъ своего имущества, а собственникомъ является группа.

Интересно, какъ входитъ въ Германское право завѣщаніе; оно развивается подъ прямымъ вліяніемъ Церкви, которая въ данномъ случаѣ проводила принципъ Римскій и проводила его въ своёмъ собственномъ интересѣ: если нельзя завѣщать, то Церковь останется въ очень печальномъ положеніи. Обыкновенно она получала и въ Римское время бо́льшую часть своихъ имѣній не вслѣдствіе дареній, а вслѣдствіе того, что люди передъ смертью разсчитывались, такъ сказать, за свои грѣхи. И этотъ разсчетъ за грѣхи, выкупъ грѣховъ передъ смертью выражался въ формѣ завѣщанія въ пользу Церкви. Теперь Церковь желала добиться завѣщанія и тамъ, гдѣ былъ родовой порядокъ, и вотъ мало по малу путемъ долгой борьбы она добивается того, что варварскія Правды признаютъ одинъ случай завѣщанія; такимъ образомъ юридическое мѣсто
1) для завѣщанія расчищено: можно завѣщать, отдавать по завѣщанію въ Церковь.

Скоро завѣщаніе получаетъ распространеніе. Первымъ случаемъ, когда умирающій можетъ завѣщать свое имущество, является отдача его въ Церковь. Вторымъ — отдача имущества въ опредѣленномъ родовомъ порядкѣ дочери, — случай, при которомъ дѣйствуетъ уже привязанность естественная, желаніе со стороны отца болѣе или менѣе уравнять свою дочь съ сыновьями. Этимъ путемъ мало по малу пробивается понятіе о возможности завѣщанія, о возможности посмертнаго распоряженія. А разъ утверждается въ этихъ двухъ случаяхъ завѣщаніе въ извѣстной формѣ, римская передача мало по малу утверждается и въ другихъ случаяхъ, т. е. является возможность завѣщанія людямъ, не принадлежащимъ къ роду или Церкви; является возможность дѣлать случайное распредѣленіе между сыновьями: одному больше, другому меньше. Вотъ тѣ послѣдствія, которыя имѣла родовая солидарность въ Германскомъ правѣ въ эпоху Правдъ и вообще въ развитіи дальнѣйшей исторіи Среднихъ вѣковъ. Вы видите, что даже тогда, когда родовой кругъ подвергся значительному измѣненію, даже въ сравнительно болѣе позднюю эпоху, отдѣльныя формы родоваго вліянія представляются существующими и опредѣляютъ собою чрезвычайно важные институты уголовнаго и имущественнаго права; и въ то же время достаточно ясно изъ этой характеристики, что оно находится подъ двумя вліяніями. Во-первыхъ, дѣйствуетъ Римское право, построенное на началѣ индивидуализаціи, а, во-вторыхъ, дѣйствуетъ самопроизвольное разложеніе родоваго круга. Первое Римское начало невозможно совершенно уложить въ родовыя рамки, и вотъ, посредствующимъ звеномъ является отношеніе къ Церкви.

Итакъ, солидарность родоваго круга мало по малу расширяется и замѣняется солидарностью сельской общины. Въ эдиктѣ Хильперика тотъ союзъ, который получаетъ наслѣдства преимущественно передъ родственниками въ боковыхъ линіяхъ названъ союзомъ сосѣдей, не смотря на то, что онъ развился, очевидно, изъ родства. Переходъ коллективной связи на сельскую общину изъ общины родовой имѣлъ то громадное значеніе, что и въ позднѣйшей средневѣковой исторіи, когда въ аристократическомъ землевладѣніи въ значительной степени развился индивидуализмъ, въ крестьянскомъ быту, т. е. въ быту большинства населенія все

еще держались порядки, сильно стѣснявшіе индивидуализмъ по отношенію и къ хозяйству и къ владѣнію.

Сельская община.

Теперь я перехожу къ характеристикѣ основного явленія, которое управляло соціальной жизнью Среднихъ вѣковъ, къ характеристикѣ сельской общины, оговариваясь при этомъ, что не слѣдуетъ понимать это развитіе сельской средневѣковой общины, какъ нѣчто исключающее частную собственность. Частная собственность существовала рядомъ съ собственностью общины и надъ нею. Она представляетъ, именно, аристократическій порядокъ, располагающійся надъ условіями крестьянскаго хозяйства и владѣнія. Въ глубинѣ, въ массѣ дѣло управлялось, именно, общественными распорядками. При этомъ приходится прежде всего обратить вниманіе на различныя формы хозяйства и различные виды земли, которая занята; которыя соединяются въ понятіи средневѣковаго села, сельской общины.

Главные элементы, съ которыми приходится считаться, это, во первыхъ, дворъ, т.е. жилыя строенія, службы и хозяйственныя пристройки и огородъ или садъ, который находится при домѣ. Все это входитъ въ понятіе двора. Затѣмъ, пахотная земля села - второй элементъ, лугъ - третій элементъ и, наконецъ, пастбища и пустопорожняя земля, такъ называемые allmende - въ четвертыхъ.

Наиболѣе ясно понятіе общинности землевладѣнія выражается какъ разъ въ этой послѣдней категоріи пастбищныхъ земель, пастбищныхъ угодій, земель, которыя не заняты подъ пахоту. Эти земли въ Средніе вѣка почти безъ исключенія и въ новѣйшее время еще въ значительной степени находятся не только въ общинномъ владѣніи, но и въ общемъ пользованіи.

Это земля, на которую нѣтъ основанія устанавливать частныя права, которая въ позднѣйшую эпоху Среднихъ вѣковъ находится подъ общимъ патронатомъ феодальнаго барона, но на которую члены села имѣютъ одинаковое право и право, сначала неразграниченное. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-нибудь село стѣснено въ этихъ угодьяхъ, напримѣръ, прежде всего въ мѣстностяхъ горныхъ, является необходимымъ установить извѣстный порядокъ относительно пользованія пастбищемъ и пользованія лѣсомъ, на

allmende. Порядки эти устанавливаются однако совершенно иным способомъ, нежели устанавливаются теперь частныя владѣнія. Земля не разверстывается на постоянныя клинья, находящіяся въ постоянномъ частномъ пользованіи, а устанавливается maximum пользованія, устанавливается, напримѣръ, что на пастбище свободный человѣкъ имѣетъ право выгонять десять головъ скота, а полусвободный и несвободный пять. Или устанавливается требованіе, чтобы рубили деревья въ лѣсу не болѣе, какъ въ извѣстномъ опредѣленномъ числѣ крупныхъ деревьевъ: 3, напримѣръ, крупныхъ дерева въ годъ можетъ взять себѣ каждый отдѣльный хозяинъ. Устанавливается требованіе, чтобы выгоняли на общее пастбище только тотъ скотъ, который перезимовалъ у хозяина, чтобы устранить этимъ возможность принятія чужого скота, чѣмъ ослабилось-бы пользованіе другихъ сельчанъ.

И при установленіи права пользованія пастбищемъ самымъ главнымъ, самымъ важнымъ положеніемъ по отношенію къ allmende является устройство, такъ называемаго, права заимки. Предполагалось, собственно, въ принципѣ и первоначально, что пустопорожняя лѣсная или пастбищная земля можетъ быть обращена каждымъ членомъ села въ его частную собственность, если у него есть охота и рабочая сила для того, чтобы извлекать изъ земли пользу. Предполагалось это совершенно доступнымъ и возможнымъ, потому что земли пастбищной много, и что нѣтъ надобности ограничивать въ этомъ отношеніи права отдѣльныхъ лицъ: рабочія силы этихъ отдѣльныхъ лицъ настолько малы, что нѣтъ надобности охранять отъ захвата частной собственностью пастбища или лѣса. Первоначальная заимка такимъ образомъ регулируется только однимъ обстоятельствомъ: возможностью употребить на нее извѣстную рабочую силу.

Но такъ дѣло стоитъ только вначалѣ. Уже весьма рано, въ грамотахъ VIII, IX вѣка мы видимъ опредѣленныя постановленія относительно заимки, которыя происходятъ главнымъ образомъ, какъ видно изъ текста грамотъ, вслѣдствіе того, что появляется рядомъ и среди сельской общины собственность отдѣльныхъ лицъ, которыя обладаютъ очень большой рабочей силой и поэтому отхватываютъ себѣ очень значительные куски allmende, въ ущербъ

всѣмъ остальнымъ. Является необходимость дѣлать ограниченія главнымъ образомъ относительно условій, при которыхъ имѣется всегда масса несвободнаго и полусвободнаго люда. Силы этого люда могутъ быть обращены на заимку, и можно такимъ образомъ отнять у сельской общины слишкомъ большую часть ея угодій.

Обыкновенная форма ограниченія права заимки — это установленіе извѣстнаго постояннаго отношенія между надѣломъ пахотной земли и возможностью заимки. Отношеніе это колеблется смотря по мѣстности, но такимъ образомъ право заимки ставится повсюду въ зависимость отъ того, держитъ-ли кто гайду или меньшій надѣлъ. Стало быть, право заимки регулируется сообразно праву на занятіе пахотной земли въ общихъ поляхъ.

Во всякомъ случаѣ вы видите, что собственность представляется общинной относительно этой пустопорожней земли, и что изъ этой общинной собственности выходитъ индивидуальное пользованіе, которое мало по малу стѣсняется извѣстными опредѣленными правами, которыя на сходѣ устанавливаетъ община, такъ какъ община есть собственникъ.

Относительно луговаго землевладѣнія являются уже другаго рода порядки, въ которыхъ идея раздѣльнаго пользованія выражается сильнѣе, нежели относительно владѣнія пустопорожнею землею, лѣсомъ, пастбищемъ. Луговое землевладѣніе представляетъ такого рода участокъ, относительно котораго сильно затронуты частные интересы. Всякій хочетъ получить какъ можно больше луговой земли, и вслѣдствіе этого является, такъ сказать, въ видѣ самозащиты общества болѣе опредѣленное установленіе пользованія луговой землей: нельзя позволить, чтобы всѣ косили лугъ сообразно съ своимъ желаніемъ и захватывали столько травы, сколько кто захочетъ. Это по отношенію къ луговой землѣ совершенно непримѣнимо: она имѣется въ слишкомъ небольшомъ количествѣ.

Поэтому самый обыкновенный порядокъ пользованія лугомъ въ Средніе вѣка, порядокъ, который продолжалъ дѣйствовать и въ болѣе позднюю эпоху, — это раздѣленіе всей луговой земли на клинья, которыя перемѣняютъ владѣльцевъ по опредѣленному череду или по жеребію. Въ селѣ считается, положимъ, 20 полныхъ хозяйствъ; сообразно съ этимъ лугъ, имѣющійся въ распоряженіи села, дѣлится на 20 участковъ, и на сельскомъ сходѣ разъ въ годъ рѣшается вопросъ о томъ, какое хозяйство

какимъ участкомъ будетъ въ теченіе этого года владѣть. Рѣшается этотъ вопросъ или такъ, что устраивается постоянная передвижка нумеровъ, или владѣютъ просто по жеребію, т.е. участки разыгрываются, такъ сказать, въ лоттерею.

Относительно пахаты порядокъ еще сложнѣе. Въ примѣненіи къ ней начинаетъ дѣйствовать другое условіе, точно также индивидуализирующее — это, именно, значительное примѣненіе личнаго труда къ обработкѣ и къ съвообороту. Примѣненіе, которое создаетъ разницу, очень существенную, между хозяиномъ нерадивымъ и хозяиномъ работящимъ. Создается вслѣдствіе этого разница между одной полосой владѣемой пахоты и другой, все условія, которыя ведутъ къ необходимо еще большему развитію индивидуализма. И дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы видимъ раздачу пахотныхъ участковъ не только въ раздѣльное, но и въ постоянное пользованіе: одинъ дворъ, одно хозяйство держитъ одинъ и тотъ-же участокъ; одни и тѣ-же полосы, обработываетъ ихъ изъ году въ годъ и изъ роду въ родъ, слѣдовательно пользованіе постоянное.

Передѣлъ является въ средневѣковомъ обществѣ на правахъ исключенія, но является болѣе или менѣе повсюду, т.е. во всѣхъ странахъ; и въ Шотландіи, и въ Англіи мы замѣчаемъ передѣлъ пахотной земли, въ Италіи существуетъ partecipanze, въ которыхъ тоже земля перемѣняется, на сѣверѣ существуетъ порядокъ Reebning, вслѣдствіе котораго недовольный устройствомъ хозяйства можетъ требовать, чтобы былъ совершенъ передѣлъ. Но все это исключенія, въ большинсувѣ случаевъ передѣловъ земли нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе и относительно пахотной земли вліяніе общества сказывается весьма сильно: во-первыхъ, пахотная земля расположена черезполосно и вмѣсто того, чтобы составлять извѣстный сплоченный кусокъ, владѣніе въ пахотѣ каждаго отдѣльнаго крестьянина составляетъ пучекъ клиньевъ или полосъ, которыя разбросаны во всѣхъ поляхъ. И сдѣлано это для того, чтобы каждый изъ 20 хозяевъ, существующихъ въ селѣ, имѣлъ приблизительно то-же самое, что и другіе, во всѣхъ, такъ сказать, разновидностяхъ сельскихъ полосъ, чтобы и хорошая и дурная земля досталась всѣмъ приблизительно въ одинаковой степени.

Видъ, поэтому, средневѣковаго пахотнаго поля такой: оно пред-

ставляетъ цѣлый рядъ квадратовъ. Каждый квадратъ образуется сообразно, во-первыхъ, съ естественнымъ положеніемъ мѣстности, т. е. теченіемъ рѣкъ, подъемомъ почвы и т. п.; сообразно, во-вторыхъ, удобствамъ или неудобствамъ земли, которую они занимаютъ. И въ каждомъ изъ этихъ квадратовъ распредѣляются поля для каждаго отдѣльнаго хозяина.

Форма неудобная, потому что нѣтъ опредѣленнаго ограниченія участка; но форма, которая совершенно отвѣчаетъ тому основному положенію, что хотя хозяинъ и владѣетъ постоянно своимъ полемъ, но въ сущности онъ не собственникъ, а только распорядитель и пользователь. Это станетъ еще яснѣе, если обратить вниманіе на то, какъ ведетъ село свое хозяйство. Въ этомъ хозяйствѣ отдѣльныя лица не распоряжаются какъ имъ хочется, не вводятъ произвольныхъ измѣненій въ порядокъ сѣвооборота. Они всѣ подчиняются общимъ распоряженіямъ; община направляетъ хозяйство всего села; это направленіе дается въ формѣ принудительной, въ формѣ Flurzwang, дается сельскимъ сходомъ, собраніемъ сельчанъ. И этотъ Flurzwang, этотъ принудительный сѣвооборотъ установляется для всѣхъ отдѣльныхъ хозяевъ, которые не могутъ его не принять. Мало того, вслѣдствіе этого Flurzwang обязательно наступаетъ эпоха, когда перестаетъ раздѣляться пахатное поле, когда извѣстная часть пахатной земли села опять становится совершенно общественнымъ владѣніемъ и попадаетъ въ общинное пользованіе, когда жатва снята, всѣ изгороди падаютъ и скотъ общины выгоняется на это мѣсто, уже свободное отъ жатвы, безъ различія клиньевъ. Земля, такимъ образомъ, осенью и земля, находящаяся подъ паромъ, опять переходитъ въ нераздѣльное пользованіе общины.

Вотъ, три градаціи, въ которыхъ постепенно усиливается вліяніе индивидуальнаго элемента: allmende — пастбищная земля, угодья, находящіяся не только въ общинномъ владѣніи, но и въ общинномъ пользованіи; нива и пахотная земля, находящіяся въ общинномъ владѣніи, но въ раздѣльномъ пользованіи и, наконецъ, дворъ, находящійся въ частномъ владѣніи. Дворъ, садъ и огородъ при дворѣ раньше всего выступаютъ изъ подъ контроля общины, раньше всего индивидуализируются. И это, конечно, весьма понятно, потому что тутъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что ближе всего къ человѣку, съ устройствомъ его

постояннаго жилища, съ тѣмъ порядкомъ, относительно котораго уже не дѣйствуетъ Flurzwang, который каждый по своему собственному разсчету засѣваетъ, чѣмъ хочетъ. Тутъ образуется поэтому постоянное наслѣдственное право и полное частное распоряженіе, которое уже стѣсняется не общими сельскими порядками, а семьею, семейною связью.

Любопытно, что вслѣдствіе этого хозяйственнаго отношенія осложняются въ средневѣковомъ правѣ извѣстнымъ политическимъ элементомъ. Въ противоположность общинному пользованію и владѣнію, которыя проявляются такъ сильно въ пахотѣ, лугѣ и пастбищѣ, является частная собственность дворовой земли. И въ соотвѣтствіе этимъ двумъ видамъ собственности и хозяйства являются два вида полиціи и суда. На поляхъ общины дѣйствуетъ въ полицейскомъ и судебномъ отношеніи для гражданскихъ пререканій и для мелкихъ проступковъ сельскій сходъ, на которомъ присутствуютъ, имѣютъ голосъ всѣ хозяева; въ предѣлахъ двора, огорода и заимки, въ предѣлахъ частной собственности дѣйствуетъ патримоніальный судъ, дѣйствуетъ право, которое носитъ характерное нѣмецкое названіе: Hofrecht. Это право имѣется не только у барона, не только въ предѣлахъ замка, оно имѣется даже у каждаго крестьянина по отношенію къ его дому, по отношенію къ лицамъ, которыя живутъ въ его домѣ. Онъ за нихъ отвѣчаетъ и онъ имѣетъ право ихъ наказывать. Тутъ выступаетъ понятіе иммунитета, такъ сказать, выемки частной собственности изъ общины.

Положеніе села, именно, потому что въ этихъ предѣлахъ образуется индивидуальное хозяйство, приводитъ къ новому праву Grundherrschaft, праву территоріальнаго суда. Право территоріальнаго суда уже заложено въ патримоніальномъ правѣ. Каждый хозяинъ наблюдаетъ миръ на своемъ дворѣ, онъ имѣетъ миръ на своемъ дворѣ, и своей полицейской охраной старается оградить дворъ отъ нарушенія мира, и сельская община тутъ же отступаетъ передъ частными дѣйствіями, предоставляя извѣстную судебную и полицейскую компетенцію частному лицу — домовладѣльцу.

Еще одно понятіе необходимо разъяснить для того, чтобы составить себѣ полное представленіе о средневѣковой сельской общинѣ — это

понятiе надѣла. Большинство земельныхъ владѣнiй среднихъ вѣковъ, большинство тѣхъ владѣнiй, которыя входятъ въ сферу крестьянскихъ порядковъ, образовались не въ случайныхъ отношенiяхъ, а въ формѣ опредѣленнаго уравненiя правъ и обязанностей. Община въ этомъ уравненiи получала, такъ сказать, самое сильное свое выраженiе.

Возьмемъ для примѣра англiйскую общину XIII в. Завершителемъ этой общины былъ ея лордъ, ея помѣщикъ. Слово лордъ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ титула, а слѣдуетъ понимать въ смыслѣ хозяйственнаго владѣльца. За лордомъ считается вся земля, какъ та, которая воздѣлывалась для него лично, такъ и земля его крестьянъ. Лордъ имѣлъ на протяженiи всего села, такъ называемое, dominium directum, ему принадлежало политическое представительство и представительство передъ судомъ, и dominium utile - полезная собственность, которая сосредоточивается въ рукахъ хозяевъ; а подъ его владѣнiемъ устраивается цѣлый рядъ участковъ, которые переходятъ по наслѣдству, отчуждаются, воздѣлываются частными средствами. Участки эти были не случайной формы и размѣра, а вся земля общины была распредѣлена, напримѣръ, на 20 крупныхъ участковъ, которые всѣ были равны между собою, и каждый изъ нихъ состоялъ изъ 30 полосъ, акровъ, разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ сельской территорiи. Каждый хозяинъ изъ этихъ 20 владѣлъ не большимъ количествомъ, нежели въ 30 акровъ. Притомъ эти акры были разбиты черезполосно.

Затѣмъ, рядомъ съ этими участками, которые назывались виргатами, существовали какiе-нибудь 30 участковъ, состоявшихъ изъ 15 акровъ и называвшихся поэтому полувиргатами. Онѣ составляли, такъ сказать, второй ярусъ. Наконецъ третiй ярусъ составляли люди, которые держали только свои хаты и огороды и небольшое число полосъ, полосы 4, 5. Это были, такъ наз., коттарiи.

На эти три основныхъ формы распадается вся земля въ селѣ. Вы видите, что по степенямъ, и по степенямъ незамѣтнымъ устанавливается равновѣсiе между правами отдѣльныхъ хозяйствъ и устанавливается понятiе надѣла. Этихъ степеней иногда было больше, рѣдко было пять, обыкновенно три. Во всякомъ случаѣ община въ этомъ порядкѣ старалась уравнять права и вмѣстѣ съ этимъ уравнять повинности. Каждый изъ этихъ надѣловъ

тянулъ къ господскому двору тѣми же самыми повинностями, какъ и всѣ остальные одной съ нимъ степени.

Вотъ, тотъ характеръ, который имѣетъ сельская община Англійская, но который имѣютъ и Французская и Нѣмецкая, съ тою только разницею, что измѣняются нѣсколько числовыя отношенія и термины. Но основное понятіе уравненія надѣла - это господство на всемъ протяженіи, на которомъ развивается жизнь средневѣковаго общества.

Спрашивается теперь въ результатѣ: откуда пошли такіе порядки? чѣмъ они объясняются? что исторически вызывало образованіе такой соціальной формы? - Относительно этого выставлены были два, совершенно различныя, мнѣнія. Для одной школы такая средневѣковая сельская община является болѣе опредѣленнымъ, болѣе формальнымъ выраженіемъ старой родовой общины свободныхъ людей, которая описывается еще у Цезаря, описывается у Тацита; которая не знаетъ частнаго владѣнія, въ которой земля находится въ рукахъ коллективной группы.

По взгляду другой школы, община средневѣковая происходитъ никакъ не отъ свободныхъ людей и не отъ стараго родового порядка, а происходитъ отъ того, что масса крестьянъ, находившаяся въ рабскомъ и крѣпостномъ состояніи, не имѣла никакихъ частныхъ и раздѣльныхъ правъ. Господинъ, которому принадлежатъ люди и которому принадлежитъ земля, распредѣлялъ и участки для своихъ рабовъ, своихъ крѣпостныхъ, образовывалъ надѣлы и устанавливалъ круговую связь между ними въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Въ одномъ случаѣ такимъ образомъ община имѣетъ свободное происхожденіе, а помѣщикъ только мало по малу захватываетъ патронатъ надъ нею; въ другомъ случаѣ община появляется изъ рабскаго права. Частное право немыслимо потому въ средѣ крестьянскаго населенія, что рабъ частнаго индивидуальнаго права не имѣетъ, что онъ не имѣетъ ни наслѣдства, ни собственнаго имущества, а имѣетъ только пользованіе съ согласія господина.

Антецеденты у того и у другаго объясненія есть. Одно можетъ ссылаться на описаніе Цезаря и Тацита; другое сошлется на несовсѣмъ распредѣлившійся порядокъ рабскаго элемента. Чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ? - Я укажу только на два капитальныхъ

факта, которые, по моему мнѣнію, въ общемъ рѣшаютъ вопросъ въ пользу традиціи средневѣковой сельской общины отъ свободнаго родоваго союза. Я говорю въ общемъ, потому что въ частности нельзя исключить вліянія рабскаго порядка.

Одинъ изъ этихъ фактовъ — это организація общественнаго строя на началѣ сельскаго схода въ противоположность власти помѣщика и его прикащика. Если бы всѣ эти отношенія развились изъ помѣщичьяго владѣнія и прикащичьей власти, то въ такомъ случаѣ и хозяйство и владѣніе сельской общины стояло бы въ тѣсной связи, именно, съ проявленіемъ этихъ вліяній. Между тѣмъ мы видимъ, что права общины рѣзко отмежеваны, и что завѣдываніе всѣмъ сельскимъ порядкомъ возложено на сходъ, который распоряжается совершенно независимо, и въ иныхъ случаяхъ очень точно разграничиваетъ свое право отъ права помѣщика; является противоположность между двумя правами.

Второе обстоятельство, которое имѣетъ точно также капитальное значеніе, — это разборъ этнографическихъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, весь споръ является не только отвлеченнымъ, но представляющимъ разрѣшеніе вопроса о томъ, какая традиція у сельской общины, Германская или Римская. Если Германская, то свободная, потому что рабскій элементъ, крѣпостной элементъ въ жизни Германскихъ племенъ игралъ первоначально совершенно второстепенную роль. Если Римская, то рабская, потому что крестьянскій бытъ въ Римской Имперіи сосредоточивался на рабахъ и на колеблющемся положеніи свободныхъ. Поэтому можно прослѣдить очень важное условіе, въ какихъ странахъ наиболѣе сильно выражается общинность и въ какихъ она всего менѣе, всего слабѣе выражается. При этомъ мы видимъ, что расположеніе этихъ полосъ вліянія какъ разъ такое, что Германское вліяніе выясняется вполнѣ въ Англіи, Германіи и сѣверной Франціи. Вотъ тѣ мѣста, въ которыхъ общинность выражается наиболѣе полно. Между тѣмъ Италія, которая подверглась наибольшему вліянію Римскихъ элементовъ, имѣетъ самую незначительную сельскую общинность; въ Средніе вѣка сельская община уже является тамъ на правахъ рѣдкаго исключенія.

По моему мнѣнію, этими двумя фактами вопросъ рѣшается; тѣмъ болѣе, что въ исторіи Англіи можно опредѣленно прослѣдить,

какъ постепенно падаетъ свобода сельскихъ общинъ, какъ онѣ постепенно вырождаются въ мѣстностяхъ, гдѣ развивалось крѣпостное право.

Сословія.

Перехожу къ характеристикѣ сословнаго процесса въ исторіи Среднихъ вѣковъ. Мы видѣли, какъ тѣ группы обществъ, которыми опредѣлялась жизнь древнѣйшаго періода, группы родовыя мало по малу разложились подъ вліяніемъ измѣнившихся условій. Мы видѣли, какія возникли на ихъ мѣстѣ хозяйственныя и юридическія формы. Теперь мы можемъ обратиться къ характеристикѣ тѣхъ классовъ и состояній, на которыя расчленилось общество отчасти подъ вліяніемъ, именно, хозяйственныхъ условій, отчасти подъ вліяніемъ политическаго быта.

При этой характеристикѣ сословной жизни намъ придется, конечно, исходить изъ того описанія Тацита, о которомъ мы уже говорили, придется имѣть въ виду тѣ четыре группы населенія, которыя отмѣчены у Тацита: рабовъ, полусвободныхъ, свободныхъ и знатныхъ.

Теоретически положеніе Германскаго раба въ Средніе вѣка точно такъ же было положеніе вещи, какъ и положеніе раба Римскаго. О рабѣ говорятъ юридическіе памятники какъ о животномъ. Фризскій законъ перечисляетъ такимъ образомъ различные виды животныхъ: „если рабъ или рабыня, или лошадь, или быкъ, или какое-либо другое животное подвергнется похищенію", то послѣдуетъ то-то. Но хотя и въ Салической Правдѣ похищеніе раба было приравнено къ похищенію лошади, это никакъ не было юридическое status, юридическое положеніе: Германскій рабъ первоначально не имѣлъ такого положенія.

Уже то фактическое преимущество въ хозяйствѣ, которое отмѣчено Тацитомъ, является исходнымъ пунктомъ для развитія совершенно иного порядка, нежели Римскій. Тацитъ указываетъ на то, что Германцы пользуются рабами не какъ простымъ орудіемъ, а ставятъ ихъ въ самостоятельное хозяйство и съ этихъ самостоятельныхъ хозяйствъ берутъ оброкъ. Вотъ это фактическое преимущество является основаніемъ для улучшенія быта

рабовъ. Теченiе средневѣковой исторiи характерно въ соцiальномъ, сословномъ отношенiи тѣмъ, что рабскiй матерiалъ, который составлялъ основанiе труда античнаго мiра, мало по малу перерабатывается въ классъ полусвободныхъ.

Первое влiянiе, которое тутъ надо отмѣтить, — это влiянiе церкви, принесшей въ данномъ случаѣ не римскiя понятiя, проводившей не римскiя воззрѣнiя, а стоявшей на гуманитарной точкѣ зрѣнiя, внушенной ей Евангелiемъ. Церковь признавала рабскую личность и налагала церковное наказанiе тамъ, гдѣ нельзя было наложить наказанiя гражданскаго, напр., налагала церковное наказанiе за убiйство неповиннаго раба.

Мало по малу уже въ Правдахъ замѣчается стремленiе церкви оградить то хозяйство, которое предоставляетъ господинъ рабу въ непрерывное пользованiе, оградить peculium раба. Есть характерное постановленiе Правды Аллеманновъ въ этомъ смыслѣ и Правды Баваровъ: устанавливается извѣстный minimum того, что господинъ долженъ давать рабу дворовому и устанавливается правило, что безъ вины господинъ не можетъ отнимать участка крестьянина.

Правда еще иначе вводитъ представленiе о томъ, что рабъ есть не только вещь, но можетъ быть и субъектомъ, можетъ быть личностью, именно, въ уголовномъ правѣ является такое представленiе. Собственно, такъ какъ рабъ теоретически есть вещь, то и за преступленiе раба должно наказывать господина, какъ обладателя вещи, и есть нѣкоторыя постановленiя Правдъ, которыя укладываются, именно, около этого положенiя. Но есть одна сторона дѣла, которая дѣлаетъ неудобнымъ строгое и безусловное примѣненiе этого принципа. Это, именно, фактическое отдѣленiе раба отъ господина на самостоятельное хозяйство. При этомъ условiи для господина очень невыгодно поддерживать такое уголовное представленiе, отвѣчать за дѣйствiя раба, который имѣетъ свой домъ, свой участокъ, который не находится подъ его непосредственнымъ наблюденiемъ или подъ наблюденiемъ его приказщика, и отказывается отвѣчать по закону за такого раба. Приходится поэтому раба наказывать, т. е. признать его волю и личность въ преступленiи. И рядомъ съ штрафами свободныхъ людей является вслѣдствiе этого тѣлесное наказанiе раба.

Такимъ образомъ уже тутъ въ этомъ первомъ перiодѣ развитiя

Германской націи послѣ завоеванія провинцій видно, какъ измѣнялась мало по малу первоначальная точка зрѣнія. И дальнѣйшее развитіе зависитъ главнымъ образомъ не отъ вліянія какихъ нибудь законодательныхъ измѣненій, не отъ того, что когда-нибудь была провозглашена независимость рабовъ. Тутъ сказывается очень любопытная и характерная черта для средневѣковаго процесса, процесса постепеннаго, такъ сказать, безсознательнаго измѣненія правовой нормы подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ фактовъ.

Нельзя уловить момента, когда средневѣковый рабъ перестаетъ быть рабомъ, и тѣмъ не менѣе уже въ XI в. въ Англіи рабское состояніе уничтожается, точно также въ сѣверозападной Франціи; дольше оно держится въ Германіи, но и тамъ мало по малу исчезаетъ. Вообще устраненіе рабскаго состоянія зависитъ отъ фактовъ экономическихъ, а не правовыхъ.

Какъ проявляется дѣйствіе этихъ фактовъ? - При этомъ необходимо принять во вниманіе три группы, на которыя распадается рабское состояніе Среднихъ вѣковъ. Мнѣ уже приходилось говорить о Тацитовскомъ рабѣ, поэтому я прямо перейду къ классу, такъ называемыхъ, servi manentes, которые въ Средніе вѣка являются наслѣдниками съ одной стороны Тацитовскаго раба, съ другой римскаго колона.

Servi manentes - это, именно, рабы, которые дѣлаются крестьянами, рабами-земледѣльцами и для этого занимаютъ отдѣльные дворы, работаютъ на пашнѣ господина. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный участокъ, и крайне трудно отличить, гдѣ какой участокъ находится во владѣніи раба, а какой находится во владѣніи полусвободнаго или свободнаго. Его зависимость заключается въ опредѣленномъ оброкѣ и опредѣленной барщинѣ. Рабъ, принадлежащій къ этой категоріи, вѣдается съ господиномъ и его приказчикомъ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ приноситъ свою оброчную плату и затѣмъ выходитъ опредѣленное число дней въ недѣлю на работу, на барскую пашню или какую-нибудь другую сельскую работу.

Всѣ эти работы производятся не по случайному распоряженію приказчика, а по чрезвычайно точному и неподвижному росписанію. При этомъ дѣйствуютъ два условія: во-первыхъ, надобно привести эти отношенія въ какую-нибудь опредѣленную постоянную норму для того, чтобы стѣснить произволъ промежуточнаго класса

приказчиковъ. Самому господину является выгоднымъ предоставлять своимъ приказчикамъ только власть ограниченную, ограниченную обычаемъ, потому что безусловная власть и капризъ распоряженій приказчика можетъ испортить, такъ сказать, рабочій матеріалъ, принадлежащій помѣщику.

Такимъ образомъ нормировка опредѣленной барщины, выставляемыхъ на барщину людей, является требованіемъ господской экономіи, является ограниченіемъ господина по отношенію къ приказчику. Это первое условіе.

Второе условіе заключалось въ томъ, что господину нѣтъ никакого интереса разстраивать постоянныя формы сельско-хозяйственныхъ работъ своимъ случайнымъ вмѣшательствомъ. Эти формы, образованныя традиціей, выражаютъ собою, такъ сказать, среднюю норму того, что можно требовать съ крестьянскаго населенія, не злоупотребляя его силами и не вызывая среди него особеннаго неудовольствія. Этого неудовольствія крестьянъ на средневѣкового помѣщика боятся, потому что оно проявляется обыкновенно безпорядочно. Крестьянскіе мятежи, которые являются недостаточными въ смыслѣ юридическаго ограниченія власти сеньоровъ, всетаки разстраиваютъ помѣщичьи хозяйства, ослабляютъ ихъ, и поэтому нагоняютъ страхъ на помѣщиковъ. Является такимъ образомъ фактическое соглашеніе, устанавливаются постоянныя отношенія, и эти отношенія держатся съ необыкновенной косностью, очень выгодной для крестьянскаго класса.

Писцовыя книги представляютъ намъ богатый матеріалъ для того, чтобы судить о томъ, какъ работалъ средневѣковый крестьянинъ XII и XIII в.в. Работа была тяжелая, среднимъ числомъ полагалось у крестьянской семьи три дня въ недѣлю у одного работника. Въ страдное время являлись экстренныя помочи.

Въ этомъ однако заключается капитальный, такъ сказать, количественный успѣхъ сравнительно съ порядкомъ античнаго міра. Время античнаго раба принадлежало всецѣло господину, время поселеннаго раба Среднихъ вѣковъ принадлежитъ господину уже только на-половину.

Такимъ образомъ въ бытѣ массы рабскаго населенія, въ бытѣ рабскаго крестьянства было условіе, развивавшееся все изъ того-

же основнаго положенія, отмѣченнаго Тацитомъ: положеніе оброчныхъ было условіемъ, которое вело мало по малу къ образованію, такъ сказать, половинной самостоятельности извѣстной личности и раздѣльному хозяйству, хотя хозяйству зависимому.

Былъ и другой классъ рабовъ, который еще быстрѣе пошелъ по пути соціальнаго улучшенія. Это были рабы-ремесленники, классъ немногочисленный, но образовавшійся вездѣ. Въ каждомъ селѣ было нѣсколько такихъ ремесленниковъ, т.е. рабовъ, находящихся въ положеніи особенномъ, потому что они имѣли спеціальную выучку, и цѣнились они высоко, такъ какъ служили потребностямъ и села и барскаго хозяйства. Такими элементарными, такъ сказать, формами проявленія ремесленнаго класса рабовъ было образованіе деревенскихъ спеціальностей кузнеца и мельника. Это тѣ два первыхъ положенія, которыя выдвигаютъ раба даже въ деревнѣ, не стоящей въ связи съ какимъ нибудь промышленнымъ центромъ. Приготовленіе одежды спеціализируется гораздо рѣже. Одежда приготовляется большею частію по домашнему и женщинами, а не является предметомъ спеціальной работы.

Тѣмъ не менѣе являются все таки извѣстные случаи, въ которыхъ выдѣляется изъ рабовъ классъ, занимающійся болѣе сложными формами промышленности, нежели кузнечное дѣло или мельничное: есть извѣстный спросъ на предметы роскоши даже въ средневѣковомъ обществѣ, и удовлетворяется этотъ спросъ рабскими руками.

Въ исторіи этихъ рабскихъ группъ можно прослѣдить прямое наслѣдіе римскихъ цеховыхъ корпорацій. Римскіе промышленные цехи состояли въ значительной степени изъ несвободныхъ элементовъ, и сноровка этихъ цеховъ передавалась, во-первыхъ, по наслѣдству въ извѣстномъ семействѣ, а во-вторыхъ, искусственнымъ путемъ поступленія для выучки, для монополіи въ извѣстномъ семействѣ и установленія монополіи въ извѣстномъ районѣ города или помѣстья. Въ прямой технической связи съ этими римскими корпораціями является средневѣковое ремесло; это главнымъ образомъ золотыхъ дѣлъ мастера; затѣмъ ткачи, приготовлявшіе тонкія матеріи и, наконецъ, лица, занимавшіяся приготовленіемъ кожи.

Вотъ первыя формы ремесла въ Средніе вѣка. Мало по малу реме-

сло устанавливается и дифференцируется и достигаетъ значительной силы. Всякій успѣхъ, который дѣлаетъ оно въ хозяйственномъ отношеніи, есть въ то-же время успѣхъ его въ соціальномъ отношеніи, всякій успѣхъ въ выучкѣ возвышаетъ цѣнность лица, ее пріобрѣтшаго. И поэтому въ Правдахъ прямо читаемъ, что рабъ, обученный какому-нибудь ремеслу цѣнится по крайней мѣрѣ вдвое дороже, нежели рабъ, который работаетъ какъ земледѣлецъ.

Но помимо того, что такимъ образомъ цѣнность раба возвышается, они составляютъ уже сплоченную группу для производства и выучки. Разъ образуется такая сплоченная группа, является возможность со стороны этихъ рабовъ реагировать, такъ сказать, на давленіе сверху.

Наконецъ, и третья группа рабовъ, которую приходится принять во вниманіе, также въ своемъ фактическомъ положеніи дала основаніе для прогресса. Это дворовые рабы, дворовые люди dagescalchi, какъ ихъ называли въ Германіи. Съ одной стороны, это были личные слуги; и понятно, что произволъ, капризъ господина больше всего держался относительно этихъ лицъ; но, съ другой стороны, изъ этихъ рабовъ набиралась господская администрація, именно, потому что они были ближе всѣхъ къ господину. Въ средневѣковой жизни играли чрезвычайно важное значеніе способы организаціи въ хозяйствѣ какого-нибудь крупнаго средневѣковаго барина. Его помѣстья были разбросаны по разнымъ частямъ территоріи. Между тѣмъ переѣзжать изъ одного помѣстья въ другое составляло своего рода путешествіе, и путешествіе не безопасное, потому что дороги были наводнены бездомнымъ людомъ, выскочившимъ, такъ сказать, изъ рамокъ средневѣковаго общества. Поэтому сношенія между отдѣльными частями были нелегки, а благодаря этому самостоятельность отдѣльныхъ помѣстій очень значительна. Учитывать и контролировать эти самостоятельныя помѣстья было трудно, и должность прикащиковъ въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ и должность ревизора, такъ сказать, посылаемаго для контроля этого хозяйства являлась поэтому чрезвычайно важною. Наконецъ, самый сбытъ произведеній, избытковъ съ помѣстья, представляется тоже чрезвычайно важнымъ дѣломъ; необходимо было держать особаго сбытчика.

Во всѣхъ этихъ должностяхъ являлись дворовые, а не поселенные рабы и кромѣ того они замѣщали должности тѣлохранителей, воен-

ныхъ помощниковъ господина. Эти должности очень существенны.
Именно, въ силу того, что эти рабы оказывали господамъ очень существенныя услуги въ очень трудныхъ и очень нужныхъ дѣлахъ, ихъ классъ возвышается. Этотъ классъ занимаетъ въ Средніе вѣка мѣста министеріаловъ, которыя въ древнемъ мірѣ занимали вольноотпущенники. Надо попробовать перемѣнить точку зрѣнія на эти отношенія. Мы не можемъ себѣ представить, до какой степени важны были эти посредствующія нити между хозяйственнымъ центромъ и отдѣльными частями. Мы живемъ во время облегченныхъ и быстрыхъ сношеній, твердаго порядка и цѣльности въ обществѣ. Всего этого тогда не было; жизнь средневѣковая была, какъ и въ древнемъ мірѣ, чрезвычайно расчленена на отдѣльные куски, и потому связь, которая соединяла бы эти отдѣльные куски, имѣла капитальное значеніе. Такою связью въ древнемъ мірѣ являлись вольноотпущенники, а въ средніе вѣка министеріалы-рабы.

Положеніе Германскихъ вольноотпущенныхъ было менѣе выгодно, нежели положеніе Римскихъ по той причинѣ, что Германскіе вольноотпущенные въ тѣхъ неудобныхъ политическихъ условіяхъ, въ которыхъ они находились, никогда не могли вполнѣ стать на точку зрѣнія гражданъ. Они всегда оставались полусвободными, между тѣмъ какъ Римскіе вольноотпущенные по истеченіи извѣстнаго времени и извѣстнаго поколѣнія могли совершенно отдѣлиться отъ господина, и во всякомъ случаѣ въ первый-же моментъ отпущенія становились гражданами общества. Германскій вольноотпущенный пріобрѣтаетъ свободу неполную и гражданиномъ не дѣлается, а дѣлается только человѣкомъ, который пріобрѣтаетъ извѣстное родовое положеніе, пріобрѣтаетъ самостоятельную вергельдъ, пріобрѣтаетъ однимъ словомъ рядъ правъ, которыхъ рабъ не имѣетъ. Но нечего было и думать о томъ, чтобы поставить его рядомъ съ его бывшимъ господиномъ, да и онъ самъ этого не желалъ бы, потому что очутиться свободнымъ человѣкомъ въ Средніе вѣка было дѣломъ не безопаснымъ: надо было умѣть поддержать эту свободу въ обществѣ, въ которомъ конкурренція и борьба за существованіе имѣла болѣе острый характеръ, нежели въ настоящее время, или въ древнемъ мірѣ. Надо было на что-нибудь опираться. Юридической свободы было слишкомъ недостаточно, потому что не было государствен-

ной силы, которая могла бы отстоять юридическую свободу. И вольноотпущенники старались поэтому примкнуть въ какой-нибудь силѣ, напримѣръ, къ королю, отказавшись отъ значительной доли своей самостоятельности.

Когда хотятъ дать вольноотпущеннику полную свободу, его дѣлаютъ не только юридически свободнымъ, но и землевладѣльцемъ. Вотъ единственное средство способствовать его свободѣ. Ему даютъ землю ad ingenuitatem tuendam. Въ большинствѣ же случаевъ имъ приходилось примыкать или къ королю, какъ сильному владѣльцу, или къ церкви. Вотъ тѣ три положенія, которыя обыкновенно занималъ Германскій вольноотпущенникъ, и во всѣхъ этихъ трехъ положеніяхъ онъ уже очень близко стоитъ къ высшему классу рабовъ, разнясь отъ нихъ только тѣмъ, что имѣетъ грамоту или свидѣтельство, на которое онъ можетъ сослаться въ судѣ. Онъ болѣе обезпеченъ какъ личность; затѣмъ признаются его родственныя отношенія; его сынъ будетъ имѣть право взыскивать съ убійцы вергельдъ, между тѣмъ какъ за убійство раба будетъ взыскивать господинъ, а не родственникъ раба.

Но, именно, эти условія сдѣлали отпускъ на волю очень распространеннымъ явленіемъ. Отпуская на волю, господинъ жертвовалъ при этомъ настолько незначительною частью своей власти, что онъ могъ сравнительно охотно пойти на эту жертву, не требуя особеннаго отреченія отъ своей воли для того, чтобы сдѣлать это. И это, именно, обстоятельство облегчало ходъ отпусканія на волю. Рабу придавалась большая самостоятельность, а между тѣмъ онъ продолжалъ свою службу господину, оставался подъ его властью. И отпусканіе на волю въ Средніе вѣка развилось очень быстро.

Вольноотпущенники, стало быть, приближаются къ рабамъ, потому что являются только полусвободными, рабы же фактически приближаются къ вольноотпущенникамъ, потому что даже не имѣя грамоты попадаютъ въ болѣе или менѣе самостоятельное хозяйственное положеніе.

Что касается до класса свободныхъ, то его исторія въ Средніе вѣка до XIII вѣка есть исторія постояннаго вырожденія, постояннаго паденія вслѣдствіе того, во-первыхъ, что Германскій классъ свободныхъ тотъ, который управлялъ Германскимъ племенемъ съ помощью вѣча, перемѣшивается въ провинціяхъ съ римскими элементами, отвыкши-

ли отъ политической жизни и самостоятельности. А это было чрезвычайно важно.

Свобода Германская является столько-же свободой политической, сколько свободой гражданской, и имѣетъ въ смыслѣ свободы политической болѣе рѣзкія очертанія, нежели теперешняя политическая свобода. Свободный Германецъ — это человѣкъ, который имѣетъ право не только участвовать въ областномъ самоуправленіи и судѣ, не только имѣетъ право явиться на вѣче своего народа, хотя можетъ этимъ правомъ и не пользоваться, не только можетъ участвовать въ выборахъ короля, хотя этого обыкновенно онъ не дѣлаетъ; но это и человѣкъ, который свободенъ отъ всякаго принужденія со стороны государства по отношенію къ подати.

Уплаты подати, необходимой повинности государству, которая теперь входитъ въ политическій обиходъ и является conditio sine qua non, не существовало для Германскаго свободнаго. Съ точки зрѣнія Германскаго права являлось унизительнымъ, если подать падала на лицо. Подать налагалась только при исключительныхъ условіяхъ; напримѣръ отчаянная борьба съ Датчанами въ Англіи вызвала необходимость наложить прямую подать. Но эта прямая подать является непремѣнно съ земли, никакъ не имѣетъ личнаго характера. Всякая личная подать разсматривается какъ уменьшеніе свободы — nota servitutis. Даже земельную подать платили не охотно, потому что въ этомъ видѣли какъ бы приравненіе къ оброчному сословію.

Но эту полноту политическихъ правъ и политическихъ требованій было трудно удержать для массы, и масса свободныхъ разлагается подъ вліяніемъ разныхъ условій. Отмѣчаю два главныхъ. Прежде всего, если подать является такимъ исключительнымъ фактомъ въ жизни Германскихъ свободныхъ, то только потому, что государство, какое ни на есть, живетъ натуральными повинностями своихъ гражданъ. Государству нужно войско, нуженъ судъ, это minimum его требованій; и тому и другому условію удовлетворяетъ въ государствахъ варваровъ непосредственный вызовъ свободныхъ людей. Войско является въ формѣ постояннаго ополченія всѣхъ свободныхъ; судъ является въ формѣ присутствія свободныхъ засѣдателей въ области. И то, и другое обязательства крайне разорительны; ихъ было легко нести до тѣхъ поръ, пока племя было не многочисленно, политиче-

скія отношенія не сложны. Но вотъ захватываются римскія провинціи, образуются варварскія государства; приходится Салическимъ Франкамъ защищать свою границу отъ натиска Вестъ-Готовъ, Лонгобардовъ и племенъ Германіи. Все требуетъ значительнаго напряженія силъ, долгихъ походовъ, оставленія хозяйства на долгое время; все это разоряетъ мелкихъ свободныхъ людей. Поэтому уже къ концу періода Меровинговъ является запросъ на цензъ, является необходимость возвысить требованія для вполнѣ вооруженнаго: устанавливается аристократическая основа для войска вмѣсто прежней демократической основы просто потому, что мелкіе свободные служить такъ не въ состояніи.

Вотъ первое условіе, которое содѣйствовало разложенію свободнаго класса и первый симптомъ, завершеніемъ котораго является требованіе, чтобы служили не всѣ, а тѣ, которые имѣютъ 5 гайдъ, въ Англіи, т.е. пять полныхъ надѣловъ; подобное-же требованіе является и у Лонгобардовъ, и у Франковъ. Давленіе такимъ образомъ политическихъ потребностей государства, живущаго на такомъ положеніи, приводитъ къ разложенію свободной массы.

Второе условіе, которое привело къ тому-же самому результату, это недостаточность государственной защиты, слабость государственной организаціи среди соціальной борьбы. Государство Германцевъ этого времени на этой почвѣ является съ чрезвычайно слабой организаціей по отношенію, такъ сказать, къ общественному распорядку. Оно не въ состояніи наложить ту правовую связь на общество, которую налагаетъ современное государство. Оно не въ состояніи стать посредникомъ между сильнымъ и богатымъ, слабымъ и бѣднымъ, и заставить сильнаго и богатаго стать въ равномъ положеніи съ слабымъ и бѣднымъ на судѣ, не обижать его на судѣ и помимо суда. Государство не въ состояніи справиться съ борьбою, которая ведется въ обществѣ; вслѣдствіе этого происходитъ повсюду процессъ, который можно характеризовать такъ: крупные собственники подчиняютъ себѣ мелкихъ; люди, выдавшіеся, потому-ли, что они захватили много плѣнныхъ рабовъ на войнѣ, или потому что ихъ землевладѣльческое положеніе было лучше, пользуются своею силою, чтобы приводить въ зависимость мелкихъ людей, а государство не въ состояніи помѣшать этому, потому что оно слишкомъ слабо и политическая зрѣлость

этого общества слишкомъ незначительна.

Вотъ тѣ два условія, которыя ведутъ къ чрезвычайно быстрому разложенію свободной массы, къ разложенію, которое является особенно быстрымъ тамъ, гдѣ много римскихъ элементовъ, и которое задерживается болѣе или менѣе тамъ, гдѣ римскій элементъ общественныхъ неравенствъ проникаетъ въ сравнительно слабой степени, т.е. особенно во внутренней Германіи и Англіи.

Остается сказать относительно одного класса Германскаго общества, именно, класса знатныхъ. Я уже установилъ точку зрѣнія, которой приходится держаться относительно первоначальной германской знати, что это была аристократія не землевладѣльческая преимущественно и не служилая, а аристократія родовая. Нельзя сказать, чтобы эта аристократія, о которой говоритъ Тацитъ, исчезла безслѣдно въ жизни Германскихъ племенъ.

Но тотъ классъ знати, съ которымъ мы встрѣчаемся во время феодальной эпохи, знатные XI, XII вв. идутъ преимущественно не отъ Тацитовской аристократіи. Аристократическій элементъ стараго порядка, стараго родоваго характера сохраняется только у тѣхъ племенъ, которыя по особенностямъ своего положенія не развили сильной королевской власти. Всего рѣзче замѣчается это у Саксонскаго племени, которое осталось, такъ сказать, на заднемъ планѣ развитія Германцевъ, не попало на почву Римскихъ провинцій. Саксы не имѣли королевской власти, и до самаго завоеванія Карломъ Великимъ у нихъ была очень сильная аристократія, которая рѣзко отмежевывалась отъ свободнаго класса. Браки были воспрещены между тѣмъ и другимъ классомъ, и вергельдъ саксонской аристократіи, членовъ семействъ правящихъ и примыкавшихъ къ нимъ, была въ шесть разъ выше, нежели вергельдъ свободнаго.

Отмѣчаю это обстоятельство, потому что оно указываетъ причину постепеннаго пониженія и даже политическаго исчезновенія старой родовой аристократіи у другихъ племенъ. Эта родовая аристократія была, именно, правительственной аристократіей, стоявшей во главѣ областныхъ дѣленій и направлявшей жизнь этихъ дѣленій. Понятно, что когда вмѣсто областныхъ самостоятельностей стала развиваться власть, соединявшая области въ одно государство, власть королевская, эти правительственные роды областей должны

были, такъ сказать, опуститься. Но этого мало, королевская власть ведетъ систематически борьбу противъ нихъ, потому что они конкуррирують съ нею по влiянiю и авторитету, они могутъ ослабить ея значенiе.

И Франкское, и Лонгобардское племена особенно сильно развиваютъ королевскую власть, они совершенно стушевываютъ родовую аристократiю, у нихъ есть отличiе по классамъ только въ связи съ служебнымъ положенiемъ, а впослѣдствiи съ землевладѣльческимъ положенiемъ, которое тоже примыкаетъ къ служебному, и только. Старое-же развитiе кровныхъ и родовыхъ правъ очень рано стушевывается.

У Англосаксовъ является другой рядъ формъ. У Англосаксовъ сохраняется извѣстное значенiе старыхъ аристократическихъ родовъ, потому что областная жизнь у нихъ очень мало подавалась подъ давленiемъ центральныхъ учрежденiй. Но эти аристократическiе роды Англосаксовъ — ёрлы мало по малу вдвигаются въ общую систему служилой аристократiи, аристократiи тэновъ; они не уничтожаются, а ассимилируются новой аристократiей. Эта новая аристократiя стоитъ уже на совершенно иныхъ основанiяхъ, она преимущественно является служилымъ сословiемъ съ одной стороны, сословiемъ землевладѣльческимъ съ другой. Первая форма зарожденiя этой аристократiи — королевская дружина. У Франковъ есть классъ, который отмѣченъ, какъ привилегированный, своимъ вергельдъ. Этотъ классъ состоялъ изъ королевской дружины, королевскихъ тѣлохранителей и приближенныхъ. Они цѣнятся втрое противъ свободнаго человѣка: свободный человѣкъ стоитъ 200 солидовъ, а антрустiонъ, франкскiй дружинникъ цѣнится въ 600 солидовъ.

Тотъ же самый классъ является и у Англосаксовъ, точно также возвышается цѣнность, и точно также является мало по малу замѣна простой служебной привилегiи положенiемъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ по той простой причинѣ, что тѣлохранителю и приближенному за его услуги платятъ не деньгами, которыхъ почти нѣтъ, а платятъ землею. Выработалась система раздачъ, которая была должнымъ вознагражденiемъ за услуги этого королевскаго собутыльника (conviva regis, какъ выражались французскiе памятники). Военныя заслуги, административное положенiе, различныя порученiя, въ смыслѣ посылки на ревизiю, всѣ эти обстоятельства приближенiя къ королю, выдвигали ихъ изъ общей массы.

И самая королевская власть старалась создать для них положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ. У Англосаксовъ этотъ процессъ принимаетъ форму разсчета по цензу: разсчитывается, какой цензъ необходимъ для того, чтобы изъ свободнаго человѣка сдѣлать знатнаго, королевскаго дружинника, и какой, чтобы сдѣлать высшаго знатнаго. И вотъ устанавливается общая роспись классовъ: керль (keorle) владѣетъ одной гайдой, однимъ полнымъ надѣломъ; тенъ, королевскій дружинникъ, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ пять такихъ надѣловъ; ёрлъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 40 гайдъ.

Любопытна исторія терминовъ, она показываетъ, какъ мало по малу перемѣщался центръ общественной жизни, какъ выдвигались впередъ новые элементы и съуживалось вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе свободы. Я укажу вамъ видоизмѣненіе двухъ франкскихъ терминовъ: leudes и vassi.

Франкское leudes первоначально просто люди, т. е. всѣ свободные подданные франкскаго короля. Какъ видите, понятіе широкое, обнимающее всѣхъ тѣхъ, которые служили въ войскѣ, имѣли право являться на мартовское собраніе и не обязаны платить подать. Но классъ свободныхъ разлагается мало по малу, какъ было уже указано, и является классъ королевскихъ дружинниковъ. И вотъ терминъ leudes уже въ концѣ VII в., положительно въ VIII в. пріобрѣтаетъ узкое значеніе вмѣсто прежняго широкаго. Это не люди вообще свободные, а королевскіе люди, королевскіе приближенные; люди, зависящіе отъ него какъ вассалы на началахъ не общегосударственныхъ, а началахъ частнаго правоваго подчиненія.

Еще, пожалуй, характернѣе самое слово вассалъ; оно показываетъ до какой степени средневѣковыя отношенія іерархіи выработались, развились изъ первоначальнаго, такъ сказать, дворового понятія, изъ отношеній по двору между господиномъ и его слугами, его приказчиками.

Я вамъ уже указывалъ выше, что противоположность хозяйственныхъ владѣній между общиннымъ и частнымъ владѣніемъ осложняется противоположностью политической, противоположностью между землею, которая находится подъ дѣйствіемъ, такъ сказать, земскихъ учрежденій, и клочкомъ земли, на которомъ

дѣйствуетъ правительственное право землевладѣльца, его Grundherrschaft. Тамъ, гдѣ есть частная собственность, тамъ есть и особенныя права свободнаго человѣка, тѣ права, изъ которыхъ происходитъ современное англійское убѣжденіе, что домъ англичанина есть его замокъ, есть его крѣпость, въ которую, собственно говоря, посторонняя сила не проникаетъ безъ его согласія. Это, именно, развитіе стараго Германскаго понятія Grundherrschaft. Свободный Германецъ сливаетъ здѣсь понятія свободы гражданской и свободы политической.

Вотъ въ этомъ смыслѣ и получаетъ развитіе терминъ vassus. Это не арендаторъ, а человѣкъ, находящійся подъ Grundherrschaft, подъ патримоніальной юрисдикціей двора. Затѣмъ, именно, эти дворовые становятся мало по малу средневѣковыми вассалами, т.е. на отношенія свойства аристократическаго. Понятіе аристократіи развивается изъ понятія совершенно частной службы по той простой причинѣ, что самая новая аристократія развивается изъ королевскихъ приближенныхъ и слугъ. Это не старая аристократія самостоятельная родовая.

Вотъ тѣ основныя положенія, которыя необходимо установить по отношенію къ сословному процессу средневѣковой эпохи. Вы видите, что въ данномъ случаѣ процессъ идетъ, конечно, изъ исходныхъ точекъ зрѣнія Германскаго порядка времени Тацита; но легко также видѣть, какую важную роль играла въ этомъ процессѣ примѣсь Римскаго элемента. По отношенію къ рабамъ эта примѣсь выражалась только посредственно, даже очень посредственно: именно, на рабство дѣйствовалъ Римскій институтъ Церкви. По отношенію къ вольноотпущенникамъ она выражалась главнымъ образомъ тѣмъ, что, хотя обстановка отпуска была совершенно иная, нежели у Римлянъ, тѣмъ не менѣе грамота отпуска и юридическая форма были заимствованы у Римлянъ. Но особенно сильно вліяніе Римское по отношенію къ свободнымъ и знатнымъ. Свободные элементы Германцевъ подверглись быстрому разложенію вслѣдствіе того, что мелкіе свободные люди Германцевъ попадали въ сложившіяся крайне неравномѣрно отношенія Римскаго міра: одинъ получалъ большое римское помѣстье, другой стѣснялся въ положеніе римскаго пролетарія, общественныя римскія неравенства, крайне рѣзкія, крайне заостренныя. Эти общественныя неравенства не сдерживались въ сред-

ніе вѣка такою значительною государственной силою, какую представляла римская имперія. И эти общественныя неравенства дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ среди германскихъ свободныхъ. Затѣмъ самое понятіе знатныхъ имѣетъ тоже своего рода римскую окраску. Эта служилая аристократія впитываетъ въ себя римскій элементъ. Римская бюрократія, римскіе сановники и чиновники не пропадаютъ вполнѣ вмѣстѣ съ паденіемъ имперіи: титулы, функціи, все это переходитъ въ варварскій міръ и перемѣшивается тамъ очень грубымъ образомъ съ понятіями, взятыми изъ совершенно частной правовой сферы, изъ сферы частныхъ дворовыхъ отношеній.

Общественная власть въ варварскихъ государствахъ.

Теперь перехожу къ характеристикѣ общественной власти и ея развитія въ варварскихъ государствахъ, причемъ ограничусь характеристикой главнымъ образомъ двухъ процессовъ: того, который происходилъ у Франковъ и затѣмъ у Англосаксовъ, такъ какъ они подверглись совершенно противоположнымъ вліяніямъ.

Но прежде всетаки надо заручиться общимъ представленіемъ о
ходѣ дѣла. Исторію общественной власти всегда можно излагать съ
двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, надо обратить внима-
ніе на то, кто является носителемъ общественной власти, какъ рас- 1
полагается государственная организація, какая устанавливается
іерархія, какую роль въ этой организаціи играетъ элементъ само-
стоятельный, элементъ княжескій, королевскій, какая роль предо-
ставлена общественному элементу, элементу земскому. Но это од-
на сторона дѣла, а затѣмъ является совершенно другой вопросъ о
томъ, какъ организованы правительственныя средства, въ какой 2
формѣ происходитъ то наступленіе и притокъ силъ, который со-
ставляетъ государство изъ общества. Вотъ, эти двѣ общія точки
зрѣнія и необходимо выяснить сначала для всего Германскаго міра,
прежде чѣмъ перейти къ спеціальной характеристикѣ процесса
у Франковъ и Англосаксовъ.

Что касается до носителей власти, то въ исторіи германскихъ

народовъ прямо опредѣляется одно коренное движенie: постепенный упадокъ земскихъ элементовъ и быстрое, постоянное, но непрочное развитie власти королевской, власти самостоятельной. Во времена Тацита земскiй элементъ положительно преобладалъ; король и князь являлся среди вѣча, являлся однимъ изъ членовъ вѣча. Даже племена, у которыхъ были короли, въ сущности были племенами республиканскими. Этотъ земскiй элементъ быстро падаетъ и падаетъ вслѣдствie причинъ, такъ сказать, неотразимыхъ. Быстрѣе всего онъ падаетъ въ центральномъ общемъ собранiи племени: вѣче племени теряетъ смыслъ и возможность существовать тогда, когда племя захватываетъ обширную территорiю, когда по этому самому новые члены его не могутъ собираться на общiе совѣты постоянно, когда сложность политическихъ обстоятельствъ требуетъ быстраго рѣшенiя текущихъ дѣлъ и не позволяетъ дожидаться какихъ-нибудь общихъ постановленiй племени. А основанiй для выработки представительства пока тоже не имѣется, потому что представительство есть форма вообще сложная. Любопытнымъ фактомъ является то, что ни ранняя средневѣковая эпоха, ни древнiй мiръ въ цѣломъ не развили представительства въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что нельзя назвать представительствомъ тѣ федеративныя формы, которыя являются въ жизни народовъ античнаго времени, напримѣръ, Пелопонесскiй союзъ, Ахейскiй и т. п.

Намъ придется еще возвратиться къ этому вопросу, когда мы будемъ слѣдить за возникновенiемъ парламентаризма и его возрастанiемъ: представительная система родилась въ феодальной исторiи. Но теперь я ограничусь описанiемъ того, какъ вѣче стало невозможнымъ. Вѣче не было замѣнено какою-нибудь делегацiей областей, а просто на просто вывѣтрилось и упало; сначала сдѣлалось простымъ парадомъ, собиравшимся разъ въ годъ, а затѣмъ мало по малу и вовсе прекратилось. Причина заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что незрѣлая политическая жизнь Германскихъ народовъ не могла выражать понятiя делегацiи государственной власти, понятiя въ сущности очень сложнаго. Каждый Германецъ считалъ себя свободнымъ не только гражданcки, но и политически.

Свободный Германецъ имѣлъ не только извѣстныя права по суду, по землевладѣнiю, не только былъ независимъ отъ другихъ частныхъ

лицъ, онъ признавалъ себя кромѣ того участникомъ верховнаго правительства, онъ могъ явиться на вѣче, теоретически имѣлъ право участвовать въ избраніи короля и считалъ себя необязаннымъ платить подати. Такимъ образомъ политическія претензіи и права были очень широки; но представленія, что можно делегировать это право вмѣсто того, чтобы являться лично и осуществлять это право, отказаться отъ этого права въ пользу извѣстнаго представителя не было, эта мысль была незнакома. И тѣ съѣзды представителей, которые практиковались у Саксовъ, были въ сущности совершенно не делегаціей въ нашемъ смыслѣ, а съѣздами аристократіи, въ которыхъ опять-таки политическое право осуществлялось натурою, а не чрезъ представительство. Эта политическая незрѣлость привела къ тому, что вѣчевыя учрежденія безъ всякаго перехода упали: какъ только расширилась територія ихъ примѣненія, они стали фактически невозможны.

При этомъ имѣло значеніе и другое условіе, которое сказывается не только по отношенію къ центру, но и по отношенію къ областямъ: въ римскихъ провинціяхъ Германцы перемѣшались съ римскимъ населеніемъ, т.е. съ людьми, которые давнымъ давно отвыкли отъ всякой политической правовой самостоятельности, которые не умѣли быть самостоятельными не только въ центрѣ, но и въ областяхъ. Областное дѣленіе во всякомъ случаѣ было болѣе жизненно и упадокъ земскихъ учрежденій въ области шелъ медленнѣе, чѣмъ въ центрѣ. Этотъ упадокъ происходитъ главнымъ образомъ, именно, отъ того, что примѣшивается мало годный римскій элементъ. Во-вторыхъ-же упадокъ происходитъ отъ того, что разлагается масса свободныхъ, что все меньше и меньше становится настоящихъ свободныхъ, независимыхъ людей. - Мы видѣли, почему это было такъ. И этотъ соціальный процессъ отражается на политическихъ учрежденіяхъ: съ разложеніемъ свободной массы идетъ упадокъ областей, какъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Тамъ, гдѣ разложеніе свободной массы идетъ медленно, гдѣ Римское неравенство проникаетъ слабо, тамъ и земскія учрежденія областей удерживаются. Такъ происходитъ дѣло въ Англіи и отчасти во внутренней Германіи.

Эти падагаuзія земскія власти замѣщаются силами, которыя

имѣютъ своимъ основаніемъ королевскую власть. Королевская власть возникаетъ у насъ, такъ сказать, на глазахъ. У Франковъ является сначала власть просто княжеская: Хлодвигъ перебилъ нѣсколько сосѣднихъ князей, образовалъ себѣ такимъ образомъ болѣе обширную территорію. Но и законъ Салическій, - который записанъ уже при королевской власти, вѣроятно, въ царствованіе Хлодвига, въ концѣ V в., - ставитъ короля какъ бы лишнимъ органомъ въ жизни государства. Вмѣшательство королевской власти является чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Король дѣйствуетъ въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, когда приходится разрѣшать переселеніе семействъ, особенно при отпускѣ на волю; дѣйствуетъ въ случаѣ упорнаго отказа платить подать. Но повторяю, это дѣйствія исключительныя, рѣдкія. Между тѣмъ, какъ скоро территорія значительно расширяется и осложняются отношенія, является запросъ на постоянную королевскую власть, которая вмѣшивалась бы постоянно въ исполненіе приговоровъ, постоянно руководила-бы войною. Вслѣдствіе этого королевская власть быстро развивается фактически уже въ эпоху сыновей Хлодвига и особенно сыновей Клотаря, т. е. внуковъ знаменитаго Хлодвига. Фактически королевская власть сдержекъ не имѣетъ, нѣтъ такихъ установленій, которыя могли бы ее остановить, ввести въ опредѣленныя границы. Можно, пожалуй, говорить о полновластіи короля въ этомъ смыслѣ. Король даже пользуется этимъ полновластіемъ, очень часто даже злоупотребляетъ имъ, напримѣръ, Лонгобардскій законъ говоритъ о возможности короля убить свободнаго человѣка, о правѣ человѣка сослаться на то, что онъ убійца по приказанію короля, что является прямымъ постановленіемъ закона Ротариса. Тѣмъ не менѣе положеніе культурнаго развитія Германской массы является чрезвычайно отсталымъ. Всѣ элементы, такъ сказать, тянутъ врозь и королевская власть старается по возможности сплотить общество, ввести въ него дисциплину, и ей приходится бороться съ такою массою отдѣльныхъ сопротивленій, что осилить ихъ она оказывается не въ состояніи. Поэтому въ исторіи первой Франкской династіи Меровинговъ мы замѣчаемъ періодъ хаотическаго колебанія между крайнимъ проявленіемъ абсолютизма отдѣльныхъ королей и крайнимъ проявленіемъ произвола народа. Народъ не имѣетъ прочнаго политическаго положенія, но онъ политически своеволенъ, стоитъ припомнить извѣстный

эпизодъ съ Хлодвигомъ при дѣлежѣ добычи, когда воинъ отказалъ королю выдать чашу, - разсказъ о чемъ приведенъ Григоріемъ Турскимъ. Здѣсь характеренъ и отказъ воина въ чашѣ королю и то обстоятельство, что король потомъ безъ суда могъ убить этого воина. И тотъ мотивъ, который выясняется въ этомъ фактѣ, проходитъ черезъ всю исторію Меровингской династіи.

Вотъ тѣ два основныя условія, на которыя приходится обратить вниманіе въ политической жизни Германскаго народа послѣ завоеванія. Надо прибавить, что эти основныя условія, подверглись значительному вліянію мѣстностей, видоизмѣнились.

Прежде чѣмъ оставить эту область, я укажу на одно очень важное обстоятельство. Сила, напряженіе и организація королевской власти варварскихъ государствъ являются подъ прямымъ вліяніемъ Римскаго элемента. Чѣмъ сильнѣе римское вліяніе, тѣмъ болѣе власть королевская является самодержавной, снабженной, такъ сказать, правильной организаціей. Въ этомъ отношеніи рѣзкій фактъ намъ представляетъ Остъ-Готское государство, которое было варварскимъ государствомъ, наиболѣе романизованнымъ. У остготскихъ королей есть и римская канцелярія, и римскіе чиновники, и даже Римская подать. Они старались, по выраженію одного изъ вестготскихъ королей, Атаульфа, силами варваровъ возсоздать римскую императорскую власть. Имъ это не удалось. Но то, что такъ рѣзко выразилось у Остъ-Готовъ, выразилось и въ жизни другихъ племенъ только въ менѣе рѣзкихъ формахъ.

Остается сказать о томъ видѣ, въ которомъ представлялись правительственныя средства и ихъ развитіе въ варварскихъ государствахъ. Я уже выше указалъ, что варварскія государства въ сущности стоятъ на началахъ натуральнаго хозяйства, что подати являются у нихъ дѣломъ исключительнымъ, второстепеннымъ, государственный порядокъ основать на нихъ нельзя. Между тѣмъ, извѣстный minimum администраціи необходимъ вездѣ, этотъ minimum и выражается дѣйствующимъ служилымъ элементомъ; и для этого minimum'а всетаки необходима извѣстная расплата, извѣстный притокъ силъ. Какъ организуется эта расплата? Въ какой формѣ является эта сторона государственной жизни? Она организуется опять-таки чрезвычайно характерно, и способъ орга-

низацiи является важнымъ шагомъ къ развитiю средневѣковыхъ феодальныхъ порядковъ. Подать недостаточна для организацiи этого административнаго элемента, остается земля; и служба государю является въ Франкскомъ, Лонгобардскомъ и Англiйскомъ государствахъ тѣсно связанною съ земельной властью короля и съ его постепенной раздачей земель.

Но уже вслѣдствiе этого самый характеръ государственной службы измѣняется, является смѣшенiе частныхъ правъ и политическихъ элементовъ, смѣшенiе между хозяйствомъ, отношенiемъ помѣщичьихъ хозяйствъ и отношенiемъ административнымъ. Но этого мало, сначала служба вознаграждается простой выдачей земли изъ постояннаго капитала, королевскаго домена. А разъ дѣло поставлено такимъ образомъ, изъ этого прямо слѣдуетъ, что государственная власть, производящая раздачу изъ неподвижнаго, такъ сказать, капитала, должна мало по малу разориться. Капиталъ доменiальный не остается не тронутымъ, а постоянно уменьшается; это расходованiе не однихъ процентовъ, а самаго капитала. Поэтому мы имѣемъ здѣсь предъ собой исторiю постепеннаго упадка государственной власти вмѣстѣ съ расширенiемъ ея территорiальнаго основанiя.

Англосаксы.

Таковы были общiя условiя развитiя правительственной власти въ государствахъ, которыя были основаны въ провинцiяхъ Римской имперiи. Теперь я остановлю ваше вниманiе ближайшимъ образомъ на характеръ ея развитiя у Англосаксовъ и у Франковъ, такъ какъ намъ впослѣдствiи придется имѣть дѣло, именно, съ государствами, выросшими изъ Франкской монархiи и Англосаксонской.

Начну съ Англосаксовъ, такъ какъ исторiя здѣсь представляетъ намъ болѣе простыя формы и болѣе точное примѣненiе собственно германскихъ началъ. Это объясняется самыми свойствами Англосаксонскаго завоеванiя. Завоеванiе совершалось чрезвычайно медленно, толпы Ютовъ, Саксовъ и Англовъ переселялись черезъ море изъ сѣверозападныхъ частей Германiи и захватывали римскую Британiю не сразу, а путемъ посте-

пенныхъ пріобрѣтеній и медленной борьбы. При этихъ условіяхъ борьба особенно въ первое время принимала характеръ чрезвычайно ожесточенный и иногда приводила къ тому, что опустошались цѣлыя мѣстности. Про взятіе одного города, который назывался въ то время Андериде, и на мѣстѣ котораго теперь стоитъ г. Pevensey, говорится: „убили всѣхъ, и не осталось ни одного Бритта. Такъ разрушили городъ, что его впослѣдствіи не отстраивали вновь, и приходящимъ представлялось только запустѣлое мѣсто великаго города". Именно, такого рода борьба представляется совершенно инымъ факторомъ, чѣмъ завоеваніе поверхностное, какое совершено было, напримѣръ, Остъ-Готами или Лонгобардами въ Италіи; завоеваніе, которое сразу захватывало большую территорію, разбрасывало по этой территоріи кучки варваровъ и нигдѣ не приводило къ полному перевороту, къ полной замѣнѣ стараго населенія новымъ.

Въ этомъ отношеніи саксонское завоеваніе имѣло совершенно другой характеръ, но всетаки не слѣдуетъ преувеличивать. Нельзя утверждать, какъ утверждалъ, напримѣръ, Фриманъ и его школа, что Саксонское завоеваніе устроило своего рода tabulam rasam на Британіи. Онъ представляетъ себѣ, что въ этомъ пустомъ мѣстѣ затѣмъ устанавливаются Германскіе порядки въ большей чистотѣ, нежели они существуютъ въ самой Германіи. Такого рода взглядъ былъ бы совершенно невѣренъ. Онъ невѣренъ уже потому, что главнымъ образомъ за море перебирались преимущественно взрослые вооруженные люди, мущины, которые дѣтей, женъ съ собой не брали. Вслѣдствіе этого семейнымъ образомъ устроиться на почвѣ острова новые поселенцы могли только подъ условіемъ оставленія значительной части населенія — женщинъ; и уже въ первое время это, очевидно, оказывало свое вліяніе на Саксонскихъ завоевателей. Замѣчательно, чѣмъ дальше распространялось завоеваніе къ западу, тѣмъ оно становилось все мягче и мягче. На Саксонцевъ начинало оказывать вліяніе христіанство. И затѣмъ, разъ завоеватели образовали поселенія на востокѣ и югѣ Англіи, они не нуждались въ такой степени въ положительномъ безусловномъ занятіи мѣстъ. Поэтому если на югѣ и юго-востокѣ Римское населеніе и было вытѣснено, если, по крайней мѣрѣ, взрослые мущины были почти всѣ

истреблены; то въ центральной и западной Англіи завоеваніе имѣло менѣе рѣзкій характеръ. Въ центральной и западной Англіи являлось просто невыгоднымъ истребить сложившееся Римское хозяйство, и щадили римскихъ колоновъ точно также, какъ щадили римскихъ быковъ, потому что они могли быть полезны для Германскихъ завоевателей.

Такимъ образомъ извѣстный римскій слой остался, и онъ оказалъ свое вліяніе, менѣе всего на учрежденія народныя и на его языкъ, болѣе всего на его хозяйство. Въ хозяйственномъ отношеніи римская традиція въ Британіи несомнѣнна, и въ Саксонское время ее можно прослѣдить весьма наглядно по археологическимъ даннымъ. Нельзя установить рѣзкой границы между произведеніями римской работы V в. и саксонской VII в. Общее вырожденіе несомнѣнно: основные мотивы, которыми пользуются въ выработкѣ, напримѣръ, металлическихъ издѣлій, эти мотивы, именно, Римскіе мало по малу вырождаются въ рукахъ варваровъ. Точно также римское вліяніе отразилось и на земледѣльческой техникѣ; весьма вѣроятно, что благодаря римскому вліянію завелся у Саксовъ большой плугъ, которымъ работали въ Англіи; большой плугъ, въ который впрягается 6 и даже 8 воловъ, и котораго во внутренней Германіи мы не замѣчаемъ.

Но не смотря на это всетаки можно сказать, что Англосаксонское завоеваніе изъ всѣхъ Германскихъ наиболѣе отвѣчаетъ перенесенію чисто Германскихъ условій на новую почву и наименѣе представляетъ элементовъ смѣшенія двухъ факторовъ — Римскаго и Германскаго. При этихъ условіяхъ получаетъ особое освѣщеніе основная черта политической исторіи Англосаксовъ.

Въ этой исторіи обращаетъ на себя вниманіе особенно одно условіе, которое сохраняетъ свое значеніе до сихъ поръ: именно, такъ сказать, федеративная организація всего общества сверху донизу. Общество представляетъ не однородную массу, соединенную только въ общегосударственное цѣлое и совершенно зависящую отъ центральнаго управленія. Напротивъ, дѣленія общества представляются какъ бы ульемъ, состоящимъ изъ совершенно опредѣленныхъ ячеекъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ законченность, представляетъ раздѣльное цѣлое. Мы имѣемъ дѣло съ федераціей отдѣльныхъ государствъ, называемыхъ впослѣдствіи графствами,

и выросшими изъ отдѣльныхъ поселеній Англосаксовъ. Затѣмъ, каждое графство точно также есть единица, состоящая изъ болѣе мелкихъ политическихъ тѣлъ — сотенъ, а каждая сотня распадается на самостоятельныя во многихъ отношеніяхъ села — township. Вотъ эта послѣдовательность развитія, эта постепенность политическаго осложненія, начиная отъ самостоятельности отдѣльной мѣстности, завершается соединеніемъ всего королевства; оно до сихъ поръ составляетъ чрезвычайно характерную черту Англійской жизни, до сихъ поръ все подчинялось въ Англійской жизни элементу децентрализаціи въ противоположность, напримѣръ, искусственному однообразію въ жизни Франціи.

Этотъ элементъ децентрализаціи, несомнѣнно, имѣетъ историческое происхожденіе. Онъ сложился въ Англосаксонское время. Развитіе Англосаксонскаго періода въ этомъ отношеніи представляетъ прямой вкладъ въ исторію политическаго образованія Англіи. Организація села преимущественно отвѣчаетъ кореннымъ хозяйственнымъ потребностямъ. Этой организаціей регулируется извѣстный постоянный сѣвооборотъ съ той черезполосицей, которая съ ней связана, чередованіе участковъ, затѣмъ, условія, когда начинать сѣнокосъ, когда начинать жатву, когда снимать всѣ изгороди и выгонять скотъ на выжатое поле осенью, все это регулируется сельскимъ сходомъ; точно также число головъ скота, которое каждый имѣетъ право выгонять на общее пастбище, число деревьевъ, которое каждый имѣетъ право срубить для себя, это опредѣляется сельскимъ сходомъ. Но этимъ дѣятельность сельскаго схода не ограничивается. Рядомъ съ этими хозяйственными обязанностями, которыя вытекаютъ изъ того, что село есть собственникъ, а отдѣльныя семейства только пользователи, получающіе свои права, такъ сказать, въ производномъ порядкѣ отъ дѣйствительнаго собственника-села; рядомъ съ этими хозяйственными обязанностями стоятъ политическія и юридическія. Село является опять-таки союзомъ, который заботится о поддержаніи церкви, о бѣдныхъ и бездомныхъ. Вся благотворительность сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ сельскихъ единицъ, а благотворительность въ это время имѣла громадное значеніе. Наконецъ, село отвѣчаетъ по отношенію къ государству. Если кто изъ его членовъ совершитъ ка-

кое-нибудь преступленіе, то вмѣстѣ съ родомъ преступника и село отвѣчаетъ, должно заботиться о томъ, чтобы онъ явился на судъ, должно въ извѣстныхъ случаяхъ очищаться отъ подозрѣнія, что оно участвовало въ совершеніи преступленія. Является рядъ обязанностей по полиціи и гражданскому судопроизводству, принадлежащихъ сельскому сходу, относительно дѣлъ, которыя возникаютъ въ предѣлахъ села, напримѣръ, по вопросу о владѣніи той или другой частью поля, разстановкѣ той или другой межи. Эти внутреннія сельскія пререканія разбираются опять-таки сельскимъ сходомъ. Всѣ эти дѣла, сосредоточенныя въ рукахъ сельскаго собранія, проходятъ, такъ сказать, нетронутыми черезъ всѣ эпохи исторіи; косность въ этомъ отношеніи, сила традиціи замѣчательна.

Въ феодальную эпоху надъ сельскимъ сходомъ устраивается, такъ сказать, предсѣдатель. Является власть лорда, помѣщика, которая придаетъ формальный характеръ рѣшеніямъ схода и которая предсѣдательствуетъ, такъ сказать, въ селѣ. Но эта власть, именно, наложена внѣшнимъ образомъ, она по существу принципа коллегіальности рѣшеній не измѣняетъ; помѣщикъ, приказчикъ есть только предсѣдатель и формальный руководитель схода, но никакъ не его заправитель или господинъ.

Такимъ образомъ сельскій сходъ осложняется этимъ отношеніемъ къ аристократическому элементу, другое осложненіе идетъ уже не отъ аристократіи, а отъ городской организаціи. Городъ Англосаксовъ организованъ на совершенно тѣхъ-же началахъ, какъ и село, только въ вѣдѣніе его схода входятъ различнаго рода обязанности, которыхъ село не знаетъ просто по своему хозяйственному характеру, таковы: въ особенности наблюденіе за полицейской охраной, за выучкой въ опредѣленныхъ цехахъ, за доброкачественностью продаваемаго, т.е. торговая полиція и т.п. Однимъ словомъ дѣло осложняется въ связи съ общимъ осложненіемъ промышленнаго значенія единицы, но основа организаціи, коллективность остается та же самая, и городъ съ его самоуправленіемъ въ Англіи совершенно незамѣтно выростаетъ изъ самоуправленія сельской единицы.

Затѣмъ высшая коллективная форма — это форма сотни, которая соединяетъ нѣсколько селъ и которая обыкновенно соединяетъ даже

нѣсколько народовъ. Сотня – это дѣленіе, въ которомъ участвуютъ непосредственно всѣ крупные землевладѣльцы и ихъ приказчики; затѣмъ посредственно участвуютъ всѣ села, въ лицѣ своихъ депутатовъ. Сюда являются староста и четыре представителя отъ каждаго села. Дѣятельность сотни главнымъ образомъ не хозяйственная, не полицейская, а судебная. Сюда восходятъ дѣла болѣе сложныя уголовныя и гражданскія, собирается сотня разъ въ мѣсяцъ.

Наконецъ выше сотни является собраніе, которое собирается уже два раза въ годъ. По своему составу это собраніе однородно съ сотней, а по дѣламъ имѣетъ прямо политическую компетенцію: раскладка податей лежала на обязанности этого собранія.

Всѣ эти собранія можно вполнѣ поставить въ связь съ старымъ общенароднымъ собраніемъ или вѣчемъ Тацитовскаго времени. Въ этомъ заключается очень характерная черта Саксонской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, вы помните, что Тацитовское общенародное собраніе или вѣче было собраніемъ всего племени. Естественно, поэтому, было-бы ожидать, что въ соотвѣтствіе ему въ Англіи мы найдемъ общенародное собраніе всей Англіи; но такого общенароднаго собранія всей Англіи не существуетъ, а каждая область Англіи имѣла свое вѣче, вѣче графства, которое и носитъ поэтому характерное названіе folkmot. Названіе, которое впослѣдствіи стало вытѣсняться позднѣйшимъ schirgemot, т.е. собственно названіе собранія графства. Это очень характерно, потому что изъ этого видно, какъ все соединеніе Англійскихъ областей разсматривается съ чисто федеративной точки зрѣнія: народъ былъ не народъ Англійскій, а собраніе народовъ графствъ.

Каждый изъ этихъ частныхъ народовъ имѣлъ свой Gemot, свое вѣче, а вся Англія общенароднаго собранія не имѣла. Во всей Англіи было единственное общее собраніе, – это такъ называемый Уитенагемотъ. Составъ Уитенагемота былъ двойствененъ: въ него входили, во-первыхъ, всѣ областные начальники, всѣ князья, такъ сказать, входили эльдормены графствъ и епископы. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое мѣсто въ Уитенагемотѣ. Но рядомъ съ ними въ Уитенагемотѣ является масса лицъ, которыя представляютъ власть не самостоятельную, а производную, королевскую власть: являются дворовые люди короля, его тены или дружинники, и число ихъ не ограничено, элементъ этотъ можетъ расширяться или съуживаться. Получа-

ется такимъ образомъ учрежденіе, которое съ одной стороны есть собраніе самостоятельныхъ областныхъ вождей, съ другой — совѣтъ людей, зависящихъ отъ короля, учрежденіе двойственное по своему характеру, во всякомъ случаѣ не представляющее народа, но представляющее съ одной стороны области въ ихъ областныхъ начальникахъ, съ другой стороны королевскую власть.

Благодаря этой двойственности компетенція этого собранія очень странна и тоже двойственна. Съ одной стороны Уитенагемотъ ограничиваетъ, несомнѣнно, королевскую власть: король не имѣетъ, напримѣръ, права сдѣлать пожалованія земли въ полную собственность, не спросивши позволенія у этой „Думы". Мало того, избраніе короля и его смѣщеніе зависитъ отъ Уитенагемота. Законъ не издается никогда безъ того, чтобы не былъ разсмотрѣнъ въ Уитенагемотѣ. Съ другой стороны ясно, что король можетъ наполнить это учрежденіе по своему произволу людьми, которые будутъ рѣшать дѣла, какъ онъ хочетъ, т.е. своими дружинниками. Это представляетъ настолько существенную привилегію короля, что все учрежденіе пріобрѣтаетъ характеръ какъ бы государственной Думы, а не ограничивающаго собранія, которое можно было бы сравнить съ какимъ-нибудь аристократическимъ собраніемъ, ограничивающимъ монархическую власть.

Но было одно условіе, которое придавало даже служилому элементу въ Уитенагемотѣ весьма важное и даже ограничивающее значеніе. Вы знаете, что въ ростѣ аристократіи варварскихъ государствъ мы замѣчаемъ двѣ эпохи: первая — эпоха родовой аристократіи, вторая — эпоха служилой аристократіи и землевладѣльческой, именно, служилая аристократія становится въ то-же время землевладѣльческой. Эта землевладѣльческая аристократія потому, именно, что она представляетъ крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, пріобрѣтаетъ самостоятельное положеніе относительно королевской власти хотя эта служилая аристократія и произошла изъ королевскихъ дворовыхъ. Первоначально это слуги и дружинные люди, обезпеченные въ своемъ положеніи королевскою властью. Но они вышли изъ королевскихъ дворовыхъ, стали крупными помѣщиками и благодаря своему новому земельному положенію эманципировались отъ вліянія королевской воли. И въ постепенномъ процессѣ феодализаціи, въ процессѣ въ которомъ части, такъ сказать, пріобрѣтаютъ самостоятельност

значительно на счетъ цѣлаго, въ которомъ центробѣжная сила одолѣваетъ центростремительную; въ этомъ постепенномъ процессѣ крупные помѣщики становятся все независимѣе и независимѣе отъ короля, съ которымъ они связаны своими служебными обязанностями. Благодаря этой независимости они и въ Уитенагемотѣ дѣйствуютъ самостоятельно.

Вотъ почему это странное учрежденіе Уитенагемотъ, наводнявшееся служилыми людьми и помѣщиками имѣло право смѣщать короля, отъ котораго формально зависѣло большинство его членовъ.

Самый ростъ королевской власти, послѣднее условіе, на которое приходится обратить вниманіе, характеризуется двумя совершенно различными и противоположными теченіями. Во-первыхъ, королевская власть объединяетъ постепенно всѣ части Англіи. Сначала отдѣльные куски Англіи объединяются въ 7 королевствъ, затѣмъ мало по малу 7 королевствъ распредѣляются между тремя главными: Нортумберландъ, Уэссексъ и Мерсія. Наконецъ и эти три тѣла сливаются въ одно, является общее королевство Англія и Англосаксонское племя.

Такимъ образомъ территоріальное и племенное распространеніе королевской власти несомнѣнно, но соотвѣтственно ему идетъ обратное движеніе: чѣмъ шире распространяется власть Англійскаго короля, чѣмъ больше та территорія, которую она захватываетъ, тѣмъ слабѣе ея вліяніе въ каждой отдѣльной мѣстности и ея давленіе на эти отдѣльныя мѣстности.

При этомъ сказывается нѣсколько процессовъ, которые мало по малу разрушаютъ Англосаксонское государство. Прежде всего очень рано образуются отношенія, которыя характеризуются словомъ коммендація, отношенія частной охраны одного лица другимъ. Оказывается недостаточнымъ для свободнаго человѣка опираться въ борьбѣ за существованіе только на своихъ родичей и на защиту государства. Государство слишкомъ для этого слабо. Каждый поэтому ищетъ покровительства сильнаго: епископа, графа, сильнаго человѣка. И онъ называетъ его своимъ эльдорменомъ, а этотъ сильный человѣкъ пріобрѣтаетъ относительно его цѣлый рядъ правъ, напримѣръ, право приводить его къ суду, командовать имъ на войнѣ; правъ, которыя признаетъ сама государственная власть. Государственная власть старалась эксплоатировать въ свою пользу эти

отношенія, она тоже находила себя слишкомъ слабою для того, напримѣръ, чтобы вызвать всѣ свои военныя ополченія. Если она будетъ дѣйствовать одна въ данномъ случаѣ, то будетъ масса нѣтчиковъ, людей, которые не являются, и которыхъ она не съумѣетъ найти, не съумѣетъ привлечь къ отвѣтственности. Она поэтому прибѣгаетъ къ такой формѣ отношеній, требуетъ, чтобы каждый глафордъ (патронъ) явился со всѣми своими людьми, со всѣми своими „захребетниками", какъ говорили у насъ. Такимъ образомъ является частная политическая власть наравнѣ съ государственною властью, частные люди облекаются важными политическими правами и функціями.

Но развитіе идетъ и въ другихъ формахъ. Рядомъ съ этимъ вырабатывается понятіе такъ называемой сока, т.е. самостоятельной юрисдикціи. Свободный человѣкъ получаетъ право суда сначала надъ своими домочадцами, надъ тѣми полусвободными, которые къ нему прımыкаютъ. Но мало по малу, — если это крупный помѣщикъ, — онъ захватываетъ въ этотъ судъ и мелкихъ свободныхъ, которые живутъ арендаторами. Мало того мелкіе свободные, которые имѣютъ свои собственные участки, охваченные территоріей патримоніальнаго суда, постепенно также привлекаются къ этому суду. Мало по малу государство признаетъ этотъ судъ, отказывается въ его пользу отъ извѣстныхъ процессовъ. Такимъ образомъ рядомъ съ государственнымъ судомъ образуется цѣлый рядъ мѣстностей, въ которыхъ судъ не государственный и не сотни, а судъ отдѣльныхъ помѣщиковъ.

Третья форма ослабленія государственной власти, замѣчаемая въ исторіи Англіи, это своеобразная постановка службы. Служба во всѣхъ ея должностныхъ видахъ оплачивается землею: денегъ для того, чтобы платить жалованье, нѣтъ, въ этомъ отношеніи правительственныя средства недостаточны. Поэтому платится выдачею имъ въ полную собственность земли, и вслѣдствіе этого вся служба государству получаетъ характеръ частной службы.

Вотъ тѣ три формы, которыя намѣчаютъ развитіе политической силы. Частные люди пріобрѣтаютъ покровительство надъ другими частными людьми, которое собственно должно было бы принадлежать государству; пріобрѣтаютъ право защищать ихъ жизнь и собственность, право командовать ими на войнѣ; далѣе

частные люди пріобрѣтаютъ право суда, и наконецъ, государственная власть организуетъ службу на началахъ выдачи частныхъ земельныхъ владѣній: понятіе владѣнія земельнаго и понятіе государственной службы начинаютъ сливаться. Въ этихъ трехъ формахъ намѣчаются всѣ основныя условія феодальной эпохи, но намѣчаются они, такъ сказать, врозь, а потому феодализація устанавливается только тогда, когда вслѣдствіе толчка, произведеннаго норманнскимъ завоеваніемъ, и коммендація и сока и понятіе помѣщичьей военной службы сливаются въ одну форму лена, который заключаетъ въ себѣ всѣ эти три формы, пока разрозненныя.

Вотъ тѣ основныя черты правительственнаго развитія, которыя приходится отмѣчать у Англосаксовъ. У Франковъ дѣло пошло, не смотря на коренное различіе въ племенныхъ отношеніяхъ совершенно тѣмъ-же путемъ и, главное, привело къ тому-же самому результату, постепенному раздробленію общественнаго политическаго союза на цѣлый рядъ частноправовыхъ отношеній.

Франки.

Относительно Франковъ мнѣ уже приходилось упоминать не разъ, именно, при характеристикѣ общихъ условій развитія правительственной власти. Многое поэтому я теперь опущу. Относительно того, какъ была поставлена королевская власть я уже говорилъ; затѣмъ, я говорилъ о томъ, какъ и вслѣдствіе чего выработалось народное собраніе. Теперь я обращу ваше вниманіе на двѣ стороны, на которыя прежде не приходилось обращать вниманіе, именно, на постановку дѣла въ областномъ управленіи, во-первыхъ, и во-вторыхъ, на организацію королевской администраціи.

Я отмѣтилъ, какъ особенно важную черту въ исторіи Англосаксовъ, то обстоятельство, что у нихъ такъ сильно была развита областная жизнь, что въ этомъ отношеніи все племя представляло какъ бы федерацію отдѣльныхъ областныхъ группъ. Въ этомъ отношеніи Франки значительно уступаютъ Англосаксамъ. Именно, вслѣдствіе того, что имъ пришлось устроиться на Римской почвѣ, очевидно, плохо подготовленной въ политическомъ отношеніи, у нихъ

въ областяхъ народная самостоятельность, самодѣятельность падаетъ чрезвычайно быстро, и быстро появляются сначала аристократическія формы, а затѣмъ преобладаніе королевскихъ чиновниковъ.

Для того чтобы подтвердить свое утвержденіе въ данномъ случаѣ, я укажу на то, что случилось съ судебной организаціей, а судебная организація Франковъ такъ-же, какъ и другихъ германскихъ племенъ, сосредоточивалась въ сотнѣ. Первоначально сотня по суду имѣетъ совершенно демократическій характеръ. Судятъ, произносятъ приговоръ относительно фактической стороны дѣла всѣ свободные, которые называются рахимбургами, именно, въ своемъ судебномъ качествѣ.

Но быстро начинается распаденіе этой свободной массы. Еще въ Меровингскую эпоху мы видимъ, что вмѣсто однородной массы свободныхъ засѣдателей появляются два класса, одни, которые дѣйствительно засѣдаютъ: rachimburgi sedentes или residentes; и другіе, которые составляютъ только присутствующую массу: rachimburgi adstantes, не участвуютъ поэтому въ направленіи дѣлъ.

Идетъ и дальше развитіе: эти rachimburgi adstantes исчезаютъ изъ суда, и вмѣсто того, чтобы судить всѣмъ свободнымъ жителямъ области, начинаютъ судить постоянные засѣдатели изъ наиболѣе богатыхъ, обезпеченныхъ помѣщиковъ. Подготовляется форма, которая окончательно утверждается при Каролингахъ, форма суда scabini или шеффеновъ, имѣющая совершенно другой характеръ, дѣлающая ее аристократическимъ учрежденіемъ и притомъ учрежденіемъ болѣе профессіональнымъ, нежели судъ всей свободной массы по той причинѣ, что тѣ семь или пять шеффеновъ, которые являются при судоговореніи, пріобрѣтаютъ мало по малу опредѣленную юридическую технику и совершенно отдѣляются отъ своихъ собратій по области, составляютъ въ ней, такъ сказать, спеціальный классъ, классъ судебныхъ засѣдателей.

Это первый признакъ разложенія области въ судебномъ отношеніи, другой признакъ касается какъ разъ королевской администраціи. Первоначально въ сотнѣ руководителемъ суда является выборное лицо — тунгинъ. Графъ, назначаемый королемъ, является только исполнителемъ, вступается въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ упорно отказывается исполнить рѣшеніе суда. Роль его по отношенію къ суду такимъ образомъ внѣшняя, онъ на немъ не

предсѣдатели. Такова постановка дѣла въ Салической Правдѣ.

Совершенно иначе стоитъ дѣло уже въ VIII в. Уже въ VII в. предсѣдателемъ сотни является графъ, который постепенно вытѣсняетъ сотню и творитъ судъ, разъѣзжая по отдѣльнымъ сотнямъ. Творитъ судъ единолично при содѣйствіи и совѣтѣ рахимбурговъ или шеффеновъ, которые никакъ не ограничиваютъ его, а играютъ просто формальную роль. Такимъ образомъ графъ становится, во-первыхъ, предсѣдателемъ, а во-вторыхъ является иногда даже исключительно дѣйствующимъ лицомъ вмѣсто того, чтобы занимать внѣшнее, такъ сказать, положеніе.

Уже по этому примѣру вы можете судить, какъ сильно развивается королевская администрація у Франковъ, на почвѣ, подготовленной римской бюрократіей. Затѣмъ замѣчается то же самое и въ развитіи центральныхъ учрежденій. Дворцовыя учрежденія являются съ одной стороны съ Римскими именами и съ Римскими обязанностями отчасти, а съ другой стороны эти обязанности имѣютъ чисто частный характеръ: завѣдываніе конюшней, завѣдываніе столомъ, спальней. Эти частныя функціи соединены съ чисто правительственными обязанностями и прикрыты римскими именами. Такимъ образомъ королевская администрація несомнѣнно растетъ.

Феодализація и причины ея.

Но если вліяніе короля и королевской администраціи въ извѣстномъ смыслѣ возрастаетъ, какъ у Франковъ, такъ и у Англосаксовъ, то замѣчается и обратное движеніе: замѣчается, какъ при осложненіи общественной жизни все труднѣе становится государству настаивать на своихъ требованіяхъ, вызывать, напримѣръ, все ополченіе, когда оно понадобится, или приводить въ исполненіе приговоры и т. д. Давленіе государства на каждый пунктъ территоріи постепенно ослабляется. Это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ завоеваніемъ падаетъ податная система Римская, уничтожаются правительственныя средства. Появляются поэтому попытки новаго обложенія податью земель и лицъ. Попытки эти произведены были, напр., Брунгильдой въ Австразіи. Но все это приводило только къ тому, что Франки убили палатнаго мера, особенно старавшагося въ этихъ попыткахъ, а его преемники боялись продолжать это дѣло.

Главнымъ образомъ управленіе держалось земельной раздачей. Раздачи эти дѣлались безъ какого-либо опредѣленнаго условія. Король даетъ своему слугѣ, своему графу извѣстный участокъ въ полную, безусловную наслѣдственность, не выговаривая такихъ, напримѣръ, условій, которыми сопровождается ленное владѣніе. Въ ленныхъ владѣніяхъ человѣкъ владѣетъ подъ условіемъ службы. Здѣсь дѣло не стоитъ еще въ такомъ положеніи, но можно сказать въ обратномъ: нѣтъ службы, которая не вознаграждалась бы раздачей земли изъ того большого капитала, громаднаго домена, который достался королю отъ самой Римской имперіи.

Рядомъ съ этимъ идетъ и другое условіе, которое было отмѣчено и въ исторіи Англосаксовъ: частная коммендація и установленіе сеньоріи или патроната, т.е. являются частные люди, которые поручаютъ охранять себя отъ невзгодъ не государству, а другимъ частнымъ людямъ. Идетъ коммендація, идетъ развитіе иммунитета, т.е. освобожденіе отъ пошлинъ, предоставленіе отдѣльнымъ помѣщикамъ права судить или устраивать у себя рынокъ.

Однимъ словомъ, является цѣлый рядъ условій, съ которыми мы встрѣчались въ Англосаксонскомъ государствѣ, и потому въ VII в. уже мы слышимъ постоянныя жалобы на то, что государство разрушается, что нѣтъ никакой возможности ручаться за порядокъ, за осуществленіе закона, что трудно даже достигнуть самыхъ элементарныхъ результатовъ государственнаго союза, нѣтъ возможности охранять жизнь и спокойствіе отдѣльныхъ лицъ. У Григорія Турскаго мы слышимъ такое, напримѣръ, заявленіе короля, обращенное къ его помощникамъ: „если вы пренебрегаете королевскими приказаніями, васъ надо казнить топоромъ". А тѣ ему отвѣчаютъ: „что намъ дѣлать, когда весь народъ развращенъ и всякій старается дѣлать беззаконное? Никто не боится царя, не почитаетъ герцога и графа, а если кому изъ начальниковъ это не по нраву, и онъ попытается поправить зло, тотчасъ бунтъ въ народѣ." (VIII, 30)

Жалуются такимъ образомъ на общую разнузданность народа. Эта разнузданность несомнѣнна. Но проистекаетъ она не изъ какихъ-нибудь случайныхъ условій и проистекаетъ она даже не изъ тѣхъ общихъ фактовъ, на которые я указалъ, не изъ коммендаціи и не изъ иммунитета, все это факты, которые являются болѣе симптомами. Какъ

объяснить себѣ это обстоятельство, проявляющееся повсемѣстно: и у Готовъ, и у Франковъ, и у Англосаксовъ, именно, тотъ фактъ, что не смотря на различіе условій и формъ, не смотря на расширеніе территоріальнаго значенія королевской власти общій авторитетъ государства повсюду падаетъ, и мало по малу частныя воли, частныя силы получаютъ преобладаніе? Въ данномъ случаѣ чрезвычайно характерно, именно, то обстоятельство, что этотъ результатъ получается не въ какой-нибудь отдѣльной исторіи и не у однихъ Франковъ или Лонгобардовъ, а получается вездѣ, гдѣ образуются варварскія королевства Германцевъ.

Объяснять это движеніе никакъ нельзя какими-нибудь частными условіями, такими условіями, которыя были присущи, напримѣръ, одной франкской державѣ. Тутъ дѣйствуетъ нѣчто общее, нѣчто настолько широкое, что движеніе это охватываетъ одинаково и тѣ мѣста, въ которыхъ сильно римское вліяніе, и тѣ мѣста, въ которыхъ его совершенно нѣтъ; дѣйствуетъ, несомнѣнно, какое-нибудь общегерманское условіе, употребляя это выраженіе для характеристики быта Германцевъ того времени, а не ихъ исконнаго и до сихъ поръ проявляющагося племеннаго духа.

Если всмотрѣться въ дѣло, то причина станетъ ясна: причина заключается просто на просто въ томъ, что Германцы, не смотря на свой громадный успѣхъ противъ Римлянъ, не смотря на то, что они свалили западную Римскую имперію, въ то время были еще народомъ неразвитымъ и незрѣлымъ въ политическомъ отношеніи, они только что начинали свою жизнь. Эпоха Тацита показываетъ, до какой степени элементарны существующія у нихъ формы, и вдругъ теперь вслѣдствіе случайнаго условія, вслѣдствіе борьбы съ Римомъ явилась необходимость выйти изъ этихъ узкихъ рамокъ. Давленіе съ востока и другія обстоятельства насильно, такъ сказать, принудили Германскія племена завоевать Римскія провинціи, заставили искать новыхъ мѣстъ. Долгая борьба мало по малу вырабатывала все больше и больше широкій кругъ политической жизни. Вмѣсто мелкихъ племенъ Херусковъ, Хаттовъ, Бруктеровъ являются обширные союзы Франковъ, Англосаксовъ; вмѣсто власти вождя, который избирается только на время войны является постоянная королевская власть. Появляется, однимъ сло-

ясемъ, цѣлый рядъ учрежденій, которыя соотвѣтствуютъ главной потребности: борьбѣ съ Римской имперіей. Наконецъ, борьба эта разрѣшается, провинціи завоеваны, занята обширная территорія, и эти племена попадаютъ въ обстоятельства, которыя требуютъ очень сложныхъ политическихъ отношеній. Перемѣшиваются Римское и Германское племя; приходится воскресить очень сложное Римское право, очень сложныя Римскія хозяйственныя и соціальныя отношенія. И все это приходится сдѣлать средствами чрезвычайно незрѣлаго, полудикаго народа, находящагося еще, такъ сказать, въ младенчествѣ. Когда же непосредственное давленіе борьбы прекращается, и происходитъ повсюду, по всѣмъ областямъ, понятное политическое движеніе, политическая реакція, при которой обширные союзы силою вещей дробятся на соединенія болѣе мелкія, уже потому болѣе удобныя для политической жизни этихъ народовъ, что для пониманія этихъ новыхъ отношеній не требовалась значительная политическая зрѣлость, а требовалось, такъ сказать, непосредственное пониманіе. Именно, у такого начинающаго народа трудно было бы достигнуть достаточной централизаціи политическихъ силъ для того, чтобы долго можно удерживаться общему государственному соединенію. И феодализація, т. е. стремленіе врознь, начинается почти сразу послѣ того, какъ совершилось завоеваніе. Это есть естественная реакція, естественное политическое разложеніе къ простѣйшимъ формамъ политической жизни.

Вотъ то основное условіе, которое существуетъ и у Франковъ, и у Англосаксовъ. У разныхъ племенъ оно до извѣстной степени разнится. У Англосаксовъ, благодаря тому, что у нихъ Римской примѣси мало, что они сильнѣе придерживаются Германскихъ порядковъ, сильнѣе сохраняются областныя дѣленія, и эта сила областныхъ дѣленій до извѣстной степени стѣсняетъ развитіе аристократическаго элемента, стѣсняетъ помѣщиковъ коллективностью самыхъ дѣленій. У Франковъ, у которыхъ областныя дѣленія быстрѣе и ранѣе разлагаются вслѣдствіе примѣси другого элемента, и въ области феодализація шла быстрѣе, чѣмъ у Англосаксовъ.

Каролинги.

Вотъ тѣ основныя причины феодализаціи Западной Европы, на-

которыя приходится указать, и которыя опредѣляются уже въ VIII в., и даже въ концѣ VII в. Но у Франковъ произошло одно событие, которое нѣсколько пріостановило разложеніе и которое подтверждаетъ вполнѣ по своей исторіи высказанный мною взглядъ: попытка произвести реформу, сдѣланная Каролингами.

Общество разложилось не сразу въ Меровингскій періодъ, и сдѣлана была отчаянная попытка собрать разлагающіеся элементы государственной власти; попытка эта была произведена, именно, вмѣстѣ съ перемѣной династіи.

Эта перемѣна династіи характеризуется различными условіями: во-первыхъ, она является перенесеніемъ центра тяжести отъ Франковъ Невстрійскихъ или Салическихъ къ Франкамъ Австразійскимъ, прирейнскимъ. Какъ извѣстно, Каролингская династія есть династія Австразійская, уже это одно характерно. Племя Невстрійскихъ Франковъ, простиравшееся дальше къ западу, сильнѣе перемѣшалось съ Римскимъ элементомъ, и поэтому у него быстрѣе пропадала, такъ сказать, основная Германская организація, быстрѣе получался и сильнѣе дѣйствовалъ безпорядокъ. Хаотическое смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ племенъ, утонченной, мирной римской культуры и незрѣлаго дикаго варварскаго міра, вызвало страшный безпорядокъ въ нравахъ, понятіяхъ, учрежденіяхъ. И Невстрійскіе Франки, такъ сказать, распались на Римской почвѣ, Австразійскіе же Франки были менѣе тронуты этимъ. Поэтому изъ ихъ стороны пришло возрожденіе политическихъ понятій. Положимъ, ихъ понятія были чрезвычайно первоначальны, но по крайней мѣрѣ у нихъ аристократія еще не была развита такъ сильно, какъ у Невстрійскихъ Франковъ, по крайней мѣрѣ у нихъ областныя дѣленія не разложились, кое-что осталось отъ старой организаціи, не получилось этого полнаго противорѣчія двухъ элементовъ, Римскаго и Германскаго, которое такъ быстро привело къ паденію Невстрійское государство. Вотъ одно условіе, на которомъ я настаиваю.

Затѣмъ, какъ извѣстно, появленіе Каролингской династіи связано съ возвышеніемъ палатнаго мера, который мало по малу перевѣшиваетъ короля. Онъ сначала только королевскій чиновникъ, подчиненная личность; и между тѣмъ король становится бездѣльникомъ (rois fainéants), теряетъ всякую власть, а его палатный

мерь пріобрѣтаетъ власть все больше и больше и наконецъ становится королемъ.

Что такое палатные меры, какъ объяснить эту странность, что чиновникъ становится выше государя? Это объясняется самымъ характеромъ меріи и раздачами, бывшими въ ея рукахъ. Мерія особенно сильно выражаетъ частный элементъ государственной власти, землевладѣльческій элементъ. Палатный меръ былъ тѣмъ чиновникомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось управленіе громаднымъ доменомъ короля, который завѣдывалъ раздачей изъ этихъ доменовъ, который поэтому мало по малу сталъ во главѣ всей службы королю. И естественно, что, такъ какъ въ государствѣ сталъ преобладать элементъ частнаго хозяйства, въ управленіи государства возвысилось то лицо, которое завѣдывало частнымъ хозяйствомъ государства, это лицо стало вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ королевской дружины.

Но было и третье условіе, безъ котораго всего этого было бы, пожалуй, недостаточно для возвышенія Каролинговъ, для того чтобы прервать на время начавшееся паденіе. Здѣсь дѣйствовало обстоятельство подобное тому, которое первоначально вызвало къ существованію государства варваровъ. Ранній расцвѣтъ государственной жизни у варваровъ, расцвѣтъ, который прекратился вслѣдствіе феодализаціи, который былъ такъ коротокъ, связанъ, какъ я уже сказалъ, съ борьбою и завоеваніемъ. Борьба и завоеваніе насильно вогнали Германцевъ изъ тѣсныхъ круговъ жизни, изъ круговъ съ тѣснымъ кругозоромъ въ обширные. Борьба прекратилась и обширные круги опять стали разлагаться на тѣсные, мелкіе.

Теперь борьба возобновляется, и мелкіе круги опять стали тянуть вмѣстѣ для того, чтобы совмѣстно сопротивляться. Появленіе Мусульманскихъ завоевателей вызвало реакцію противъ разложенія, и ради того, чтобы остановить нападенія Мусульманскихъ завоевателей, производится Каролингская реформа. Въ данномъ случаѣ дѣйствовало чувство самосохраненія, которое заставляло понять даже людей съ очень узкимъ политическимъ кругозоромъ, что надо сплотиться, чтобы не подвергнуться участи Вестъ-Готовъ.

Когда Арабы, завоевавъ Испанскія области, стали переходить

черезъ Пиренеи и разбили Аквитанскихъ аристократовъ; то у Франковъ произошло какъ разъ главное соединеніе всѣхъ силъ для борьбы съ Арабами, для остановки Мусульманскаго завоеванія. Во главѣ этого соединенія сталъ первый великій Каролингъ, Карлъ Мартеллъ. Реформа Каролинговъ въ самыхъ своихъ частностяхъ связана, именно, съ реакціей противъ Мусульманскаго натиска. Реакція эта была временная и прекратилась тотчасъ послѣ того, какъ отстояли границу западнаго христіанскаго міра.

Другое условіе, дѣйствующее болѣе продолжительно, - это страхъ втораго переселенія съ востока: масса Саксовъ начинала давить на Австразію. Въ защиту такимъ образомъ отъ язычества востока, язычества Саксовъ и отъ язычества Мусульманъ и выдвигается монархія Каролинговъ, которая заразъ ведетъ борьбу и на востокѣ и на югѣ.

Любопытны тѣ частныя условія, при которыхъ она возникаетъ. Возвышеніе Каролингскаго дома совершается въ связи съ обширной внутренней реформой. Для того, чтобы возродить государство надо было измѣнить основныя условія его внутренняго строя; мало было созвать ополченіе на одинъ годъ, надо было создать какую-нибудь прочную силу внутри. И вотъ, борьба Карла Мартелла противъ Арабовъ ознаменовывается крупной внутренней реформой Франкскаго государства. Поддерживать существованіе государства во время Меровинговъ можно было только постоянной затратой частной силы короля въ формѣ земельныхъ раздачъ, капиталъ для подобныхъ раздачъ теперь истощился; для того, чтобы поддерживать вновь государственную жизнь, надо было пріобрѣсти новый капиталъ для этихъ раздачъ и обставить ихъ по возможности лучше, чѣмъ они были обставлены въ Меровингское время.

Первый шагъ для перехода изъ хаотической Меровингской эпохи въ эпоху династіи Каролинговъ и есть громадная секуляризація церковныхъ имуществъ; т. е. захватъ новаго домена. Доменъ Римскій истощился, но была сила, которая располагала страшнымъ имуществомъ и движимымъ и недвижимымъ - эта сила была Церковь. И Карлъ Мартеллъ налагаетъ свою руку на Церковь. Онъ довольно безпорядочно захватываетъ имѣнія у аббатовъ и у епископовъ и имѣнія эти раздаетъ военнымъ людямъ въ качествѣ помѣстій, а

эти военные люди за получаемую землю должны служить. Вотъ то средство, которое употребилъ Карлъ Мартеллъ и вслѣдствіе котораго онъ заслужилъ самую незавидную репутацію въ полъ государствѣ, которое онъ въ сущности спасъ. Про него даже сложилась легенда, что у него въ гробу сидитъ змѣй.

Этотъ безпорядочный захватъ Карла Мартелла принимаетъ при его сыновьяхъ (Пипинъ и Карломанъ) болѣе правильныя юридическія формы. Въ 751 г. была произведена окончательная развёрстка на такихъ началахъ: всѣ тѣ земли, которыя были взяты изъ церковнаго имущества и не были отданы обратно церкви, были объявлены всетаки церковной собственностью, но права военныхъ людей на нихъ остались. Они получили грамоты, такъ называемыя precariae, которыя свидѣтельствовали, что высшимъ собственникомъ считается Церковь, они же имѣютъ тол[ько] право аренды. Зато они должны платить Церкви 1/5 часть дохода: nonam et decimam (1/9 и 1/10, вмѣстѣ около 1/5). И за это же самое они должны служить государству.

Это вторая стадія въ развитіи земельныхъ раздачъ. Меровингская раздача безъ условія обязательной службы за нихъ быстро истощили капиталъ государственнаго землевладѣнія. Каролингская раздача — условная, уже раздача съ выговореннымъ условіемъ, что она дается только на арендное пользованіе и подъ прямымъ юридическимъ условіемъ службы. При томъ Каролингская раздача есть уже и элементъ дробленія собственности, такъ какъ различается право постояннаго пользователя и право Церкви, земля которой отчуждена государствомъ. Каролингскій бенефицій составляетъ такимъ образомъ переходъ къ третьей формѣ. Третья форма — ленъ, форма, которая устанавливается уже послѣ распаденія Каролингской монархіи. Въ этой формѣ о Церкви нѣтъ уже рѣчи, но основныя понятія тѣ-же самыя. Во-первыхъ, дробленіе собственности на двѣ части, на собственность высшую и низшую; а во-вторыхъ связь владѣнія со службою. Тутъ такимъ образомъ является полная стройная преемственность отъ пожалованія сначала къ бенефицію, а потомъ къ лену.

Но эта реформа, конечно, не могла остаться единственной, рядомъ съ нею идетъ и другая реформа — военная. Земли раздавались въ пользованіе сильнымъ людямъ, отъ которыхъ уже требовалось, чтобы

они искали себѣ военную помощь, чрезъ нихъ собирается войско. Такимъ образомъ новая военная система ставится на началахъ чисто аристократическихъ и совершенно противно старому ополченію чисто демократическому. Въ старое ополченіе вызывались всѣ свободные люди, въ новое ополченіе вызываются помѣщики и дружинные люди: помѣщикъ долженъ приводить съ собою вооруженныхъ слугъ, пѣхоту... Государство такимъ образомъ измѣняетъ характеръ отношеній къ военной силѣ и власти. признаетъ аристократическій принципъ и обращается собственно къ патрону, помѣщику, обязываетъ уже его взять въ руки массу мелкихъ людей.

Карлъ Великій (768–814).

Каролингская монархія, которая организовалась на Западѣ для защиты отъ нападенія съ одной стороны Мусульманъ, съ другой Германскихъ язычниковъ, получила свое завершеніе во время господства Карла Великаго. Подготовлена была почва, конечно, реформами Карла Мартелла и его сыновей, но Карлу Великому осталось еще много сдѣлать въ томъ же направленіи. Я теперь остановлюсь нѣсколько на характерѣ главныхъ политическихъ основъ, именно, господства Карла Великаго. – Прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что во власти Карла Великаго Римскій элементъ присутствуетъ въ гораздо болѣе значительной степени, нежели онъ присутствовалъ во власти прежнихъ варварскихъ королей. Карлъ Великій, какъ извѣстно, принялъ Римскій титулъ: Augustus, Magnus et Pacificus Imperator, и старался вообще выяснить для своихъ подданныхъ, что его правленіе стоитъ въ прямомъ преемствѣ съ властью Западной имперіи, прекратившейся при Ромулѣ Августулѣ. Ему особенно важно это ради той богословской санкціи, которая была связана въ послѣдующее время съ властью Западныхъ императоровъ, ради того религіознаго элемента, который вошелъ въ ея составъ въ Діоклетіано-Константиновскую эпоху.

Я уже указывалъ, какъ на отличительную черту имперіи IV и V вв., именно, на то, что она перестала быть магистратурой, замѣнилась имперіей „Божіей Милостію", приняла религіозный элементъ. Вотъ этимъ-то религіознымъ элементомъ Карлъ Великій

и сорожимъ особенно. Онъ является въ одно и то-же время и проводителемъ политическихъ идей и миссіонеромъ и, именно, потому что онъ стоитъ во главѣ религіозной миссіи, Западная христіанская Церковь дѣйствительно поддерживаетъ его всѣми силами. Одинъ изъ главныхъ его помощниковъ Алкуинъ формулируетъ такимъ образомъ религіозную точку зрѣнія управленія: „народомъ необходимо управлять по установленію Божію, но не должно слѣдовать ему: не должно слушать тѣхъ, кто утверждаетъ, что гласъ народа гласъ Божій, потому что безпорядочный народъ всегда склоняется къ рѣшеніямъ безумнымъ."

Принципъ народовластія или народнаго вліянія, который такъ сильно былъ выраженъ во время, описанное Тацитомъ, который продолжалъ еще держаться въ варварскихъ государствахъ, хотя бы и внѣшнимъ образомъ, этотъ принципъ совершенно устраняется монархіей Карла Великаго. Это монархія „Божіей Милостію". Перевоспитаніе народа есть культурная миссія, которую прежде всего ставитъ себѣ государство Карла Великаго. Никогда, можетъ быть, культурная задача политической силы; культурная задача государства не выставлялась до такой степени впередъ, не составляла до такой степени первенствующаго опредѣляющаго элемента въ жизни государства какъ, именно, въ это время.

И понятно, почему. Карлъ Великій вполнѣ сознаетъ, что государство старается разложиться не вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ условій, не вслѣдствіе неудачи той или другой мѣры, дурного вліянія того или другаго учрежденія, а вслѣдствіе общихъ условій, вслѣдствіе грубости, варварства, политической неподготовленности того народнаго этнографическаго матеріала, съ которымъ приходилось считаться. Я указывалъ на это условіе, какъ на основное условіе феодализаціи, распаденія государства на составныя части. И въ законодательствѣ капитуляріевъ и въ прибавленіяхъ къ варварскимъ Правдамъ Карла Великаго совершенно ясно видно, что онъ первой задачей для упроченія своей власти и для реформы государства ставилъ проведеніе новой образованности въ обществѣ, образованности христіанскаго просвѣщенія.

Характерно въ этомъ случаѣ введеніе новой присяги, которая была совершенно въ связи съ принятіемъ императорскаго титу-

ла. Когда Карлъ перестал быть rex Francorum et Longobardorum, т. е. перешелъ отъ положенія варварскаго короля къ положенію Августа, Римскаго императора, онъ счелъ нужнымъ обязать своихъ подданныхъ новою клятвою, и въ этой клятвѣ выяснить имъ тѣ основные принципы жизни въ государствѣ, которыхъ варвары до сихъ поръ не понимали, и вслѣдствіе непониманія которыхъ падали ихъ королевства.

Онъ въ капитуляріяхъ, въ которыхъ вводится присяга, замѣчаетъ, „чтобы никто не думалъ, что присяга обязываетъ только при жизни императора не вводить враговъ въ государство, не составлять противъ него заговоровъ." Не эти одни отрицательныя обязанности налагаются, а цѣлый рядъ обязанностей положительныхъ и притомъ обязанностей, которыя мы называемъ нравственными, о которыхъ даже странно читать въ юридическихъ документахъ: „каждый долженъ всѣмъ сердцемъ служить Богу, согласно его повелѣніямъ и по своему обѣщанію, по мѣрѣ силъ и ума, такъ какъ государь-императоръ не можетъ заботиться о всѣхъ поодиночкѣ и всѣхъ наставлять." Такимъ образомъ въ государственной присягѣ заключается прежде всего обѣщаніе исполнять Божіи заповѣди и дѣйствовать относительно другихъ вообще по Божьему повелѣнію, обязательства, которыя долженъ каждый имѣть передъ собой не дожидаясь, чтобы король напоминалъ объ нихъ. Это присяга 802 г. Затѣмъ послѣ этого общаго введенія устанавливается цѣлый рядъ частныхъ обязанностей относительно Церкви, относительно государства, относительно частныхъ лицъ. Императоръ старается перечислить всѣ тѣ случаи, когда нарушается государственная охрана.

Итакъ, первое условіе для того, чтобы создать прочное государство въ этомъ обществѣ, состоитъ въ томъ, чтобы перевоспитать это общество, заручившись указаніями христіанской религіи. Римское христіанство - это та культурная сила, которой думалъ воспользоваться Карлъ Великій для того, чтобы измѣнить основныя условія государственнаго быта варварскаго народа. Римское христіанство въ данномъ случаѣ играетъ ту-же роль, которую западная культура играетъ въ дѣлѣ нашего преобразователя Петра Великаго.

Заручившись разъ этимъ общимъ представленіемъ, что необходимо усилить значеніе государственной власти и, главное, пріучить подданныхъ къ самоограниченію, какъ къ основѣ политичес-

ской жизни, государство Карла Великаго проводитъ цѣлый рядъ уже отдѣльныхъ частныхъ политическихъ мѣръ, которыя всѣ стоятъ въ связи съ этимъ основнымъ принципомъ.

Чрезвычайно характерной и важной мѣрой является установленіе особаго уголовнаго круга дѣяній, который выдѣляется изъ общаго уголовнаго права и ставится подъ спеціальную охрану государства.

Вы помните, какъ приходилось характеризовать устройство суда въ древнѣйшихъ государствахъ варваровъ. Это болѣе судъ третейскій, нежели судъ въ нашемъ смыслѣ слова. Задача этого судопроизводства варваровъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить стороны гражданскаго или уголовнаго процесса въ болѣе или менѣе равныя условія и дать имъ возможность разрѣшить дѣло между собою борьбою, совершается не разборъ дѣла по существу, а судебный поединокъ или ордалии или присяга. Это ограниченіе государства третейскою ролью чрезвычайно стѣсняетъ самую постановку суда и дѣлаетъ государство до извѣстной степени безсильнымъ передъ сторонами; оно не беретъ на себя обязанности разыскивать преступника, предоставляя это обиженному, точно также не беретъ на себя обязанности добывать свидѣтелей и непосредственно приводить въ исполненіе приговоры. Въ данномъ случаѣ его обязанности самыя элементарныя, дальнія, къ которымъ онъ прибѣгаетъ поневолѣ.

Въ эпоху Карла Великаго выдѣляется извѣстное число проступковъ, на которыя государство начинаетъ смотрѣть съ современной точки зрѣнія, т.е. какъ на дѣйствія, подрывающія его собственный авторитетъ. Отношенія государства къ этой группѣ дѣйствій обозначаются особымъ терминомъ bann или по-латыни districtio, т.е. принудительная власть. Государство зачисляетъ въ случаи примѣненія банна политическіе проступки: неявку въ войско; затѣмъ зачисляетъ и преступленія противъ лицъ, имѣющихъ право на защиту государства: церковь прежде всего, такъ что святотатство влечетъ за собою примѣненіе банна, и затѣмъ слабые люди, вдовы, сироты, люди, слабые вслѣдствіе своего сословнаго положенія, т.е. нѣкоторые вольноотпущенные. Во всѣхъ случаяхъ, когда преступникъ совершаетъ свое преступленіе противъ этихъ лицъ, государство вмѣшивается прямо и доводитъ дѣло до кары своими сред-

ствами, само является стороной. Третья категорія проступковъ, которые подходятъ подъ понятіе банна, тѣ проступки, которые грозятъ особенно сильно общественному спокойствію: поджогъ, разрушеніе ограды и увозъ женщины. Вотъ три главные факта, которые въ данномъ случаѣ также подходятъ подъ это понятіе банна.

Итакъ, въ Каролингскую эпоху является въ зачаточной формѣ представленіе о томъ, что государство терпитъ ущербъ само по себѣ вслѣдствіе того ущерба, который наносится лицамъ, находящимся подъ его покровительствомъ. Это представленіе, съ которымъ мы такъ освоились, является тутъ только по отношенію къ одной категоріи дѣяній, а не распространяется еще на всѣ проступки и проявленія преступленій. Кары въ данномъ случаѣ не имѣютъ ничего общаго съ наказаніемъ народнаго права, наказаніемъ, такъ называемыхъ, Правдъ варваровъ. Тутъ являются не штрафы, не compositiones, не продажи, какъ говорили у насъ, а являются совершенно опредѣленныя тѣлесныя наказанія и казнь, потому что вступается прямо государство.

Вотъ первое послѣдствіе попытки Каролинговъ реформировать государственный строй, дать ему большую силу по отношенію къ частной власти.

Затѣмъ являются попытки и другаго рода. Являются различныя измѣненія въ системѣ административныхъ и правительственныхъ средствъ. Что касается до администраціи, то тутъ Каролингская реформа исходитъ изъ учрежденія графовъ, т. е. изъ того учрежденія, которое дѣйствовало еще въ Меровингскую эпоху. Но противъ старыхъ графовъ принимаются мѣры, которыя мѣшали бы имъ захватывать большое значеніе въ области, имъ предоставленной, и становиться своего рода самостоятельными областными князьями. Въ данномъ случаѣ дѣлаются различныя попытки Карломъ Великимъ, напримѣръ, одно время графы назначались изъ чужихъ странъ: если, напримѣръ, надо было назначить графа въ Германію, то Карлъ Великій бралъ его изъ Италіи, въ Италію изъ Франціи, такъ, чтобы, однимъ словомъ, областной правитель не имѣлъ корней въ той странѣ, куда онъ назначенъ.

Затѣмъ, онъ старается избѣжать соединенія нѣсколькихъ графствъ въ однихъ рукахъ и дѣлаетъ исключеніе только на границахъ, гдѣ ради большей энергіи сопротивленія образуются маркграфства.

Но главная, самая любопытная мѣра Карла Великаго въ этомъ отношеніи — въ попыткѣ измѣнить административный строй — состоитъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ Церковную администрацію прямо дѣйствующей административной силой, уничтожая раздѣленіе между церковнымъ и гражданскимъ порядкомъ. Епископы и священники дѣлаются должностными лицами государства и призываются къ спеціальной цѣли: служить противъ злоупотребленій графовъ, областныхъ правителей, контролировать ихъ.

Главное воззрѣніе Карла Великаго состоитъ въ слѣдующемъ: Церковь есть единственная сила въ мірѣ того времени, которая не подчиняется общему теченію къ разложенію крупныхъ цѣлыхъ, которая поддерживается обширнымъ іерархическимъ соединеніемъ, сильна іерархической дисциплиной, которая, однимъ словомъ, организована на широкихъ началахъ. Это сила, единственно сохраняющая общественныя связи, потому что она еще совершенно проникнута Римскимъ духомъ, и что главная цѣль ея — идеальная, служеніе религіи. Эта римская традиція и это идеальное направленіе Церкви поддерживаетъ ее какъ космополитическую корпорацію въ полной противоположности съ стремленіемъ гражданскаго общества распасться на самые мелкіе круги частныхъ и мѣстныхъ интересовъ.

Вотъ этою космополитическою силою, этою могущественною, широко-развѣтвленной іерархіей и старается воспользоваться Карлъ Великій, на нее онъ старается опереться для того, чтобы бороться противъ центробѣжныхъ силъ. Опять такое средство въ данномъ случаѣ стоитъ совершенно въ связи съ основнымъ представленіемъ объ общественныхъ нуждахъ и о той культурѣ, которая должна перевоспитать общество.

При Карлѣ Великомъ еще незамѣтна дурная сторона такого оборота дѣлъ, но она становится вполнѣ замѣтна при Людовикѣ Благочестивомъ. Церковь при немъ получила такое преобладающее значеніе въ обществѣ, такія права, что естественно является стремленіе къ теократіи, къ политическому преобладанію религіознаго элемента надъ гражданскимъ; стремленіе, которое совершенно осуществляется, когда эта іерархія устраивается около крѣпкой центральной единичной власти папы. Какъ скоро папство укрѣпилось, такъ Церковь естественно задалась стремленіемъ оконча-

тельно занять воспитательную и управляющую роль относительно общества.

Такимъ образомъ самымъ могущественнымъ новымъ рычагомъ, который былъ пущенъ въ ходъ при возрожденіи имперіи была Церковь. Но этимъ Карлъ не ограничился, еще были два учрежденія, касающіяся, именно, ревизіи и собраній. Институтъ missi dominici, который имѣлъ большое значеніе въ Каролингской исторіи, намъ достаточно извѣстенъ. Извѣстно, что это были посланцы, дворцовые люди, которые посылались въ области для того, чтобы разузнать положеніе областной администраціи и донести императору относительно злоупотребленій. Надо только имѣть въ виду, что эти missi dominici иногда дѣйствовали постоянно, а не случайно. Рядомъ съ ревизорами, назначавшимися въ области изрѣдка, были тоже образованы округа изъ нѣсколькихъ графствъ, въ которыхъ ревизоры назначались на два, на три года. Вообще была попытка со стороны императора развить связь между областной администраціей и центральной.

Въ какихъ злоупотребленіяхъ встрѣчались въ данномъ случаѣ, какой видъ принимало управленіе отдѣльными областями, это можно узнать изъ одного отчета о ревизіи, о ревизіи missi dominici, посланныхъ въ Истрійское герцогство. Когда они явились въ Истрійское герцогство, то населеніе, такъ сказать, не вѣрило своимъ глазамъ, что наконецъ пришелъ день, когда можно расплатиться съ областнымъ правителемъ, и вотъ на него посыпались жалобы. Одни жаловались на то, что онъ отнялъ у нихъ землю, другіе, что онъ поселилъ своихъ славянъ на ихъ участкахъ и заставляетъ ихъ работать собственно на себя. Третьи жаловались, что онъ въ одинъ годъ объявилъ, что надо послать подарокъ императору и собралъ большую сумму; они хотѣли выбрать изъ себя людей, чтобы отослать подарокъ императору, но герцогъ взялъ на себя это дѣло, и они больше никогда ничего не слыхали объ этихъ деньгахъ. Вотъ такого рода свидѣтельство характерно для того, чтобы показать, до какой степени жизнь извѣстной области отдѣлялась совершенно отъ жизни цѣлаго круга общихъ вопросовъ, до какой степени правитель области былъ самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ этомъ отношеніи при Карлѣ было сдѣлано много для того, чтобы исправить этотъ недостатокъ, и институтъ missi dominici работалъ дѣйствительно энергично. Но тутъ громадную роль играло личное вліяніе, личный авторитетъ. Когда на мѣсто Карла сѣлъ его неспособный сынъ, институтъ missi dominici приходитъ быстро въ упадокъ, потому что надъ нимъ не господствуетъ энергическій контроль со стороны императора.

Другое учрежденіе, которое точно также играетъ роль контроля въ эпоху Карла Великаго, это собранія. Собранія имѣютъ свою старую традицію, идутъ въ сущности отъ общенароднаго вѣча. Но, какъ вы знаете, они стали приходить въ ветхость, замѣняться своего рода парадомъ; тѣмъ не менѣе они продолжали существовать номинально. Карлъ Великій дѣлаетъ попытку оживить эти собранія. Онъ переноситъ ихъ съ Марта на Май, болѣе удобное время, и старается привлечь къ этимъ Майскимъ собраніямъ возможно большее число людей со всѣхъ сторонъ. Сюда являются различныя ополченія, войска, которыя высылаются изъ областей, или производится смотръ. Но на этихъ собраніяхъ Карлъ также объявляетъ о своихъ распоряженіяхъ, о законахъ и приказаніяхъ и кромѣ того черезъ своихъ приближенныхъ справляется у всего этого народа, какъ идутъ дѣла въ провинціяхъ. Лѣтописи передаютъ, какъ самъ императоръ также слушивался съ этими людьми и самъ разспрашивалъ ихъ о ходѣ дѣлъ.

Кромѣ этихъ весеннихъ общенародныхъ собраній, являются еще осеннія, которыя также имѣютъ свою традицію, они идутъ отъ аристократическаго съѣзда князей Меровингскаго времени. На осеннихъ собраніяхъ главнымъ образомъ подготовляется законодательство Карла Великаго, обычное законодательство капитулярій. Между тѣмъ какъ весною обнародывается, провозглашается законъ и по существу не измѣняется, тутъ среди своихъ дворцовыхъ людей, епископовъ и графовъ, Карлъ подробно обсуждаетъ по статьямъ указы, которые онъ намѣренъ издать. Никакого голосованія, счета голосовъ, такъ сказать, тутъ не существуетъ. Можетъ случиться, что императору даютъ совѣтъ въ одномъ направленіи, а онъ его не послушаетъ и издастъ капитулярій въ обратномъ направленіи. Но это совѣщательное учрежденіе, осеннее собраніе

имѣетъ большое значеніе: оно не ограничиваетъ власти императора, но чрезвычайно облегчаетъ ему его обязанности.

Вотъ тѣ основные пункты, которые старался провести Карлъ Великій въ своей административной системѣ: вмѣшательство Церкви, устройство ревизіи, институтъ missi dominici и, наконецъ, развитіе собраній.

Законодательство капитулярій, которое дошло до насъ отъ этихъ собраній, самое разнообразное; его съ современной точки зрѣнія даже нельзя назвать законодательствомъ, потому что тутъ рядомъ съ основными положеніями, имѣющими дѣйствительно характеръ законовъ, является масса отдѣльныхъ распоряженій совершенно частныхъ, напримѣръ, на случай похода, на случай голода въ извѣстной мѣстности. Наконецъ, среди капитулярій есть масса духовныхъ увѣщаній, которыя уже никакъ ни подъ понятіе закона, ни подъ понятіе приказа не подходятъ. Но все-таки въ этой массѣ капитулярій самаго разнообразнаго содержанія можно заметить группировку вопросовъ главнымъ образомъ около трехъ пунктовъ.

Во-первыхъ, въ капитуляріяхъ много распоряженій относительно судоустройства scabini, т. е. избранія засѣдателей изъ областныхъ помѣщиковъ. Судъ окончательно организуется при Карлѣ Великомъ, окончательно получаетъ аристократическій характеръ. Уже изъ предшествовавшаго изложенія видно, что аристократизація суда началась еще въ Меровингскую эпоху. Rachimburgi adstantes отдѣляются отъ rachimburgi residentes уже тогда, но при Карлѣ Великомъ, скабинатъ, судебное сословіе засѣдателей получаетъ окончательную форму.

Затѣмъ, военная организація чрезвычайно занимаетъ Карла Великаго, и тутъ опять-таки проводится вполнѣ аристократическій принципъ. Во-первыхъ, тяжелое вооруженіе и служба на конѣ является основаніемъ этой организаціи, и уже эта техническая сторона дѣла показываетъ, что прежнее ополченіе должно уступить мѣсто небольшому войску, хорошо вооруженному, изъ достаточныхъ (зажиточныхъ) людей. Общее ополченіе Heerbann продолжаетъ существовать, но вызывается только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, въ случаѣ вторженія врага. Большин-

же частью Карлъ Великій ведетъ свои войны, вызывая только самыхъ достаточныхъ. Устанавливается minimum того землевладѣнія, которое обязываетъ къ постоянной военной службѣ. Этотъ minimum 4 или 5 гуфъ, т. е. 4 или 5 надѣловъ, достаточныхъ для прокормленія семьи. Мелкіе люди уже несутъ только вспомогательную службу, изъ нихъ 4 или 5 соединяются для того, чтобы выставлять одного ратника въ тяжеломъ вооруженіи и на конѣ. А затѣмъ вызываются поголовно всѣ бенефиціалы: всѣ люди, получающіе землю отъ императора подъ условіемъ службы, должны явиться по вызову императора.

Третій пунктъ, на который особенно обращается вниманіе въ организаціи Карла Великаго, это дѣла Церкви и религіи. Карлъ является въ данномъ случаѣ совершенно проводникомъ и миссіонеромъ западнаго христіанства: Онъ пускаетъ въ ходъ государственныя средства для того, чтобы отучить отъ язычества подданныхъ. Въ этомъ отношеніи характерны его капитуляріи относительно Саксовъ. Введеніе христіанства у Саксовъ было прямой мѣрой, необходимой для того, чтобы сломить окончательно сопротивленіе этихъ язычниковъ. Смертная казнь назначается поэтому за массу проступковъ, и часто за самые мелкіе. Назначается смертная казнь тому, кто ѣлъ скоромное въ постъ; назначается смертная казнь за уклоненіе отъ крещенія, за удаленіе отъ причащенія, за сожженіе покойника, за приношеніе человѣческой жертвы; за то, что сѣдятъ вѣдьму, которая якобы ѣстъ людей. Затѣмъ характерно другое обстоятельство: по Саксонскимъ капитуляріямъ смертная казнь очень обыкновенна, но есть единственное средство избѣжать смерти, это - покаяніе передъ священникомъ: Человѣкъ, который явится къ священнику, совершитъ церковное покаяніе и получитъ отпущеніе, имѣетъ уже право искать помилованія.

Вотъ тѣ три главныхъ точки зрѣнія, которыя проводятся въ законодательствѣ Карла Великаго. Повидимому, дѣло идетъ о совершенно различныхъ вещахъ, но въ сущности онѣ тѣсно связаны. Въ сущности дѣло идетъ о томъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію времени „бездѣлья" королей, т. е. возвращенію того времени, когда всѣ тянутъ врозь и когда государство перестаетъ суще-

ствовать, потому что всѣ отдѣльные подданные государства не сознают достаточно необходимости образованія государства, потому что не было достаточно христіанскаго образованія для этого сознанія.

На основаніи всего изложеннаго о характерѣ монархіи Карла Великаго вы можете уже заключить о томъ, что въ этомъ государствѣ выражались двѣ тенденціи, которыя совершенно противоположны другъ другу. Съ одной стороны главная цѣль есть укрѣпленіе государства, усиленіе вліянія центра на области, цѣлаго на части; но въ противоположность этому общему строю, который долженъ былъ служить христіанской культурѣ правительства Карла, дѣйствуетъ другая сторона законодательства Карла Великаго, его аристократизмъ. Основныя учрежденія Карла Великаго по суду и въ военной организаціи являются учрежденіями прямо аристократическими. Въ этомъ отношеніи онъ считалъ невозможнымъ бороться съ духомъ времени, дѣлалъ ему прямую уступку, и въ этомъ отношеніи сказалось то обстоятельство, что даже такой человѣкъ выдающійся, исторически сильный какъ Карлъ Великій, въ состояніи былъ только на время задержать общій процессъ разложенія правительства, принужденъ былъ поддаться той силѣ, которая начала свою работу разложенія до него. Это разложеніе до извѣстной степени признается имъ самимъ, и организація сеньората сдѣлалась основой леннаго строя въ іерархическомъ отношеніи сеньора и вассала. Признанное имъ измѣненіе демократическаго суда рахимбурговъ въ судъ аристократическаго характера, въ судъ скабиновъ сдѣлалось опять-таки основаніемъ лишенія большинства свободныхъ людей всякаго участія въ судоговореніи областей, и косвенно чрезвычайно содѣйствовало развитію иммунитета, частной юрисдикціи. Поэтому монархія Карла Великаго такъ быстро и распалась, что сама она дѣлала уступки принципамъ, которые неминуемо должны были привести къ разложенію. 1) 2)

Я не буду возвращаться къ характеристикѣ тѣхъ общихъ началъ, которыя еще въ Меровингское время вели къ феодализаціи, т. е. къ распаденію государства на части и которыя стали дѣйствовать вновь сряду послѣ Карла Великаго. Разложеніе Каролингской

монархіи является совершенно аналогичнымъ распаденію монархіи Меровинговъ. Та государственная система была также вызвана извѣстною временною потребностью: борьбою съ Римскою имперіею. Эта борьба съ Римской имперіею вогнала Невстрійскихъ Франковъ точно такъ-же, какъ и другихъ варваровъ, въ обширныя политическія формы; и когда дѣйствіе этой непосредственной политической причины прекращается, варварскія обычаи стараются снова возвратиться къ тѣсной кружковой жизни, стараются распадаться политически.

Каролингская монархія возникла вслѣдствіе подобнаго-же давленія, вслѣдствіе борьбы съ Мусульманами и Саксами — язычниками. Когда нашествіе Мусульманъ было отражено и когда внутренняя Германія была подчинена Германіи западной, началось такое-же понятное движеніе, распаденіе на тѣ же мелкія кучки. И дѣйствуютъ силы феодализаціи въ тѣхъ-же трехъ основныхъ направленіяхъ, которыя были отмѣчены въ Меровинг-
1) скую эпоху: устанавливается и развивается коммендація, препорученіе одного частнаго лица другому; устанавливается и рас-
2) ширяется иммунитетъ, т. е. образуется исключительная юрисдикція частнаго лица; устанавливается и распространяется
3) ленный принципъ, т. е. принципъ соединенія службы государству съ землевладѣніемъ. Эти причины приводятъ въ концѣ концовъ къ образованію феодальнаго порядка, который теперь я и буду характеризовать.

Феодализмъ.

Феодальный порядокъ, который образовался по всему Западу Европы приблизительно въ X в. и господствовалъ въ теченіи XI и XII, началъ ослабѣвать и вырождаться съ XIII, этотъ феодальный порядокъ есть явленіе чрезвычайно многообразное, имѣющее различныя стороны: стороны политическія, стороны земельныя, стороны сословно-соціальныя. Въ этихъ трехъ отношеніяхъ и надо остановиться на его характеристикѣ.

Не смотря на сложность явленія оріентироваться въ фактахъ феодализма довольно легко, потому что факты эти всѣ вытекаютъ изъ нѣсколькихъ общихъ положеній: Въ основѣ политической

стороны феодализма лежитъ общее положение, что баронъ есть государь въ своей баронии, это значитъ, что политическое верховенство соединено съ землевладѣніемъ и распадается по отношенію къ странѣ. Основное положеніе земельной стороны феодализма есть положеніе, что полной собственности не существуетъ, а существуетъ только условная, т. е. что принципъ собственности раздробляется точно такъ-же, какъ раздробляется принципъ политическаго верховенства. Основное положеніе соціально-сословнаго строя есть то, что общество распадается на классъ, имѣющій права и преимущества, — классъ вооруженныхъ, и на классъ, не имѣющій никакихъ самостоятельныхъ правъ, классъ вилланов, людей рабочихъ, и невооруженныхъ. Границей здѣсь служитъ оружіе: тотъ, кто имѣетъ его — свободный, высшій; кто его не имѣетъ, тотъ не имѣетъ и свободы, не имѣетъ и правъ. Это положеніе прямо вытекаетъ изъ общаго, политическаго принципа.

Политическая сторона. „Баронъ есть государь въ своей баронии", такъ прямо сказано въ книгѣ юриста Бомануара*, но если бы это и не было сказано такъ, оно вытекало бы изъ всѣхъ отдѣльныхъ чертъ политическаго быта феодальной эпохи. Бароны вполнѣ сознавали свое верховенство и часто выражали его очень оригинально и съ большою гордостью по отношенію къ королю, по отношенію къ лицамъ, которыя могли думать, что они выше бароновъ.

Девизъ знаменитаго Бретонскаго дома Роганов, напримѣръ, былъ такой: „marquis ne daigne, roi ne puis, Rohan je suis", т. е. не удалось быть маркизомъ, не могу быть королемъ, я Роганъ. Точно также въ этомъ родѣ провозглашаетъ свой девизъ иль-де-франскій баронъ Куси, который имѣлъ только одну башню: „je ne suis ni duc, ni marquis, aussi je suis le sir de Coucy." Разница между баронами и королемъ только количественная, а не качественная. Они — перы, равные, и король первый между равными. Арагонскіе бароны, присягая своему королю, говорили, что они обязуются исполнять всѣ его законныя требованія и повиноваться ему, если онъ будетъ уважать ихъ права и подчиняться законамъ, если-же нѣтъ, то нѣтъ. Такимъ образомъ баронии являются совершенно

* Beaumanoir: chacun baron est souverain dans sa baronie.

самостоятельными политическими телами и относятся къ королевской власти какъ къ такой же феодальной баронии.

Изъ этой самостоятельности вытекаетъ цѣлый рядъ правъ для бароновъ. Такъ какъ баронъ былъ государь, то онъ имѣлъ право чеканить монету; такъ какъ онъ былъ государь, то онъ имѣлъ право воевать съ равными ему — перами, и право частной войны является однимъ изъ самыхъ главныхъ правъ бароновъ. За это право феодальный баронъ борется еще въ началѣ XIV в., послѣ того, какъ Людовикъ IX и Филиппъ Красивый старались всѣми силами ограничить право войны въ интересахъ общаго спокойствія и благосостоянія; во время реакціи, послѣдовавшей за Филиппомъ Красивымъ первое требованіе бароновъ заключалось въ положеніи, что всякій баронъ имѣетъ право вести войну съ своимъ сосѣдомъ.

Ограниченія этого широкаго права первоначально исходили не со стороны государства, а со стороны нравственнаго сознанія общества, выразившагося въ дѣятельности Церкви. Церковь начала дѣйствовать противъ частной войны еще въ X в. Конецъ X в. является временемъ великихъ бѣдствій, особенно во Франціи. Голодъ, моръ, падежъ скота царствовали въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, и во время этихъ бѣдствій бароны, побужденные ими и увѣщаніями церковной іерархіи, приходятъ къ убѣжденію, что они своими беззаконіями, своими постоянными разбоями и войнами навлекли гнѣвъ Божій, что надо отъ этого отказаться. Собираются съѣзды, на которыхъ они даютъ присяги не воевать. Но уже тогда нѣкоторые благочестивые между ними, даже нѣкоторыя духовныя лица говорили, что связывать себя такою присягою безполезно, такъ какъ ее не сохранять, да и вообще опасно, такъ какъ отказываться отъ такого важнаго права не слѣдуетъ. Когда устраивался въ сѣверной Франціи съѣздъ для установленія Божьяго мира, епископъ Камбрейскій отказался принять участіе, потому что онъ полагалъ, что никто не станетъ хранить данныхъ клятвъ. И лѣтопись наивно говоритъ, что тогда его стали обвинять въ томъ, что онъ, пастырь Церкви, пастырь духовный, одинъ отшатнулся отъ Божьяго дѣла. Но впослѣдствіи, прибавляетъ лѣтописецъ, оказалось, что онъ былъ совершенно правъ, потому что онъ одинъ не нарушилъ присяги, которой

не давали, а всѣ тѣ, которые клялись не вести войны, нарушили свои присяги. Въ концѣ концовъ устраивается извѣстный компромиссъ. Чтобы хранить миръ Божій, люди слишкомъ слабы, но можно провести перемиріе (Treuga Dei). И вотъ устанавливается цѣлый рядъ условій, при которыхъ можно вести частныя войны, устанавливается время: отъ четверга до понедѣльника воевать нельзя. Устанавливаются извѣстныя ограниченія: врываться въ церкви нельзя, нельзя истреблять мельницъ и мельниковъ, нельзя на югѣ, въ Провансѣ, рубить оливковыя деревья, нельзя уничтожать земледѣльческія орудія; но можно истреблять вилланов своего противника и причинять ему этимъ ущербъ, точно такъ же какъ можно истреблять его рабочій скотъ. И вотъ, именно на вилланахъ и на рабочемъ скотѣ главнымъ образомъ отзываются эти войны. Рыцаря въ то время убить было трудно, его можно было свалить, въ крайнемъ случаѣ взять въ плѣнъ, но убить въ его тяжелой бронѣ было почти невозможно. Поэтому вся тяжесть частныхъ войнъ падала на виллановъ. Рыцари и эти войны окончательно начинаютъ стѣсняться и все общество приходитъ въ порядокъ только вслѣдствіе развитія королевской власти, которое начинается съ XIII в. Разныя страны въ этомъ случаѣ представляютъ различныя отношенія: это своеволіе и самодержавіе феодаловъ держится въ однихъ долго, въ другихъ оно быстро исчезаетъ. Дольше всего оно держится въ Италіи и Германіи. Въ Англіи вслѣдствіе междоусобій Стефана Булонскаго и Плантагенетовъ въ XII в. получается развитіе феодальнаго права частной войны, но послѣ этого принципъ частной войны стѣсняется вообще вслѣдствіе того, что Англійская исторія не разбивается на частные кружки, какъ исторія Франціи, Германіи или Италіи.

Но не только право частной войны является выраженіемъ самодержавія помѣщика. Самодержавіе это имѣетъ и другое послѣдствіе очень важное, очень характерное, прежде всего въ судѣ. Судъ феодальной эпохи двоякаго рода, во-первыхъ, судъ помѣщика, барона относительно своихъ собственныхъ людей, т. е. своихъ крестьянъ и подчиненныхъ. Тутъ онъ судья вполнѣ безконтрольный; онъ судитъ или самъ или черезъ своего прикащика. Апелляціи

нѣтъ, провѣрки со стороны нѣтъ, а дѣло заключается въ предѣлахъ извѣстной территоріи, и судъ и законъ являются выраженіями сеньоріальной власти.

Совершенно противоположный принципъ господствуетъ наверху, въ вооруженныхъ классахъ рыцарей и бароновъ. Въ данномъ случаѣ судья является только третейскимъ посредникомъ. Судить человѣка могутъ только его перы, т.е. товарищи его по подчиненію извѣстному сюзерену. При томъ судъ этихъ перовъ собирается по опредѣленному приглашенію предсѣдателя сюзерена, самъ предсѣдатель сюзеренъ судить не можетъ, онъ только формально руководитъ вызовомъ и преніями. Судебныя доказательства являются почти исключительно въ формѣ поединка и въ формѣ ордалій, потому что такъ-же, какъ въ эпоху Правды этотъ судъ главнымъ образомъ стремится не къ тому, чтобы разслѣдовать дѣло по существу, а къ тому, чтобы установить, такъ сказать, внѣшнее равное положеніе между спорящими сторонами, облегчить между ними столкновеніе, въ данномъ случаѣ не военное, а судебное. Во всякомъ случаѣ эти судебныя столкновенія имѣютъ военный характеръ: вмѣсто того, чтобы грабить замки другъ у друга, бароны сходятся для того, чтобы сразиться мечемъ въ присутствіи другихъ лицъ. Даже тогда, когда разрушается этотъ бытъ, нѣкоторыя основныя положенія этого суда остаются въ дѣйствіи. Самымъ характернымъ положеніемъ суда является то, что нѣтъ никакой аппеляціи отъ круга перовъ. Разъ составился приговоръ этого суда перовъ, некому его провѣрить, потому что это все государи, которые явились на судъ равнаго себѣ.

Но какъ-же дѣйствовать въ томъ случаѣ, если одна изъ сторонъ недовольна? Въ такомъ случаѣ оставалось обжаловать рѣшеніе, но въ строгой формѣ феодальнаго суда.+ Если судья произноситъ приговоръ, которымъ сторона недовольна, то обиженный можетъ обратиться къ судьѣ и заявить: „je vous appelle de faux jugement" (я обвиняю васъ въ ложномъ приговорѣ). Изъ этого выходитъ поединокъ между судьей и стороной. Для того, чтобы гарантировать судей отъ непріятностей, которыя могли послѣдовать за такимъ обжалованіемъ въ феодальномъ устройствѣ, приговоръ произносится не единолично, а цѣлымъ кругомъ судей, въ которомъ уча-

ствуютъ обыкновенно болѣе 7, иногда 10, 12 барановъ. Каждый произноситъ приговоръ отдѣльно, но всѣ другъ за другомъ, и позорить рѣшеніе въ данномъ случаѣ значитъ вызывать на поединокъ всѣхъ судей, съ которыми приходится драться не заразъ, правда, но все-таки другъ за другомъ, условіе, которое нѣсколько сдерживало вызывающаго на поединокъ судей.

Судебный поединокъ получался и въ другомъ случаѣ. Если одна изъ сторонъ была недовольна свидѣтельствомъ, она могла fausser le témoignage, и изъ этого происходилъ поединокъ между свидѣтелемъ и стороной. Разборъ дѣла по существу, который въ нынѣшнемъ судѣ играетъ главную роль, въ тогдашнемъ судѣ игралъ роль совершенно второстепенную, главнымъ образомъ надо было легализировать, оформить самоуправство.

Таковы основныя положенія феодальнаго процесса того суда, чистый видъ котораго выступаетъ, напримѣръ, въ Іерусалимскихъ Ассизахъ, въ судебныхъ порядкахъ Франціи XII в. и т. п. Эти основныя положенія видоизмѣняются главнымъ образомъ подъ вліяніемъ развитія королевской юрисдикціи. О томъ, какъ проводятся принципы королей во Франціи, Англіи, Германіи, мы скажемъ въ свое время, теперь отмѣтимъ только одно, что развитіе нашего суда по существу исторически связано съ развитіемъ какъ разъ разслѣдованія повальнымъ обыскомъ, совершаемаго королевскими комиссарами.

Изъ феодальной самостоятельности вытекаетъ еще важное послѣдствіе относительно законодательнаго права. Само собой разумѣется, что нельзя верховнаго государя принуждать повиноваться какому-нибудь закону, если онъ самъ не согласенъ повиноваться, если онъ самъ не участвуетъ въ его установленіи. Первая форма феодальнаго законодательства есть поэтому законодательство съѣзда. Съѣзжаются представители разрозненной государственной власти, послѣ извѣстныхъ переговоровъ сходятся на какомъ-нибудь общемъ положеніи, которое кажется для всѣхъ выгоднымъ, и подтверждаютъ его рукоприкладствомъ. Это чисто международный конгрессъ, который устанавливаетъ общее положеніе въ силу согласія всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, международный конгрессъ, у котораго обязательной силы нѣтъ.

Эта первоначальная форма впослѣдствіи подвергается видоиз-

мнѣнію, но нѣкоторыя основныя положенія все-таки остаются. Когда вмѣсто права каждаго отдѣльнаго лица соглашаться или не соглашаться на законъ осталось только право участвовать въ его составленіи, право требовать, чтобы барона вызывали, когда законъ составлялся, даже тогда это право все-же основывалось въ сущности на феодальномъ самодержавіи и опиралось на феодальное сопротивленіе. Это очень важно; мы видимъ здѣсь, какъ одно правило подмѣняется другимъ.

Безусловное право феодаловъ établissement, какъ говорили во Франціи, дѣлаетъ то, что законъ обязателенъ только для тѣхъ, кто ему подчиняется, и отъ него каждое отдѣльное лицо можетъ отказаться. Такое-же положеніе въ крайности развилось въ Польшѣ и привело къ праву срывать сеймъ. Но съ развитіемъ правъ большинства и меньшинства баронъ теряетъ право протестовать противъ закона. Если при обсужденіи закона онъ не согласенъ, если онъ останется въ меньшинствѣ, противъ него выступитъ большинство, онъ долженъ подчиниться рѣшенію этого большинства, но во всякомъ случаѣ король долженъ лично вызвать всѣхъ тѣхъ, кого законъ касается.

Это первая форма parliamentum Среднихъ вѣковъ. Наконецъ является и конституціонная форма, въ силу которой уже ни одинъ свободный поданный и гражданинъ государства не долженъ быть лишенъ избирательнаго права, т. е. права постоянно участвовать въ составленіи законовъ черезъ своихъ представителей; форма, которая теперь дѣйствуетъ въ конституціонныхъ государствахъ Европы и которая зародилась въ Англіи постепенно изъ феодальнаго положенія въ концѣ XIII в.

Послѣднее право, которое служитъ гарантіей ко всѣмъ остальнымъ и которое такъ вытекаетъ изъ основнаго положенія феодализма, есть право сопротивленія. Всякій государь въ наше время, если ему чинится утѣсненіе со стороны другихъ государей, можетъ взяться за мечъ. Точно также въ тогдашнее время баронъ, если король, его сеньоръ или его перъ почему-нибудь дѣйствуетъ относительно его незаконно, можетъ оказать сопротивленіе; въ извѣстныхъ случаяхъ прямо требуется такое сопротивленіе. Іерусалимскіе Ассизы, напримѣръ, предусматриваютъ случай отказа въ

правѣ, именно, что сюзеренъ можетъ отказать своему вассалу собрать съѣздъ для разсмотрѣнія его законныхъ претензій; если состоится такой отказъ въ правѣ, déni de justice, то первое дѣйствіе оскорбленнаго должно состоять въ томъ, что онъ долженъ всѣхъ своихъ товарищей или перовъ вызвать, заявить имъ, что сюзеренъ не даетъ ему суда и права. Тогда онъ снова требовалъ у сюзерена созыва съѣзда, и въ случаѣ новаго отказа его товарищи должны были идти войной противъ сюзерена. Тутъ дѣло идетъ объ отношеніяхъ между сеньоромъ или сюзереномъ и вассалами, но дѣло можетъ идти и относительно короля: совершенно то-же право принадлежитъ вассаламъ въ Великой Хартіи вольностей, знаменитой хартіи, которая была дана Іоанномъ Безземельнымъ Англичанамъ. Въ концѣ ея стоитъ параграфъ, что если король, не смотря на клятву, нарушитъ постановленія грамоты, то 25 бароновъ, которые названы по имени, должны тотчасъ-же вооружиться и начать сопротивляться ему. А затѣмъ къ этимъ 25 баронамъ должны примкнуть остальные.

Вопросъ о томъ, допускался-ли въ общественномъ договорѣ случай, когда не только можно, но и слѣдуетъ сопротивляться власти короля, этотъ вопросъ разрѣшался различно, смотря по общему отношенію къ королевской власти. Защитники королевской власти строятъ ее на патріархальномъ началѣ, приравниваютъ ея положеніе въ народѣ къ положенію отца среди семейства и отрицаютъ всякое право со стороны дѣтей или подданныхъ сопротивляться патріарху. Наоборотъ, противники королевскаго полновластія разсматриваютъ государство съ точки зрѣнія, усвоенной еще въ феодальную эпоху. Оно для нихъ является результатомъ соглашенія, въ которомъ обѣ стороны имѣютъ одинаковыя права и, между прочимъ, право расторгать и видоизмѣнять договоръ.

Вотъ основныя положенія политическаго строя феодализма. Они понятны только при постоянномъ принятіи во вниманіе смѣшенія между частнымъ правомъ и государственнымъ.

Земельная сторона. Строеніе земельное точно также очень оригинально, какъ и строеніе политической системы. Вся земля, владѣемая на феодальномъ правѣ, владѣется на правѣ аренды. Собственности въ нашемъ смыслѣ не существуетъ, а существуетъ только условное владѣніе; право пользованія допускается только при извѣст-

номъ ограниченіи отъ высшаго собственника, а единственнымъ настоящимъ собственникомъ земли предполагается король, по ученію же теократіи только папа. Изъ этого основнаго положенія и развивается то обстоятельство, что всѣ земли феодальной эпохи стоятъ другъ отъ друга въ подчиненіи по степенямъ, всѣ лены и цензивы. Лены это тѣ аренды, за которыя платится военной службой; цензивы – тѣ арендныя держанія, за пользованіе которыми платятъ деньгами или работой, различія по существу между той и другой формой нѣтъ. Изъ этого основнаго положенія вытекаютъ отдѣльныя различія феодальныхъ правъ. Во-первыхъ, вытекаетъ общее распредѣленіе правъ, которое на языкѣ Французскаго феодала выражается такъ: nulle terre sans seigneur (нѣтъ земли безъ сеньора), т.е. всякій, имѣющій землю, обязанъ извѣстными повинностями по отношенію къ высшему собственнику и обязанъ показать, кто этотъ высшій собственникъ. Поэтому въ спорѣ за землю всегда ссылаются на сюзерена.

Теперь можно говорить только о собственности вообще въ противоположность владѣнію и пользованію, феодальный-же періодъ различаетъ два вида собственности: dominium directum – высшую или прямую и dominium eminens или utile – низшую или полезную. Dominium directum – это право сеньора, который владѣетъ землею, и относительно котораго вассалъ стоитъ въ положеніи вѣчнаго арендатора. Dominium utile – это право вассала, который держитъ землю, пользуется ея доходами, во всѣхъ-же остальныхъ отношеніяхъ независимъ

Это искусственное раздѣленіе является не простой формальностью, а влечетъ за собою весьма существенныя послѣдствія. Съ нашей точки зрѣнія право вассала на ту землю, которую онъ держитъ въ силу dominium utile, будетъ не болѣе какъ закрѣпленіе вѣчной аренды. Изъ права сеньора на dominium eminens вытекаютъ прежде всего послѣдствія, такъ сказать, случайнаго характера, т.е. если умираетъ, напримѣръ, вассалъ, который держалъ ленъ, то его сынъ, который наслѣдуетъ, вступаетъ во владѣніе не прямо, а вступаетъ во владѣніе въ силу передачи лена отъ высшаго собственника или сеньора, въ силу, такъ называемой, реинвеституры, т.е. возобновленія инвеституры. Въ основаніи, значитъ, стоитъ представленіе, что участокъ держится условно, и что условіе должно быть возобновле-

dominium directum ~~aut~~ eminens, высшую или прямую
dom. utile

но при силахъ лицъ, которыя его держатъ. Инвеститура ведетъ не только къ извѣстному обряду, ведетъ не только къ тому, что получающій участокъ клянется быть вѣрнымъ подданнымъ своего сеньора, но и къ извѣстнымъ денежнымъ послѣдствіямъ. За нее платятъ, если владѣніе переходитъ не въ силу наслѣдства, а въ силу отчужденія; если вассалъ, напримѣръ, считаетъ нужнымъ продать свой участокъ, то опять-таки нельзя этого сдѣлать, не спросившись высшаго сеньора и не заплативъ этому сеньору за продажу кое-чего, это такъ называемое laudemium.

Но кромѣ этихъ случаевъ осуществленія сеньоріальнаго права на землю, послѣдствіемъ являются постоянныя повинности со стороны вассала по отношенію къ сеньору за пользованіе землею. Въ качествѣ такихъ постоянныхъ повинностей для рыцарей является военная служба, которая ограничена извѣстнымъ срокомъ 40 дней за извѣстное количество земли. Послѣ этихъ 40 дней наступало уже особое соглашеніе, особый договоръ между сеньоромъ и вассаломъ. Но если относительно рыцарскихъ владѣній повинность выражалась военной службой, то люди незначительные владѣютъ за деньги или отрабатываютъ барщиною свои повинности. Вотъ вторая категорія послѣдствій, вытекающихъ изъ высшаго права, dominium eminens.

Есть наконецъ третья категорія. Сеньоръ можетъ вызвать своего вассала на помощь къ себѣ, на экстренную помощь въ извѣстныхъ рѣдкихъ случаяхъ жизни. Именно, если онъ собирается въ крестовый походъ, или если его возьмутъ въ плѣнъ, ему нужно выкупиться, или если онъ дѣлаетъ сына рыцаремъ, наконецъ, если онъ выдаетъ свою дочь замужъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вассалъ обязанъ помогать сеньору деньгами, помогать въ размѣрахъ не обозначенныхъ и непостоянныхъ, а такихъ, которые зависятъ отъ отдѣльнаго постановленія сеньора.

Вотъ главныя свойства земельнаго права феодальной эпохи, въ его примѣненіи къ высшему классу, классу людей, довольно немногочисленныхъ, которые стоятъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ государства и одни называются людьми вполнѣ свободными. Масса-же живетъ на другихъ правахъ, о которыхъ придется сказать въ свое время.

Теперь я обращу на минуту ваше вниманіе на то обстоятельство, которое слишкомъ часто забывается въ характеристикѣ средневѣковаго права и его развитія; на то обстоятельство, что нѣтъ никакого принципіальнаго различія между держаніемъ денежнымъ и держаніемъ военнымъ. Въ средніе вѣка одно замѣняетъ другое какъ-то незамѣтно, и средневѣковое право заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, главный элементъ и возможность перехода въ право современное: стоитъ только обязанности военной баронiи перейти въ обязанности по денежнымъ отношеніямъ. Это обстоятельство было въ одно и то-же время и поводомъ къ паденію феодализма въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и причиною его прочности въ другихъ. Если бы феодальный бытъ былъ совершенно неразрывно связанъ съ военнымъ порядкомъ, то онъ, вѣроятно, рухнулъ бы, какъ только измѣнилась военная система, т.е. измѣнился порядокъ военной службы за землю въ тѣсной связи между военной службой и земельнымъ владѣніемъ.

Этого не было. Когда военная служба перестала быть соединенною съ земельнымъ владѣніемъ, когда стали образовываться наемныя арміи, когда новый строй, введеніе огнестрѣльнаго оружія, развитіе техническихъ условій и условій соціальныхъ перемѣнили такимъ образомъ прежній порядокъ военныхъ владѣній, феодализмъ (феодализмъ земельный, а не политическій) все продолжалъ существовать, именно, опираясь на то, что основное положеніе феодальнаго права можно было примѣнить и къ денежной системѣ. Вотъ, почему во Франціи и въ большинствѣ Европейскихъ государствъ феодализмъ въ этомъ видѣ держался до конца XVIII в., а палъ во Франціи вслѣдствіе Французской революціи, палъ въ Германіи и въ Италіи вслѣдствіе толчка, даннаго послѣ Французской революціи. Вотъ, почему Англійское гражданское право до сихъ поръ находится подъ вліяніемъ феодализма. Настоящее Англійское гражданское право до сихъ поръ стоитъ на феодальныхъ основаніяхъ. Именно, этою гибкостью феодализма въ примѣненіи къ различнымъ условіямъ объясняются отношенія ленной іерархіи; условія, ничего общаго съ землей не имѣющія, пріурочиваются къ формамъ землевладѣнія и принимаютъ, такъ сказать, фиктивный земельный характеръ; и строится цѣлая система леновъ, которая во Франціи называлась fiefs en l'air, т.е. ленъ, у котораго не было настоящей территоріи, земли, а

который только маскировался фразѣ феодальнымъ правомъ.

Эти обстоятельства рѣзко выражаются въ системѣ повинностей. Мы встрѣчаемъ такія повинности, которыхъ изъ земельныхъ отношеній объяснить нельзя. Какой смыслъ имѣло право Итальянскаго барона разъ въ годъ наложить окорокъ ветчины, который приносилъ ему его вассалъ? Въ этомъ между прочимъ заключалось единственное право, которое онъ имѣлъ. Очевидно, тутъ центръ тяжести отношеній заключается никакъ не въ той арендной формѣ, которую они принимали, а въ чемъ нибудь другомъ. Центръ тяжести заключается въ томъ, что въ силу этого ежегоднаго появленія и въ силу этого образнаго принятія ветчины сеньоромъ устанавливается извѣстная юридическая форма іерархическаго подчиненія: извѣстное лицо считается вассаломъ сеньора, земельныхъ же отношеній тутъ никакихъ нѣтъ. Но изъ этого отношенія могло произойти другое право, сеньоръ могъ его точно такъ же, какъ и вассала землевладѣльца, вызывать на помощь. Значитъ, это право влекло за собою цѣлый рядъ выгодъ для сеньора въ томъ случаѣ, если онъ попадалъ въ плѣнъ, выдавалъ свою дочь замужъ, собирался въ крестовый походъ. Это одинъ примѣръ изъ многихъ. Такого рода феодальныхъ повинностей масса. Такимъ образомъ феодальное право есть въ значительной степени право аллегорическое, въ которомъ извѣстныя формы имѣютъ важность и значеніе не только по своему прямому смыслу, но и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя вытекаютъ изъ него.

Сословный строй. Перехожу теперь къ характеристикѣ сословнаго строя феодальной эпохи. При этомъ придется главнымъ образомъ остановиться на характеристикѣ безправнаго крестьянскаго сословія, потому главнымъ образомъ, что высшіе классы феодальной эпохи были очень не многочисленны, и что права ихъ, права по крайней мѣрѣ класса втораго разряда, не самаго высшаго, права свободныхъ горожанъ стали развиваться уже вслѣдствіе распаденія феодальной системы.

Высшій классъ феодальной эпохи является въ двухъ видахъ: во-первыхъ, классъ военныхъ, классъ, изъ котораго составляется рыцарство въ феодальную эпоху. Сюда входятъ, во-первыхъ, бароны, какъ

владѣльцы леновъ; но не одни бароны, рядомъ съ ними существуетъ многочисленное рыцарство, которое землею владѣетъ въ слабой степени, т. е. владѣетъ малыми участками, не подходящими подъ понятіе лена, и не имѣетъ политическихъ правъ, связанныхъ съ нимъ. Сюда подходитъ масса рыцарей, которые вообще не владѣютъ ленами. Ленъ переходитъ, напримѣръ, только къ старшему брату въ большинствѣ случаевъ. Положеніе младшихъ братьевъ, не имѣющихъ лена, поддерживается тѣмъ, что они не считаются равными своимъ старшимъ братьямъ, но играютъ чрезвычайно важную роль въ распорядкѣ обязанностей этого времени. Вѣдь баронъ нуждается въ постоянномъ отрядѣ тѣлохранителей, въ постоянномъ отрядѣ военныхъ помощниковъ, которыхъ не можетъ ему замѣнить іерархія такихъ же бароновъ. Срокъ службы 40 дней владѣющихъ землею былъ недостаточенъ для организаціи службы, и организація военной службы въ значительной степени стоитъ на людяхъ, примыкающихъ сословно къ рыцарству, хотя и не имѣющихъ земли. Положеніе зависимое, но оно очень важными чертами отличается отъ положенія такъ называемыхъ вилланов. Эти люди подлежатъ феодальному суду и феодальной организаціи, эти люди не безправны.

Къ нимъ примыкаетъ одинъ классъ, который связанъ съ ними, такъ сказать, единствомъ занятій, это такъ называемые министеріалы, люди, которые тоже заняты военнымъ дѣломъ, хотя сами не благороднаго, не знатнаго происхожденія. Важна, именно, та военная помощь, которую они оказываютъ, и вотъ, хотя они и вышли изъ класса рабовъ, мало по малу сливаются съ мелкими рыцарями, т. е. съ младшими сыновьями, младшими братьями настоящихъ бароновъ.

Рядомъ съ этими классами чисто военными стоятъ небольшіе остатки стараго свободнаго населенія. Эти остатки имѣютъ чрезвычайно важное историческое значеніе, потому что они показываютъ убѣдительно, что средневѣковый феодализмъ сталъ развиваться не изъ постепенной уступки какой-нибудь могущественной аристократіи рабамъ, а изъ первоначальнаго свободнаго строя, который мало по малу сталъ клониться къ упадку. Это свободный строй времени Тацита, строй, въ которомъ весь сво-

бѣдные люди имѣли право участвовать на вѣчѣ и участвовать въ рѣшеніи политическихъ дѣлъ, въ которомъ всѣ свободные люди отправлялись въ войну. Въ феодальную эпоху остались только небольшія группы такихъ свободныхъ людей, которые находились подъ непосредственной охраной короля. Особенно много остатковъ этихъ старыхъ свободныхъ людей въ Англіи.

Въ переписи „Страшнаго Суда" (Думсдейбукъ), которая была составлена въ концѣ XI в., знатныхъ людей военныхъ считалось 10 тысячъ семействъ, крѣпостныхъ считалось болѣе 200 тысячъ семействъ, а между ними стоитъ группа людей свободныхъ, но не знатныхъ, которые держали земли не оружіемъ, а деньгами. Тѣмъ не менѣе они находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ государства, являются гражданами. Эта группа въ своихъ различныхъ подраздѣленіяхъ обнимаетъ приблизительно 33 т. семействъ. Вотъ численный остатокъ старыхъ свободныхъ людей. Объ этой переписи еще придется говорить, когда мы будемъ трактовать спеціально объ Англійской исторіи. Теперь я только указываю какъ на примѣръ.

Какъ видите, массу населенія все-таки составляютъ крѣпостные крестьяне. Такихъ крестьянъ вилланов въ Англіи — 200 т. семействъ, даже слишкомъ. Общее положеніе этого сословія приходится характеризовать съ различныхъ точекъ зрѣнія, потому что въ немъ смѣшиваются различные элементы. Съ одной стороны въ него вырождаются прежніе древніе рабы, съ другой стороны въ него опускаются прежніе свободные, въ немъ наконецъ есть и элементъ полусвободныхъ, тѣ liberti, о которыхъ говоритъ Тацитъ, тѣ aldii, которые встрѣчаются у Лонгобардовъ, или литы законодательства Франковъ или лацы законодательства Саксовъ. Однимъ словомъ, элементы, изъ которыхъ сложилось средневѣковое крестьянство, были чрезвычайно разнородны. Сообразно съ этимъ и повинности и положеніе класса чрезвычайно разнообразны. Общее положеніе, если послушать заявленія феодальныхъ юристовъ, чрезвычайно тяжелое. Нѣмецкая юридическая пословица, стараясь особенно сильно выразить тяжесть положенія виллана, говоритъ: Er ist mein, ich mag ihn sieden oder braten (т.е. я могу его сварить или сжарить). Французская пословица юридическая тоже не-

уступаетъ въ данномъ случаѣ Нѣмецкой; она заявляетъ, что сеньоръ можетъ: occire son villain et mehaigner (убить своего виллана или изуродовать его).

Но уже въ юридическихъ теоріяхъ настоящихъ феодистовъ дѣлается различие. Въ XIII в. Пьеръ де Фонтенъ говоритъ, что въ классѣ вилланов есть различные люди: „одни, которые въ сущности свободны лицомъ своимъ, а попали только въ положеніе зависимыхъ по землѣ, такъ сказать, по государственному праву. Съ этихъ людей нельзя требовать безъ разбору, относительно ихъ надо вообще держаться справедливости и старыхъ обычаевъ. Право сеньора можетъ нарушить этотъ обычай, и тогда никто не въ состояніи остановить его руку, но онъ долженъ помнить, что надъ нимъ во всякомъ случаѣ стоитъ судъ Божій." Эта характеристика Фонтеня очень интересна, потому что она показываетъ, какимъ образомъ могли сплотиться въ одну массу столь разнородные элементы, какъ рабскій элементъ и элементъ свободныхъ. Все это сплотилось въ одну массу вслѣдствіе одного важнаго факта — уничтоженія государственной защиты. Человѣку, который злоупотребляетъ своимъ правомъ надъ своими крестьянами, никто не можетъ оказать сопротивленія, никто не можетъ удержать его. За эти злоупотребленія съ него взыщетъ Богъ, т. е. говорится, значитъ, что въ сущности его власти и проявленію ея къ сидящимъ на его землѣ, не имѣется здѣсь никакой сдержки. Вотъ это отсутствіе защиты и сплотило столь разнородные элементы, какъ рабъ и свободный, въ одну массу.

Во всякомъ случаѣ, не смотря на то, что градаціи между различными состояніями приходится устанавливать исторически, является и тутъ масса разнородныхъ установленій. Въ иныхъ случаяхъ обычай примѣняется чрезвычайно рѣзко, напримѣръ, тамъ, гдѣ дѣйствуетъ такъ называемое manus mortua (main morte), т. е. полная гражданская неправоспособность. Крестьянинъ ничего своего на землѣ, которую занимаетъ, не имѣетъ, поэтому во всякій данный моментъ сеньоръ можетъ взять его участокъ, его рабочій инвентарь, можетъ отказать его сыну въ утвержденіи наслѣдства. Однимъ словомъ, относительно тѣхъ предметовъ, которые находятся на землѣ, мертва manus, какъ аллегорически вы-

раждается средневѣковое право. Это право фактически смягчается сеньоромъ: нѣтъ никакого разсчета произвольно отнимать участки у крестьянина или его наслѣдниковъ. Но крестьянинъ часто долженъ платить за это свое лучшее положеніе. Мы встрѣчаемся съ такими формами. Въ Англіи, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сеньоръ, когда умираетъ вилланъ, отказывается отъ права взять участокъ въ свои руки, только если ему отдадутъ лучшую голову скота изъ числа тѣхъ, которыхъ получаетъ наслѣдникъ и затѣмъ всѣ мѣдные и желѣзные сосуды, которые находятся въ домѣ или иногда все платье сколько-нибудь болѣе цѣнное, сколько-нибудь тонкой выдѣлки или хорошаго сукна или полотна. Затѣмъ въ Германіи право выдачи лучшей головы скота самое характерное для отдачи, самое тяжелое для виллана, оно такъ называется правомъ Besthaupt.

Рядомъ съ этимъ выраженіемъ права сеньора на имущество виллана является выраженіе права сеньора на его личность. Вилланъ принадлежитъ своему сеньору лицомъ, поэтому и семейство, дѣти принадлежатъ тоже сеньору. Вслѣдствіе этого строго запрещаются, конечно, браки смѣшанные. Крестьянинъ не имѣетъ права выдать замужъ свою дочь за крестьянина другого помѣщика, потому что тогда получились бы сложныя, трудныя отношенія, и дѣти перешли бы къ собственнику мужа. Вотъ поэтому устанавливается такъ называемое foris maritagium, forme mariage, по которому дочь виллана выходитъ замужъ не иначе какъ въ предѣлахъ бароніи, въ противномъ же случаѣ платится значительный выкупъ. Иногда право принимаетъ еще болѣе рѣзкій видъ и распространяется даже на тѣ случаи, когда крѣпостная выходитъ замужъ въ самомъ помѣстьи. Предполагается, что сеньоръ имѣетъ право собственно самъ воспользоваться дѣвушкой, когда захочетъ, и отказываясь отъ этого права, онъ оставляетъ за собою, такъ называемое ius primae noctis при выходѣ дѣвушки замужъ, которое обыкновенно натурою не взыскивалось, но которое вело къ установленію чрезвычайно тяжкой платы. Это droit de marquet есть чрезвычайно тяжкое право и свидѣтельствуетъ о самомъ низкомъ положеніи извѣстнаго крестьянскаго семейства.

Рядомъ съ этими правами, въ которыхъ въ рѣзкой формѣ вы-

ражается рабское положение крестьянина, являются и права, вытекающия изъ земли и хозяйственныхъ отношенiй. Крестьянинъ держитъ извѣстный надѣлъ, участокъ отъ сеньора, высшаго собственника и за это онъ обязанъ ему тяжелой работой, онъ обязанъ ему оброкомъ, который платится натурою въ XI и XII в., начинаетъ платиться деньгами въ XIII в. Затѣмъ, онъ обязанъ ему барщиной, очень разнообразной. Обязанъ каждый крестьянскiй дворъ работать около трехъ дней на господина, т.е. ставить одного взрослаго здороваго работника на господскiй дворъ въ теченiи трехъ дней въ недѣлю.

Надо сказать, что всѣ эти работы, всѣ эти повинности исполняются не по какому-нибудь случайному распоряженiю и не подвергаются большимъ колебанiямъ, а являются извѣстные порядки, устанавливаемые на очень долгiе перiоды, и они держатся очень прочно. Мы имѣемъ, начиная съ XIII в. цѣлый рядъ писцовыхъ книгъ, въ которыхъ изображаются отношенiя крѣпостнаго крестьянина къ своему господину, причемъ указываются самыя мелкiя подробности. Устанавливается, какъ тутъ сказано, обычный порядокъ для цѣлаго ряда работъ: не только крестьянинъ долженъ вообще работать три дня въ недѣлю на господина, но указано время, когда онъ долженъ пахать, когда онъ долженъ жать, когда онъ долженъ начинать сѣнокосъ; крестьянинъ обязанъ также помогать господину въ экстренныхъ работахъ, которыя производятся въ страдную пору, главнымъ образомъ во время сѣнокоса, жатвы. На эти экстренныя работы, высылается уже не работникъ отъ двора, а все населенiе двора, кромѣ хозяйки, которая остается дома, и кромѣ, конечно, людей больныхъ и старыхъ. Это подробное росписанiе стѣсняетъ господскаго прикащика, косвенно самого господина, но оно также выгодно для господина, потому что не даетъ прикащику злоупотреблять властью, тратить капиталъ, который такъ же важенъ, какъ и та земля, на которой сидитъ этотъ капиталъ.

Но этотъ обычай Среднихъ вѣковъ относительно крестьянъ является крайне важной формой, потому что она устанавливаетъ фактически полусвободныя отношенiя и извѣстную долю свободы и независимости въ этомъ классѣ, который при полномъ отсутствiи

процессуальной защиты рисковалъ бы попасть въ положеніе рабовъ. Это, вѣдь, не рабы: три дня въ недѣлю остаются за собственникомъ, а остальное время идетъ для дѣятельности самостоятельной, и тутъ-то развивается ихъ трудъ, ихъ достатокъ, съ помощью котораго они мало по малу выкупаются, выходятъ изъ подъ власти сеньора, но объ этомъ выкупѣ рѣчь будетъ дальше. Пока я указываю на то, что это установившееся расписаніе между сеньоромъ и его вилланами, являлось важнымъ средствомъ защиты отъ господина. Они не были защищены ничѣмъ кромѣ нравственныхъ и соціальныхъ условій, но и это было громаднымъ преимуществомъ передъ положеніемъ того рабскаго класса, который отбрасывался посилъ эксплуатаціи, въ древнемъ мірѣ.

Кромѣ повинностей, вытекавшихъ изъ личной крѣпости и земельнаго хозяйства, является еще одна характерная повинность. Это повинность, которая во Франціи называлась banal, что происходитъ отъ термина "bann". Баннъ это districtio, принудительная политическая власть, и банальныя повинности это тѣ повинности, которыя вытекаютъ не изъ права землевладѣльца надъ своими крѣпостными, а изъ права государя надъ подданными. Баронъ, вѣдь, былъ государь, и вслѣдствіе этого онъ могъ устанавливать свои собственныя политическія преимущества, и такихъ политическихъ преимуществъ очень много. Они примѣнялись не къ однимъ крѣпостнымъ, но и къ свободнымъ живущимъ на баронской землѣ.

Самыми обыкновенными изъ этихъ правъ были право помола и сеньоріальнаго точила. Право помола выражалось въ томъ, что сеньоръ запрещалъ кому бы то ни было исправлять мельницу или возить для помола на другую мельницу; онъ устраивалъ самъ свою мельницу и требовалъ, чтобы этой мельницей пользовались, т.е. установлялъ регалію, какъ бы у насъ выразились. Точно также онъ устраиваетъ сеньоріальное точило и требуетъ, чтобы весь виноградъ привозили къ нему, онъ уже самъ дѣлаетъ вино, устанавливаетъ цѣны, назначаетъ мѣсто продажи; или, напримѣръ, онъ пользуется правомъ вывозить свое вино на рынокъ за 2-3 дня раньше, чѣмъ вывозятъ вилланы. Или, напримѣръ, сеньоръ одинъ держитъ быка и приводятъ коровъ для случки только сюда.

Однимъ словомъ такого рода проявленій сеньоріальныхъ правъ можно насчитать массу. Очень распространенъ былъ также загонъ сеньоріальный, т.е. право сеньора устраивать загонъ для овецъ, вслѣдствіе чего онъ могъ воспользоваться навозомъ для удобренія своей земли.

Вотъ, такимъ образомъ, три основныя категоріи отношеній, изъ которыхъ вытекаетъ вся масса правъ и повинностей; отношенія по личной зависимости, отношенія по земельной зависимости и отношенія по зависимости политической. Нечего и говорить, что всѣ эти элементы смѣшиваются въ различныхъ пропорціяхъ, въ различныхъ видахъ: въ однихъ мѣстностяхъ преобладаетъ одна форма, въ другихъ другая, но особенно важно было то, что никакого юридическаго разграниченія между этими формами установить было нельзя при полномъ отсутствіи политическихъ правъ со стороны крестьянъ и защиты государства.

Мы обозрѣли характеръ феодальной эпохи въ ея различныхъ проявленіяхъ, видѣли, какія основанія феодальнаго строя въ политическомъ, земельномъ и сословномъ отношеніи. Вездѣ замѣчается дробленіе тѣхъ основаній, которыя были заложены въ древнемъ мірѣ: въ политическомъ отношеніи дробленіе верховенства, въ землевладѣльческомъ отношеніи дробленіе собственности, въ сословномъ отношеніи дробленіе понятія свободы и съ другой стороны видоизмѣненіе точно также и понятія рабства. Эта феодальная эпоха своими разнородными чертами является исходнымъ пунктомъ для политическаго развитія всѣхъ государствъ Западной Европы. Теперь я перехожу къ другому отдѣлу, новому отдѣлу своего изложенія, именно, буду слѣдить за образованіемъ государственной власти, за развитіемъ государственныхъ отношеній въ трехъ главныхъ государствахъ Запада: во Франціи, Англіи и Германіи.

II. РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦІИ, АНГЛІИ И ГЕРМАНІИ.

Развитіе государственной власти во Франціи.

Первое историческое обстоятельство, на которое приходится обращать вниманіе въ исторіи Франціи, — это вопросъ о томъ, какъ сосредоточилась Франція въ извѣстную страну, въ извѣстное государственное цѣлое, подъ какимъ вліяніемъ образовалась современная Франція, какъ создался ея центръ, и въ какое отношеніе къ этому центру стали области.

Образованіе правительственнаго центра во Франціи, вотъ первый капитальный вопросъ, съ которымъ приходится считаться ея исторіи во вторую половину Среднихъ вѣковъ. Въ X вѣкѣ образуется то правительство Капетинговъ, которое руководило судьбами Франціи въ своихъ различныхъ линіяхъ до великой революціи 1789 г. Образовалось это правительство не случайно, а вслѣдствіе извѣстныхъ очень важныхъ общеисторическихъ причинъ. И та область, которая была избрана правительствомъ Капетинговъ для своего центра, точно также не случайно образовалась. Почему Парижъ и его ближайшія окрестности, почему княжество Иль-де-Франсъ стало территоріальнымъ центромъ французскаго государства? почему къ этой части мало по малу одна за другой притянулись всѣ французскія области? По видимому, Иль-де-Франсъ не годенъ для этой цѣли, онъ находится не въ географическомъ центрѣ, онъ отклоняется къ сѣверо-западу. Но были извѣстныя историческія условія, которыя, именно, эту область выдвинули, именно, эту область сдѣлали центромъ французской жизни.

Чтобы оцѣнить значеніе этихъ историческихъ условій, надо посмотрѣть, какъ въ предшествующей исторіи складывался правительственный центръ Франціи, гдѣ онъ опредѣлялся, и когда стало выясняться центральное значеніе Парижа и его окрестностей.

Въ Кельтическое время Парижъ являлся главнымъ городомъ не

важнаго племени Паризіевъ. Lutetia Parisiorum никакого центральнаго определяющаго значения для Кельтическихъ племенъ не имела.

Въ Римское время точно также Парижъ долгое время оставался совершенно второстепеннымъ городомъ. То обстоятельство, которое определяло направление Французской истории въ это время, — романизація Галліи. Центры правительственные и культурные образуются въ техъ частяхъ Галліи, которыя находятся въ непосредственномъ взаимодействіи съ Италіей, историческій фронтъ, такъ сказать, этой совокупности Кельтическихъ племенъ въ Римское время обращенъ къ Италіи. Сначала центромъ поэтому является Нарбонна, центръ первой Римской провинціи на Кельтической почве. Затемъ центромъ является Ліонъ (Lugdunum), долго сохранявшій это значение правительственнаго центра Галліи. Къ нему сходятся три системы делений, на которыя распадается Римская Галлія: съ одной стороны центральныя Ліонскія провинціи, съ другой Бельгійскія провинціи северныя и Аквитанскія южныя. Въ Ліонъ собираются съезды пословъ изъ различныхъ частей Галліи, пословъ, которые призваны дать свое заключение относительно управления различными Римскими губерніями, которые сносятся съ императоромъ по вопросамъ внутренняго управленія. Въ Ліонъ стоитъ наконецъ и религіозный центръ Римскаго господства: храмъ Рима.

Это значение Ліонъ теряетъ въ тотъ моментъ, когда вместо романизации главной исторической задачей Галліи является защита отъ напльіва нападеній варваровъ. Центръ тяжести исторической жизни вместе съ измененіемъ задачи также изменяется. Ліонъ является тутъ уже неудобнымъ центромъ, надо придвинуть центръ не къ южнымъ границамъ, а къ севернымъ и восточнымъ. И Діоклетіано-Константиновская имперія, главную задачу которой составляла защита культурнаго міра отъ варваровъ, образуя префектуру Галліи и поручая ее одному изъ кезарей, намечаетъ новый правительственный центръ: сначала Трира, затемъ Кельнъ, т.е. центръ является уже перенесеннымъ въ Рейнскія области сообразно съ главными историческими задачами, въ защиту отъ набеговъ Германцевъ.

Но завоеваніе совершено Германцами, они утвердились въ Галліи,

и отношенія тотчасъ-же измѣняются. Является перенос центра тяжести туда, гдѣ утвердилось главное, самое могущественное, самое преобладающее изъ Германскихъ племенъ, племя Салическихъ Франковъ. Область, занятая Салическими Франками, ограничена съ одной стороны Луарой, съ другой Соммой, она является главной областью Галліи, тутъ именно сосредоточиваются центральные правительственные пункты. Въ это-то время впервые и выставляется значеніе Парижа, онъ уже перестаетъ быть провинціальнымъ городомъ въ Сансской провинціи, городомъ, который является второстепеннымъ относительно, именно, Санса. Вмѣсто того, чтобы играть второстепенную роль онъ выступаетъ впередъ и становится одной изъ столицъ, но не единственною. Съ Парижемъ во время Меровингской династіи конкуррируютъ еще нѣсколько другихъ городовъ: Парижъ является центромъ торговаго движенія по Сенѣ, Орлеанъ центромъ торговаго движенія по Луарѣ; Суассонъ — тотъ городъ, въ которомъ всего дольше держится Римскій губернаторъ противъ Франковъ, и наконецъ, Реймсъ — духовный, религіозный центръ, въ которомъ находится примасъ Галліи, архіепископъ Реймскій. Вотъ четыре центра, между которыми колеблется политическое значеніе.

Каролингская эпоха съ своимъ отливомъ жизни къ востоку, вызываетъ опять-таки перемѣщеніе центра. Въ Каролингскую эпоху новое племя на востокѣ выступаетъ впередъ и пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе, племя Австразійскихъ Франковъ. Сообразно съ этимъ опять на востокѣ появляются столицы, хотя и не утверждаются вполнѣ: Ахенъ является такой столицей, Вормсъ.

То обстоятельство, которое окончательно опредѣляетъ сѣверо-западъ какъ средину націи Франковъ и государственнаго развитія, — это нападенія Норманновъ. Когда Норманны стали дѣлать свои набѣги съ моря, входить въ рѣки Франціи, подниматься внутрь страны, очень возросло значеніе всѣхъ тѣхъ городовъ, которые, такъ сказать, запирали судоходныя рѣки, находились не слишкомъ близко къ устью и находились въ то-же время на судоходной части рѣки, имѣли торговое значеніе. Возвышаются Орлеанъ и Па- 5
рижъ надъ всѣми остальными городами: Орлеанъ потому, что онъ запиралъ Луару; Парижъ потому, что онъ запиралъ Сену. Ка-

петингская династія и колеблется сначала между этими двумя центрами. Она возвышена, главнымъ образомъ, именно, борьбой съ Норманнами, борьбой, которую она вела успѣшно еще въ IX в., и вела она, именно, въ Орлеанѣ. Но затѣмъ, когда въ X в. Норманны устанавливаются въ Нормандскомъ герцогствѣ и когда центръ тяже-
6) сти ихъ нападеній опредѣляется, именно, на сѣверо-западѣ, Парижъ становится главнымъ городомъ, главнымъ центромъ національнаго сопротивленія. И образующійся здѣсь центръ уже не перемѣщается, потому что, когда набѣги Норманновъ прекратились, и образовалось прочное Нормандское герцогство, явилось все таки непостоянное давленіе съ сѣверозапада. Фронтъ приходится обратить къ сѣверо-западу: является Англійская война и борьба за существованіе французскаго народа противъ Англійскихъ набѣговъ.

Вотъ то условіе, которое представляетъ объясненіе того, что историческій центръ Франціи отклонился на сѣверо-западъ.

Послѣдующая фаза развитія государственной жизни Франціи опредѣляется именно борьбою сначала противъ Норманновъ, затѣмъ противъ Англичанъ.

Капетинги и Валуа

Опредѣливъ ту основную причину, которая заставила выдвинуться Иль-де-Франсъ, остается указать на роль и зарожденіе той династіи, которая сама точно также стала центромъ развитія государства. Капетингскій домъ также возвышается въ связи, именно, съ борьбою противъ Норманновъ.

Робертъ Храбрый, первый изъ основателей династіи, отъ котораго она и называется также Робертинскою, ведетъ успѣшную борьбу съ Норманнами на Луарѣ. Его господства простирается на Турень и на Анжу. Окончательно выступаютъ Робертинцы впередъ и идутъ на борьбу съ Каролингами послѣ осады Парижа въ 885-886 г., когда не король Карлъ Толстый выдержалъ осаду, а отбилъ Норманновъ Робертинецъ Эдъ. Вслѣдствіе этого Эдъ и былъ выбранъ въ 888 г. королемъ, онъ и установилъ кандидатуру Капетинговъ на Французскій престолъ, а разъ выставлена эта кандидатура, она уже не прерывалась. Является сынъ Эда Робертъ

Парижскій (923), который вступилъ въ борьбу съ Карломъ Простоватымъ; Гуго Великій, отецъ Гуго Капета, борется съ Людовикомъ Заморскимъ; опять-таки продолжается тотъ-же разладъ между герцогомъ, составлявшимъ оплотъ Франціи противъ Норманновъ, и Каролингомъ, котораго достаточно обрисовываетъ прозваніе Заморскаго.

Первые Капетинги.

Гуго Капетъ (987–996). Гуго Великій еще не стремится получить королевское достоинство, этотъ шагъ обнаруживается только у его сына Гуго Капета. Интересно обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ возвышается Гуго Капетъ. Эти условія тоже знаменательны, имѣютъ общеисторическое значеніе. Когда пришлось отдавать королевское достоинство Карлу Лотарингскому, Каролингу, связанному всѣми своими отношеніями съ Германіей и восточными областями, въ 987 г. французскіе магнаты, собравшіеся въ Реймсѣ вокругъ Реймскаго архіепископа Адальберона, рѣшили, что въ интересахъ Франціи избрать не этого Каролинга, который стоялъ около Германіи, который слишкомъ связанъ германскими интересами, а что въ интересахъ ихъ избрать лицо, которое представляло бы гарантію для Франціи на сѣверо-западѣ. Такимъ образомъ тутъ уже опредѣляется до извѣстной степени національное раздѣленіе между французскими областями къ западу отъ Рейна и нѣмецкими, которыя тянутъ къ востоку отъ Рейна. Это одно условіе, которое имѣло вліяніе на избраніе Гуго Капета. Каролингскій король является уже какъ бы не національнымъ по своимъ цѣлямъ, по своимъ связямъ съ территоріей зарейнской. Съ другой стороны было и феодальное основаніе для избранія Гуго Капета. Каролингскіе государи пріобрѣли слишкомъ значительную власть вслѣдствіе того, что они слѣдовали другъ за другомъ по праву наслѣдства, по праву традиціи. И въ обсужденіи феодаловъ, собравшихся въ Реймсѣ, проводилась такая мысль: надо взять одного изъ насъ самихъ для того, чтобы этотъ избранный дѣйствительно оставался первымъ между равными. Вотъ это соображеніе феодаловъ, которое выступало при самомъ зарожденіи Капетингской династіи. Съ одной стороны такимъ образомъ она удовлетворяла національнымъ потребностямъ,

съ другой стороны она являлась результатомъ полной феодализаціи Франціи къ этому времени, являлась избраніемъ короля во главѣ той конфедераціи государей, которая составляла Францію.

Территоріальная основа, на которой приходилось дѣйствовать этому Капетингскому новому королю, территоріальная основа являлась чрезвычайно ничтожною. Онъ владѣлъ княжествомъ Иль-де-Франсъ (Ile de France), которое приблизительно занимало тогда пять теперешнихъ департаментовъ, и въ этомъ княжествѣ онъ опять-таки долженъ былъ считаться съ мелкими владѣльцами-баронами, вродѣ, напримѣръ, сира де-Куси, который съ своимъ замкомъ Монлери чрезвычайно стѣснялъ проявленіе правъ короля, который въ то-же время былъ княземъ. Но даже если считать весь Иль-де-Франсъ принадлежащимъ Капетингамъ безраздѣльно, то и въ такомъ случаѣ окажется, что другія области совершенно перевѣшивали. Рядомъ съ Иль-де-Франсомъ въ 5 теперешнихъ департаментовъ лежала Фландрія въ 4 департамента, Нормандія и Бретань, изъ которыхъ каждая занимала по 5 департаментовъ, Шампань — 6 современныхъ департаментовъ, Аквитанія съ своими различными княжествами въ 33 департамента; затѣмъ въ восточной Франціи въ графствахъ Бургундіи, Лотарингіи, Арелатѣ 21 департаментъ. Однимъ словомъ, территоріальная основа для примѣненія власти Французскаго короля въ его Ильдефранскомъ княжествѣ являлась еще крайне незначительной и на этой территоріальной основѣ приходилось мало по малу выстраивать зданіе французскаго государства.

Крайне важнымъ обстоятельствомъ, помогавшимъ Капетингамъ съ самаго начала, было то, что герцогство Бургундское перешло въ боковую линію Капетинговъ очень рано, еще при Робертѣ, братѣ Генриха I. Но все-таки и при этихъ условіяхъ королевское достоинство какъ то плохо мирится съ чрезвычайно узкой княжеской основой.

Интересно посмотрѣть, какъ современники понимали эту новую королевскую власть. Съ одной стороны она являлась съ чисто феодальной чертой; король былъ сюзеренъ, старшій изъ французскихъ перовъ, изъ 12 главныхъ князей Франціи; но кромѣ того продолжаютъ держаться нѣкоторыя традиціи стараго Каролингскаго порядка.

И вотъ, какъ говоритъ о королевской власти одинъ духовный писа-

тель Каролингскаго времени (Аббонъ de Fleur): королевская справедливость состоитъ въ томъ, чтобы не употреблять противъ кого силы несправедливо, судить, не обращая вниманія на достоинство обвиняемыхъ, защищать чужестранцевъ, несовершеннолѣтнихъ и вдовъ, предотвращать кражи и наказывать прелюбодѣянія, не возвышать злыхъ, изгонять нечестивыхъ... Обязанность короля во всякомъ случаѣ при исполненіи его государственныхъ дѣлъ познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ дѣлами всего королевства, чтобы не оставить въ немъ никакого нечестія». — Вы видите, какъ перепутаны тутъ новыя обязанности съ старой точкой зрѣнія Каролинговъ, что государственная власть существуетъ не только для поддержанія порядка и для внѣшней защиты, для судебнаго разбора, но что она существуетъ и для проведенія нравственныхъ принциповъ: предотвращать кражи, наказывать прелюбодѣянія, изгонять нечестивыхъ, затѣмъ являются общія юридическія представленія: король долженъ поддерживать порядокъ и справедливость. Но въ то же самое время у того же самаго Аббона де Флери сразу является существенная обязанность: король долженъ знакомиться съ дѣлами всего королевства, и въ какой же формѣ это можетъ быть? Онъ долженъ знакомиться съ дѣлами чрезъ тѣхъ лицъ, которыя окружаютъ короля и стѣсняютъ проявленіе его власти. И дѣйствительно, положеніе Капетинговъ можно сравнить съ положеніемъ человѣка, который стоитъ на верху высокой лѣстницы, который собственно стоитъ надъ ближайшими къ нему, а всѣ остальныя группы, расположенныя по остальнымъ ступенямъ, отъ него отрѣзаны. Точно также Капетингскій король никакого непосредственнаго отношенія къ своимъ подданнымъ не имѣетъ, онъ только первый между равными, его власть расположена надъ цѣлымъ рядомъ людей, изъ которыхъ каждый считаетъ себя сюзереномъ: chacun baron est souverain dans sa baronie на языкѣ XII в., которое имѣетъ еще большее значеніе въ XI в., когда начинаетъ развиваться власть. Тѣмъ не менѣе притязанія Капетинговъ начинаютъ сказываться еще при первыхъ короляхъ изъ нихъ. Гуго Капетъ дѣлалъ попытку вмѣшаться въ южныя дѣла, когда нѣкто Адальбертъ Перигорскій возмутился противъ своего сеньора, образовалъ самъ княжество и, когда его допрашивалъ Гуго Капетъ: qui t'a fait comte? онъ

ему отвѣтилъ: qui t'a fait roi? (кто сдѣлалъ тебя королемъ).

Робертъ I (996-1031). Разница между королемъ и сеньоромъ была только количественная, но никакъ не качественная. Немудрено, что положеніе короля было довольно жалко, надъ нимъ смѣялись и онъ въ сущности никакъ не могъ отвѣчать на это. Капетинга Роберта II всѣ восхваляли за его необыкновенную религіозность, за то, что онъ пѣлъ на клиросѣ, за то, что онъ не сердится, когда его обманываютъ, обкрадываютъ, но какъ государь онъ не внушалъ къ себѣ никакого почтенія, даже самые близкіе сосѣди его не боялись. Во время Роберта образовалось могущественное княжество, которое чуть-чуть не захватило Иль-де-Франсъ; это княжество Блуасское и Шартръ-Шампаньское. Блуасское и Шартрское лежало на юго-западъ, а Шампаньское на востокъ отъ Иль-де-Франса. Что Шартръ-Шампаньское княжество не пріобрѣло еще большаго рѣшающаго вліянія на Иль-де-Франсъ, это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что противъ него выступилъ не Иль-де-Франсъ, а тѣмъ, что противъ него постоянно агитировало и боролось Нормандское герцогство. Изъ раздора двухъ своихъ близжайшихъ сосѣдей Капетингскій король могъ устроить себѣ, такъ сказать, безопасное положеніе.

Генрихъ I (1031-1060). Царствованіе Генриха I замѣчательно упорной борьбой съ Нормандскими герцогами, противъ которыхъ ему удается удержаться при помощи Шампаньскихъ графовъ.

Филиппъ I (1060-1108). При Филиппѣ I, т. е. при четвертомъ королѣ, главнымъ образомъ приходится отмѣтить одно важное обстоятельство, въ которомъ онъ не принималъ участія, это, именно и оказалось чрезвычайно выгоднымъ для короля. При Филиппѣ I совершился крестовый походъ. Крестовый походъ вывелъ изъ Иль-де-Франса и изъ Франціи массу безпокойныхъ элементовъ и этимъ далъ возможность свободно развиться королевской власти: массу людей, жаждущихъ завоеваній и самостоятельности, привлекло Іерусалимское королевство, а благодаря этому оставшіеся феодалы ослабѣли. Въ этомъ отношеніи ту же самую, если не большую роль сыграла экспедиція Норманновъ противъ Англіи, въ которой участвовали со всѣхъ сторонъ: и жители Пуату, и жители Аквитаніи, и жители самого Иль-де-Франса. Важно то обстоятельство, что масса безпокойныхъ рыцарей стекла на западъ и востокъ: въ Англію и въ

Іерусалимское королевство. Это играло громадную роль при развитіи королевской власти. Людовикъ VI, первый изъ могущественныхъ королей, могъ расправляться съ своими вассалами главнымъ образомъ благодаря тому, что оставшіеся были слишкомъ ослаблены вслѣдствіе этихъ двухъ крестовыхъ походовъ. Походъ въ Англію, былъ въ сущности тоже крестовый походъ. Независимо отъ цѣлаго ряда мелкихъ столкновеній всѣ эти четыре короля: Гуго Капетъ, Робертъ I, Генрихъ I, Филиппъ I проводятъ въ жизнь одно важное государственное положеніе, которое и является первымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ Капетинговъ. Вы видѣли, что назначеніе Гуго Капета на тронъ Франціи существенно состоялось подъ вліяніемъ воззрѣнія, что надо уничтожить наслѣдственность избранъ королемъ Гуго Капета совершенно подъ вліяніемъ феодализма. Но этотъ принципъ наслѣдственности вводится снова при четырехъ первыхъ Капетингахъ. Дѣлается это такимъ образомъ: еще при своей жизни царствующій король назначаетъ себѣ наслѣдника и коронуетъ его; вассалы не сразу уступаютъ, они мирятся съ этимъ только за извѣстныя выгоды. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ наслѣдственность устанавливается.

Людовикъ VI (1108–1137).

Въ 1108 г. вступилъ на престолъ первый изъ Капетингскихъ королей, которому удалось значительно способствовать утвержденію и развитію королевской власти, Людовикъ VI. Задачу его составляло главнымъ образомъ утвержденіе королевской власти въ предѣлахъ княжества Иль де Франсъ. Только послѣ расправы съ тѣми мелкими сопротивленіями, которыя оказывали бароны княжества, можно было думать о распространеніи сферы дѣйствій, о подчиненіи самостоятельныхъ и непокорныхъ элементовъ за предѣлами княжества; устроившись въ полной силѣ у себя дома, можно было уже выйти за предѣлы княжества.

Надо прибавить, что всетаки при Людовикѣ VI уже обозначаются начатки и общенаціональной политики. Онъ ведетъ постоянную борьбу съ Генрихомъ I Англійскимъ, не всегда удачную въ открытомъ полѣ, но которая имѣла всетаки извѣстный оборонительный успѣхъ. Генрихъ I не смотря на свою силу въ Англіи, не смотря на свои личныя способности, не въ состояніи былъ отнять никакой значительной области у Иль де Франскаго князя, Французскаго короля. Затѣмъ точно

также даетъ отпоръ Людовикъ VI императору Германскому, Генриху V, и въ данномъ случаѣ опирается на національное движеніе въ обширномъ смыслѣ этого слова. Ему на помощь являются крестьяне со всѣхъ концовъ Франціи подъ предводительствомъ духовенства, подъ предводительствомъ приходскихъ священниковъ, communitates parrochianum, приходскія общины.

Тѣ-же самыя приходскія общины дѣйствовали вмѣстѣ съ королемъ при осадѣ замка одного изъ его мелкихъ враговъ Гюго де-Пюизе. И вообще въ этой организаціи духовенствомъ крестьянства приходится видѣть одну изъ тѣхъ силъ, которымъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ Людовикъ VI. Воздвигающаяся мало по малу королевская власть, именно, была тому обязана своимъ возвышеніемъ, что она вступала въ союзъ болѣе или менѣе постоянно съ тремя элементами: во-первыхъ, она по возможности содѣйствовала подъему благосостоянія и введенію порядка въ крестьянской массѣ, которая ей за это сильно симпатизировала. Внѣшнимъ проявленіемъ этого союза съ королемъ служила постоянная дружба между Людовикомъ VI и Сен-Денисскимъ аббатомъ Сугеріемъ, который былъ сынъ простаго крестьянина Гелинада и никогда не забывалъ, что онъ происходитъ изъ этого сословія.

Та же самая дружба съ Сугеріемъ рисуетъ и другой важный элементъ силы Людовика, именно, его соединеніе съ духовенствомъ. Духовенство, повидимому, и въ предѣлахъ Иль де Франса и за его предѣлами поддерживало короля, потому что оно болѣе всего терпѣло отъ своеволія феодальныхъ бароновъ и болѣе всего желало возвратить государственной власти ея права, чтобы она взяла духовенство подъ свою постоянную опеку. Подъ предводительствомъ Сен-Денисскаго аббата духовенство приняло во Франціи характеръ нѣсколько свѣтскій, очень важный въ политическомъ отношеніи, приняло направленіе, которое никакъ нельзя назвать аскетическимъ. Главная цѣль Сугерія и людей, подобныхъ Сугерію, заключалась въ томъ, чтобы усилить хозяйственное и политическое значеніе Церкви, обезпечить себя со стороны захватовъ свѣтскихъ лицъ сосѣдей. Сравнительно съ этими цѣлями гражданской свободы, такъ сказать, цѣли чисто духовныя отступаютъ на второй планъ, и главный представитель аскетическаго направленія въ XII в. во Франціи Бернаръ Клервосскій очень отрицательно отнесся къ этому направленію: это направленіе Мароы, а не Маріи, людей, которые увле-

нуждаются въ настоящемъ поколѣніи и не заботятся о благочестіи, о будущей жизни. Это направленіе было ему ненавистно, ученику, въ духѣ Сугерія. „Монастырь Сугерія," говорилъ онъ: „былъ полонъ рыцарей и открывалъ ворота даже женщинамъ. Въ немъ обсуждались дѣла всякаго рода, иногда происходили ссоры. Безъ замедленія воздавали тамъ Кесарево Кесаревй, но нельзя сказать, чтобы отдавали Божіе Богу." Но это свѣтское направленіе французскаго духовенства, если оно было ненормально съ точки зрѣнія чисто религіозной, за то оно принесло громадную пользу созданію французскаго государственнаго строя. Король располагалъ сильнымъ военнымъ ополченіемъ монастырей и епископовъ въ такой-же степени, въ какой собственными своими силами; между духовнымъ властителемъ, къ нему ближайшимъ, и имъ установилась своего рода круговая порука.

Затѣмъ еще есть одинъ элементъ, на который также опирался Людовикъ. Это зарожденіе городской свободы XII в. во Франціи, отмѣченное развитіемъ коммунальныхъ учрежденій въ городахъ, начало своего рода революціи городскихъ классовъ противъ феодальныхъ династовъ, которая разыгрывалась въ различныхъ мѣстностяхъ и въ различныхъ формахъ, но вездѣ въ концѣ концовъ ведетъ къ ослабленію феодализма, и именно, ради ея противодѣйствія феодализму ею дорожитъ Людовикъ VI. Принципіальнаго благоволенія къ массѣ горожанъ онъ, конечно, не имѣетъ и, когда ему выгодно, онъ можетъ и выступить противъ коммуны: онъ выступаетъ противъ Ланской коммуны, которая устроилась на землѣ духовнаго сеньора, ему дружелюбнаго; но онъ защищаетъ Амьенскую, которая устроилась на землѣ свѣтскаго сеньора, ему враждебнаго. И вотъ, именно, вслѣдствіе того, что коммуны большею частію устроивались на земляхъ феодаловъ, людей, рѣзко проявлявшихъ феодальное своеволіе, именно, поэтому устанавливается почти всегда или въ большинствѣ случаевъ союзъ между коммуналами и королемъ. Они, такъ сказать, съ двухъ сторонъ нападаютъ на феодаловъ: король сверху, коммунальное городское движеніе снизу.

Вотъ эти три элемента очень замѣтны въ біографіи Людовика VI, цѣль того, чтобы дать вамъ понятіе о, такъ сказать, ежедневномъ теченіи жизни въ то время и о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться зарождающейся королевской власти, о тѣхъ задачахъ, которыя ей приходилось рѣшать. Я васъ познакомлю съ

біографіей Людовика VI, которая написана Сугеріемъ и которая представляетъ очень любопытную культурную и политическую характеристику эпохи. Нечего и говорить, что фактовъ тутъ много мелкихъ, но эти мелкіе факты часто очень характерны для строя тогдашней жизни.

Сугерій начинаетъ свою біографію очень поучительно. Уже во второй главѣ онъ указываетъ на то, что Людовикъ наметилъ другую основу и другую цѣль для своей дѣятельности, нежели прежніе короли. „Едва онъ достигъ отрочества, говоритъ біографъ, какъ уже сдѣлался защитникомъ королевства, сталъ заботиться о нуждахъ церкви и, — чѣмъ давно пренебрегали, — сталъ ограждать спокойствіе земледѣльцевъ, рабочихъ, бѣдныхъ". Такимъ образомъ въ самомъ началѣ почти намѣчается соціальная роль короля.

Силы его въ началѣ царствованія очень незначительны. Однимъ изъ первыхъ проявленій его симпатіи, его союза съ Церковью было вмѣшательство въ долгую борьбу между аббатомъ Сен-Дени Адамомъ и Иль-де-Франсскимъ барономъ Бушаромъ де Монморанси. Бушаръ постоянно преслѣдовалъ людей аббатства и постоянно выходилъ на нихъ со стороны своихъ земель, держалъ ихъ, такъ сказать, въ садѣ. Аббатъ нѣсколько разъ воевалъ съ нимъ, нѣсколько разъ на него жаловался. Король вступался въ распрю и вызывалъ Бушара къ себѣ на судъ. Въ данномъ случаѣ онъ руководился совершенно опредѣленнымъ положеніемъ феодальнаго права, по которому каждый изъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстному кружку перовъ, былъ подсуденъ суду сюзерена. Бушаръ однако не явился, и какъ говоритъ Сугерій, ничего нельзя было съ нимъ сдѣлать и нельзя было задержать, потому что „этого не допускалъ обычай Франковъ". Одна попытка Людовика была такимъ образомъ неудачна, хотя здѣсь онъ имѣлъ за собою несомнѣнное феодальное право.

Точно также неудачно было его вмѣшательство въ другое феодальное дѣло. Другой Иль-де-Франсскій баронъ Матье-де-Бомонъ вмѣсто того, чтобы владѣть половиной замка Люзарпъ, которая ему принадлежала, захватилъ и другую половину, принадлежавшую его сонаслѣдникамъ. Сонаслѣдники вызвали его на судъ сюзерена, Людовика VI. Онъ не явился, и Людовикъ ничего не могъ съ нимъ сдѣлать прямо, а принужденъ былъ начать противъ него своего рода дипломати-

ческіе походы. Вотъ, въ какомъ положеніи были дѣла въ началѣ царствованія Людовика VI, до какой степени трудно было одолѣть сопротивленіе даже мелкихъ бароновъ, и даже опираясь на несомнѣнное феодальное право.

Первое дѣло, которое удалось Людовику VI, составило ему большую репутацію, — это было заступничество опять-таки за Церковь, за Реймскую Церковь противъ Эблеса де-Русси. Реймская церковь подвергалась постоянно сильнымъ разграбленіямъ со стороны Эблеса де-Русси, чрезвычайно храбраго и чрезвычайно безпокойнаго маленькаго сеньора, который, къ сожалѣнію, остался во Франціи, а не ушелъ ни въ Англію, ни въ крестовый походъ. Онъ до такой степени былъ одержимъ страстью къ войнѣ, что разъ отправился даже въ Испанію, чтобы воевать тамъ противъ Мавровъ, но вернулся оттуда и обратилъ свою энергію на опустошеніе Реймскаго архіепископства. Но въ данномъ случаѣ союзъ короля съ архіепископомъ привелъ къ нѣкоторымъ политическимъ результатамъ: Земли де-Русси были обставлены со всѣхъ сторонъ и, какъ говоритъ біографъ, ихъ опустошали неизмѣнно во всѣ дни за исключеніемъ Воскресенья и Субботы. Такой-же хорошій результатъ имѣло заступничество Людовика за епископа Орлеанскаго противъ барона Леона де-Meung.

Мало по малу такимъ образомъ устанавливается взглядъ, что Людовикъ серьезно принимаетъ свое названіе миротворца, а не то имени только будетъ источникомъ всякаго права.

Вступается онъ не только за Церковь. Баронъ Гюгъ де-Помпоннъ отбилъ у купцовъ лошадей на большой дорогѣ. Это было нарушеніе верховенства короля, потому что большія дороги считались собственностью короля. Людовикъ осадилъ замокъ Помпонна и взялъ его. Наконецъ онъ раздѣлался съ главнымъ своимъ врагомъ и въ то-же время съ самымъ главнымъ врагомъ Сенъ-Денисскаго аббатства, Гюгомъ де-Пюизе, который совершалъ всякаго рода насилія относительно церкви и мелкаго люда, старался даже нападать на подчиненныхъ себѣ феодаловъ, напалъ на молодого графа Шартрскаго. Король соединилъ тутъ свои силы съ силами Сенъ-Денисскаго аббатства, но кромѣ того къ нимъ на помощь явились и крестьяне со священниками изъ всѣхъ окрестныхъ приходовъ.

Благодаря всему этому бароны наконецъ смиряются, установли-

вается наконецъ порядокъ въ княжествѣ, и послѣ этого уже начинается второй періодъ дѣятельности Людовика VI, во время которого онъ не ограничивается скромными экспедиціями противъ мелкихъ сеньоровъ, а идетъ дальше, выступаетъ за предѣлы княжества. Возникаетъ, напримѣръ, дѣло въ Бургундіи между Бургундскимъ городомъ и однимъ изъ его сеньоровъ Аутон де Вонрбон. Король вмѣшивается, настаиваетъ на своемъ и уводитъ Эмона во Францію, на среднюю, т. е. Иль-де-Франсъ. При этомъ случаѣ Сугерій замѣчаетъ: „это показываетъ, что у королей длинныя руки." Точно также онъ удачно вмѣшался въ другое дѣло: Клермонскаго епископа изгнали въ Овернь, Людовикъ возвратилъ ему власть.

Мало того онъ вмѣшивается въ Фландрскія дѣла, судитъ убійцу Норманскаго графа и ставитъ Вильгельма Норманскаго графомъ.

Вотъ главныя экспедиціи, главныя дѣла, которыя совершилъ Людовикъ во время своего царствованія, за періодъ 1108–1137 г. Ничего, конечно, новаго, крупнаго въ этихъ экспедиціяхъ нѣтъ, но въ сущности тутъ были достигнуты двѣ цѣли: во-первыхъ, Людовикъ несомнѣнно справился со всѣми тѣми затрудненіями, которыя окружали его въ его собственномъ княжествѣ; во-вторыхъ несомнѣнно, что онъ провелъ мало по малу фактическое вліяніе короля за предѣлы княжества. Поэтому репутація Людовика VI во Франціи гораздо значительнѣе, нежели можно было-бы ожидать, точно также и репутація королевской власти создалась настолько прочна, что даже Людовикъ VII не могъ уронить ее, не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ числу людей легкомысленныхъ, слабыхъ.

Людовикъ VII (1137–1180). Главныя двѣ ошибки Людовика VII заключались въ томъ, во-первыхъ, что онъ самъ участвовалъ во второмъ крестовомъ походѣ и оставилъ такимъ образомъ Францію безъ руководителя, а во-вторыхъ, что онъ развелся съ непріятною ему женою Элеонорой Аквитанской. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ руководствовался своими личными убѣжденіями, и эти личныя убѣжденія въ сущности подрывали его королевское дѣло. Сугерій его опекунъ, прежде слуга отца, очень старался отклонить его отъ участія въ крестовомъ походѣ; указывалъ ему на то, до какой степени постараются воспользоваться его отсутствіемъ всѣ его враги, но король отвѣтилъ ему, что Сугерій самъ больше въ данномъ случаѣ

принесетъ пользы какъ регентъ, нежели онъ могъ бы, какъ король.

Регентство Сугерия, действительно, избавило Францию отъ многихъ неудобствъ, которыя навлекло-бы легкомыслие короля. Изъ разсказа биографа Сугерия известно, что его правление было чрезвычайно энергично и, именно, въ интересахъ королевской власти: „жадные грабители вообразили, что въ отсутствие государя имъ легко будетъ разбойничать — одни стали открыто отнимать имущество у церкви и бедныхъ, другие прибегли къ более тайнымъ способамъ, но новый вождь тотчасъ вооружился обоими мечами — светскимъ короля и духовнымъ мечемъ церкви. Со всехъ концовъ Франции стеклись люди просить его помощи."

Итакъ первая ошибка Людовика VII, его отсутствие изъ Франции во время крестоваго похода, не привела къ особенно дурнымъ последствиямъ, потому что его место занялъ человекъ чрезвычайно энергичный. Но вторая ошибка, разводъ съ Элеонорой Аквитанской въ 1152 г., имела чрезвычайно дурныя последствия. Старая Элеонора вышла замужъ за Английскаго короля Генриха II, и это положило начало страшной силе Англичанъ на западе Франции. Кроме Анжу, владения Плантагенетовъ, вместе съ Элеонорой къ Англии отошли Гиень и Гасконь; Английский король утвердился такимъ образомъ въ Французскихъ областяхъ и сталъ даже сильнее, какъ князь, нежели Французский король. Это было первое открытое столкновение территориальныхъ интересовъ между Французской и Английской короной на Французской почве.

Во всякомъ случае царствование Людовика VII, хотя оно представляетъ много совершенно непохожаго на предшествовавшее царствование, не въ состоянии было остановить общаго течения развития и главнымъ образомъ потому не могло остановить, что если король не совсемъ точно понималъ дело, то две силы, подкапывавшия феодализмъ не переставали действовать: развитие городской системы, городской самостоятельности идетъ не менее сильно во время Людовика VII, нежели въ эпоху Людовика VI. Вообще история Филиппа Августа и дальнейшихъ успеховъ королевской власти понятна, если обратить внимание на эту связь между государственнымъ развитиемъ и социальнымъ. Въ виду этой тесной связи между этими двумя рядами явлений возвысилась королевская власть во Франции и городская свобода.

Городское движеніе во Франціи.

Я теперь и отклонюсь нѣсколько въ сторону, оставивъ вопросъ о развитіи королевской власти, и остановлюсь на вопросѣ, съ нимъ перепутанномъ, вопросѣ объ условіяхъ, при которыхъ происходилъ муниципальный строй и городская свобода во Франціи. Развитіе муниципальнаго строя и городской свободы во Франціи представляетъ очень сильное развитіе двухъ типовъ: типа, такъ сказать, южнаго — романскаго и сѣвернаго — германскаго, и именно, поэтому процессъ образованія самостоятельности городовъ во Франціи особенно интересенъ. На немъ можно до извѣстной степени оцѣнить и тѣ условія, которыя дѣйствовали въ Италіи при образованіи независимости Итальянскихъ городовъ, и тѣ условія, которыя дѣйствовали въ Германіи при образованіи вольности городовъ Германіи.

Прежде всего я считаю долгомъ всетаки оговориться относительно разныхъ личныхъ мнѣній по этому вопросу. Это одинъ изъ самыхъ спорныхъ, изъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ Средневѣковой исторіи, и вопросъ, который часто, по своей связи съ развитіемъ демократіи, ея подготовкой, особенно интересовалъ ученыхъ. Ученые высказывали свои мнѣнія въ самыхъ различныхъ направленіяхъ.

Прежде всего выставила свой взглядъ на развитіе городской свободы та школа, которую я въ общей характеристикѣ исторіографіи назвалъ школой Романистовъ. Романисты — тѣ ученые, которые старались показать въ развитіи средневѣковой и новой исторіи сильное, преобладающее вліяніе Римскаго элемента. Романисты особенно старались доказать свое общее положеніе на примѣрѣ городскаго строя. Прежде всего они сравнивали два явленія, которыя, по ихъ мнѣнію, были поразительно похожи. Брали Итальянскій, Французскій, Нѣмецкій городъ XII и XIII в.в. съ его городскимъ сенатомъ, съ его мэромъ или консуломъ, т.е. выборнымъ главою исполнительной власти, и сравнивали этотъ порядокъ съ порядкомъ управленія Римскаго муниципія съ его куріей, имѣвшей аристократическій характеръ, съ его duoviri и quattuorviri, т.е. избранными исполнительными магистратами. Однимъ словомъ, они указывали на чрезвычайное сходство этихъ двухъ формъ и ставили вопросъ, не произошла ли вторая форма, болѣе поздняя, изъ первой, какъ разв

вслѣдствіе традиціи. Вопросъ этотъ разрѣшался Романистами въ положительномъ смыслѣ. Они указывали на то, что первые свободные города возникли большею частію на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовали значительныя городскія общины въ Римской имперіи; указывали на то, что феодалы Германіи преимущественно захватывали области, такъ сказать, сельскія; что города своими стѣнами, своимъ промышленнымъ развитіемъ представляли возможность сопротивляться нападеніямъ феодаловъ, выдѣлялись, такъ сказать, островами изъ общей территоріи, что поэтому въ городахъ легко могла сохраниться римская традиція. Вотъ взглядъ Романистовъ.

Въ совершенной противоположности съ этимъ взглядомъ выставляется взглядъ ученыхъ Германистической школы. Эти ученые выводятъ свободу гражданскаго и политическаго средневѣковаго строя не изъ римскаго муниципалитета, а изъ Тацитовской Германіи. Тацитовская Германія съ своимъ вѣчемъ, съ своимъ преобладаніемъ свободнаго элемента, передъ которымъ склонялись даже короли и князья, по мнѣнію Германистовъ, представляла всѣ данныя для развитія, именно, свободы демократической и свободы городской. Города были носителями этихъ остатковъ старыхъ свободныхъ Германскихъ элементовъ, которые были задавлены въ селахъ сеньорами, но которые удержались за городскими стѣнами. 2)

Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями является тотъ-же взглядъ и въ школѣ Маурера. Тамъ только традиція городскихъ учрежденій возводится къ общей организаціи марки.

Вотъ двѣ школы, которыя объясняютъ развитіе городской системы преимущественно изъ традиціонныхъ элементовъ, остатковъ городской свободы, возродившейся въ XI и XII в. или изъ Римскаго муниципальнаго строя или изъ Германскаго свободнаго строя съ его вѣчемъ. Въ противоположность этимъ школамъ является еще третья, которая весь центръ тяжести своего разъясненія располагаетъ вокругъ одного наблюденія, именно наблюденія, что городская свобода XII и XIII в. начинаетъ развиваться никакъ не вслѣдствіе традиціи отжившихъ учрежденій, а напротивъ развивается въ противоположности съ предшествующимъ строемъ. Городская свобода съ этой точки зрѣнія является не возродившимся старымъ элементомъ, а совершенно новымъ порядкомъ. 3)

Самый этотъ новый порядокъ можно понимать однако различно. Нѣкоторые писатели, особенно Тьерри во Франціи, представляютъ себѣ, что возникновеніе городской свободы было настоящимъ началомъ революціи: коммуны возникли вслѣдствіе борьбы, вслѣдствіе революціи противъ феодальнаго строя, коммуны являются поэтому крайней реакціей противъ давленія феодализма. Такъ какъ всѣ признаки гражданской свободы были уничтожены феодализмомъ, то вслѣдствіе этого, такъ сказать, излишка феодализма произошла реакція противъ него, и эта реакція противъ феодализма есть прежде всего коммунальное движеніе.

4) Совершенно иначе смотритъ на дѣло Ничъ, нѣмецкій ученый, который главнымъ образомъ развиваетъ четвертую теорію, теорію соглашенія. Онъ указываетъ на то, что городская свобода и городское самоуправленіе возникаетъ далеко не исключительно въ формѣ коммуны, имѣетъ въ виду совсѣмъ не создать только средневѣковую республику и не достигнуть полной самостоятельности; сплошь и рядомъ права пріобрѣтаются городской общиной съ согласія сеньора, устанавливается извѣстный договоръ, извѣстное соглашеніе между сеньоромъ и населеніемъ извѣстнаго города. Какіе могутъ быть мотивы такого соглашенія? – Для сеньора было выгодно, чтобы, напримѣръ, на его землѣ образовался торговый центръ, чтобы къ его землѣ стекались товары съ разныхъ сторонъ. Но для этого необходимо было, чтобы онъ обезпечилъ рынокъ извѣстной мѣстности отъ захватовъ, отъ произвола, чтобы установился извѣстный прочный порядокъ, чтобы не было крупныхъ взысканій съ купцовъ. Этотъ порядокъ и устанавливается въ формѣ города, и въ защиту этого порядка дается городу извѣстное число должностныхъ лицъ, которыхъ городъ самъ избираетъ.

Такимъ образомъ экономическія выгоды, желаніе поднять хозяйственное благосостояніе принадлежащей земли толкаетъ сеньора на соглашеніе, съ другой стороны желаніе самостоятельности, извѣстной обезпеченности толкаетъ купцовъ и горожанъ на соглашеніе.

Рядомъ съ этимъ наблюденіемъ играетъ большую роль въ теоріи Нича еще другое. Онъ указываетъ, какъ сильна связь между приказчичьимъ судомъ, приказчичьимъ совѣтомъ и управленіемъ съ одной стороны, городскимъ управленіемъ и городскимъ совѣтомъ съ дру-

гой. Въ порядкахъ нѣкоторыхъ городовъ нельзя даже отмѣтить момента, когда совѣтъ сеньоріальнаго приказчика становится самостоятельной думой города. Тутъ опять является такимъ образомъ вліяніе сеньоріальной власти, вліяніе, не задерживающее, а, такъ сказать, развивающее. Сущность взгляда Нича и сводится къ тому, что городской правительственный штатъ развился изъ двороваго права - Hofrecht.

Вотъ тѣ четыре совершенно различныхъ взгляда, которые разсматривали съ средневѣковой исторіи исторію городовъ. Главнымъ
1) представителемъ взгляда Романистовъ является Савиньи въ своей знаменитой „Исторіи Римскаго права" и французскій ученый Ренуаръ въ „Исторіи муниципальнаго управленія". Затѣмъ въ качествѣ самаго главнаго представителя Германистовъ является
2) по отношенію къ Нѣмецкимъ городамъ Арнольдъ и Гейслеръ, по отношенію къ Итальянскимъ Карлъ Гегель, сынъ знаменитаго философа. Главнымъ представителемъ революціонной шко-
3) лы является Тьерри, и наконецъ, главнымъ представителемъ
4) школы соглашенія можно считать Нича.

История развитія городской свободы на югѣ и сѣверѣ Франціи даетъ совершенно достаточно элементовъ для того, чтобы судить о томъ, кто правъ. Можно было уже замѣтить изъ даннаго обзора очерка школъ, что почти каждая изъ нихъ выставила, подчеркнула какой-нибудь тотъ или другой важный моментъ, но главная ошибка этихъ школъ и заключалась въ томъ, что ученые слишкомъ сильно и односторонне увлекались, именно, однимъ моментомъ, тѣмъ моментомъ, который они удачно и оригинально отмѣтили, и ради этого момента жертвовали всѣмъ остальнымъ. Такъ поступать нельзя при обсужденіи историческаго вопроса. По моему мнѣнію исторія городскихъ учрежденій на сѣверѣ и югѣ Франціи даетъ полную возможность рѣшить этотъ спорный вопросъ.

Городская свобода въ южной Франціи. Прежде всего я обращу ваше вниманіе на главныя условія развитія на югѣ Франціи. Южная часть Франціи, такъ называемая Аквитанія, затѣмъ южная часть Бургундіи была, конечно, подъ особенно сильнымъ вліяніемъ Римскаго элемента. Тутъ самая этнографиче-

ская традиція была особенно замѣтна. Въ Аквитанію проникли изъ варваровъ только Вестъ-Готы, да и тѣхъ туда попало не особенно много. Въ южной Бургундіи процентъ Германскаго элемента былъ значительнѣе, но за то точно такъ-же, какъ и Готы Аквитаніи, Бургундцы очень сильно и скоро романизировались. Во всякомъ случаѣ на югѣ Франціи можно ожидать особенно сильнаго вліянія Римской традиціи: если гдѣ-нибудь, то именно здѣсь можно бы прослѣдить связь между порядками Римскаго муниципалитета и устройствомъ средневѣковыхъ общинъ. Въ этомъ отношеніи южнофранцузское развитіе совершенно подходитъ къ развитію Итальянскому, сѣверной Италіи, такъ что тутъ мы можемъ видѣть, въ какой степени оправдывается предположеніе школы Романистовъ относительно силы Римской традиціи.

Въ одномъ направленіи южнофранцузская исторія даетъ для школы Романистовъ безусловно отрицательный результатъ. Именно, никакъ нельзя прослѣдить традиціи учрежденій отъ устройства муниципій къ устройству городской думы и выборныхъ магистратовъ Среднихъ вѣковъ. Римская курія и Римскіе duoviri и quattuorviri вымираютъ на нашихъ глазахъ. Мы можемъ обозначить время въ VII в., когда прекращается совершенно Римское устройство, когда вступаетъ въ силу управленіе чисто Германское, управленіе графа. Такимъ образомъ уже вслѣдствіе этого перерыва нельзя предположить значительнаго вліянія Римскаго муниципалитета на средневѣковый городъ въ отношеніи его учрежденій. Есть еще другія условія, которыя точно также позволяютъ отнестись критически къ этой части ученія Романистовъ.

Если совершенно отстранить вопросъ о преемственности, о непрерывной связи и ограничиться простой аналогіей, то выяснятся такія крупныя различія между средневѣковыми учрежденіями и учрежденіями римскими, что филіаціи тутъ быть не можетъ. - Въ самомъ дѣлѣ курія древняго города есть прежде всего соединеніе землевладѣльцевъ, которые имѣютъ помѣстья въ окрестностяхъ города, домовладѣльцы являются въ куріи только исключеніемъ; курія является представительницей землевладѣльческаго класса, земскимъ учрежденіемъ. Городской совѣтъ средневѣковаго города является безусловно городскимъ учрежденіемъ. Въ него входятъ земле-

владѣльцы только, если они поселились въ городѣ, если они имѣютъ какія-нибудь городскія занятія. Первая противоположность — существенная разница, стало быть, въ организаціи совѣта, другая противоположность въ организаціи исполнительной власти. Существованіе консуловъ, правящихъ въ средневѣковомъ городѣ, и это названіе консуловъ и было одной изъ причинъ, почему старались прослѣдить филіацію учрежденій: казалось такимъ заманчивымъ сблизить этихъ консуловъ съ римскими. Но ничего общаго въ данномъ случаѣ нѣтъ, ни по числу, потому что никогда не бывало въ городѣ двухъ консуловъ, не бывало даже четырехъ въ соотвѣтствіе quattuorviri, обыкновенно ихъ бывало гораздо больше; ни по происхожденію, потому что консулы являлись представителями не всей общины, а представителями самостоятельныхъ частей сословій или мѣстности, кварталовъ; наконецъ консульская компетенція совершенно другая: консулы прежде всего являлись въ средневѣковыхъ городахъ главнымъ образомъ судьями, т. е. преобладаетъ судебная компетенція, а компетенція исполнительная отступаетъ на задній планъ.

Итакъ остается сдѣлать одинъ выводъ, что традиціи учрежденій прослѣдить нельзя. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что никакого вліянія Римскіе этнографическіе элементы на развитіе южныхъ городовъ не оказали, потому не слѣдуетъ, что кромѣ традиціи учрежденій можетъ быть традиція соціальная, и вотъ въ этомъ отношеніи вліяніе Римскихъ элементовъ совершенно замѣтно.

Одно капитальное условіе, которое играетъ важную роль въ развитіи городскихъ общинъ, это то, что здѣсь сравнительно сильно сохранилась традиція римскаго гражданскаго права съ его одинаковымъ положеніемъ аристократическихъ и демократическихъ элементовъ передъ закономъ. Нѣтъ рѣзкой разницы въ этомъ правѣ между элементами знатныхъ людей и между положеніемъ людей не знатныхъ. Право императоровъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ уравнительно, и это уравнительное Римское вліяніе сказывается въ томъ, что населеніе южнофранцузскихъ городовъ распадается, правда, на сословіе рыцарей, сословіе горожанъ, на сословіе бароновъ, которые имѣютъ извѣстное положеніе властите-

лей, но всѣ эти разделенія не проводятся рѣзко, нѣтъ рѣзкаго антагонизма въ данномъ случаѣ, нѣтъ противоположности между государями и подданными, болѣе или менѣе всѣ чувствуютъ себя какъ старшіе и младшіе братья, такимъ образомъ не порвалась вслѣдствіе вліянія феодализма окончательно связь между средними, высшими и низшими классами, и это несомнѣнно вліяніе Римскаго права, которое сказывается еще и въ другомъ отношеніи: земля не вполнѣ феодализировалась. На сѣверѣ Франціи господствовало правило: nulle terre sans seigneur, которое предполагало, что всякій земельный участокъ непремѣнно находится въ извѣстномъ отношеніи феодальнаго подчиненія къ высшей сеньоріальной власти. На югѣ господствуетъ правило: nul seigneur sans titre, которое предполагаетъ обратное, которое предполагаетъ, что въ общемъ правилѣ въ городѣ и въ сельскихъ мѣстностяхъ господствуетъ аллодъ, т. е. независимое земельное положеніе собственности, въ видѣ исключенія является ленъ и существованіе лена надо доказать. Вотъ, такимъ образомъ, очень важная противоположность между феодализаціей на сѣверѣ, Германской, и слабой феодализаціей на югѣ, Романской.

Вліяніе это простирается на развитіе городской свободы. Если мы обратимъ вниманіе на происхожденіе южныхъ грамотъ городамъ, то мы увидимъ, что они относятся главнымъ образомъ къ первой половинѣ XII в. Въ 1107 г. получилъ грамоту Каркассонъ, затѣмъ значительный перерывъ до 1130 г., а съ 1130 цѣлый рядъ грамотъ: въ 1130 Безье, въ 1141 Монпелье, въ 1142 Арль, въ 1144 Нимъ, въ 1147 Тулуза. Всѣ эти города получаютъ грамоты, приблизительно однородныя по своему составу и вездѣ мы видимъ совокупныя дѣйствія класса рыцарей и класса купцовъ. Вмѣсто того, чтобы бороться другъ съ другомъ эти классы идутъ вмѣстѣ, именно, вслѣдствіе этого городская свобода рано и достигаетъ значительныхъ размѣровъ въ южной Франціи; такъ какъ рыцари не чувствуютъ себя оторванными вполнѣ отъ горожанъ, то они соглашаются вмѣстѣ съ ними добиваться грамоты и вступаютъ съ ними въ одну коммуну, что совершенно противоположно развитію коммуны сѣверной Франціи. Тамъ коммуны отдѣлились отъ рыцарскаго класса и вытѣснили его изъ предѣловъ города, оба класса рыцарей и купцовъ совершенно размежевались, между тѣмъ какъ на югѣ

эти классы дѣйствуютъ согласно.

Права южныхъ городовъ очень значительны. По Арльскому статуту является предоставленнымъ городу даже право высшаго суда — haute justice. Ограничивается право только тѣмъ, что запрещается городскимъ магистратамъ принимать жалобы отъ рабовъ и отъ vilissimi homines, какъ тамъ сказано, т.е. отъ полусвободныхъ, низшихъ разрядовъ; въ этомъ случаѣ слѣдуетъ судъ патримоніальный, ленный. Затѣмъ, для осуществленія судебныхъ и административныхъ правъ существуютъ въ городѣ и три самостоятельныхъ органа управленія: во-первыхъ, выборные консулы, которыхъ выбираютъ сначала три сословія: духовенство, дворянство и купцы, горожане. Но впослѣдствіи консулы избираются отъ каждаго квартала города, каждый изъ четырехъ кварталовъ выставляетъ по три консула. 1

Кромѣ консуловъ является „малый совѣтъ", который состоитъ изъ всѣхъ достаточныхъ землевладѣльцевъ города и „парламентъ" въ-третьихъ. 2 3

Этотъ парламентъ представляетъ уже факторъ, который совершенно не встрѣчается, совершенно потерялъ значеніе въ исторіи Римскаго муниципалитета, факторъ демократіи, народной партіи. На парламентъ являются всѣ свободные хозяева города, всѣ, которые имѣютъ самостоятельныя хозяйства и свои дома, хотя бы это и маленькій домъ, но все-таки домъ имѣть надо. Такимъ образомъ являлся извѣстный цензъ домовладѣльца: человѣкъ, который живетъ въ чужомъ домѣ, не имѣетъ голоса, хотя бы онъ былъ очень богатъ движимостью. Это условіе очень часто попадается въ южныхъ статутахъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разъясняется, что это для того, чтобы можно было взыскать въ случаѣ наложенія какой-нибудь пени. Деньги легко спрятать, легко скрыть, совершенно другое домъ, который представляетъ осязательную величину, относительно котораго можно будетъ легко обратить взысканіе, и домовладѣніе является такимъ образомъ первымъ условіемъ для того, чтобы быть гражданиномъ, для того, чтобы пользоваться гражданскими правами. Но при этомъ условіи образуется все-таки парламентъ, который никакъ нельзя назвать „думою", на этомъ парламентѣ

участвуетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и на немъ рѣшаются всѣ важные политическіе вопросы относительно законодательства, сношеній съ архіепископомъ, т. е. съ высшимъ сеньоромъ, преслѣдованія правъ города какъ корпораціи. Если приходится городу искать на какого-нибудь сеньора, то онъ устанавливаетъ дсиндикатъ для иска, и синдикатъ этотъ выбирается на городскомъ парламентѣ, т. е. выбираются адвокаты отъ города; указываются случаи, когда городъ можетъ отыскивать свои права даже войною или местью.

Городъ составляетъ такимъ образомъ республику, имѣющую право оружія, и тѣмъ не менѣе городъ находится въ очень порядочныхъ отношеніяхъ къ своему высшему сеньору, къ архіепископу, потому въ хорошихъ отношеніяхъ, что сеньоръ дорожитъ тою частью, которая предоставлена ему въ городскихъ податяхъ и пошлинахъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда городскія власти пользуются извѣстными сборами съ города, прямыми-ли, косвенными-ли, часть этихъ сборовъ поступаетъ въ пользу архіепископа. И на этомъ пунктѣ архіепископъ примиряется съ самостоятельностью города. Онъ находитъ, что ему выгоднѣе имѣть на своей землѣ такого рода самостоятельную и богатую общину, нежели общину совершенно ему подначальную, но за то неспособную, именно, вслѣдствіе этого развить слишкомъ значительное благосостояніе. Благосостояніе городовъ, хозяйственное преуспѣяніе играетъ такимъ образомъ важную роль въ дарованіи этимъ городамъ грамотъ.

Вотъ какъ представляется дѣло на югѣ. Еще разъ резюмирую главные пункты, на которые приходится обратить вниманіе: политической традиціи учрежденій Римскаго муниципалитета нѣтъ, она прекращается; соціальная традиція Римская оказываетъ сильное вліяніе тѣмъ, что классы городского населенія не разрушаются, а высшій классъ рыцарей дѣйствуетъ заодно съ купечествомъ. Устройство городской свободы на югѣ приводитъ къ развитію республиканскаго типа, но въ то-же самое время очень рѣдко на югѣ происходятъ открытыя революціонныя столкновенія между городскимъ населеніемъ и сеньоромъ, большею частію дѣло устраивается на началахъ соглашенія. Вотъ тѣ данныя, которыя позволяютъ судить, въ какой степени правы или не правы школы относительно происхожденія городской системы, въ примѣненіи къ южной Франціи.

Городская свобода на сѣверѣ Франціи. На сѣверѣ нельзя слѣдить, конечно, ни за традиціей Римскаго муниципалитета, ни за традиціей Римскаго соціальнаго строя. Тутъ приходится считаться съ совершенно другими условіями и вліяніями. Прежде всего приходится обратить вниманіе на одну важную противоположность южнымъ городскимъ системамъ. Южные города устраиваются чрезвычайно однообразно. Всѣ ихъ грамоты почти списаны другъ съ друга, значительно различныхъ типовъ нѣтъ. Исторія одного города, конечно, можетъ быть не похожа на исторію сосѣдняго города, элементъ революціоннаго броженія можетъ быть сильнѣе, элементъ соглашенія слабѣе, но всетаки вездѣ устраивается республика, почти вездѣ эта республика вступаетъ въ возможныя отношенія съ главнымъ сеньоромъ, почти вездѣ аристократическій факторъ играетъ роль въ ея образованіи.

На сѣверѣ же можно указать по крайней мѣрѣ три типа городскаго устройства. Прежде всего является типъ такъ называемыхъ villes neuves или hostises. Это города, которые основаны прямо сеньоріальной властью, его населена извѣстная мѣстность. Въ извѣстную мѣстность, выбранную по ея выгодному положенію на торговой дорогѣ, напримѣръ, сеньоръ привлекалъ поселенцевъ, издавъ извѣстную прокламацію, которая объявляла, что поселенцы будутъ имѣть такія-то льготы и преимущества. Онъ прямо вызывалъ колонистовъ на свою землю и устраивалъ положеніе поселенцевъ на томъ же началѣ, на какомъ, напримѣръ, наши государи устраивали льготное положеніе для нѣмецкихъ колонистовъ, имѣя въ виду развить хозяйственное благосостояніе извѣстной мѣстности. Населеніе не играетъ тутъ никакой роли, вся инниціатива дѣла исходитъ отъ государя, онъ ставитъ свои условія, ставитъ ихъ, руководясь своими экономическими интересами, своими разсчетами и ставитъ въ значительной степени различно по отношенію къ юридическому строю данной мѣстности. Въ этой hostise, въ этомъ ville neuve не можетъ быть и рѣчи о томъ, что поселенцы находятся на правѣ общаго феодальнаго подчиненія. Это люди, несомнѣнно, привиллегированные, которымъ много обѣщаютъ и относительно которыхъ держатъ обѣщанія, потому что невыгод-

но ихъ не держать, но гарантіи у нихъ нѣтъ никакой, кромѣ чести и обѣщанія сеньора, а потому нѣтъ тѣхъ учрежденій, которыя обставляли бы ихъ республиканскимъ образомъ въ этомъ ville neuve или ville franche. Обыкновенно господствовалъ всетаки приказчикъ, онъ являлся центромъ городского управленія, руководствуясь извѣстнымъ постояннымъ правомъ, которое его ограничивало.

Близко къ этому типу развился другой, такъ называемыхъ, villes de bourgeoisie. Это обыкновенно старые города, часто происходящіе еще изъ Римскихъ поселеній; старые города, которымъ даются права гражданскаго свойства, но даются уже извѣстнымъ опредѣленнымъ корпораціямъ, хотя еще не городской корпораціи въ совокупности, не республиканскому городу.

Главнымъ интереснымъ типомъ такого рода города является Парижъ. Парижъ былъ ville de bourgeoisie. Его положеніе было совершенно подчинено управленію короля и его приказчика, prévôt короля, т.е. praepositus. Prévôt короля былъ главнымъ судьею и главнымъ исполнительнымъ чиновникомъ. Но большая часть Парижскаго населенія жила подъ привилегіями и жила на льготныхъ правахъ, а не на правѣ вилланов. Не могло быть и рѣчи о томъ, что Парижскій купецъ лишится дома, или оштрафуютъ его по какому-нибудь безпрекословному рѣшенію приказчика, и въ этомъ отношеніи стѣсненъ былъ приказчикъ не только какими-нибудь общими обѣщаніями короля, а былъ стѣсненъ опредѣленными привилегіями, которыя были даны различнымъ корпораціямъ. Поэтому Парижъ и населеніе Парижа было свободно не какъ самостоятельная республика, а какъ цѣлый рядъ различныхъ корпорацій.

Прежде всего получаетъ привилегированное положеніе и выдвигается изъ массы вилланов корпорація Парижскихъ купцовъ, торговавшихъ по Сенѣ до моря, такъ называемые, mercatores aquae, marchands d'eau. Эти mercatores aquae являются настоящей купеческой гильдіей, за вступленіемъ въ которую слѣдили, отъ вступающаго въ нее требовался извѣстный цензъ, требовалась кооптація товарищей для вступленія. Ради ея очень большого торгового и промышленнаго значенія ею настолько дорожили, что ее обезпечили статутомъ, и первые признаки самостоятельности этой корпораціи являются чрезвычайно рано, являются еще въ Каролин-

ское время въ VIII в. Рядомъ съ ~~этой~~ крупной гильдіей заморскихъ купцовъ, имѣвшихъ въ виду вести торговлю по Сенѣ, выходить въ море и въ Англію, становятся мало по малу различные цехи: цехъ мясниковъ одинъ изъ первыхъ, цехъ ткачей, цехъ кожевниковъ, портныхъ... Рядъ цеховъ получаетъ свои права, свои привиллегіи, но почти всегда съ извѣстнымъ пріобрѣтеніемъ особыхъ гражданскихъ правъ. Пререканія, происходящія между отдѣльными членами корпораціи разрѣшаются не судомъ приказщика, а судомъ короля. Въ случаѣ, если возникнетъ дѣло между членомъ корпораціи и не членомъ, то корпорація можетъ оказать своему члену помощь, въ формѣ содѣйствія на судѣ черезъ синдиковъ.

Кромѣ того ограничивается фискальное положеніе сеньора, и такимъ образомъ мало по малу слагается цѣлый рядъ привиллегій. Совершенно однородны съ этими привиллегіями тѣ, которыя возникли для Парижской школы, сначала эта школа прикрывалась духовнымъ иммунитетомъ, зависѣла отъ епископа и пользовалась въ той степени преимуществами, въ какой эти преимущества принадлежали Церкви епископа Парижскаго. Но мало по малу государство начинаетъ интересоваться этой школой и вырабатывается изъ различныхъ частныхъ основаній понятіе объ общей Парижской школѣ, о Парижскомъ Университетѣ, который является совершенно такой-же промышленной корпораціей, какъ и цехъ мясниковъ, только направляющей свою дѣятельность на другія цѣли. И эта промышленная корпорація получаетъ свой статутъ, свое управленіе, получаетъ мало по малу чрезвычайно широкія преимущества по управленію, захватываетъ управленіемъ цѣлый берегъ Сены при участіи извѣстнаго элемента и студентовъ и профессоровъ, однимъ словомъ, въ тѣхъ странныхъ формахъ, которыя образовались на Западѣ въ Университетахъ. Эта корпорація основываетъ свою автономію на цѣломъ рядѣ частныхъ привиллегій, подобно другимъ промышленнымъ и торговымъ корпораціямъ, получающимъ привиллегіи.

Вотъ какой характеръ имѣли villes de bourgeoisie, обладавшіе цѣлымъ рядомъ льготныхъ гражданскихъ правъ, хотя ограниченныхъ извѣстными учрежденіями. Но это все таки не то, что коммуна: коммуна — это республика, которая имѣла уже не льготы,

а права, въ пользу которой сеньоръ отказывался отъ своихъ правъ, отказывался разъ навсегда, и которая тотчасъ-же выступала на защиту нарушенныхъ правъ съ оружіемъ. Коммуна эта такъ же въ сущности является самостоятельной, какъ и феодальная сеньорія. Вѣдь, феодальная сеньорія въ концѣ концовъ есть проявленіе мѣстной самостоятельности по отношенію къ государю: мѣстность захватываетъ право защиты оружіемъ, дѣлается сама маленькимъ государствомъ. Обыкновенно такое право захватывалось феодальнымъ династомъ, военнымъ человѣкомъ, но и коммуна пріобрѣтаетъ тѣ-же самыя права мѣстной самостоятельности. Тутъ только захватывается право оружія, право государства не военными людьми, а скопившимися промышленными и купеческими людьми, которые сильны тѣмъ, что ихъ много, изъ которыхъ каждый не могъ бы тягаться съ сеньоромъ, но всѣ вмѣстѣ они могутъ добыть права и организоваться въ республику. Вотъ этотъ политическій элементъ республиканской самостоятельности и характеризуетъ третій типъ.

Для разъясненія собственно исторіи городскаго устройства въ Сѣверной Франціи надо принять во вниманіе главнымъ образомъ два условія: во-первыхъ, несомнѣнно, что въ сѣверной Франціи можно такъ-же прослѣдить вліяніе Германской традиціи, какъ въ южной можно прослѣдить вліяніе Римской, но сказывается Германская традиція какъ разъ обратно тому, какъ сказывалась Римская на югѣ. Римская традиція на югѣ сказывалась не въ филіаціи учрежденій, а въ преемственности соціальнаго быта; Германская на сѣверѣ сказывается не въ преемственности соціальнаго быта, а въ филіаціи учрежденій. Нельзя показать въ исторіи сѣверно-французскихъ городовъ непосредственной преемственности между маркой или Тацитовскимъ сословнымъ равенствомъ и тѣми формами, которыя произошли въ Средніе вѣка, но есть два опредѣленныхъ Германскихъ учрежденія, которыя въ XI и XII в.в. начинаютъ играть большую роль въ городахъ — это скабинатъ и затѣмъ гильдіи.

Въ Реймсѣ, напримѣръ, устраивается коммуна, устраивается городское самоуправленіе при сильномъ участіи скабината. Скабинатъ — это, какъ вы помните, форма, которую получилъ

судъ Германцевъ вслѣдствіе реформы эпохи Карла: вмѣсто того, чтобы предоставить судоговореніе всей массѣ свободныхъ жителей извѣстной мѣстности, извѣстнаго округа, Карлъ предоставляетъ его нѣкоторому небольшому числу помѣщиковъ, свободныхъ засѣдателей, ставитъ его на аристократическое основаніе; однако это были люди не назначаемые, а люди выборные, которые нисколько не подчинены приказчику. Этотъ судъ свободныхъ засѣдателей является въ совершенной противоположности съ судомъ приказчика. И вотъ этотъ-то судъ скабиновъ никогда не вымиралъ въ Реймсѣ, и имъ воспользовались для образованія городской свободы XI вѣка. Этому учрежденію, чисто судебному, придали точно также финансовыя функціи, изъ него и стала развиваться Городская Дума Реймса.

Еще больше значенія имѣла гильдія или гильда, какъ собственно надо бы говорить, примѣняясь къ словоупотребленію того времени. Гильда является присяжнымъ товариществомъ. Цѣль гильды была сначала отбиваться отъ разбойническихъ нападеній: устраиваются, напримѣръ, гильды богомольцевъ, для того чтобы отправиться вмѣстѣ въ Іерусалимъ. Всѣ эти люди даютъ присягу, что они не будутъ бросать другъ друга, будутъ поддерживать другъ друга... Устраиваются гильды для поддержанія храма какого-нибудь, для построенія собора. Устраиваются гильды и промышленныя, т. е. всѣ люди, которые занимаются суконной торговлей, соединяются въ присяжное товарищество, устраиваютъ извѣстную торговую корпорацію между собой и стоятъ другъ за друга, и не только въ дѣлахъ между собой, но и въ общественныхъ дѣлахъ. Если случится, что кто-нибудь изъ нихъ совершитъ проступокъ, его товарищи уплачиваютъ часть пени, наоборотъ они будутъ искать противъ лица, которое оскорбило товарища. Является, однимъ словомъ, солидарность, которая очень походитъ на ту солидарность, которая существовала прежде на началахъ родоваго союза. Когда родовые союзы разбиваются, люди жмутся, такъ сказать, въ эти корпораціи, устраиваются на началахъ соглашенія. Вотъ эти-то присяжныя товарищества являются чрезвычайно важнымъ условіемъ для развитія всякаго рода самостоятельности. Они давали возможность городу выяснить свои нужды и организовать сопротивленіе. Этимъ элементомъ объясняется то обстоятельство, что въ сѣверной Франціи въ

ряду причинъ, вызвавшихъ развитіе городской свободы, очень важную роль играетъ революціонная борьба противъ сеньоровъ. Въ сѣверной Франціи съ одной стороны феодализація сильнѣе, власть сеньоровъ значительнѣе, но съ другой стороны живы элементы, которые очень способны организовать союзъ противъ этой власти.

История Ланской коммуны. Теперь я и обращу ваше вниманіе, какъ на типичную характеристику этого движенія въ его крайней формѣ, на исторію Ланской коммуны, которая передается лѣтописцемъ XII в. Гвибертомъ Ножанскимъ. Прежде всего въ описаніи Лана (Laon) онъ останавливается на чрезвычайномъ произволѣ епископа, которому принадлежалъ городъ. „Порочность епископа", говоритъ онъ: „была источникомъ всякаго зла, порочность, которая идетъ еще отъ епископа Адальберона" (епископа X в.). Епископы, сеньоры Лана, не знали никакого стѣсненія своего произвола; привилегіи покупались, но они не держали своихъ обѣщаній, не держались разъ установленнаго уговора. Кончилось тѣмъ, что самое епископское мѣсто стало предметомъ своего рода торговли.

И вотъ, въ началѣ XII в. вступилъ на епископскій престолъ человѣкъ, совершенно неподходящій для такого важнаго мѣста, нѣкто Годри, человѣкъ Англійскаго короля, перешедшій во Францію, легкомысленный въ поведеніи и въ рѣчахъ. Онъ только что и говорилъ о военныхъ дѣлахъ, о собакахъ, да о хищныхъ птицахъ, и всему этому онъ научился у Англичанъ. Другой представитель той-же самой свѣтской прелатуры былъ, какъ мы знаемъ, Сенъ-Денисскій аббатъ Сугерій; только Сенъ-Денисскій Сугерій былъ хорошимъ представителемъ этого направленія, это прелатъ хозяинъ, устроитель, а Годри былъ во всѣхъ отношеніяхъ легкомысленный кавалеръ, кромѣ того, что имѣлъ важную духовную должность и былъ вслѣдствіе этого сильнымъ свѣтскимъ сеньоромъ. Тотчасъ-же послѣ своего появленія въ Ланѣ, онъ началъ распоряжаться какъ хозяинъ жителями и собственностью гражданъ. Ланъ былъ уже довольно сильный по торговлѣ и по промышленности городъ, и населеніе, хотя оно не имѣло никакихъ опредѣленныхъ правъ, не расположено было такъ спокойно сносить епископское своеволіе. Граждане стали дурно толковать объ епископской власти. Тогда епископъ велѣлъ схватить одного изъ главныхъ гражданъ Жерара, и люди епископа убили его за злоязычіе. По поводу это-

го убійства произошла суматоха, народъ началъ преслѣдовать убійцу и онъ едва спасся. Епископъ проклялъ тѣхъ, которые преслѣдовали убійцу. Послѣ этого получилась полная безурядица въ городѣ, происходившая главнымъ образомъ вслѣдствіе дѣйствій епископа: „епископъ не боялся ни Бога, ни Государя. Когда король пріѣзжалъ въ Ланъ, случалось, что отбивали его лошадей, посланныхъ на водопой, били его людей. - Духовныхъ не щадили тоже. Что-же говорить о простомъ народѣ! Крестьянинъ не могъ войти въ городъ, не могъ приблизиться къ нему, если только у него не было формальнаго пропуска: иначе его бросали въ тюрьму и заставляли платить выкупъ - факты, которые у варваровъ и Скиѳовъ были бы сочтены верхомъ беззаконія. Купцы заманивали покупателя, а потомъ его грабили. Разбойничали по улицамъ, и ночью нельзя было выходить изъ дому". Тогда духовенство и богатые, стараясь добыть денегъ, предложили народу образовать коммуну.

При этомъ Гвибертъ опредѣляетъ коммуну: „коммуна - это новое и негодное названіе обозначаетъ слѣдующее: всѣ крѣпостные, обязанные повинностями, обязываются только одинъ разъ въ годъ платить сеньору оброкъ и въ случаѣ проступка откупаться опредѣленными разъ навсегда пенями. На этихъ условіяхъ они совершенно освобождаются отъ всѣхъ остальныхъ повинностей и службъ". Вотъ опредѣленіе коммуны, которое, какъ вы видите, указываетъ главнымъ образомъ на двѣ стороны дѣла: судебные штрафы не должны уже колебаться по произволу сеньора или его приказщика, и затѣмъ сборъ податей не долженъ быть неопредѣленнымъ, а опредѣляется разъ навсегда. Но одна сторона дѣла оставляется Гвибертомъ въ тѣни, и притомъ сторона, очень важная - защита, подобная родовой: коммуна постоянно выставляетъ вооруженныхъ людей, она является вооруженнымъ присяжнымъ товариществомъ, и не только имѣетъ права, но и защищаетъ ихъ.

Это предложеніе до такой степени было заманчиво для населенія города, что простой народъ, воспользовавшись этимъ случаемъ избавиться отъ притѣсненій, отдалъ массу серебра для того, чтобы составить требуемую сумму и купить этой суммой согласіе епископа на коммунальную грамоту. Епископъ согласенъ, онъ самъ торжественно устраиваетъ коммуну по образцу Нойона и С. Кантена.

Въ коммуну вступили всѣ домовладѣльцы, всѣ дали присягу соблюдать уговоръ; позволено было защищать права, отстаивать оружіемъ эти права, если они подвергались нарушенію со стороны епископа.

Деньги взяли придворные епископа и отдали ему; но тотчасъ начали подкапываться подъ учрежденіе, едва взявши деньги. - Въ 1109 г. состоялось это устройство коммуны. - Епископъ скоро сталъ нарушать коммунальную грамоту въ одномъ случаѣ. Государь могъ чеканить монету, какую ему было угодно; между тѣмъ коммунальныя грамоты наравнѣ съ стѣсненіемъ правъ сеньора относительно податей, стѣсняли сеньора и въ правѣ чеканки монеты. Въ коммунальныхъ грамотахъ говорилось, что сеньоръ долженъ постоянно чеканить только извѣстную полновѣсную монету, хорошаго металла, а не спекулировать ради выгоды перечеканкой. Вотъ этотъ-то параграфъ былъ тотчасъ-же нарушенъ, и затѣмъ былъ установленъ произвольный судъ надъ всѣми людьми, которые были недовольны этими епископскими деньгами и отказывались принимать ихъ въ той-же цѣнѣ, въ какой они принимали полновѣсное серебро. Затѣмъ самъ епископъ и его родственники начали нарушать коммуну, и это вызвало большія неудовольствія. Епископу стало нелегко и боязно, поэтому онъ рѣшилъ нарушить коммунальную грамоту и этимъ развязать себѣ руки для того, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Онъ послалъ за королемъ Людовикомъ VI, вызывалъ его въ Ланъ и попросилъ въ силу верховной королевской власти разорвать только что данную грамоту. Людовикъ за хорошую сумму согласился. Граждане узнали о переговорахъ и стали предлагать королю 400 фунтовъ серебра, но епископъ предложилъ 700, и король явился въ городъ на Страстной недѣлѣ разорвать грамоту.

Гвибертъ совершенно обратно Сугерію говоритъ, что король слишкомъ потакалъ въ данномъ случаѣ корыстолюбивымъ людямъ. Король уничтожилъ договоръ въ силу своей верховной власти, и это свидѣтельствуетъ о томъ, что, какъ ни было сильно стремленіе королей покровительствовать коммунамъ, но оно по крайней мѣрѣ въ это время не было въ общемъ правилѣ политики. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, они поддерживали коммуны, такъ какъ коммуны помогали имъ разбивать феодальный строй, но въ отдѣльныхъ случаяхъ, руководясь дипломатическими соображеніями или денежными

выгодами, короли могли выступать и противъ коммунъ.

Населенiе было въ изумленiи и бѣшенствѣ, всѣ лавки были закрыты. Между тѣмъ епископъ счелъ нужнымъ тотчасъ-же покарать населенiе и обложилъ всякаго въ размѣрѣ той суммы, которую онъ заплатилъ королю. Тогда простымъ народомъ овладѣла ярость дикаго звѣря. Человѣкъ 40 поклялись убить епископа. Въ день Пасхи была устроена цѣлая процессiя, въ которой участвовали вооруженные люди съ мечами, и была сдѣлана попытка произвести бунтъ. Тогда епископъ вызвалъ въ городъ на помощь крестьянъ (крестьяне были во враждѣ съ горожанами). Порядокъ удалось возстановить. Но въ пятницу на Святой произошелъ новый бунтъ; дворецъ взяли, епископа вытащили изъ погреба, въ который онъ спрятался, и убили. Послѣ этого факта приходилось уже считаться не только съ различными помощниками епископа, которые хотѣли отомстить за его смерть, но приходилось считаться и съ самимъ королемъ Людовикомъ, который считалъ, что его верховенство нарушено и оскорблено его величество. Понимая, что противъ Людовика и противъ наслѣдника епископа въ одиночкѣ имъ не выстоять, граждане призвали къ себѣ на помощь могущественнаго сеньора Томаса де-Марля, разбогатѣвшаго тѣмъ, что онъ грабилъ богомольцевъ, проходившихъ по его землѣ, и достигшаго могущества тѣмъ, что полубилъ массу народа. Сначала горожане имѣли въ виду выдерживать осаду, но затѣмъ это оказалось слишкомъ тягостнымъ и труднымъ, и населенiе бѣжало на земли Томаса де-Марля. Тогда окрестные жители устремились въ Ланъ, стали все грабить, разбивать дома. Ланъ совершенно почти опустѣлъ.

Такое состоянiе дѣлъ было однако очень невыгодно для епископа-сеньора, и епископъ приходитъ къ убѣжденiю, что въ концѣ концовъ для него чрезвычайно дурно, что Ланъ разоренъ, что утратилось всякое торговое и промышленное значенiе этого города: прежде были богатые купцы, которые хоть что-нибудь платили, а теперь и этого онъ не получаетъ. Что пользы ему въ этомъ проявленiи полной власти, когда бо́льшая часть населенiя находится на землѣ, враждебной епископу, когда онъ властвуетъ надъ пустой мѣстностью. И вотъ, Бартелеми де-Vir въ 1128 г. объявилъ, что онъ готовъ уступить городу вольность, онъ объявилъ городскому населенiю всякiя льготы и возстановилъ порядокъ, не совсѣмъ ком-

мунальный, т.е. не полную республику, къ какой стремились въ 1109 г., а всетаки порядокъ, завершавшійся извѣстнымъ свободнымъ учрежденіемъ — думой. Онъ объявляетъ отмѣну произвольныхъ арестовъ, затѣмъ самостоятельный судъ. Если отвѣтчикъ и истецъ - оба граждане, то судятъ iurati; если отвѣтчикъ или обвиняемый чужестранецъ, то ищетъ вся коммуна у сеньора, при этомъ сеньоръ разрѣшаетъ выбрать прокурора или адвоката изъ числа гражданъ. Уничтожается main morte въ городѣ, т.е. гражданская неправоспособность; уничтожается forme mariage, т.е. отсутствіе права выдачи дочери замужъ за предѣлы баронiи. Затѣмъ устанавливается извѣстное выборное управленіе, во главѣ котораго стоитъ меръ и 12 скабиновъ, — это лица, представлявшія исполнительную и судебную власть, и они находятся подъ контролемъ общаго вѣча. Какъ видите, цѣлый рядъ постановленій, которыя хотя не составляютъ полной коммуны (коммуны, напримѣръ, нѣтъ въ сношеніяхъ съ чужими коммунами, тутъ должны дѣйствовать не сами по себѣ, а черезъ сеньора), но во всякомъ случаѣ положеніе очень похожее на коммуну. Этой institutio pacis Ланцы удовлетворились, и на землѣ Ланскаго епископа снова выросъ богатый могущественный городъ.

Чтобы показать, какая разница все-таки была между этимъ устройствомъ и устройствомъ королевской коммуны, полной республики, отстоявшей свои права революціей, я сошлюсь на главное постановленіе Суассонской грамоты: iuraverunt, quod - recte auxiliabuntur et nulla tenus patientur, quod aliquis alicui de communia aliquia auferat vel eum talliet vel de rebus eius capiat. Они, значитъ, дали присягу, что будутъ помогать другъ другу и никакъ не будутъ терпѣть, чтобы кто-нибудь у кого-нибудь изъ коммуны, изъ коммунальной общины кто-либо взялъ или установилъ бы незаконно талью (т.е. поборъ), или захотѣлъ бы взять изъ имущества. При этомъ выражается неопредѣленно: aliquis alicui; несомнѣнно, что имѣлся въ виду главнымъ образомъ сеньоръ, т.е. въ этомъ случаѣ являлось постановленіе, которое предполагало попытку сеньора отступить отъ обѣщанія и воспользоваться своимъ произволомъ. Противъ этого-то произвола главнымъ образомъ, противъ сеньоріальнаго вліянія и организуются коммуны, на иныхъ основаніяхъ, нежели villes de bourgeoisie, иногда въ той самой формѣ, которая установилась въ Ланѣ въ 1128 г. Тутъ коммуна образовалась при содѣйствіи, а не противъ сеньоріальной власти.

Происхожденіе свободы городовъ. Итакъ, вотъ тѣ оттѣнки, тѣ градаціи, которыя установились на сѣверѣ Франціи. Движеніе, повторяю, разнообразное, но если остановиться на главныхъ чертахъ всего этого развитія и на югѣ и на сѣверѣ, то придется высказать все-таки слѣдующіе основные факты: во-первыхъ, надо будетъ придти къ заключенію, что роль традиціи, роль элементовъ, которые просуществовали безъ измѣненія стараго порядка IV и V вв. до возрожденія коммунальной свободы въ XI и XII вв., очень слаба. Нельзя никакъ представить себѣ дѣло такимъ образомъ, что городская самостоятельность, городское самоуправленіе какъ бы скрылись отъ нашего вниманія и наблюдательности въ промежутокъ времени между V и XI в.; и что въ сущности и городское самоуправленіе и извѣстное состояніе свободныхъ людей, которое является его соціальной подготовкой, никогда не умирали вполнѣ и являются промежуточнымъ звеномъ между порядкомъ V в. и порядкомъ XI в. Такъ ставить дѣло нельзя. Несомнѣнно, что порядокъ V в. свободнаго Римскаго муниципалитета, съ одной стороны, свободной Германской общины, съ другой, вырождается, вырождается очень сильно и очень быстро и, вырождаясь, мало по малу вытѣсняется порядкомъ сначала графскаго управленія, т.е. безконтрольнаго снизу управленія, а затѣмъ королевской власти. Вотъ та сила, которая сначала замѣнила муниципальное устройство и общинное устройство Германцевъ. Затѣмъ, и королевская власть разлагается, и вмѣсто графа является безконтрольное управленіе городомъ сеньора, феодала, захватившаго государственную власть. Несмотря на это общее теченіе остаются кое-какія вліянія въ исторіи различныхъ классовъ. Въ отношеніи классовъ можно собрать кое-какіе слѣды: судебныя учрежденія, привычка къ образованію присяжныхъ товариществъ и т.п.

Но эти совершенно отдѣльные факты и переживанія являются все-таки исключеніями. Самое явленіе затѣмъ, когда оно обнаруживается въ XI и XII в. объясняется въ сущности и главнымъ образомъ двумя условіями: во-первыхъ, постояннымъ подъемомъ благосостоянія въ средѣ зависимаго населенія, — это фактъ капитальный. Какъ только зависимое населеніе устроилось подъ феодальнымъ порядкомъ, т.е. какъ только складывается феодализмъ и даетъ постоянную, хотя очень неудобную, охрану зависимымъ классамъ, устраняетъ тотъ

хаосъ, ту безурядицу, которая ему предшествовала, такъ тотчасъ-же начинается ростъ благосостоянія. Зависимые классы начинают мало по малу пріобрѣтать извѣстный капиталъ благодаря тому излишку времени, которымъ они могли воспользоваться для самостоятельнаго труда, изъ этого излишка времени получают возможность или выкупа или развитія значительнаго благосостоянія внутри дома зависимаго человѣка.

Это движеніе замѣтно и въ селѣ и въ городѣ, но въ городѣ оно значительнѣе. Въ селѣ оно тоже ведетъ къ очень важнымъ послѣдствіямъ: къ медленному выкупу повинностей и людей, сначала выкупъ отъ барщины, затѣмъ замѣна натуральнаго оброка оброкомъ денежнымъ, и въ результатѣ вообще денежный выкупъ. Но это процессъ длинный, который распространяется по всей средневѣковой исторіи, заканчивается въ Англіи приблизительно къ XIV в., во Франціи еще позднѣе, а въ Германіи еще даже позднѣе. Въ городахъ особенно выгодныя промышленныя и торговыя условія производили значительное сокращеніе. Накопленіе капиталовъ, накопленіе излишка на хозяйствѣ полусвободнаго человѣка совершалось быстрѣе. И съ другой стороны этотъ излишекъ, эти капиталы тутъ являются оттого, что свободные люди живутъ кучкою.

Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ подъемъ благосостоянія подъ охраною установившагося феодальнаго порядка, есть одна изъ формъ общаго подъема благосостоянія въ государствѣ. Но движеніе выражается различно: иногда устраивается просто соглашеніе, потому что сеньоръ считаетъ для себя выгоднымъ всѣми силами содѣйствовать возвышенію благосостоянія, самъ устанавливаетъ права, даетъ волю; иногда приходится бороться противъ сеньора, который слишкомъ сильно настаиваетъ на своемъ полновластіи.

Въ этомъ случаѣ коммунальное движеніе какъ бы заканчиваетъ общефеодальное движеніе: общефеодальное движеніе разбило Французское королевство на цѣлый рядъ отдѣльныхъ государствъ, коммунальное движеніе замѣнило династовъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ раздробленныхъ частей Франціи. Вотъ тѣ факты, которые выясняются даже изъ краткаго обзора государственнаго устройства Франціи, и прибавляю, что это тѣ-же самые факты, которые однообразно повторяются и въ исторіи городскаго движенія Германіи и въ исторіи городскаго движенія Англіи и Италіи только потому, что эти факты

сводятся къ очень основнымъ, очень общимъ причинамъ. Однообразіе коммунальнаго движенія, происходящаго на чисто Римской почвѣ Италіи и на чисто Германской почвѣ Англіи, происходитъ не оттого, что дѣйствуютъ главнымъ образомъ національные факторы, національныя традиціи, а потому, что дѣйствуютъ факторы общехозяйственные, общеправовые, исторія постепеннаго роста средневѣковаго хозяйства и послѣдующее развитіе общесредневѣковаго государственнаго права.

Что касается до вліянія всего этого движенія на королевскую власть, то вліяніе это достаточно ясно, и собственно объ этомъ придется теперь сказать очень немного. Само собой разумѣется, что появленіе самостоятельнаго городскаго населенія, получающаго грамоту, способнаго вооруженною силою отстаивать свои права, было громаднымъ пособіемъ для королевской власти. Оно дало королевской власти новую силу, которая стала помогать ей не въ меньшей степени, чѣмъ прежде помогало духовенство.

Если бы королевской власти Среднихъ вѣковъ пришлось дѣйствовать противъ окружающаго ее феодализма, основываясь тоже на феодальныхъ началахъ; если бы Капетингамъ пришлось пріобрѣсть Французское королевство, основываясь только на княжествѣ Иль-де-Франсъ, уничтожать самостоятельность другихъ областей, постепенно развивая территоріальную основу своей области, то исторія соединенія государства въ одно тѣло была бы очень трудна, а можетъ быть, и невозможна. Но дѣло въ томъ, что помимо той матеріальной силы, которую королевская власть Капетинговъ развивала въ своемъ княжествѣ, которою, конечно, пренебрегать нельзя, королевская власть Капетинговъ опиралась на двухъ факторовъ, распространенныхъ уже по всей Франціи, а не заключавшихся въ предѣлахъ ея княжества. Одинъ изъ этихъ факторовъ — духовенство, которое представляло такую силу среди свѣтскаго феодализма и которое для своей свѣтской охраны централизовалось вокругъ королевской власти. Другой факторъ — городское населеніе, которое также искало самостоятельности противъ аристократическаго феодализма и находило опору въ главное время аристократическаго феодализма опять-таки въ королѣ.

Къ этому присоединяется еще одно условіе. Буржуазія была особенно сильна своимъ купечествомъ, своими торговыми связями, а для торговыхъ связей первое условіе — охрана сообщенія отъ одного города

къ другому, отъ одной области къ другой, охрана, которой, конечно, въ феодальную эпоху частные областные государи дать не могли, для которой обязательно было какое-нибудь центральное правительство, какая-нибудь форма національнаго государства. Естественно поэтому, именно, городское купечество, стремясь къ установленію обезпеченнаго торговаго сообщенія между отдѣльными частями, должно было всегда содѣйствовать развитію центральной покровительствующей власти во Франціи, власти королевской.

Короли очень скоро поняли, что дѣло городовъ и ихъ общее, и уже при Людовикѣ VII мало по малу вырабатывается общая политика по отношенію къ коммунамъ, политика, которая при Людовикѣ VI, хотя лично онъ и былъ человѣкомъ болѣе энергичнымъ, еще не опредѣлилась окончательно. Но при Людовикѣ VII и при Филиппѣ Августѣ составляется убѣжденіе, что необходимо поддерживать городское населеніе, насколько возможно, и это одно изъ тѣхъ условій, которыя наиболѣе содѣйствовали возвышенію королевской власти.

Закончивъ отступленіе о развитіи городской свободы, я возвращаюсь теперь къ главному вопросу, интересующему насъ, именно, къ вопросу о постепенномъ усиленіи королевской власти, государственной власти во Франціи. Я уже говорилъ о томъ, что было сдѣлано для королевской власти Людовикомъ VI, и какъ результаты его дѣятельности не потерялись при его сынѣ Людовикѣ VII, не смотря на то, что Людовикъ VII былъ во многихъ отношеніяхъ правитель не подходящій. Ему помогли два условія: во-первыхъ, когда Людовикъ, отправившись въ крестовый походъ, предоставилъ интересы государства самимъ себѣ, то эти интересы взялъ подъ свое покровительство человѣкъ выдающійся — Сугерій; а во-вторыхъ, и это главное, при Людовикѣ VII, въ его эпоху уже образовалась извѣстная постоянная административная традиція, органы, помощники королевской власти уже начинаютъ дѣйствовать независимо отъ личности короля, выростаютъ извѣстные административные взгляды и привычки, которые кружокъ королевскихъ должностныхъ лицъ и чиновниковъ поддерживаетъ не смотря на то, что самъ король человѣкъ не совсѣмъ подходящій для управленія государствомъ.

Филиппъ II Августъ (1180-1223).

При Филиппѣ Августѣ, вступившемъ на престолъ въ 1180 г., явля-

ются опять чрезвычайно важные факторы въ исторіи постепеннаго развитія королевской власти. При этомъ я обращу ваше вниманіе, во-первыхъ, на то территоріальное значеніе, которое имѣлъ Филиппъ Августъ. Въ первый разъ королевская власть Франціи выступаетъ не въ значеніи княжеской, а въ значеніи истинно монархической, національно монархической. Какъ бы ни была успѣшна дѣятельность Людовика VI и Людовика VII, она все-таки главнымъ образомъ сосредоточивалась на устройствѣ внутреннихъ отношеній княжества, но Филиппъ Августъ является блюстителемъ интересовъ королевской власти въ болѣе широкой сферѣ, ему уже не чужды никакіе интересы, прямо или косвенно связанные съ Французской королевской властью.

И въ этомъ отношеніи ему удались два дѣла, одно окончательно, другое по своей подготовкѣ, два дѣла, которыя имѣли капитальное значеніе для всей послѣдующей исторіи. Ему удалось, во-первыхъ, разбить только что образовавшееся англійское могущество на западѣ Франціи въ извѣстной удачной борьбѣ съ Іоанномъ Безземельнымъ. Онъ отбиваетъ у него Нормандію, Анжу и Пуату. Эта борьба Филиппа Августа не покончила спора между Французскимъ и Англійскимъ королемъ, между Французской націей и Англійской, которая захватила часть Франціи, но она въ первый разъ поставила національныя границы Франціи, и всѣ послѣдующіе короли: и Филиппъ Красивый, и Карлъ V, и Карлъ VII и другіе короли, которымъ на долю пришлось имѣть больше удачи въ войнахъ противъ Англіи, стремились къ той общей цѣли, которая была намѣчена Филиппомъ Августомъ. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность крайне важна, потому что онъ первый обезпечилъ образованіе Франціи какъ сплошной солидарной націи.

Самое существенное значеніе для національнаго дѣла Франціи имѣлъ также Альбигойскій походъ. Самъ король въ немъ не принималъ участія, онъ только помогалъ сѣвернымъ крестоносцамъ, но это предпріятіе само собою направлялось къ обязательному выходу, именно, къ соединенію южныхъ областей подъ властью Французскаго короля, потому что то крестоносное ополченіе, которое подъ предводительствомъ Симона де-Монфора обратилось на югъ, представляло совершенно феодальную силу и устроило тамъ организацію, которая не могла продержаться тамъ долго, тамъ на югѣ образовалось не менѣе 430 леновъ. И можно было ожидать, что завоеватели южной Франціи,

не будучи въ состоянiи выдерживать борьбу съ врагами, рано или поздно обратятся къ какой-нибудь центральной силѣ. Такой силой естественно представлялась власть королевскаго дома, и Филиппъ Августъ сознательно руководилъ издали походомъ, имѣя въ виду, что рано или поздно южныя области достанутся Французской коронѣ. При его сынѣ Людовикѣ VIII такъ и случилось.

Но кромѣ этихъ фактовъ, которые показываютъ, что при Филиппѣ Августѣ начинается территорiальная связь Французскихъ областей, есть одна сторона дѣятельности короля, на которую слѣдуетъ обратить особое вниманiе, именно, потому что въ этой сторонѣ сказывается не внѣшнее могущество, всегда недостаточное и непрочное, когда оно только внѣшнее, а сказывается внутренняя сознательная работа. При Филиппѣ Августѣ окончательно видоизмѣняется и устраивается администрацiя королевскаго дома, та администрацiя, которая раскинула мало по малу свои сѣти на всю Францiю и вытѣснила феодализмъ. Администрацiя эта подготовлялася, конечно, задолго до царствованiя Филиппа Августа: всѣ основанiя ея на словахъ имѣлись уже въ Каролингскую эпоху, но тутъ, именно, пока на словахъ, а реальное основанiе, а главное, соединенiе всѣхъ частей въ одну стройную систему совершается какъ разъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII в.в., главнымъ образомъ эпоха Филиппа Августа имѣла здѣсь рѣшающее значенiе. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманiе на центральную систему. Движенiе въ данномъ случаѣ распространяется на обѣ важныя сферы всякаго административнаго устройства - и на центръ и на области.

Посмотримъ сначала, какъ устроилась центральная администрацiя при Филиппѣ Августѣ. Самая любопытная черта центральной администрацiи королевскаго дома - это смѣшенiе между государственными и частными функцiями. На первый взглядъ тутъ, такъ сказать, ужасная путаница и путаница не подходящая. Дворцовыя должности, должности, которыя имѣютъ значенiе въ помѣщичьемъ управленiи, перемѣшаны съ совершенно государственными обязанностями.

Сенешалъ (sénéchal), напримѣръ, главный центральный пунктъ всей этой администрацiи, - старшiй слуга, въ самомъ своемъ названiи носитъ слѣды частнаго положенiя, которое онъ занимаетъ

(название его прямо происходитъ отъ слова скалькъ, т.е. слуга, дворовый человѣкъ, это только senex scalcus, старший дворецкий; должность сенешаля выработалась такимъ образомъ изъ положенія старшаго дворецкаго). Но мало по малу этотъ сенешаль точно такъ-же, какъ палатный мерь, который ему предшествовалъ, является самымъ могущественнымъ должностнымъ лицомъ центральнаго управленія, потому что въ его рукахъ, точно такъ-же, какъ у палатнаго мера, сосредоточивается главное распоряженіе правительственными средствами.

Правительственными средствами этой эпохи является не подать, не постоянный притокъ денегъ отъ общества къ государству и не организація войска, не организація самостоятельнаго суда, а правительственныя средства, средства для существованія государства даются изъ источниковъ частныхъ правительственныхъ: король силенъ, поскольку онъ богатъ; король могуществененъ, поскольку онъ крупный землевладѣлецъ-сеньоръ. Сенешаль управляетъ этимъ королевскимъ доменомъ, управляетъ имъ какъ палатный мерь, и вслѣдствіе этого онъ настоящій министръ финансовъ. Онъ кромѣ того командуетъ наемнымъ войскомъ, а командуя наемными войсками онъ держитъ въ своихъ рукахъ самую важную часть военной организаціи этой эпохи. Феодальное ополченіе, которое примыкаетъ къ наемному войску, плохо помогаетъ на войнѣ, потому что оно является на 40 дней, послѣ этихъ 40 дней оно расходится; оно плохо дисциплинировано. Большихъ войнъ съ феодальнымъ ополченіемъ даже въ то время вести было нельзя, и мало по малу вездѣ: и во Франціи, и въ Англіи замѣчается стремленіе замѣнить службу натурнаго феодальнаго ополченія службой наемныхъ войскъ. Для этого стали вмѣсто того, чтобы брать службою, требовать щитовой подати, т.е. требовать выкупа за службу 40 дней. Сначала давали эту подать охотно... На этотъ выкупъ нанимались войска и эти войска становились подъ команду сенешаля. Итакъ, изъ должности управляющаго имѣніями и управляющаго дворней развивается компетенція, которая соединяетъ два очень важныхъ фактора государственной власти: управленіе финансами и, затѣмъ, командованіе значительной и важной частью войскъ.

Рядомъ съ этой должностью стоитъ должность канцлера, точно также въ ней соединяются частноправовыя и государственноправо-

выя черты. Канцлеръ первоначально старшій секретарь, старшій писецъ, и первоначально его роль ограничивалась изготовленіемъ тѣхъ бумагъ, которыя исходили отъ короля, и скрѣпленіемъ грамотъ. Мало по малу выростаютъ изъ этой компетенціи двѣ очень важныя функціи. Канцлеръ, во-первыхъ, становится предсѣдателемъ королевскаго суда. Онъ является помощникомъ короля при судѣ, и такъ какъ это обыкновенно духовное лицо, то онъ большею частію имѣетъ вліяніе уже какъ умѣющій писать и читать человѣкъ, какъ человѣкъ, получившій извѣстное римское образованіе. Это римское образованіе даетъ ему важное положеніе совѣтника, и изъ этого положенія совѣтника онъ становится вицепрезидентомъ королевскаго суда, т.е. замѣняетъ короля, когда онъ отсутствуетъ. А король самъ предсѣдательствуетъ только въ случаяхъ важныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, приходится судить перовъ, крупныхъ князей; въ случаяхъ мелкихъ онъ сидитъ въ судѣ неохотно, и его, именно, замѣняетъ канцлеръ, который развиваетъ такимъ образомъ судебную компетенцію. Во-вторыхъ, онъ является главой всей группы чиновниковъ, собирающейся въ Парижѣ для провѣрки областнаго управленія.

Рядомъ съ этими двумя важными членами стоятъ и другіе, которые тоже совмѣщаютъ обязанности частныя и государственныя: чашникъ (buticularius), завѣдующій королевскимъ столомъ и погребомъ, постельничій (camerarius), затѣмъ начальникъ королевскихъ конюшенъ – коннетабль (connétable). Всѣ эти лица имѣютъ кромѣ своихъ дворцовыхъ обязанностей еще опредѣленныя обязанности государственнаго свойства. Чашникъ также вмѣшивается въ финансовое управленіе какъ и сенешаль; постельничій, завѣдующій всею дворцовою частью, является своего рода министромъ двора; и наконецъ, коннетабль имѣетъ вліяніе на военное дѣло, онъ главнымъ образомъ завѣдуетъ феодальною частью войска.

Вокругъ этихъ важныхъ чиновныхъ и должностныхъ лицъ стоитъ довольно большой разрядъ людей, которые называются куріалами (curiales) – члены королевской куріи. Это частію писцы, частію духовные, которые раздѣляютъ между собою технику дѣла, мало по малу накопляющагося въ рукахъ королевскаго управленія, и пріобрѣтаютъ значеніе королевскаго административнаго совѣта. Значеніе это все растетъ, и королевская курія мало по малу становится постоян-

-нымъ учрежденіемъ, которое даже приходится расчленить на двѣ части: на судебную палату и счетную. Такъ мало по малу вокругъ короля образуются двѣ группы: чиновниковъ, которые хранятъ общее направленіе, стоятъ за свои интересы, и рыцарей въ высшихъ частяхъ, каковы, напримѣръ, сенешаль, чашникъ, постельничій, коннетабль, которые берутся преимущественно изъ мелкихъ рыцарей Иль-де-Франскаго княжества. Но вся масса куріаловъ — разночинцы, люди, отбившіеся отъ своихъ сословій: духовные, которые не занимали прямо духовныхъ мѣстъ, рыцари, которые почему-либо пошли въ школу, отказались отъ военнаго дѣла, попадали сюда даже горожане и крестьяне, которые служатъ полезной технической помощью. Въ этой группѣ, тѣсно примыкающей къ королевской власти, теряется мало по малу сознаніе различія сословій, и вырабатывается общее направленіе, которое есть съ одной стороны направленіе административнаго захвата, захватывающаго все, что можно только, подъ королевскую власть, и которое съ другой стороны, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ идеальными стремленіями самой образованной части французскаго общества.

Всѣ они получали или духовное или свѣтское римское образованіе, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они въ самомъ воспитаніи получали необыкновенное уваженіе къ началу власти, которое такъ слабо представлялось въ феодальномъ мірѣ, представителемъ котораго являлся король. Поэтому они служили королю и захватывали все больше и больше въ пользу его учрежденій, но это совершалось изъ цѣлей, такъ сказать, идеальныхъ, внушенныхъ полученнымъ воспитаніемъ.

Уже въ концѣ XII в. начинаетъ образовываться сословіе, воспитанное по-свѣтски. Въ концѣ XII в. при Филиппѣ Августѣ открывается Парижскій Университетъ, это не случайный фактъ, что Филиппъ Августъ организуетъ привиллегированную промышленную корпорацію — Парижскій Университетъ. Это обстоятельство было не случайно, эта корпорація ему была нужна для выработки государственной техники, которая учитъ уже по образцамъ римскаго права, подготовляетъ внѣшнюю форму и орудіе для правоваго развитія XIII в. Куріалы и люди, получившіе воспитаніе на Римскомъ и каноническомъ правѣ, начинаютъ осуществлять идею стараго права, возраждать идею Римскаго права въ примѣненіи къ условіямъ феодальнаго сред-

невѣковаго міра. Какія это имѣло громадныя послѣдствія, это мы увидимъ послѣ, теперь только намъ слѣдуетъ отмѣтить, что прежде, чѣмъ въ этомъ направленіи сложилась дѣятельность эпохи Людовика Святаго, эпохи вліянія юристовъ, она была подготовлена временемъ Филиппа Августа, временемъ конца XII в.

Кромѣ центральной администраціи и той кучки куріаловъ, которая сложилась около королевской власти, надо обратить вниманіе и на условія устройства областной администраціи. Въ областной администраціи приходится считаться главнымъ образомъ съ двумя силами. Это, во-первыхъ, королевскій prévôt. Королевскій prévôt точно такъ-же соединяетъ различныя формы компетенціи въ своихъ рукахъ, какъ и сенешаль. Это тоже прежде всего приказчикъ, вѣдающій дѣла собственныхъ королевскихъ помѣстій, устанавливающій размѣръ барщины, тѣ дни, когда надо выходить на помочь, имѣющій судъ надъ крестьянами; однимъ словомъ, praepositus или prévôt соединяетъ въ своихъ рукахъ проявленія феодальной власти короля. Но рядомъ съ этимъ онъ является и представителемъ короля по отношенію ко всѣмъ мелкимъ свободнымъ землевладѣльцамъ, все мелкое рыцарство можетъ быть привлечено къ суду prévôt, ему не подчинены только бароны. Затѣмъ къ суду prévôt привлекаются граждане, находящіеся подъ покровительствомъ короля, ему отдается въ вѣдѣніе не только тотъ помѣстный округъ, который населенъ королевскими крѣпостными крестьянами, но отдается также извѣстное число мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, состоящихъ въ сосѣдствѣ съ этимъ помѣстнымъ округомъ.

Другая ступень іерархіи — это baillis, организованная для того, чтобы притянуть къ королевской юрисдикціи сеньоровъ, бароновъ, которые имѣютъ уже самостоятельное государственное положеніе и поэтому на судъ приказчика не пойдутъ. Бальи обыкновенно человѣкъ съ мечемъ, т.е. рыцарь самъ и его судъ — судъ пера, т.е. та форма суда, которая такъ рѣзко отличается отъ суда приказчика: судъ приказчика — единоличный, судъ бальи — это судъ коллегіальный, въ которомъ бальи является только предсѣдателемъ, а главное значеніе имѣютъ засѣдатели, т.е. тѣ перы, которые были вызваны къ суду.

Во всякомъ случаѣ при Филиппѣ Августѣ устраивается и нижній и верхній ярусъ королевской администраціи: и та система, которая подчинила королю людей незнатныхъ, и та, которая организова-

ла мало по малу людей знатныхъ, людей военныхъ и бароновъ. Надо замѣтить, что сенешальство не удержалось въ королевской администраціи, оно было отмѣнено, какъ представляющее слишкомъ сильную власть. Оно попало въ руки одного очень могущественнаго Иль-де-Франскаго семейства Гарландовъ, въ которомъ должность стала переходить по наслѣдству, а не по назначенію короля. Послѣ уничтоженія сенешальства обязанности его распредѣлились между канцлеромъ и коннетаблемъ: канцлеръ получилъ всѣ права по внутреннему управленію, коннетабль по военному управленію.

Вотъ главныя черты той административной системы, основанной на соединеніи частныхъ и государственныхъ обязанностей и на контролѣ всѣхъ областныхъ администрацій въ королевской куріи, главныя черты административной системы, которая послѣ Филиппа Августа развилась совершеннѣе, но все-таки оставалась въ сущности на тѣхъ-же самыхъ главныхъ основаніяхъ. При непосредственныхъ преемникахъ Филиппа Августа, при Людовикѣ VIII и Людовикѣ IX, замѣтны уже существенные результаты установленія этой административной системы, является возможность реформы феодальнаго быта съ точки зрѣнія, взятой изъ совершенно иного порядка, съ точки зрѣнія той государственной системы, которая была еще въ памяти средневѣковаго общества, именно, системы государства Римлянъ.

Римское право во Франціи. Для того, чтобы понять исторію XIII в. необходимо сдѣлать отступленіе, именно, въ сторону характеристики развитія Римскаго права и его возрожденія во Франціи, потому что, именно, развитіе и то вліяніе, которое пріобрѣло Римское право въ XIII в. во Франціи объясняетъ собственно всю внѣшнюю дѣятельность Людовика VIII и Людовика IX. Людовикъ IX, который, какъ извѣстно вамъ, и заслужилъ особую репутацію справедливаго короля, носителя, такъ сказать, правосудія, въ своей дѣятельности, въ осуществленіи идеи правосудія является представителемъ собственно только въ очень законченной и видной формѣ движенія юридическаго, которое распространилось по всему вѣку. Онъ также типиченъ для XIII в. какъ судья, какъ Филиппъ типиченъ для XII в. какъ король администраторъ.

Надо, во-первыхъ, замѣтить, что Римское право никогда не умирало во Франціи. Въ этомъ отношеніи положеніе Франціи для реформы было

много выгоднѣе, нежели положеніе Германіи или Англіи. Оффиціальная традиція Римскаго права существовала въ компиляціяхъ, составленныхъ еще при первыхъ варварскихъ государяхъ; компиляціи эти составлены на основаніи источниковъ позднѣйшаго Римскаго права. Главной изъ этихъ компиляцій была Вестъ-Готская компиляція VI в., такъ называемая Breviarium alaricianum, которая была составлена по отрывкамъ классическихъ юристовъ, преимущественно Гая и Павла и затѣмъ Өеодосіева кодекса. Къ этимъ отрывкамъ, довольно не систематически выбраннымъ, было придано обширное и очень грубое interpretatio, которое однако практически имѣло даже больше значенія, нежели самый бревіарій. Этотъ breviarium alaricianum и затѣмъ подобная-же Бургундская компиляція держались во Франціи, особенно въ южной Франціи, до самаго XII в.; ихъ примѣняли часто даже и въ тѣхъ областяхъ Франціи, которыя находились подъ господствомъ Салической и Рипуарской Правдъ, преимущественно потому, что въ этихъ компиляціяхъ было развито подробно ученіе о правѣ, которое въ Салической и Рипуарской Правдахъ выработалось очень слабо, но которое при осложненіи отношеній стало совершенно необходимо, именно, право гражданское. Эти осложненія, явившіяся какъ только варварскія отношенія перепутались съ отношеніями Римскихъ провинцій, заставили имѣть въ видъ вспомогательныхъ источниковъ эти Римскія компиляціи. Вслѣдствіе взаимодѣйствія Римскихъ компиляцій и варварскихъ Правдъ появился даже особый родъ юридическихъ памятниковъ, именно, формулы, которыя занимаютъ среднее положеніе между Римскимъ и феодальнымъ правомъ, которыя существуютъ одинаково въ области примѣненія и Бургундскихъ, и Готскихъ, и Франкскихъ законовъ. Эти формулы и грамоты представляютъ, такъ сказать, различные варіанты и рецензіи Римскаго права, и именно, послѣдовательное развитіе, преемственность Римскаго права до знаменитаго его возрожденія въ школахъ, отразилось не въ капитуляріяхъ Карла Великаго, а въ этихъ формулахъ, которыхъ сохранилось очень много; составились цѣлыя коллекціи, коллекціи, напримѣръ, Маркульфа, Сирмонда, такъ называемая, Линденброга, и эти коллекціи въ разныхъ передѣлкахъ имѣли одинъ и тотъ-же основной фактъ, именно, варварская жизнь съ ея гражданскими отношеніями втѣснялась въ Римское гражданское право.

Итакъ, во Франціи никогда Римское право не умирало вполнѣ, но оно получило необыкновенное политическое значеніе уже послѣ теоретическаго возрожденія, которое совершилось въ Италіи и относится какъ разъ къ XII в. Въ XII в. совершилось возрожденіе Пандектнаго права въ Италіи, т.е. вмѣсто того, чтобы изучать кодексы и отрывки изъ кодексовъ, стали изучать отрывки классическихъ юристовъ I и II в. Первая форма изученія систематическаго права была еще въ примѣненіи къ Лонгобардскому праву. Первая школа, Павійская, приняла на себя разборъ эдиктовъ Лонгобардскихъ королей. Но эти эдикты она критиковала уже не безъ вліянія римской точки зрѣнія и съ большимъ презрѣніемъ относилась къ простой буквѣ эдиктовъ и къ комментаріямъ чисто Германскаго происхожденія. Внѣшнимъ, очень курьезнымъ выраженіемъ, является то, что тамъ, гдѣ въ древнихъ комментаріяхъ стояло сокращеніе „a" вмѣсто antiqui, тамъ изучавшіе Лонгобардское право съ Римской точки зрѣнія возстановляли asini, уже эта одна черта совершенно характеризуетъ ихъ общее отношеніе. Кончилось дѣло тѣмъ, что Римское право совершенно вытѣснило Лонгобардское. Школа Ирнерія Болонскаго имѣла въ виду прямо все юридическое образованіе Университета и практику судоговоренія подчинить изученію Пандектъ, но изученію Пандектъ съ глоссами. Развитіе первой глоссы, которое начинается еще въ XI в., продолжается и развивается въ XII в.; эта первая глосса держится чрезвычайно близко самаго текста; она просто напросто беретъ текстъ Пандектъ и глоссируетъ каждое устарѣвшее отдѣльное выраженіе. Эта глосса признаетъ за Пандектами силу, такъ сказать, ratio scripta; именно, вслѣдствіе этого религіознаго отношенія къ тексту Пандектъ является пренебреженіе къ тексту варварскихъ источниковъ. Но мало по малу изъ глоссъ получается попытка системы, попытка сравнить отдѣльныя постановленія, свести итоги. Всѣ глоссы, всѣ отдѣльныя примѣчанія сливаются въ одну, сопровождающую текстъ — glossa ordinaria, которая образуется главнымъ образомъ благодаря работамъ Аккурсія и Азо. А разъ образовалась такая глосса, такъ сказать, посредствующее звено между классическими юристами и варварами, Университетъ становится судебною силою, и черезъ эту глоссу вліяетъ на право въ трибуналахъ. Это выражается въ извѣстной пословицѣ: quod non agnoscit glossa, non agnoscit forum.

Изученіе Римскаго права въ XI и XII вв. поставило вновь вопросъ о практическомъ вліяніи этого права на судъ средневѣковаго государства. То вліяніе компиляцій варваровъ, которое замѣтно и раньше, распространялось на отдѣльные институты, отдѣльныя учрежденія, но не касалось реформы всего общественнаго строя, не подрывало феодализма въ его корняхъ. Совсѣмъ другое дѣло было съ вліяніемъ теоретическаго возрожденія права, потому что тутъ мало того, что знакомились съ извѣстными сложными и неправильными варварскими формами и учрежденіями, мало того, что переносили эти формы, стремились значительно измѣнить частные факты правовой жизни Среднихъ вѣковъ: изучая Римское право въ школахъ, проникались духомъ, который примириться съ средневѣковыми условіями не могъ.

Римское гражданское право, такъ, какъ оно сложилось въ эпоху классическихъ юристовъ и какъ оно перешло въ кодексы впослѣдствіи, возникло на почвѣ, во-первыхъ, вполнѣ правильно организованнаго государства, во-вторыхъ, государства, несомнѣнно, монархическаго. Уже тотъ фактъ, что Римская гражданская система не признаетъ никакихъ коренныхъ различій между отдѣльными классами общества по отношенію къ правительственной и судебной защитѣ, уже этотъ фактъ ставилъ все дѣло на совершенно иную почву, нежели та, которая служила основаніемъ для средневѣковыхъ отношеній. Средневѣковое право немыслимо безъ предположенія цѣлаго ряда ступеней и различій, ступеней сословныхъ и политическихъ. Устанавливается извѣстная сфера бароновъ и рыцарей, затѣмъ устанавливается извѣстная сфера, которая находится въ политическомъ подчиненіи, сфера вилланов; однимъ словомъ, все общество представляется крайне расчлененнымъ. Общество, которое имѣется въ виду у Римскаго права, напротивъ представляется по существу совершенно однороднымъ. - Затѣмъ государственная власть, которую предполагаетъ повсюду Римское право, эта государственная власть безусловная, не останавливающаяся передъ какой-нибудь областной или классовой самостоятельностью, передъ правами какихъ-нибудь отдѣльныхъ мелкихъ мѣстныхъ корпорацій, а такой безусловной власти вся исторія Среднихъ вѣковъ точно также не представляла. И съ той, и съ другой стороны: и съ политической, и съ соціальной въ школахъ изучали быть, глубоко отличающійся отъ средневѣковаго порядка, и проникались сознаніемъ,

что правильное развитіе возможно только, если разорвать совершенно съ основой этого средневѣковаго порядка, совершенно стать на новую точку зрѣнія. Этотъ разъ сложившійся взглядъ тотчасъ-же сталъ оказывать практическое вліяніе на возвышеніе государственной власти, возвышеніе монархизма въ средневѣковомъ государствѣ.

Для того, чтобы доказать свои императорскія государственныя права по отношенію къ Итальянскимъ областямъ и по отношенію къ свободнымъ городамъ Ломбардіи, Фридрихъ Барбаросса вызвалъ себѣ на помощь Болонскихъ юристовъ, докторовъ правъ Болонскаго Университета, которые, именно, основываясь на Римскомъ правѣ, выводили, что власть въ государствѣ должна быть единоличной, что всякая мѣстная привилегія своимъ источникомъ имѣетъ свободную волю государя, что свобода городовъ Ломбардіи зависитъ отъ воли императора и должна сообразоваться съ законными постановленіями, исходящими отъ императорской власти.

Совершенно такъ же разсуждали новые юристы и во Франціи и въ Англіи, только тамъ приходилось считаться съ иными элементами сопротивленія, приходилось главнымъ образомъ проводить идею Римскаго права не въ противоположность корпораціямъ самостоятельныхъ городовъ, а въ противоположность самостоятельности феодальныхъ династовъ. Во Франціи первые признаки возрожденія теоретическаго Римскаго права даны въ двухъ работахъ, которыя относятся къ первой половинѣ XIII в., это, именно, въ книгѣ Пьера-де-Фонтеня (Institutes) и книгѣ неизвѣстнаго автора: „Livre de justice et de plaid" (Книга справедливости и судопроизводства). И въ той, и въ другой компиляціи матеріалы Римскаго права совершенно преобладаютъ надъ варварскими, внѣшнія формы даны исключительно ученіемъ Римскихъ классическихъ юристовъ и онѣ неловко перенесены на средневѣковую почву. Не сдѣлано никакой попытки слiянія по содержанію, нѣтъ никакой попытки, какъ слѣдуетъ, втиснуть, такъ сказать, средневѣковую жизнь въ рамки Римскаго права. Это форма неопытной компиляціи, которая имѣетъ больше литературное значеніе и значеніе, поскольку оно свидѣтельствуетъ о воззрѣніяхъ той эпохи, чѣмъ по практическимъ результатамъ.

Но разъ дорога была проложена въ этомъ направленіи, дѣло продол-

жалось. Вслѣдъ за этой компиляціей является другая, которая прямо называется именемъ Людовика IX, хотя король собственно никакого участія въ ней не принималъ, и въ ней не выражается офиціальный результатъ его дѣятельности: это была компиляція „Établissements de S. Louis". Эта компиляція, которая относится къ серединѣ XIII в., заключаетъ въ себѣ два ордонанса Людовика Святого и кутюмы Анжуйскій и Орлеанскій. Тутъ является уже совершенно ощутительно новое воззрѣніе. Римское право въ школахъ оказало практическое вліяніе, потому что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ сочиненнымъ, не съ книжнымъ правомъ, а съ правомъ мѣстнымъ, примѣнявшимся въ жизни и съ двумя варіантами этого мѣстнаго права. И въ томъ, и въ другомъ является цѣлый рядъ ученій, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ Римскаго права.

Для примѣра укажу на то, что въ этихъ кутюмахъ развивается ученіе о давности, о пріобрѣтеніи владѣльческаго права занятіемъ давнимъ, ученіе, которое совершенно чуждо варварскимъ Правдамъ. Изъ нихъ въ Средніе вѣка знали только одну давность и то такую грубую, что она не могла быть принята въ практикѣ — давность года и дня. Это первоначальная форма Германской давности. Напримѣръ, если свободный человѣкъ находился въ теченіи одного года и дня въ несвободной мѣстности, то онъ уже становился несвободнымъ; наоборотъ, крестьянинъ, бѣжавшій въ городъ, становился свободнымъ, если онъ жилъ тамъ въ теченіи одного года и дня. Для сколько-нибудь сложныхъ владѣльческихъ правъ этотъ срокъ являлся, конечно, слишкомъ короткимъ, и поэтому такая давность по отношенію къ владѣнію землей впервые замѣняется 30-лѣтней давностью, взятой изъ Римскаго права, и вслѣдствіе этого тотчасъ-же измѣняется чрезвычайно существенно весь характеръ гражданскаго иска о завладѣніи, о нарушеніи правъ владѣльца.

Во-вторыхъ, въ варварскомъ правѣ при возникновеніи дѣла о нарушеніи правъ владѣльца не заботились сначала о возстановленіи правъ первоначальнаго владѣльца, а прямо переходили къ вопросу о собственникѣ: кто собственникъ? завладѣвшій или тотъ, у котораго отнимаютъ? Римское право въ этомъ отношеніи дѣйствовало гораздо осторожнѣе: прежде чѣмъ разбирать вопросъ о собственникѣ, оно возстановляло то право, которое было нарушено. Положимъ В отнимаетъ у А землю; прежде чѣмъ разбирать вопросъ: А или В собственникъ? Римское право возстановляло владѣніе А, и затѣмъ уже при-

ступало къ разбору вопроса о собственникѣ. Въ данномъ случаѣ Римское право дѣйствовало гораздо послѣдовательнѣе, потому что этимъ совершенно устранялось самоуправство, то самоуправство, которое является съ точки зрѣнія Римскаго права вторженіемъ частной воли въ область вѣдѣнія государства. Римское право отстраняетъ прямо это вторженіе институтомъ возвращенія владѣнія - réintégrande.

Третье существенное соціальное измѣненіе вносится относительно положенія дѣтей. По феодальному праву положеніе отца опредѣляло сословное положеніе ребенка (такъ опредѣлялось потому, что отецъ держитъ ребенка въ своей власти); поэтому если отецъ былъ рабъ, то и ребенокъ считался рабомъ. Существовала даже худшая форма сословнаго права, - это форма, при которой ребенокъ слѣдуетъ всегда худшему состоянію, напримѣръ, въ смѣшанномъ бракѣ свободнаго съ полусвободной дѣти были полусвободные, или полусвободнаго съ рабой дѣти были рабы; смѣшанные браки всегда въ такомъ случаѣ вели къ худшему состоянію, къ худшему праву: deteriorem conditionem sequantur. Вотъ тутъ опять-таки является вліяніе Римскаго права и получается: ventre affranchits - положеніе матери имѣетъ окончательное вліяніе на установленіе сословнаго права.

Это два, три примѣра, которые я взялъ наудачу для того, чтобы показать, какъ въ существенныхъ частяхъ право начинало принимать форму, совершенно чуждую средневѣковымъ порядкамъ и заимствованную изъ школьнаго изученія Римскаго права.

Это, разъ начавшееся движеніе продолжалось вездѣ. Рядомъ съ этими кутюмами, Орлеанскимъ и Анжуйскимъ, возникаетъ компиляція Бомануара (Beaumanoir) - такъ называемое, coutume de Beauvaisis.

Я особенно настаиваю на этомъ, потому что всѣ эти наблюденія даютъ намъ необходимый историческій фонъ для оцѣнки дѣятельности одного чрезвычайно важнаго историческаго лица - Людовика IX Святаго. Обыкновенно о Людовикѣ Святомъ, увлекаясь Жуанвилемъ, полнотой и законченностью его характеристики, говорятъ преимущественно какъ о личности, выдающейся извѣстнымъ положеніемъ, такъ сказать, своимъ собственнымъ вліяніемъ, - Людовикъ IX является въ сущности представителемъ одного чрезвычайно распространеннаго движенія, движенія, которое идетъ во всѣхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и заканчивается только въ предѣлахъ королевской юрис-

дикціи. Это общее правовое движеніе, возрожденіе государственныхъ отношеній къ обществу, возрожденіе государственнаго права и тѣсно связаннаго съ нимъ гражданскаго.

Людовикъ VIII (1223-1226). Возвращаюсь теперь, послѣ этого необходимаго отступленія относительно юридической исторіи XIII в., къ главной задачѣ, именно, къ послѣдовательному развитію государственной власти во Франціи.

О Людовикѣ VIII, принявшемъ королевство между Филиппомъ Августомъ и Людовикомъ IX, не приходится много говорить, потому что онъ пожалъ плоды того, что было посѣяно его отцемъ Филиппомъ Августомъ: онъ получилъ въ свои руки сенешальства Бокеръ и Каркассонъ, получилъ ихъ отъ сына Симона де-Монфора, Амори де-Монфора. Оказалось, какъ имѣлъ въ виду еще Филиппъ Августъ, что самостоятельности южная Франція удержать не въ состояніи; еще Симонъ де-Монфоръ находился иногда въ очень дурномъ положеніи въ своей борьбѣ съ Арагонскимъ королемъ, который опирался на движеніе самаго юга Франціи къ самостоятельности. Тѣ феодальныя и крестоносныя ополченія, съ которыми онъ производилъ походы, оставляли его иногда въ трудную минуту. Мало было силъ этого случайнаго соединенія крестоносцевъ для того, чтобы удержать цѣлую область. И вотъ сынъ Симона Амори передаетъ завоеванныя области Французскому королю, такъ что окончательная организація юга является дѣломъ королевской власти. Тутъ рѣшался вопросъ капитальный для всего существованія Франціи. Одно время можно было думать, что вся Франція распадется на двѣ совершенно различныя государственныя системы, что сѣверъ отдѣлится отъ юга, что образуются два государства: до такой степени были различны этнографическіе элементы, сѣверный и южный порядокъ. На сѣверѣ преобладали Германскіе элементы, Невстрійскіе Франки очень скоро оказали рѣшительное вліяніе; югъ — Аквитанія — выработалъ свой особый языкъ, свою особую культуру, совершенно отличную отъ сѣверной, свой особый политическій строй. Различіе заостряется мало по малу до того, что на югѣ даже религіозныя воззрѣнія принимаютъ совершенно другой характеръ: является манихейство, дуализмъ. Поэтому всей французской націи грозило распаденіе на двѣ самостоятельныя части. Главнымъ факторомъ, который не далъ обособиться, было то обстоя-

тельство, что манихейство юга было слишкомъ изолировано среди средневѣковаго общества. Та Альбигойская ересь, ересь Катаровъ, которая утвердилась въ Аквитаніи, разрывала не только съ сущности съ католицизмомъ, но и съ христіанствомъ, какъ оно понималось въ большинствѣ западныхъ странъ. Она къ чрезвычайно рѣзкой противоположности двухъ міровъ прибавила ученіе объ исконной борьбѣ двухъ началъ — добраго и дурнаго. И въ соотвѣтствіи этой противоположности и этой борьбѣ ставится и все остальное. Ветхій Завѣтъ, напримѣръ, объясняется вліяніемъ дурнаго начала, доброе начало выступаетъ только въ исторіи Новаго Завѣта. Затѣмъ въ самой жизни искали осуществленія аскетическаго идеала, который на практикѣ былъ невозможенъ. Вслѣдствіе этого все распадалось на двѣ сферы: на сферу жизни Катаровъ и сферу жизни вѣрующихъ. Въ кругъ Катаровъ можно было вступать только послѣ извѣстнаго нравственнаго очищенія. Вся религіозная жизнь получила антикатолическую и антихристіанскую окраску, вызывавшую противодѣйствіе не только со стороны сѣверной Франціи, но вызывавшую сопротивленіе и гоненіе и со стороны папской власти и со стороны убѣжденій. И такъ какъ крестовый походъ тутъ направляется противъ своего рода Западнаго Востока, противъ манихейства, перенесеннаго съ Востока на Западъ, то въ концѣ концовъ религіозною борьбою воспользовались политическія силы.

Была уничтожена буквально всякая самостоятельность въ этой странѣ; мало того, что была уничтожена ея политическая самостоятельность, была сама страна опустошена, но и долго еще продолжались постоянныя гоненія: еретики считались наравнѣ съ евреями, какъ бы въ числѣ людей, рабски принадлежащихъ королю Франціи. Евреи и еретики были своего рода имѣніемъ Французскаго короля, онъ имѣлъ полное право надъ ними и могъ эксплуатировать ихъ по своему усмотрѣнію. Такое положеніе дѣлъ на югѣ продолжалось очень долго, только при Филиппѣ Красивомъ въ XIV в. мало по малу южныя земли пріобрѣтаютъ нѣкоторыя политическія права, хотя все-таки тамъ является инквизиція и т. п. Во всякомъ случаѣ при Людовикѣ VIII распаденіе на южную и сѣверную части, грозившее Франціи, устраняется.

Людовикъ IX (1226-1270).

Царствованіе Людовика IX въ отношеніи внѣшнихъ пріобрѣтеній является въ сущности очень безплоднымъ. Онъ не только не воспользовался слабостью Англіи при Генрихѣ III, но даже послѣ счастливой войны отдалъ Генриху нѣсколько областей, которыя по его мнѣнію легально должны были принадлежать Англіи, а не Франціи, до такой степени онъ питалъ необыкновенное, можно сказать, суевѣрное уваженіе къ справедливости. Но если съ внѣшней точки зрѣнія его царствованіе далеко не даетъ тѣхъ результатовъ, которые дало царствованіе Филиппа Августа или Людовика VIII, то результаты внутренней политики при Людовикѣ IX имѣютъ совершенно капитальное значеніе.

При Филиппѣ Августѣ устанавливается мало по малу административная система, административная сѣть, но администрація это только исполнительная власть, власть внѣшняя, необходимо извѣстное материальное право, которое она должна проводить въ жизнь, и вотъ это материальное право складывается главнымъ образомъ въ царствованіе Людовика IX. Въ данномъ случаѣ личность короля чрезвычайно удачно подходитъ къ общему направленію вѣка. Жуанвиль описываетъ, какъ король каждый разъ, когда выходилъ изъ дворцовой церкви, былъ окружаемъ со всѣхъ сторонъ людьми всѣхъ сословій, которые приносили ему жалобы. Онъ принималъ ихъ и неустанно разбиралъ всѣ дѣла. Онъ не стѣснялся узкимъ феодальнымъ взглядомъ относительно вмѣшательства королевской власти; онъ держался основнаго положенія, что всякая отдѣльная власть во Французскомъ королевствѣ происходитъ отъ власти Французскаго короля, и что король долженъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ феодальныхъ вассаловъ.

Людовикъ дошелъ до того, что произнесъ приговоръ противъ своего роднаго брата за то, что тотъ ограбилъ на большой дорогѣ буржуа, простаго купца, который имѣлъ королевскую грамоту. Или, напримѣръ, онъ взыскалъ строго съ барона Ангерана де-Куси за то, что этотъ баронъ казнилъ путешественниковъ, ѣхавшихъ съ луками и стрѣлами по его землѣ, которыхъ онъ вслѣдствіе этого заподозрѣлъ въ браконьерствѣ. По феодальному праву онъ имѣлъ землю, которая ему принадлежала издавна, на этой землѣ онъ одинъ могъ охотиться, и вотъ, когда онъ захватилъ людей съ инструментами охоты въ своихъ владѣніяхъ,

т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ царемъ, онъ и распорядился съ этими людьми по своему. Но уже въ то время возникаетъ другой взглядъ, тотъ взглядъ, что вся Франція представляетъ собственно одну область юридически, что въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ между отдѣльными феодальными владѣніями, а что право всей Франціи находится подъ охраной Французскаго короля. Именно, въ юридическомъ отношеніи можно сказать, что Франція складывается въ эпоху Людовика IX въ виду того, что замѣчается цѣлый рядъ вмѣшательствъ государства въ юрисдикцію сеньора, въ юрисдикцію Церкви; поводомъ къ такимъ дѣйствіямъ является охрана буржуа, купцовъ.

Вслѣдствіе этого развивается техника судоговоренія, судебный механизмъ въ Парижѣ, и образуется Старшій парламентъ королевства Парижскій, который просуществовалъ до самой Великой Французской революціи. Онъ прямо связанъ по своему происхожденію съ старой куріей и сложился поэтому изъ двухъ совершенно различныхъ элементовъ: съ одной стороны въ него входитъ кругъ перовъ, т. е. кругъ тѣхъ вассаловъ, которые прямо держатъ отъ короля власть, стоятъ отъ короля въ ближайшей зависимости. Курія перовъ это первый элементъ, курія непосредственныхъ вассаловъ короля, которые являются судить, засѣдать въ его судъ, — это элементъ феодальный. Но затѣмъ, рядомъ съ этимъ элементомъ стоитъ совершенно другой, — канцелярія, которая пополняется изъ разночинцевъ: изъ клириковъ, изъ людей школьныхъ, людей, изучавшихъ Римское право, канцелярія, засѣдатели которой сливаются съ самостоятельной феодальной куріей въ одну массу и образуютъ изъ себя, именно, парламентъ.

При Людовикѣ IX масса эта расчленяется, но не на основаніи сословнаго распредѣленія, а на основаніи тѣхъ дѣлъ, которыми вѣдаютъ тѣ или другія части этого парламента. Для сужденія о гражданскихъ дѣлахъ, объ уголовныхъ преступленіяхъ высшихъ бароновъ выдѣляется изъ этой куріи одна коммиссія cour des pairs, потому что графа Фландрскаго или архіепископа Реймсскаго судить не могла, конечно, канцелярія или простые дворяне, или клирики, или горожане: судьи должны быть равны — перы, т. е. долженъ быть судъ куріи перовъ. Но затѣмъ большая часть дѣлъ сосредоточивается въ такъ называемой grande chambre, главной судебной палатѣ, которая вѣдала дѣла, приходившія изъ королевскаго домена, изъ королевскихъ княжествъ: изъ Иль-де-Франса

и изъ всѣхъ областей, которыя къ нему примыкали.

Рядомъ съ этими двумя учрежденіями, чисто судебнаго характера, стоятъ два другихъ. Во-первыхъ, палата жалобъ (chambre des requêtes); уже эта палата жалобъ показываетъ, какъ отличается тотъ юридическій строй, который вводится теперь, отъ феодальнаго. Жалобы принимаются со всѣхъ сторонъ, въ данномъ случаѣ не дѣлается различія между другими областями и королевскимъ княжествомъ; жалобы приходятъ сюда и изъ Бургундіи, и изъ Аквитаніи, и на основаніи этихъ жалобъ вмѣшиваются въ юрисдикцію князей. Во-вторыхъ, слѣдственныя палаты (chambres des enquêtes). Эти палаты представляютъ уже совершенно не феодальныя свойства. Вы знаете, что форма феодальнаго суда такая-же, какъ и въ варварскихъ Правдахъ; все дѣло заключалось не въ томъ, чтобы разобрать юридическій вопросъ по существу, а въ томъ, чтобы поставить стороны въ извѣстныя равныя положенія, чтобы одна сторона не имѣла слишкомъ большихъ преимуществъ передъ другой, разслѣдованія-же по существу нѣтъ. Такое разслѣдованіе является, именно, въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ и управляющей ими камерѣ. Король уже не остается въ сторонѣ отъ дѣлъ, ограничиваясь регулирующей ролью, а вмѣшивается въ разборъ вопросовъ по существу. Коммиссіи производятъ повальные обыски, допрашиваютъ свидѣтелей и т.п. Вся организація этого порядка завершается устройствомъ слѣдственной палаты, которая имѣетъ компетенцію совершенно такую-же, какую теперь имѣетъ судебная палата.

Итакъ, и со стороны жалобъ и со стороны слѣдствія королевская власть выступаетъ изъ той пассивности, которую ей придавало феодальное право, по которому король не имѣлъ никакого особеннаго вліянія на судъ, на разрѣшеніе спора свободныхъ людей. Онъ могъ судить, какъ ему угодно, только своихъ ближайшихъ вассаловъ, но по отношенію къ свободнымъ людямъ онъ связанъ, онъ можетъ только вѣдать дѣло, и кромѣ того онъ можетъ вѣдать дѣло только съ формальной стороны. Иной порядокъ наступаетъ при Людовикѣ IX. Жалобы принимаются въ палатѣ и приходятъ отовсюду, все равно, изъ королевскихъ ли областей, или изъ другихъ; дѣла разбираются относительно всѣхъ областей, такимъ образомъ князь не исключаетъ болѣе королевской власти. И затѣмъ дѣло разбирается по существу, а не съ формальной только стороны.

Таково капитальное развитие, совершившееся въ XIII в. главнымъ образомъ благодаря знакомству съ теоріями, происшедшими въ эпоху дѣятельности вполнѣ сложившагося государства. Сообразно съ этой новой юридической постановкой дѣла измѣнился, конечно, порядокъ судебнаго процесса. Я не буду входить въ подробности, укажу однако на два капитальныхъ факта. Когда Людовику IX надо было организовать слѣдствіе, то королевской власти пришлось по необходимости отказаться отъ кореннаго начала варварскихъ Правдъ, отъ порядка средневѣковаго суда, именно, отъ порядка частнаго обвиненія. Разслѣдованіе преступленія перестаетъ быть дѣломъ гражданскимъ, является procedure d'office, вмѣсто частнаго обвиненія является именно въ XIII в. государственное обвиненіе, обвиненіе прокуратуры, вслѣдствіе того, что государство считаетъ себя обиженнымъ прямо и вмѣшивается самостоятельно, не дожидаясь толчка со стороны. Затѣмъ государство организуетъ самую систему судопроизводства, и эта новая организація очень любопытна.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно важное начало, которое прошло черезъ всю исторію Французскаго права.

Развитіе Французскаго права всегда противополагается развитію Англійскаго. Англійское право — народное, право обычное; во Франціи подъ вліяніемъ Римскихъ порядковъ въ эпоху зарожденія, въ XIII в. право измѣнилось, приняло характеръ профессіональный юридическій, и вмѣстѣ съ судомъ присяжныхъ является здѣсь форма, заимствованная изъ каноническаго суда, форма, которая была организована для разбора церковныхъ дѣлъ Латеранскимъ соборомъ 1215 г. Подъ вліяніемъ Римскаго права является письменное судопроизводство и судопроизводство профессіональное: дѣла ведутся главнымъ образомъ письменными документами, а въ судѣ народный элементъ не участвуетъ, есть только чиновники судьи. Такимъ образомъ Французскій судъ потерялъ тотъ элементъ, который характеризуетъ развитіе Англійскаго суда.

Остается упомянуть еще объ одномъ важномъ фактѣ — о развитіи судопроизводства. Процессуальное право есть важная часть юридическихъ отношеній, которая не менѣе права матеріальнаго показываетъ, насколько измѣнились условія, и насколько разви-

вавшаяся королевская власть стремилась упразднить положение феодального суда. Вы помните, что въ основании феодального судопроизводства лежитъ положение, что каждый феодальный сеньоръ человѣкъ вполнѣ самостоятельный, что онъ только можетъ произносить приговоръ, и высшей инстанціи для суда пера нѣтъ. Это основное положение феодального права, замкнутость феодального суда нарушается мало по малу королевскимъ судомъ и порядкомъ его судопроизводства. Именно, является постоянное стремленіе со стороны короля вызывать на свой судъ для провѣрки рѣшенія низшихъ судовъ. Дѣло не кончается въ судѣ заседателей какого-нибудь феодального графа, а по жалобѣ одной изъ сторонъ (appelle de faux jugement) оно переходитъ и выше, переходитъ къ главному королевскому суду для провѣрки (appelle comme d'abû) и устанавливается такимъ образомъ іерархическая связь, іерархическое право со стороны высшаго суда по отношенію къ низшему.

Вотъ главное основаніе того процесса, который происходилъ въ юридической жизни въ эпоху Людовика IX. Слѣдующая затѣмъ эпоха характерна иными условіями; это эпоха, въ которую развивается новая сторона королевской власти, сторона финансовая. Насколько королевской власти необходима администрація, судъ, настолько въ концѣ концовъ ей необходимы и правительственныя средства, необходима подать, и вотъ въ этомъ отношеніи начало полагается главнымъ образомъ царствованіемъ Филиппа IV Красиваго, относящимся къ концу XIII и къ началу XIV в. (1285–1314).

Филиппъ III (1270–1285). Предшественникъ Филиппа Красиваго Филиппъ III не имѣлъ никакого существеннаго значенія въ исторіи Франціи. Онъ былъ занятъ неудачнымъ Испанскимъ походомъ, и изъ внутреннихъ его распоряженій имѣетъ значеніе развѣ только одно реакціонное распоряженіе, — ордонансъ 1275 г., по которому запрещалось ротюрьерамъ покупать ленныя земли, т. е. ленное землевладѣніе ставилось въ связь съ рыцарской, военной службой. Такой ордонансъ со стороны короля свидѣтельствуетъ объ образованіи феодальной реакціи противъ мѣръ, клонившихся въ пользу короля, о сознательномъ отношеніи со стороны феодальной аристократіи къ тому разложенію, котораго добивается королевская власть, и при этомъ сознательномъ отношеніи является попытка добыть уступку

со стороны королевской власти, обѣщаніе, что онъ не будетъ трогать феодальнаго строя. И вотъ, противъ горожанъ или крестьянъ, людей низкихъ, находящихся подъ специальной охраной короля, которыхъ онъ старается выдвинуть, чтобы опереться на нихъ, аристократія требуетъ, чтобы они земель не пріобрѣтали покупкою. Это единственное важное постановленіе царствованія Филиппа III.

Филиппъ IV Красивый (1285–1314).

За то царствованіе Филиппа IV Красиваго имѣетъ чрезвычайно существенное значеніе въ исторіи Франціи. И въ отношеніи внѣшней политики царствованіе это прошло не безплодно: Филиппъ Красивый пріобрѣлъ Шампань, пріобрѣлъ Наварру, Франшконте, значительно ослабилъ власть Англичанъ въ Гіеннѣ, Западной Франціи, дѣлалъ попытки подчинить себѣ даже Фландрію, попытки, которыя не удались, потому что Англійскій король Эдуардъ I оказался слишкомъ хорошимъ полководцемъ, храбрымъ воиномъ, но попытки эти и не остались совершенно безъ результатовъ, потому что установились извѣстныя правовыя притязанія Французскаго короля на Фландрскій ленъ.

Финансовая политика. Но эта внѣшняя дѣятельность еще все-таки не составляетъ существенной части дѣла Филиппа Красиваго. Главное дѣло заключалось въ томъ, что мало по малу въ это царствованіе устанавливается порядокъ доходовъ, устанавливаются начала для податной системы Франціи. Положеніе короны до Филиппа Красиваго въ податномъ отношеніи было крайне невыгодно. Какіе были у короны доходы? Доходы самые собственно незначительные и ничтожные: во-первыхъ, король получалъ доходы съ своихъ помѣстій, въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ другихъ помѣщиковъ; затѣмъ, у него были различныя случайныя права феодальнаго происхожденія: право инвеституры, право помощи въ экстренныхъ случаяхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ничего специальнаго не было, здѣсь король являлся только высшимъ сеньоромъ.

Единственнымъ специальнымъ правомъ короля является его регалія по отношенію къ Церкви. Именно, въ случаѣ ваканціи духовной должности доходы съ этой должности поступали въ пользу короля. Конечно, это право давало королю возможность эксплуатировать аббатства.

Потомъ регалія была относительно евреевъ и еретиковъ, объ этой регаліи мнѣ уже приходилось говорить. Еретики, евреи, ломбардцы, т.е. чужестранцы, всѣ разсматривались какъ люди, которыхъ терпятъ въ государствѣ, но терпятъ только, пока хотятъ. Имъ можно продавать покровительство, но пользованіе какими-нибудь общими законами не стоитъ давать. Королевская власть и продаетъ имъ свое покровительство, поэтому еретики находятся подъ постояннымъ покровительствомъ короля, но оно имъ дорого стоило. Какою страшною тяжестью это давленіе королевской власти ложилось на населеніе, видно изъ того, что, когда послѣ цѣлаго ряда разорительныхъ дѣйствій королевскихъ коммиссаровъ на югъ, гдѣ было главное мѣстонахожденіе еретиковъ, была отправлена коммиссія въ 1300 г., которой было поручено умѣрить требованія, то этихъ коммиссаровъ приняли какъ спасителей, ихъ просто обожали, и ихъ изображенія были поставлены въ церкви рядомъ съ изображеніями апостоловъ Петра и Павла.

Но всѣ эти права имѣли болѣе или менѣе случайный характеръ. Точно также не могли помочь государству и такія дѣла, какъ дѣло тампліеровъ. Такъ какъ этотъ орденъ обладалъ очень большими богатствами, то въ 1308 г. Филиппъ началъ дѣйствія противъ ордена, конфисковалъ его имѣнія и наконецъ предалъ казни гроссмейстера (Якова Моле) и другихъ членовъ. Время достаточно выяснило, что большею частью обвиненія противъ тампліеровъ были голословны. Орденъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ ужасныхъ дѣйствій: во-первыхъ, обвиняли, что онъ имѣетъ тайный статутъ, въ которомъ проводятся еретическія мнѣнія, а во-вторыхъ, что въ самомъ богослуженіи совершаются поруганія надъ христіанскою церковью, однимъ словомъ, его, какъ и Альбигойцевъ обвиняли въ томъ, что онъ занесъ съ востока цѣлый рядъ убѣжденій, совершенно нехристіанскихъ. Насколько видно изъ сохранившихся актовъ ордена, можно заключить, что дѣйствительно въ орденѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ закрались мнѣнія и обычаи, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющіе, наоборотъ даже, прямо ему противоположные, которые явились вслѣдствіе вліянія, заноса съ востока. Но это вліяніе распространялось никакъ не на весь орденъ, а держалось въ отдѣльныхъ его частяхъ, и поэтому вообще не было никакого повода расправиться съ орденомъ

такъ, какъ расправились съ нимъ Филиппъ Красивый и Эдуардъ I при помощи папы. Главнымъ образомъ руководствовалась корона не этимъ теоретическимъ религіознымъ соображеніемъ, а фискальнымъ, желаніемъ поживиться насчетъ богатаго ордена и ради этого воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что представлялось годнымъ для того, чтобы покончить съ нимъ.

Итакъ, ясно было, что устроить податную систему на такихъ правахъ нельзя, и вотъ со стороны Филиппа Красиваго является цѣлый рядъ частныхъ мѣръ, которыя клонятся къ одной общей цѣли - пріучить мало по малу общество къ взгляду, что оно должно помогать государству правильной субсидіей, что оно должно платить государству извѣстный взносъ, на который устраивается государственная администрація, устраивается войско. Пріучить феодальное общество къ такому взгляду было дѣломъ крайне труднымъ. Всякая субсидія феодальному обществу представлялась какъ нѣчто совершенно исключительное, какъ экстренная помощь, которая оказывалась сеньору при отправленіи въ крестовый походъ, при выкупѣ изъ плѣна или при выдачѣ замужъ дочери. Затѣмъ сеньоръ могъ обратиться съ просьбою о денежной помощи и въ другихъ случаяхъ, но тогда вассалъ былъ въ правѣ отказать ему въ этомъ. И вотъ такъ, именно, и относилось населеніе къ требованію государства, оно чрезвычайно неохотно давало денежную помощь, не хотѣло войти въ положеніе государства, которое нуждалось постоянно въ податяхъ.

Любопытно многообразіе тѣхъ финансовыхъ средствъ, которыя пускалъ въ ходъ Филиппъ Красивый, и любопытно съ нашей точки зрѣнія. Мы такъ привыкли къ подати, считаемъ ее необходимою, что для насъ крайне трудно представить, къ какимъ ухищреніямъ и насиліямъ приходилось прибѣгать Филиппу для того, чтобы въ слагающемся государствѣ привить самое понятіе подати. Первоначально, оказалось, подать является государственнымъ разбоемъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, это форма очень распространенная въ царствованіе Филиппа Красиваго. Онъ обращался къ какому-нибудь отдѣльному богатому лицу или городу и требовалъ у него займа, который всегда разумѣлся какъ заемъ безъ отдачи, на который поэтому смотрѣли всегда не хорошо.

Вотъ одно изъ писемъ Филиппа Красиваго къ одному коммерсанту

(Круассону), которое хорошо характеризует положение государства. Сначала Филиппъ Красивый считаетъ нужнымъ разъяснить ему, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится государство и какъ онъ поэтому нуждается въ помощи, а затѣмъ грозитъ своимъ гнѣвомъ: „вы видите ясно, въ какой мы находимся нуждѣ, чтобы защищать королевство, васъ и всѣхъ другихъ въ королевствѣ, какъ мы жертвуемъ не только деньгами и имуществомъ, но и самою нашею особою, не бѣгая отъ опасностей и золъ, которыя могутъ съ нами приключиться. А такъ какъ для этой настоятельной необходимости намъ приходится дѣлать издержки безъ счета и числа, то мы и обращаемся къ тѣмъ, кто особенно расположенъ къ намъ, и чье состояніе особенно зависитъ отъ насъ въ счастіи и бѣдствіи. Просимъ васъ съ величайшею любовью — помогите намъ по привязанности и вѣрности къ намъ, по желанію добра намъ, королевству и себѣ, по нежеланію вызвать наше полное негодованіе; просимъ — помогите намъ займомъ въ три ливра. Прямо вамъ говоримъ, что никогда не будемъ считать васъ другомъ и вѣрноподданнымъ, если оставите насъ въ этой нуждѣ."

Въ этомъ-же родѣ велись переговоры и съ цѣлыми городами. Начиналось обыкновенно съ того, что являлся королевскій коммисаръ и просилъ не въ счетъ и не въ примѣръ будущему дать какую-нибудь субсидію королю, но городъ ссылался при этомъ на свои права, указывая, что онъ не желаетъ отступать отъ своихъ существенныхъ правъ. Тогда уже пускались въ ходъ угрозы, что король можетъ разгнѣваться, можетъ лишить городъ всѣхъ правъ. Наконецъ, подъ условіемъ, что это въ примѣръ будущему не пойдетъ, уговаривались насчетъ какой-нибудь субсидіи.

Переговоры съ отдѣльными князьями, отдѣльными баронами были еще затруднительнѣе. Король своими требованіями подати встрѣчался съ династическими правами феодаловъ, т. е. являлся запросъ такого рода: кто государь въ данномъ мѣстѣ? и кто поэтому имѣетъ право на сборы податей? По феодальному праву государемъ даннаго мѣста былъ ея князь, а король былъ не государь даннаго мѣста, а только сеньоръ князя и права на сборы не имѣлъ, а только право на помощь. Вслѣдствіе этихъ препирательствъ приходилось много торговаться съ князьями, и условливались обыкновенно на томъ, что 1/3, 1/4, даже 1/2 всей субсидіи бралъ князь себѣ.

Любопытна секретная инструкція, данная финансовымъ коммиссарамъ въ 1302 г., въ которой ясно выражается борьба между зараждающимся государствомъ съ его финансовыми требованіями и самостоятельными баронами и князьями. Король пишетъ своимъ коммиссарамъ: „покажите, насколько ордонансъ относится сострадательно къ мелкому люду и вѣжливо къ платильщикамъ. Говорите съ народомъ тихо, покажите, какъ велики ослушанія, смуты, вредныя дѣйствія нашихъ подданныхъ въ Фландріи (инструкція дана была по поводу фландрскаго похода). - Если случится въ народѣ волненіе, объясните, что они денежной уплатой освобождаются отъ тѣлесной опасности, отъ разоренія походовъ. Противъ воли бароновъ не взимайте сборовъ въ ихъ владѣніяхъ и держите этотъ приказъ въ тайнѣ, особенно статью о бароніяхъ, а имена сопротивляющихся сообщите намъ". И такого рода сопротивленія являлись во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовали субсидію. Оставалось только одно, - король намѣчалъ себѣ главныхъ сопротивляющихся и затѣмъ наказывалъ ихъ поодиночкѣ, поэтому организованнаго вида сопротивленіе не имѣло.

Филиппу Красивому не удалось получить всего того, чего онъ добивался, но всякій годъ онъ кое-что добывалъ въ смыслѣ субсидіи. Эти хлопоты о постоянной подати, насильственное вытребованіе ея создали ему репутацію самую нелестную, его считали тиранномъ, грабителемъ. На всю эту дѣятельность государство смотрѣло какъ на незаконное вымучиваніе средствъ отъ народа, и само государство совершенно признавало вѣрность такой точки зрѣнія въ нравственномъ отношеніи.

Мало по малу составилась около Филиппа Красиваго цѣлая группа сборщиковъ и агентовъ, которые выбирались, именно, изъ людей, прежде всего не разборчивыхъ по средствамъ. Они вымогали у населенія обложеніе тамъ, гдѣ было можно, и умѣли стушеваться тамъ, гдѣ нельзя.

Формы обложенія были тоже очень различны. Сначала, напр., въ 1292 г. устанавливается, такъ называемое, maltôte, т.е. косвенное обложеніе пошлиною предметовъ продажи: все, что продавалось на рынкѣ, подчинялось оплатѣ пошлиною. Но это вмѣшательство государства во всѣ сдѣлки рынка были крайне неудобны, и населеніе обозвало эту пошлину maltôte (дурной сборъ). Мало по малу государство перешло къ прямому обложенію, выработало сборы сотыхъ - centièmes, удвоеніе - cinquantièmes; на югѣ появляются сборы по

числу огней (дымовъ), по числу трубъ домовыхъ - fouage.

Тяжесть податей несоразмѣрно увеличивалась вслѣдствіе крайняго несовершенства способовъ взиманія. Администрація сборовъ нуждалась въ правительственномъ контролѣ; затѣмъ нужно было опредѣлить размѣры сборовъ, и потомъ, главное, высшая администрація руководилась въ этомъ дѣлѣ одной точкой зрѣнія: надо, чтобы король получилъ какъ можно больше, и поэтому обыкновенно дѣлалось такъ: съ сборщикомъ торговались относительно суммы, которую онъ могъ обезпечить, бралась круглая цифра, которая тутъ-же и выплачивалась. Затѣмъ уже сборщикъ на свой страхъ взималъ съ плательщиковъ, причемъ весь его интересъ заключался въ томъ, чтобы загнать цифру выше заплаченной; понятно, какія получались изъ этого вымогательства въ частныхъ случаяхъ, хотя такой способъ сбора и былъ выгоденъ для короля.

Не мудрено, что на всю эту финансовую организацію королевство смотрѣло не хорошо, и въ концѣ царствованія Филиппъ Красивый, не смотря на всю свою энергію, хитрость и послѣдовательность, не въ состояніи былъ проводить ту точку зрѣнія относительно обложенія королевства, которую онъ проводилъ сначала. Ему приходилось подыскивать другіе способы, и вотъ является чрезвычайно интересное учрежденіе, возникшее изъ зарожденія тѣхъ-же самыхъ началъ, которыя развились въ Англіи въ политическую свободу: являются генеральные штаты. Первые генеральные штаты были собраны въ 1302 г. не по податному вопросу, а по церковному вопросу, по поводу борьбы съ папой; но затѣмъ въ 1308 и 1314 г. собираются генеральные штаты по податному вопросу, по вопросу объ установленіи повинностей, которыя падали бы на все населеніе Франціи, захватили бы всю государственную систему дѣлъ.

Дѣло идетъ, именно, о томъ, чтобы заставить Францію дѣйствовать какъ государство цѣльное, сплошное, а не какъ федерацію отдѣльныхъ областей. А достигнуть этого на законномъ основаніи можно только однимъ способомъ - собрать всѣ части разрозненной государственной власти вокругъ короля, т.е. всѣхъ феодальныхъ династовъ, всѣхъ церковныхъ іерарховъ, представителей всѣхъ городскихъ республикъ. Собравъ всѣ эти разрозненныя части государственной власти можно, такъ сказать, слѣпить верховную власть

всей Франціи. Это и есть собственно генеральные штаты какъ конгрессъ всѣхъ отдѣльныхъ государей, влiявшихся во Франціи. Такова основная точка зрѣнія въ первомъ періодѣ дѣятельности этого учрежденія. Мало по малу она измѣняется, генеральные штаты являются вмѣсто конгресса сословнымъ представительствомъ, но это уже дѣло позднѣйшихъ поколѣній: первоначально въ это феодальное учрежденіе созывали тѣхъ лицъ, которыя обладали частной верховной властью.

Я говорю, что это учрежденіе чрезвычайно важно и любопытно потому что, въ концѣ концовъ, не на иномъ основаніи развиваются и первыя формы Англійскаго парламентаризма. Англійскій парламентъ это тоже съѣздъ Англійскихъ князей, съѣздъ лицъ, которыя королю принуждены были отдать часть своей власти, но затѣмъ постепенно это учрежденіе изъ феодальнаго и сословнаго сдѣлалось общенароднымъ.

Въ данный моментъ исторія генеральныхъ штатовъ напоминаетъ первую часть Англійскаго процесса, и тутъ-же приходится остановиться на одномъ условіи, которое съ самаго начала показываетъ, что въ жизни Англіи и жизни Франціи есть существенная разница. Парламентъ Англіи въ самую первую эпоху своего существованія не расчленился на рѣзко раздѣлившіеся классы, онъ представлялъ очень однородную массу: духовные совѣщались вмѣстѣ съ свѣтскими, мелкіе рыцари вмѣстѣ съ крупными, судебные совѣтники принимали участіе вмѣстѣ съ рыцарями. Во Франціи съ самаго начала, съ генеральныхъ штатовъ 1302 г., является раздѣленіе на 3 сословія, на три разныя рѣзкія группы: духовныхъ, дворянъ и горожанъ. Это обыкновеніе, которое впослѣдствіи будетъ все больше и больше обозначаться, и было одной изъ главныхъ причинъ, почему не удалась сословная конфедеративная система французскаго парламента. Сословія Французскаго народа были слишкомъ разобщены между собою, между тѣмъ какъ въ Англіи при самомъ началѣ всѣ сословія идутъ вмѣстѣ. Итакъ, желаніе установить финансовую систему ведетъ къ созыву общегосударственнаго съѣзда.

Отношеніе къ Церкви. Еще въ другомъ отношеніи сказывается во время царствованія Филиппа Красиваго общій результатъ дѣятельности цѣлаго ряда поколѣній въ созданіи, именно, послѣдовало отчужденіе отъ Церкви.

Связь съ католической церковью является въ исторіи всѣхъ средневѣковыхъ государствъ чрезвычайно важною, и въ исторіи всѣхъ этихъ государствъ мы наблюдаемъ двѣ эпохи. Сначала мы замѣчаемъ движеніе церкви къ безусловному преобладанію надъ государствомъ, что и удается, — государство едва отстаиваетъ свое положеніе, едва сохраняетъ свою самостоятельность, оно находится подъ опекой Церкви. Это — періодъ феодализма. Государственная власть и сила постепенно разлагаются, а церковь все растетъ. Космополитическая связь Римской іерархіи, которая возродилась вслѣдствіе аскетическаго движенія въ XI в., эта космополитическая связь безусловно придавливала государство. Оно не въ состояніи бороться съ ней, силы слишкомъ неравны. И даже такая власть, какъ власть Германскаго императора, не въ состояніи ладить съ папой, потому что ея основная сила слишкомъ слаба: она опирается на цѣлый рядъ самостоятельно существующихъ областей. Это первый періодъ вліянія Церкви, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ политическія потребности общества развиваются, и какъ общество изъ своей формы отдѣльныхъ федеративныхъ областей переходитъ къ государству, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, по мѣрѣ того, какъ складывается администрація, судъ, подать, вліяніе Церкви падаетъ, а свѣтская власть растетъ, потому что она уже опирается не на непрочную связь самостоятельныхъ феодаловъ, а на національныя и политическія связи, очень широкія.

Борьба Филиппа Красиваго съ церковью и есть борьба складывающагося государства съ космополитической силой церкви. Бонифацій VIII въ концѣ XIII в. выразилъ въ самой рѣзкой формѣ коренное воззрѣніе папства на отношенія государства къ Церкви. По поводу юбилея, который Бонифацій VIII праздновалъ въ 1300 г., онъ и самъ и затѣмъ черезъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, чрезъ кардинала Аква Спарта развилъ крайнюю теорію преобладанія Церкви: всякая свѣтская власть является только отраженіемъ той власти надъ людьми, которая предоставлена Христомъ его преемнику — папѣ, и старую теорію Августина о государствѣ діавола и государствѣ Божіемъ примѣнили къ этому церковнополитическому вопросу, теорію, которая имѣла капитальное значеніе для политическихъ отношеній Среднихъ вѣковъ въ томъ смыслѣ, что свѣтское устройство только тогда можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, если оно примыкаетъ прямо къ организаціи церкви.

Государство свѣтское - это государство сатаны, а государство церкви - Божіе. Всякая свѣтская власть поэтому - и власть королевская и власть княжеская - это отраженіе власти первосвященника, отношеніе между властью короля или князя и папы то-же самое, какъ отношеніе между свѣтомъ солнца и свѣтомъ луны. Луна получаетъ свой свѣтъ только отъ солнца, своего собственнаго свѣта она не имѣетъ, точно такъ-же король Франціи или другой какой-либо своей самостоятельной власти не имѣютъ, а заимствуютъ власть отъ папы, который отвѣчаетъ за нихъ и за всю совокупность христіанъ передъ Богомъ. Затѣмъ развивалась теорія двухъ мечей, т.е. теорія, по которой папѣ предоставлялась даже непосредственно власть свѣтская, поскольку она признавалась во всемъ западномъ христіанствѣ. Во время юбилейной процессіи несли два меча - мечъ свѣтскій и мечъ духовный, и оба они принадлежали папѣ.

И вотъ съ этимъ экзальтированнымъ представителемъ всесильной папской власти пришлось столкнуться Филиппу Красивому, этому лукавому, упрямому практику, который не щадилъ своихъ силъ и средствъ для того, чтобы достигнуть осуществленія своихъ цѣлей. Естественно, что борьба вышла очень сильная, очень рѣзкая, и, какъ извѣстно, она кончилась пораженіемъ папской власти.

Я не буду слѣдить въ данномъ случаѣ за подробностями борьбы, но необходимо выяснить тѣ главные пункты, изъ-за которыхъ происходила борьба, потому что эти главные пункты очень характерны для развитія самаго понятія государственности, и поэтому нельзя обойти въ курсѣ, имѣющемъ главною цѣлью характеристику какъ разъ возникновенія государственныхъ системъ въ Европѣ.

Споръ велся въ это время между Церковью и государствомъ главнымъ образомъ по двумъ вопросамъ, независимо отъ общаго вопроса о подчиненіи свѣтской жизни церковному началу на томъ-же основаніи, на какомъ тѣло физическое подчиняется духовному, подчиняется душѣ, независимо отъ этого общаго вопроса, являются два частныхъ вопроса, которые вызывали на столкновеніе, - это вопросъ податной и вопросъ юрисдикціонный. Мы видимъ, что XIII вѣкъ во Франціи какъ разъ тѣмъ и отличается, что мало по малу слагается государственная власть въ податномъ и юрисдикціонномъ отношеніи. Является общегосударственный судъ, падаетъ феодальное начало съ его разрознен-

ностью суда, съ его отсутствіемъ податей, и мало по малу выдвигается объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ общества подъ охраной государственной власти. Церковь въ данномъ случаѣ предъявляла два требованія, съ которыми возникавшая государственная охрана помириться не могла. Во-первыхъ, она требовала, чтобы ей было предоставлено исключительное вѣдѣніе всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны клирики, безъ различія: дѣло-ли это общественное, по общественному преступленію или дѣло, такъ сказать, духовное. Государство не отрицало у Церкви дисциплинарнаго Церковнаго суда, т.е. суда надъ клириками въ дѣлахъ, касающихся церковной дисциплины, не отрицало у Церкви и гражданскаго суда надъ клириками въ дѣлахъ между послѣдними или въ дѣлахъ, которые подпадали свѣтской феодальной юрисдикціи Церкви. Но слагающееся государство, развивая сферу своей судебной дѣятельности, стало требовать, чтобы дѣла уголовныя были въ вѣдѣніи государства даже въ томъ случаѣ, если уголовное преступленіе совершено духовнымъ лицомъ. Эти общія преступленія должны были подлежать юрисдикціи государства. Это церковь признавала нарушеніемъ ея иммунитета, ея права на самостоятельный судъ, который являлся привилегіей ея въ государствѣ. Съ другой стороны церковь предъявляла чрезвычайно широкія требованія относительно нѣкоторыхъ дѣлъ, подрывавшихъ религію и нравственность. Всѣ дѣла даже между свѣтскими лицами, даже не затрогивающіе интересовъ духовенства, но имѣющія отношеніе къ религіознымъ вопросамъ и къ нравственнымъ вопросамъ, должны были состоять въ вѣдѣніи церкви. Такова была крайняя точка зрѣнія, вызывавшая естественную реакцію. Не мудрено, что она вызывала на борьбу, потому что изъ нея вытекало право Це[illegible]лучать съ гражданскими послѣдствіями, производить отлученія, за которымъ должно было слѣдовать въ гражданскомъ порядкѣ, во-первыхъ, неправоспособность, конфискація имущества, а, во-вторыхъ, въ иныхъ случаяхъ и заключеніе въ тюрьму, и казнь, и тѣлесное наказаніе. Требовалось такимъ образомъ, чтобы свѣтская рука взяла на себя наказаніе матеріальное.

Нарушеніе религіозныхъ интересовъ было еще и другое. Брачное право, отношенія между супругами, все оказывается подъ вліяніемъ церковнаго судопроизводства, потому что оно вытекаетъ изъ

законнаго таинства брака. И нарушенія таинства брака разными ненормальностями брачныхъ отношеній всѣ подлежатъ такимъ образомъ юрисдикціи Церкви и выходятъ изъ вѣдѣнія государства. Семейное и наслѣдственное права точно также извѣстными своими сторонами примыкаютъ къ Церковной дисциплинѣ. Церковная іерархія предъявляетъ такія притязанія, которыя, собственно говоря, если-бы они когда-нибудь осуществились, привели бы къ отчужденію чуть не всего гражданскаго права въ пользу церковной юрисдикціи, потому что, напримѣръ, сплошь и рядомъ доктора каноническаго права учили, что всѣ договоры подлежатъ вѣдѣнію Церкви, всѣ нарушенія договоровъ, потому что договоры освящаются присягой. Какъ только состоялась присяга, при которой дѣйствуетъ священникъ, является религіозный элементъ, такъ дѣло подпадаетъ церковной юрисдикціи. Вслѣдствіе такихъ притязаній соглашенія между зарождающимся государствомъ и Церковью быть не могло.

Съ другой стороны выдвигался податной вопросъ съ такимъ-же иммунитетомъ. Пока никто не платилъ прямаго налога, не являлось важнымъ рѣшить, имѣетъ-ли право государство облагать церковную личность податью безъ утвержденія Церкви или нѣтъ. Но Филиппъ Красивый выдвинулъ податную систему и требовалъ уплаты податей со стороны общества, распространяя свои требованія не только на свѣтскій элементъ, не только на феодаловъ и города, но также и на Церковь, на церковныя лица. Тѣ возражали, что въ данномъ случаѣ Церковь въ силу своихъ привилегій и иммунитета замѣняетъ короля, что всякая попытка обложить ее податью безъ ея воли есть посягательство на самую религіозную самостоятельность Церкви, религіозная самостоятельность немыслима безъ этой самостоятельности. Такимъ образомъ тутъ мы имѣемъ выраженіе того-же взгляда, который играетъ до сихъ поръ роль, и на основаніи котораго отстаивается власть папы. Церковь въ силу своего покровительства и охраны имѣетъ право на иммунитетъ въ государствѣ и даже на надзоръ. Вотъ пункты, по которымъ и происходила борьба.

Въ 1296 г. папа издалъ по поводу отдѣльныхъ взысканій Филиппа Красиваго съ церковныхъ земель денегъ буллу, которая называется, какъ всякая булла по первымъ словамъ, „Clericis laicos." Въ этой буллѣ онъ заявлялъ, что государство не имѣетъ права производить ника-

кихъ поборовъ съ Церкви кромѣ тѣхъ случаевъ, когда Церковь сама высказываетъ согласіе на добровольный даръ государству.

Въ развитіи этой борьбы папа пошелъ дальше, послалъ къ королю нунція, епископа города Памье, который долженъ былъ изложить королю цѣлый рядъ упрековъ относительно его управленія и не только относительно Церкви, но и относительно свѣтскаго управленія. Епископъ, напримѣръ, долженъ былъ по порученію папы сдѣлать выговоръ Филиппу Красивому за то, что тотъ чеканитъ дурную монету, за то, что онъ разоряетъ свѣтскихъ лицъ точно такъ-же, какъ разоряетъ Церковь. И въ данномъ случаѣ онъ ссылался на авторитетъ Церкви. Въ отвѣтъ на это крайнее заявленіе права Церкви по отношенію къ государству король сдѣлалъ также очень крайнее проявленіе власти. Онъ, именно, задержалъ этого епископа и предъявилъ противъ него обвиненіе по частнымъ вопросамъ, независимо отъ самаго общаго столкновенія относительно податей и юрисдикціи, предъявилъ ему нѣсколько обвиненій свѣтскаго уголовнаго свойства и этимъ нарушилъ иммунитетъ Церкви въ лицѣ одного изъ ея главныхъ представителей.

Тогда послѣдовала другая булла — „Ausculta, fili", которая подробно разъясняла отношенія между свѣтской властью и духовной. Тутъ являлось и схоластическое ученіе: и теорія относительно духа и тѣла и теорія Августина о двухъ мірахъ, и государствѣ свѣтскомъ — государствѣ діавола и государствѣ духовномъ — Божественномъ, и теорія объ источникахъ свѣта, который является непосредственнымъ въ Церкви и только отраженнымъ въ государствѣ. Однимъ словомъ борьба съ частныхъ пунктовъ переносится на общую почву, на которой она прежде велась между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV Германскимъ.

Характерно, какъ поступилъ король для того, чтобы отвѣтить на эту буллу. 10 Апрѣля 1302 г. онъ собралъ всѣхъ представителей разрозненной государственной власти въ своемъ королевствѣ и совѣтовался съ ними объ отвѣтѣ. Между тѣмъ въ народѣ распространилась подложная булла, въ которой всѣ аргументы и теоріи папы были искажены до карикатурности. Всѣ негодовали на папу, причемъ духовенство не отдѣлилось отъ свѣтскихъ элементовъ, и штаты потребовали въ своемъ заявленіи королю, чтобы король въ интересахъ всей Франціи не допускалъ, чтобы съ его короной обращались какъ съ зависи-

ной. Завязывалось такимъ образомъ національное обоснованіе государственнаго заявленія въ самомъ рѣшеніи феодаловъ: заявлялось это не только королемъ, но и всѣми его товарищами по государственной власти во Франціи.

Заручась этой нравственной поддержкой, Филиппъ Красивый поступилъ, какъ извѣстно, очень рѣзко. Извѣстно, чѣмъ разрѣшилась борьба; извѣстно, какъ былъ посланъ въ Италію Ногаретъ, какъ онъ нанесъ папѣ оскорбленіе, котораго тотъ не вынесъ (Ногаретъ ударилъ его по щекѣ). Послѣ смерти Бонифація VIII папы подпали полному вліянію королей, и если бы Французская королевская власть удержалась на той высотѣ, на которую поставилъ ее Филиппъ Красивый, то по всѣмъ вѣроятіямъ тутъ-же и образовался бы капитальный расколъ. Климентъ V по водвореніи въ Авиньонѣ въ сущности пересталъ быть папой всего западнаго христіанскаго міра, а подчинился совершенно давленію Франціи. Но къ счастію для единства западнаго христіанства какъ разъ въ это время стала образовываться сильная реакція противъ того развитія государства, созиданіе котораго велось такъ послѣдовательно и такъ успѣшно предыдущими королями. При этой реакціи матеріальное положеніе папы во Франціи сдѣлалось менѣе опасно, чѣмъ могло бы оно быть, если бы на Французскомъ престолѣ продолжали сидѣть такіе-же государи, съ такими-же силами и съ такой-же національной солидарностью, какъ государи предшествующей династіи, т.е. Людовикъ IX и Филиппъ IV Красивый. Характерно, что въ этомъ столкновеніи съ Церковью Филиппъ Красивый, не смотря на всю свою непопулярность, имѣлъ за собою національное сочувствіе.

Для оцѣнки дальнѣйшихъ отношеній Церкви къ государству чрезвычайно важное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о томъ, какъ относился общественный строй къ королю, вопросъ объ образованіи государства и объ образованіи государственныхъ теченій. Уже въ послѣдніе годы Филиппа Красиваго замѣчается попятное движеніе, въ этомъ случаѣ попятное движеніе очень характерно для исторіи развитія вообще. Мы видимъ, какъ поколѣніе за поколѣніемъ Французскихъ королей съ небольшими пропусками или, лучше сказать, съ небольшими ослабленіями, старается создать государственную центральную политическую власть, какъ мало по малу развивается область администраціи, суда, податная организація; мало по малу намѣчается государство. Но какъ разъ эта работа образованія государства является насколько болѣзненной и

настолько насильственной, что за первымъ успѣхомъ слѣдуетъ реакція. Общество старается отбиться отъ тѣхъ стѣсненій, которыя навлекли на нихъ новые суды, новое положеніе.

Этотъ законъ реакціи сказывается въ исторіи всѣхъ государствъ Среднихъ вѣковъ, и исторія этой реакціи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, потому что въ сущности отъ того, какъ пошла эта исторія, зависитъ вопросъ, сложатся-ли въ результатѣ средневѣковаго процесса извѣстныя основы конституціоннаго строя или нѣтъ, образуется-ли противоположность централизаціи государства вокругъ королевской власти и въ противовѣсъ государственнымъ задачамъ сила общественнаго контроля, которая обезпечила-бы самостоятельность общества и давала-бы ему исходное законное средство вліянія на государство, или эта реакція всѣхъ самостоятельностей разобьется на отдѣльныя сопротивленія и исканія привилегій, которыя въ результатѣ не дадутъ ничего цѣльнаго, не ограничатъ королевской власти; вопросъ, конечно, капитальный и вопросъ, который разрѣшается, именно, исторіей XIV и XV вв. Какъ должна была пойти реакція во Франціи, это намѣчается съ самаго начала.

Феодальная реакція.

Феодальная реакція образовалась въ послѣдніе годы Филиппа Красиваго; одностороннія дѣйствія королевской власти для собиранія областей, для установленія юрисдикціи, финансовъ, вызывали реакцію прежде всего со стороны феодальнаго дворянства. По поводу поборовъ Филиппа Красиваго въ 1314 г. образуется общественная лига, образуется движеніе, которое совершенно напоминаетъ по своему характеру движеніе, которое вызвало Великую Хартію вольностей въ Англіи. Въ эту лигу вступили Артуа, Пикардія, Шампань, Бургундія. Старались затѣмъ внести помимо дворянскаго и общинный элементъ, сюда старались втянуть li nobles et li communs. Такимъ образомъ дѣло начиналось чрезвычайно много обѣщающимъ образомъ; образовалась какъ будто-бы такая всесословная комбинація, которая должна стѣснить королевскую власть.

Любопытно, какъ высказались сами противники; они высказались чрезвычайно рѣзко и совершенно исходя изъ общаго положенія, что королевская власть ограничена властью другихъ государей, други-

ми правами. „Да будетъ всѣмъ вѣдомо," такъ сказано въ одномъ протестѣ Шампанскаго дворянства: „какъ честный и великодушный князь, дорогой намъ и грозный государь нашъ, Филиппъ, милостію Божіею король Франціи, сдѣлалъ и взялъ много талій, вспомоществованій, незаконныхъ вымогательствъ, измѣненій чекана и т. д., чѣмъ всѣ знатные и общинные люди (и общинные люди, замѣтьте) весьма притѣснены и доведены до нищеты. И не видно, чтобы все это пошло въ честь или пользу короля либо королевства или на защиту общаго дѣла. — И мы много разъ жаловались и просили съ смиреніемъ и преданностью государя-короля, чтобы онъ эти дѣла раздѣлалъ и оставилъ, а онъ ни въ чемъ насъ не послушалъ. И еще въ этомъ 1314 г. государь-король незаконно обложилъ знатныхъ и общинныхъ людей королевства. Этого мы терпѣть и выносить по совѣсти не можемъ, потому что иначе потеряемъ наши почести (honneurs), льготы и вольности и мы сами и наши наслѣдники. Оттого — присягаемъ и клятвенно обязуемъ, по чести и совѣсти, за себя и наслѣдниковъ, графствамъ Оксерръ и Тоннерръ, знатнымъ и общиннымъ людямъ этихъ графствъ, ихъ союзникамъ и пособникамъ, что будемъ помогать и поддерживать ихъ на свой собственный страхъ и счетъ относительно обложенія нынѣшняго года и всѣхъ другихъ жалобъ и незаконныхъ новшествъ, къ которымъ король Франціи, государь нашъ прибѣгалъ или прибѣгнетъ. И да будетъ извѣстно, что при этомъ мы сохранили и сохраняемъ, постановили и постановляемъ, что всякое повиновеніе, вѣрность, честное подданство и подчиненіе, присяжное и неприсяжное, и всякую повинность королю Французскому и другимъ нашимъ государямъ мы оставляемъ, сохраняемъ и оговариваемъ."

Такимъ образомъ, не смотря на общее подчиненіе государственной власти, признаніе ея въ частныхъ феодальныхъ вопросахъ, образуется добровольная лига между людьми общинными и людьми знатными, и эта лига, опираясь на вооруженную силу, отказываетъ въ повиновеніи. Дѣло намѣчается чрезвычайно похоже на то, какъ было въ Англіи. Но король не боролся даже такъ, какъ боролся въ Англіи Іоаннъ Безземельный, король тотчасъ положилъ оружіе.

Но скоро движеніе дробится. При сынѣ Филиппа Красиваго Людовикѣ X былъ дарованъ цѣлый рядъ грамотъ. Что-же заключалось въ этихъ грамотахъ? — Во-первыхъ, чрезвычайно характерно, что грамоты даются

розно. Грамоту получают не всѣ знатные или общинные люди Франціи, а получаютъ отдѣльныя провинціи, отдѣльные штаты, такъ сказать: дворяне Шампани получаютъ свою особую грамоту, а горожане Шампанскіе получаютъ другую грамоту, Нормандія отдѣльно отъ Бургундіи... По провинціямъ такимъ образомъ народъ распадается на отдѣльныя группы, солидарности цѣлаго государства такимъ образомъ между союзниками не оказывается даже въ это первое время.

Но затѣмъ, что гораздо важнѣе, не оказывается солидарности между сословіями. Власть королевская была принуждена подчиниться лигѣ, именно, потому, что общинные и знатные люди шли заодно; но когда начали подводить итоги, когда стали эксплуатировать это движеніе, то оказалось, что интересы знатныхъ людей совершенно иные, чѣмъ интересы общинныхъ, и знатные люди выговорили себѣ прежде всего право частной войны, право суда безъ аппелляціи, т.е. возвращеніе къ феодальной формѣ суда, отъ котораго нѣтъ аппелляціи, потому что нѣтъ круга высшихъ. Вотъ характеръ тѣхъ уступокъ, которыя дѣлались дворянству. Не мудрено, что низшіе классы остались этимъ недовольны, особенно крестьяне, и уже при Филиппѣ V, т.е. при второмъ наслѣдникѣ Филиппа IV намѣчается рознь между сословіями. Поэтому является возможность королю войти въ соглашеніе съ элементами крестьянскими и съ буржуазіей противъ дворянства, и соглашеніе состоялось по поводу самаго деликатнаго вопроса — вопроса частной войны. Состоялось оно, потому что частная война съ ея безпорядками, съ ея разграбленіями отзывалась не только на бытѣ крестьянъ, которыхъ грабили, но и на бытѣ городовъ, потому что кромѣ грабительствъ война задерживала торговлю, отрѣзывала сообщенія. Филиппъ V вступаетъ въ соглашеніе съ буржуазіей и съ крестьянами для того, чтобы образовать государственное ополченіе, которое имѣетъ въ виду уничтожить всякую попытку къ веденію частныхъ войнъ. И вотъ тотчасъ-же является новая комбинація. Происходитъ эта комбинація вслѣдствіе того, что дворяне, которые руководили въ этой лигѣ, поставили себѣ чисто эгоистическія цѣли и отдѣлились отъ другихъ сословій, выставили программу, которая съ интересами другихъ сословій совершенно не согласовалась.

Такимъ образомъ намѣчаются капитальные факты въ этой реакціи: рознь между отдѣльными провинціями и еще больше рознь между отдѣльными сословіями. Сначала всѣ: и знатные, и общинные люди хо-

тѣли ограничить королевскую власть, но затѣмъ стали требовать въ концѣ концовъ всѣ провинціи и сословія особыхъ правъ, особыхъ привилегій, съ которыми другія провинціи, другія сословія помириться не могли. Вотъ исторія образованія и исхода этой первой феодальной реакціи, которая обозначается еще въ послѣдніе годы Филиппа Красиваго и при его сынѣ Людовикѣ X. На этомъ дѣло не останавливается.

Реакція въ серединѣ XIV вѣка (буржуазная).

Въ этой исторіи руководящую, выдающуюся роль игралъ феодальный элементъ, элементъ дворянства, знатныхъ, но затѣмъ въ серединѣ XIV вѣка начинается борьба партій, которая объясняется реакціей другихъ элементовъ, реакціей буржуазіи. Теперь намъ надо будетъ посмотрѣть, чѣмъ объясняется эта реакція, и какой ходъ приняло дѣло. Реакція объясняется тѣмъ, что королевская власть оказалась не на высотѣ своей задачи какъ разъ во внѣшней борьбѣ. Послѣ прекращенія старшей линіи Капетинговъ, какъ вамъ извѣстно, вступила на престолъ младшая линія Валуа и завязала борьбу съ Англійскими королями, которые предъявляли претензіи на престолъ и оттягали у Франціи сѣверозападныя провинціи, которыя были издавна собственностью Англійскихъ королей, и изъ-за которыхъ велась борьба еще при Филиппѣ Августѣ, при Людовикѣ IX. Являлось такимъ образомъ международное столкновеніе и въ этомъ международномъ столкновеніи королевская власть руководила борьбой, борьба эта была крайне неудачна. Пораженіе Филиппа VI показало, что король и рыцари, которые его окружали, стояли не на высотѣ своей задачи. Это чисто феодальное ополченіе Французской конницы рыцарей было разбито наемными стрѣлками и пѣхотой, вооруженной копьями, Англійскихъ войнъ. Пораженіе при Кресси (1346) повторилось почти въ тѣхъ-же формахъ и при Пуатье.

Королевская власть того времени подчинилась какъ-бы новому вліянію феодальнаго элемента въ формѣ рыцарства, она не уступила своихъ правъ баронамъ, не отказалась отъ государственной независимости, но она подчинилась руководящему культурному вліянію дворянства въ видѣ блестящаго рыцарства. Это блестящее рыцарство уже не годилось для новой борьбы, новыя войны велись уже сплошными массами, противъ которыхъ доблесть отдѣльныхъ рыцарей ничего не значила. Реакція эта исходитъ, именно, изъ этихъ причинъ. Сказывается сильное недовольство этимъ руко-

водствомъ, принятымъ королевскою властью, и притомъ недовольство самою дворянскою формою, которую приняла королевская власть, тѣмъ, что руководство войной отдано рыцарству, дворянству. Королю поэтому пришлось обратиться къ тому средству, которое было пущено въ ходъ Филипомъ Красивымъ — созвать штаты, онъ хотѣлъ найти національную поддержку. И вотъ передъ битвой при Пуатье собираются штаты въ 1355 г. и даютъ королю все-таки большую субсидію: 5 милліоновъ ливровъ на содержаніе 30,000 человѣкъ. Но какъ разъ это дѣло не привело ни къ какимъ результатамъ, потому что случилось столкновеніе, и въ этомъ столкновеніи было нанесено полное пораженіе Французамъ. Пораженіе при Пуатье и взятіе въ плѣнъ короля показало, что деньги, данные штатами, употреблены не такъ, какъ слѣдуетъ. Это вызвало страшное неудовольствіе. Когда нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ сраженіи возвратились въ Парижъ, на улицахъ кричали: „вотъ эти красавчики, которые предпочитаютъ носить жемчугъ и алмазы на шапкахъ, чѣмъ держать мечи и копья въ рукахъ. Они отлично съумѣли растратить на эти пустяки наши деньги, которыя собрали подъ предлогомъ войны, а вотъ Англичанъ такъ бить не умѣютъ". Вотъ въ какой атмосферѣ приходилось дѣйствовать штатамъ 1356 г. Королевская власть дискредитировалась, король самъ взятъ въ плѣнъ, регентъ, герцогъ Нормандскій, молодой человѣкъ, который не знаетъ совершенно, какъ слѣдуетъ вести дѣла, и вотъ выступаетъ впередъ третье сословіе, по счету, и главнымъ образомъ буржуазія Парижа, чтобы руководить дѣлами. Эта попытка принимаетъ характеръ гораздо болѣе систематическій, нежели первая попытка феодальныхъ дворянъ, но приводитъ къ тѣмъ-же результатамъ и въ сущности вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ. - Въ этомъ случаѣ не удается попытка общаго контроля надъ государствомъ со стороны буржуазіи.

Для духа и хода реакціи буржуазіи въ половинѣ XIV в. чрезвычайно характерны ея первыя финансовыя мѣры. Приходилось позаботиться о значительной субсидіи государству, установить, значитъ, въ той или другой формѣ высокій налогъ, высокое обложеніе, но тутъ и выяснилось вполнѣ, насколько эгоистически смотритъ на дѣло крупная буржуазія, руководящая дѣломъ. Сначала были обложены всѣ предметы торговли, но это оказалось неудобнымъ, потому что сборщикамъ приходилось вмѣшиваться во всѣ рыночныя дѣла и при этомъ страшно притѣснять населеніе, и являлась возможность обширнаго произвола.

Это было оставлено и замѣнено совсѣмъ другой системой обложенія, именно, обложеніемъ доходовъ. Доходы были обложены обратно прогрессивно, такъ сказать, т.е. вмѣсто того, чтобы подать обложенію тѣмъ тяжеле, чѣмъ богаче гражданинъ, онъ былъ распредѣленъ такъ, что особенно тяжело должны были нести подать низшіе классы, и сравнительно легко она падала процентами на классы болѣе высшіе. Обложеніе было расписано такимъ образомъ. Всѣ доходы, не превышавшіе 10 ливровъ, платили 5%; съ доходовъ, которые достигали до 40 ливровъ, платилось 2½%, а затѣмъ съ доходовъ, которые превышали 100 ливровъ, платилось только 2%, такъ что обложеніе было какъ разъ устроено всего выгоднѣе для богатыхъ людей. Въ этомъ сказывалась рука руководящаго класса, именно, богатаго купечества, которое выступило впередъ вслѣдствіе нравственнаго паденія и неловкаго положенія дворянства. Дворянство отстало, духовенство держалось большею частію въ сторонѣ, поэтому богатое купечество, преимущественно Парижское, стало руководить дѣлами и устроило такъ, что ему было легко нести новый подоходный налогъ.

Дальнѣйшее теченіе реакціи характеризуется тѣмъ-же самымъ, т.е. буржуазный элементъ привлекаетъ власть въ свои руки и отъ него отступаютъ другія сословія. Предполагается такого рода планъ государственнаго устройства, который долженъ былъ разорвать окончательно съ единовластіемъ королей, устанавливается большая коммиссія 80, которая должна была засѣдать даже въ тѣ моменты, когда самые штаты не засѣдають. Затѣмъ штаты должны были собираться періодически, изъ учрежденія болѣе или менѣе случайнаго, являвшагося только при исключительномъ воздѣйствіи общества они становятся постояннымъ учрежденіемъ, которое ограничиваетъ королевскую власть, и между отдѣльными штатами такимъ образомъ становится коммиссія, — контроль надъ королевской властью является въ совершенно организованной формѣ. Затѣмъ выбирается извѣстное число лицъ, представителей отъ различныхъ сословій, съ преобладаніемъ буржуазнаго элемента, которыя должны были взять на себя руководство текущей администраціей. Государственный совѣтъ такимъ образомъ тоже является результатомъ дѣйствительнаго представительства народа и уходитъ изъ рукъ короля, и, главное, все финансовое управленіе совершенно отнимается у королевскихъ людей. Счетная палата должна была быть составлена изъ совершенно другихъ лицъ по выбору штатовъ.

Какъ видите, произошло полное измѣненіе, которое прямо можно назвать конституціоннымъ. Вслѣдствіе этого плана, который тотчасъ же былъ приведенъ въ исполненіе, вмѣсто короля стали управлять réformateurs généraux въ числѣ 36 человѣкъ, которые управляли всѣми дѣлами центра, регентъ въ этомъ отношеніи не имѣлъ почти никакой силы. Затѣмъ réformateurs provinciaux были посланы въ области для наблюденія за сборомъ податей, для наблюденія за ходомъ работъ, королевскими приказчиками, прево, бальи.

Но эта, поступившая въ руки штатовъ, администрація оказалась сразу очень невыгодной для народа. Во-первыхъ, она оказалась не всесословной, а, такъ сказать, односословной, потому что то рѣзкое положеніе, которое выставило буржуазію руководительницей штатовъ, привело къ полному отсутствію дворянскихъ депутатовъ на штатахъ. Въ штаты почти не являлись и представители духовнаго сословія, которое, чувствуя, что въ данномъ случаѣ забывались интересы другихъ сословій, скоро стало отставать, уже въ 1357 г. почти нѣтъ депутатовъ духовенства. Но и въ буржуазіи мало по малу все дѣло сосредоточилось въ рукахъ Парижанъ, такъ что провинціальные города начали относиться съ недовѣріемъ къ новому правительству.

Во-вторыхъ, оказалось затрудненіе другаго рода. Новая администрація штатовъ была неопытна, впервые бралась за государственныя дѣла, а между тѣмъ она была принуждена вмѣшиваться въ очень техническія дѣла очень затруднительнаго свойства, такія дѣла, какъ сборъ податей, раскладка и т. д. Вслѣдствіе этого происходила страшная путаница почти весь періодъ, такая путаница, что въ концѣ концовъ всѣ желали возвратиться къ старымъ порядкамъ, преобладанію королевской власти: королевскіе чиновники притѣсняли, но по крайней мѣрѣ знали дѣло, — чиновники штатовъ и дѣла не знаютъ.

Самая сильная критика на этотъ порядокъ была дана самими штатами при реформѣ счетной палаты. Въ счетной палатѣ сводился контроль всей фискальной администраціи, и она такимъ образомъ выражала въ самой сильной степени всѣ техническія затрудненія, которыя были при замѣнѣ стараго порядка новымъ. Старые чиновники были обвинены представителями буржуазіи въ злоупотребленіяхъ и были смѣщены и замѣнены новыми. Но эти новые чиновники до такой степени не умѣли оріентироваться и не знали, что дѣлать среди путаницы счетовъ, что они

почти сряду должны были вновь вызвать въ дѣйствіе всѣхъ, только что получившихъ отставку для того, чтобы тѣ помогли имъ и научили ихъ дѣлу. Въ этомъ отношеніи работа представлялась въ высшей степени затруднительной по самому техническому свойству дѣла. А къ этимъ затрудненіямъ присоединилась еще сословная рознь.

Мало по малу буржуазная реакція распадается точно такъ-же, какъ и феодальная, и вмѣсто того, чтобы представлять національный контроль надъ королевской властью является насильственное вліяніе города Парижа на королевскую власть, т.е. нѣчто совершенно иное. Уже осенью 1357 г. всѣхъ депутатовъ буржуазіи было только 70 человѣкъ вмѣсто необходимыхъ 300, и къ этимъ 70 человѣкамъ изъ буржуазіи примыкаютъ человѣкъ 15 дворянъ и человѣкъ 15 духовныхъ. Вотъ все, что осталось отъ чрезвычайно сильнаго учрежденія, которое появилось въ 1355 г. и сдѣлало себя, такъ сказать, самостоятельнымъ.

Въ виду того, что почва постоянно съуживалась, приходилось пускать въ ходъ средства все болѣе и болѣе террористическія. Подъ вліяніемъ необходимости образовать диктатуру Парижской буржуазіи на началахъ не національнаго вмѣшательства, а опеки сильнаго отдѣльнаго города, Парижъ, во-первыхъ, образуетъ свою особую военную силу, которая должна была держать регента какъ бы въ плѣну, и происходитъ какъ-бы бунтъ передъ глазами регента, рядомъ съ нимъ были убиты два его ближайшихъ совѣтника. Самъ регентъ находился одно время въ опасности, и Этьеннъ Марсель, который стоялъ во главѣ Парижскихъ депутатовъ, надѣлъ ему на голову шапку съ цвѣтами Парижа для того, чтобы спасти его отъ смерти.

Такимъ образомъ эта администрація стала держаться уличными бунтами, но силы одного Парижа были слишкомъ малы, чтобы это могло долго продолжаться, приходилось искать себѣ пособниковъ въ провинціяхъ. И въ провинціяхъ въ концѣ концовъ въ виду того, что дворяне отстали отъ дѣла, въ виду того, что крестьяне тоже не сочувствуютъ движенію, Парижскому спеціально, въ концѣ концовъ Парижскіе депутаты ищутъ поддержки въ совершенно стихійномъ движеніи, которое является недалеко отъ Парижа, въ движеніи Жаковъ.

Подъ вліяніемъ Англійской войны и всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя проистекали изъ этой войны, крестьяне попали въ страшно тяжелое положеніе, и обычныя формы податей и повинностей, которыя бы-

ми обязательны для крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, постоянно нарушались; плѣнные сеньоры и ихъ жены, которыя не были взяты въ плѣнъ, взыскивали съ крестьянъ больше, чѣмъ слѣдовало, взыскивали, сколько хотѣли. Государство также было принуждено предъявлять чрезмѣрныя требованія. Этимъ нарушалось, такъ сказать, правовое сознаніе крестьянства, и во многихъ мѣстностяхъ вспыхнулъ крестьянскій бунтъ, который не имѣлъ никакой опредѣленной программы, шелъ страшно жестоко и свирѣпо. Гдѣ было можно крестьяне просто на просто перебивали сеньоровъ. Жаки никакой опредѣленной политической или соціальной системы не имѣли, но они представляли своего рода стихію.

Вотъ Марсель и завязалъ сношенія съ Жаками. Это былъ послѣдній шагъ, шагъ террористическій, уронившій совершенно дѣло буржуазіи, потому что возстаніе Жаковъ угрожало не одному какому-нибудь сословію, а всѣмъ безъ исключенія. Жаки не щадили ни духовенства, ни дворянства, ни городовъ, съ ихъ привилегіями. Возстаніе Жаковъ было, именно, стремленіемъ совершенно безсознательнымъ самаго низшаго класса избавиться отъ того невыносимаго положенія, въ которое онъ попалъ вслѣдствіе давленія двухъ причинъ: съ одной стороны, тягостей феодальнаго строя, съ другой стороны, произвола, который развился вслѣдствіе борьбы съ Англійскими королями. Вслѣдствіе сношеній Парижской буржуазіи съ Жаками появилось недовольство въ самомъ Парижѣ, буржуа стали говорить, что въ концѣ концовъ это можетъ привести къ совершенному паденію, и Этьенна Марселя убили сами Парижане. Тѣмъ и кончилось дѣло, которое не удалось вслѣдствіе сословной розни, вслѣдствіе того, что пришлось прибѣгнуть къ террористическимъ средствамъ для его поддержанія.

Значеніе неудачи попытокъ. Дальнѣйшее теченіе столѣтней войны представляетъ еще много перипетій, въ которыхъ общество старалось получить контроль надъ государствомъ. Еще необходимо отмѣтить попытку 1413 г., но надо прежде всего выяснить себѣ до какой степени эти двѣ неудачи: феодальной реакціи при Филиппѣ Красивомъ и буржуазной реакціи средины XIV в. при его сынѣ, до какой степени эти двѣ капитальныя неудачи важны и характерны для всего теченія Французской исторіи. - Именно въ это время, именно, въ XIV в. неудачная попытка ограничить королевскую власть и сдѣлать изъ нея сословную монархію, неудачная попытка вывести Французскую исторію на тотъ путь, которымъ пошла исторія Англіи, и крушеніе этой попытки XIV в. имѣетъ громадное значеніе для образованія

Французской исторіи въ новое время. Косвенно оно имѣетъ громадное значеніе до сихъ поръ, потому что до сихъ поръ исторія Франціи опредѣляется тѣмъ условіемъ, что Франція принуждена была прибѣгнуть къ революціи для пробужденія своей національной самодѣятельности и освобожденія отъ создавшагося въ старомъ порядкѣ абсолютизма. Приходится считаться съ этой политической ограниченностью, считаться съ королевскимъ абсолютизмомъ, потому что въ XIV в. въ моментъ зарожденія государства сословія не съумѣли дѣйствовать заодно: насколько было эгоизма въ феодальной реакціи 1314 г., настолько эгоистически дѣйствовали и буржуа въ серединѣ XIV в.

И то и другое объясняется не случайной ошибкой, а объясняется крайне важными общими условіями. Изъ этихъ общихъ условій одно условіе имѣетъ капитальное значеніе, - это, именно, тотъ фактъ, что въ сѣверной Франціи феодальный порядокъ осуществился вполнѣ, сеньоръ сталъ государемъ, въ Англіи онъ сталъ только перомъ; онъ не въ состояніи былъ захватить право частной войны, не сдѣлался тѣмъ полновластнымъ государемъ, какимъ сталъ Французскій баронъ по отношенію къ городамъ и къ мелкимъ людямъ. Англійскій баронъ не обижался тѣмъ, что его считали старшимъ братомъ горожанина, во Франціи баронъ обижался этимъ, потому что онъ считалъ себя господиномъ, а горожанъ подданными. Эти сословія не могли дѣйствовать заодно противъ королевской власти, потому что они слишкомъ различны, слишкомъ привыкли смотрѣть другъ на друга какъ на вражескія силы.

Эта рознь, это отсутствіе солидарности между Французскими сословіями привело къ тому любопытному явленію, что оказалась большая солидарность между Французскимъ дворянствомъ и Англійскимъ, нежели между сословіями Франціи: въ самый разгаръ столѣтней войны Французскіе дворяне соединяются съ Англійскими и бьются противъ Французскихъ крестьянъ, противъ Жаковъ. Во время осады Мосскаго (Maux) рынка Капталь де-Бюшъ соединился съ Французскими рыцарями и разбилъ Жаковъ, разбилъ онъ Жаковъ, именно, вслѣдствіе того, что тутъ сказалась солидарность Англійскаго дворянства съ Французской аристократіей. То-же самое сказывается и въ лѣтописи столѣтней войны, которая написана Фруассаромъ и написана съ Англійской точки зрѣнія, потому что главнымъ образомъ въ исторіи столѣтней войны онъ ищетъ проявленія рыцарской доблести, интересуется аристократическимъ слоемъ этой войны, исторіей рыцарскаго слоя, а по

части рыцарской дѣятельности нѣтъ сомнѣнія, что Англичане сдѣлали гораздо больше, нежели Французы. Блестящій военный успѣхъ, который они имѣли, привлекъ на ихъ сторону Французскаго бытописателя.

Попытка 1413 г.

Вотъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно, что національное движеніе, которое въ концѣ концовъ спасло Францію, которое предохранило ее отъ уничтоженія во время столѣтней войны, начинается не въ высшихъ классахъ, а въ низшихъ. Первое представленіе, что, во что бы то ни стало, надо отбиться отъ Англичанъ, съ ними нѣтъ примиренія, нѣтъ возможности подчиниться Англійскому королю, является среди представителей низшихъ городскихъ сословій и крестьянъ. Движеніе 1413 г. во время самаго страшнаго униженія Франціи, во время Карла VI, который подпалъ вліянію Англичанъ, объясняется попыткой цеховъ Парижа захватить власть.

Вы видите, какъ постепенно соціальная исторія сходитъ все больше и больше низко. Въ началѣ XIV в. (1314 г.) руководящую роль играютъ феодальные династы, бароны, они стараются захватить власть въ свои руки; въ половинѣ XIV купечество старается реорганизовать Францію, затѣмъ въ 1413 г. выдвигаются цехи ремесленниковъ Парижа, и Парижскіе ремесленники подчиняютъ себѣ на нѣсколько минутъ, такъ сказать, королевскую власть и организацію всего королевства; цехи въ самомъ обширномъ смыслѣ и ученый цехъ среди другихъ, и реформа 1413 г. держалась главнымъ образомъ вслѣдствіе союза Парижскаго Университета съ другими цехами, во главѣ ихъ стоялъ цехъ мясниковъ, который былъ наиболѣе организованъ и имѣлъ значительную вооруженную силу.

Движеніемъ 1413 г. руководилъ съ одной стороны представитель этихъ цеховъ Caboche, съ другой стороны профессора богословія, медицины, права: Eustache, de Pavilly, Jean de Troies. Вслѣдствіе этого движеніе принимаетъ двойственный характеръ: съ одной стороны, движеніе это совершенно террористическое, — образуется городская полиція, которая держитъ дворъ въ такомъ-же страхѣ, въ какомъ держалъ Парижъ дворъ Людовика XVI. Эта городская полиція, во-первыхъ, сократила издержки двора. Она, напримѣръ, во время своего ночнаго рунда находила, что во дворцѣ слишкомъ долго танцуютъ, т. е. слишкомъ долго жгутъ свѣчи и этимъ наносятъ ущербъ государству, и вотъ городская полиція является во дворецъ, тушитъ свѣчи, разгоняетъ гостей. Это одна сторона дѣла; другая сторона совершенно

обратная: власть имѣютъ техники и ученые.

Вслѣдствіе этого ордонансъ 1413 г. который сложился вслѣдствіе этого воздѣйствія низшихъ классовъ на дворъ, имѣетъ совершенно спеціальный характеръ, онъ является замѣчательной попыткой реорганизовать всю технику королевскаго управленія на началахъ вліянія адвокатовъ и парламента, т.е. главныхъ представителей интеллигенціи того времени: адвокаты должны избирать королевскихъ прево въ области, парламентъ долженъ избирать королевскихъ чиновниковъ въ центрѣ. Такимъ образомъ уже не штаты являются центральнымъ органомъ королевства, является сосредоточеніе этого органа около вліянія адвокатовъ, т.е. вліянія Университета, потому что адвокаты того времени — это чисто школьное произведеніе. Всѣ эти люди прошли черезъ Университетъ, учились тамъ каноническому и римскому праву, сохраняли его традиціи и затѣмъ только уже примѣняли ихъ на практикѣ. Именно этотъ классъ разночинцевъ, въ которомъ сливались и люди духовнаго званія и дворянскаго, долженъ былъ выдвинуться впередъ, какъ представитель техники.

Подъ этимъ вліяніемъ образуется организація 1413 г. которая входила во всѣ мелкія подробности, но недоставало одной прочной силы у этой системы, у этихъ цеховъ, потому что и цехи и Университетъ принадлежатъ одному городу, а не есть національныя учрежденія. Эта реакція поэтому точно также не привела къ тому результату, къ которому стремились и другія реакціи.

Со всѣхъ сторонъ дѣлаются такимъ образомъ попытки реорганизовать королевскую власть: сначала бароны, потомъ буржуа-купцы, затѣмъ цехи и ремесленники, но мало по малу выступаетъ впередъ еще вліяніе самого низшего класса крестьянъ, и любопытно, какъ выступаетъ этотъ элементъ.

Жанна д'Аркъ. Этотъ элементъ выступаетъ во время разрозненности и эгоизма всѣхъ верхнихъ сословій, выступаетъ въ монархическомъ смыслѣ; онъ выступаетъ въ столѣтнюю войну. - Въ борьбѣ за существованіе выступаетъ дѣло Жанны д'Аркъ. Жанна д'Аркъ сама крестьянка и ополченіе, которое взяло Орлеанъ благодаря своего рода крестовому походу, опять-таки было крестьянское; попытка, которая привела короля въ Реймсъ, была опять-таки стихійное движеніе массы. Съ Жанной д'Аркъ феодалы собственно никогда не считались, всегда признавали ее явленіемъ исключительнымъ, ей не довѣряли и не сообщали никакихъ плановъ, но она и побѣдила не этими планами, а тѣмъ, что она вызвала на помощь коро-

левской власти совершенно стихийную силу, силу низшихъ классовъ, и въ этомъ движеніи сказывается, именно, инстинктъ самосохраненія націи.

Въ ея заявленіи на судѣ чрезвычайно рѣзко выражается національный элементъ. Когда ее сталъ на судѣ спрашивать Французскій докторъ, докторъ Руанскаго Университета, почему она ненавидитъ Англичанъ, не есть ли это внушеніе дьявола, она отвѣчала очень просто, что она не считаетъ ихъ дурными людьми, но ненавидитъ, потому что они пришли во Францію, старались завладѣть Французскими областями, т.е. выставила простой тезисъ національнаго самосохраненія, котораго Французскіе дворяне еще не понимали, такъ какъ они стояли еще на феодальной точкѣ зрѣнія, и для нихъ въ сущности представлялось не совсѣмъ яснымъ, что во Франціи долженъ имѣть власть Французскій, а не Англійскій король. Для феодальной точки зрѣнія совершенно возможна такая комбинація, при которой старшимъ перомъ будетъ Англійскій король.

Точно также, когда ей старались доказать на судѣ, что Карлъ VII ее оставилъ, что онъ вообще человѣкъ дурной, она говорила, что все это неправда, что король благочестивый, вѣрный, самый лучшій изъ всѣхъ государей, т.е. она идеализировала королевскую власть въ лицѣ ея случайнаго представителя, который въ идеализацію никакъ не годился. Тутъ, повторяю, дѣло чрезвычайно любопытное, историко-психологическое. Это движеніе шло изъ того низшаго слоя, въ которомъ уже выработалось извѣстное національное чувство и склонность къ монархической власти.

Эта исторія Жанны д'Аркъ имѣетъ еще другое значеніе. Въ концѣ концовъ не какое-нибудь отдѣльное сословіе вывело Францію изъ затрудненій столѣтней войны, а вывела монархическая власть въ связи съ низшими классами, это было своего рода плебисцитъ (голосованіе народа о формѣ правленія) точно такой-же, какъ тѣ, которые давали власть Наполеону III. Въ данномъ случаѣ выступило совершенно вѣрное инстинктивное чувство, что для успѣшности борьбы съ Англичанами, этой борьбы, которая становится первымъ интересомъ, интересомъ самосохраненія, для успѣшности этой борьбы необходимо сосредоточеніе власти и, чтобы всѣ держались заодно, въ смыслѣ отреченія отъ привиллегій.

И такъ какъ столѣтняя война стала такимъ опредѣляющимъ вліяніемъ во Франціи, то во Франціи и получилось полное преобладаніе монархическаго элемента. Тотъ-же Карлъ VII, который получилъ власть изъ рукъ Жанны д'Аркъ, въ 1439 г. получаетъ отъ генеральныхъ штатовъ

постоянную подать и постоянное войско, т.е. представители уже всѣхъ сословій рѣшили, что для устраненія тѣхъ золъ, которыя были нанесены Франціи столѣтней войной, необходимо предоставить королю власть и подать для борьбы съ Англичанами.

Тутъ играла еще роль необходимость очистить Францію отъ всѣхъ безпорядковъ, уничтожить то хаотическое состояніе, которое представлялось во Франціи. По ней послѣ окончанія войны и распущенія наемныхъ войскъ ходили шайки разбойниковъ, которыя грабили всѣхъ попадавшихся подъ руку, многимъ нечѣмъ было жить. Нужно было управляться внутри, а не только обороняться противъ внѣшняго врага. И вотъ Орлеанскіе штаты 1439 г. образуютъ для короля постоянное войско, постоянную подать, а это капитальные пункты, потому что вся исторія Английской свободы, которая завязывается около вопроса относительно того, кому принадлежатъ подати, кому принадлежитъ войско, разрѣшаетъ этотъ вопросъ совершенно иначе.

Англичане добиваются свободы вслѣдствіе того, что они постоянно сохраняли распоряженіе податью и войскомъ, что они никогда не давали королю постоянной подати; приходилось обращаться за субсидіей каждый годъ, и при дачѣ королю подати и выгораживались всѣ права и привилегіи политическія и гражданскія, а когда король однажды попробовалъ захватить подать въ XVII в., то это вызвало революцію, потому что сложилось уже совершенно опредѣленное воззрѣніе на отношенія къ государству. Общество всегда имѣетъ право рѣшить, сколько оно дастъ пособія своему государству деньгами и людьми.

Отъ этого рѣшенія Французское общество отказалось и отказалось потому, что оно инстинктивно чувствовало, насколько для его существованія, для успѣшнаго продолженія войны необходимо поручить энергическое сосредоточеніе монархической власти.

Вотъ тѣ два ряда причинъ, которыя въ концѣ концовъ сдѣлали Францію абсолютной ~~монархіей~~: 1) соціальныя причины, 2) причины политическія. Въ соціальномъ отношеніи дѣло предрѣшается тѣмъ, что сословія Франціи оказались настолько разными, что между ними не могло образоваться соглашенія, и что въ эту эпоху, когда общество дѣйствительно пріобрѣло вліяніе на государство, отдѣльныя сословія, захватившія власть, лишились поддержки со стороны другихъ. Это первый рядъ причинъ.

Второй рядъ причинъ — это политическое свойство тѣхъ задачъ, кото-

рыя пришлось разрѣшать Французскому народу. Англійскій народъ при своемъ удачномъ международномъ положеніи могъ сосредоточиться на задачахъ внутреннихъ, Французскому народу въ силу интересовъ самосохраненія на внѣшнихъ, а разрѣшеніе задачъ внѣшнихъ всегда ведетъ къ развитію власти, и чѣмъ сильнѣе внѣшнія задачи, тѣмъ сильнѣе стремленіе народа къ сосредоточенію и единству власти.

Развитіе государственной власти въ Англіи.

Закончивъ изложеніе образованія Французской государственной власти, я теперь перейду къ исторіи государства, которое во многихъ отношеніяхъ представляетъ полный контрастъ съ развитіемъ Франціи, именно, къ исторіи Англіи, образованія ея государственной системы. Эта исторія имѣетъ совершенно спеціальный интересъ помимо общаго научнаго значенія. Дѣло въ томъ, что на этой почвѣ въ Средніе вѣка вырабатываются начала той конституціонной системы, которая въ новое время сдѣлалась главною цѣлью политическихъ стремленій континентальныхъ державъ Европы. И то, что въ новое время на континентѣ было сознательнымъ движеніемъ, то является въ Англіи Среднихъ вѣковъ въ формѣ инстинктивной подготовки. Нечего и говорить, насколько важно показать, въ чемъ существенно опредѣлялись условія этого процесса, какія главныя причины привели Англію къ совершенно инымъ результатамъ, нежели къ какимъ пришла сосѣдняя съ ней Франція, почему во Франціи въ результатѣ исторіи Среднихъ вѣковъ образовалась абсолютная королевская власть, почему въ Англіи въ результатѣ той-же средневѣковой исторіи, при однихъ и тѣхъ же исходныхъ пунктахъ образовалась конституціонная система.

Но этотъ вопросъ не можетъ быть даже поставленъ, а не только разрѣшенъ, если исключительно оставаться на почвѣ политической. Онъ получаетъ свою настоящую обстановку, если съ почвы чисто политической перенести его на почву соціальную, если разсматривать его не только какъ результатъ борьбы партій политическихъ и развитія учрежденій политическихъ, но какъ результатъ отношеній между классами общества. Поэтому въ самомъ исходномъ пунктѣ, при самой оцѣнкѣ положенія въ XI в., положенія, которое было такъ похоже на положеніе сосѣдней Франціи, крайне важнымъ является вопросъ, каковы были общественныя соціаль-

ныя условія, въ какихъ отношеніяхъ находились отдѣльные классы населенія другъ къ другу, и какъ для нихъ представлялись политическія задачи. Вопросъ этотъ такимъ образомъ выдвигается самымъ свойствомъ предмета, и къ счастію случайно у насъ имѣются средства для его разрѣшенія въ такой степени, въ какой соціальные вопросы не разъясняются нигдѣ больше. Матеріалы Англійской исторіи чрезвычайно благопріятно поставлены какъ разъ для разъясненія соціальнаго вопроса. Нигдѣ на континентѣ не было тѣхъ большихъ статистическихъ и юридическихъ изслѣдованій, составленныхъ народами въ извѣстный моментъ, какіе произошли въ Англіи вслѣдствіе сравнительно ранняго развитія государственной власти, такой фактъ, какъ Великая Перепись XI в. Этотъ фактъ единственный, онъ даетъ намъ возможность въ XI в. оцѣнить взаимное отношеніе классовъ, связь и вліяніе другъ на друга.

Прежде всего я и считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на послѣдствія Нормандскаго завоеванія, съ котораго начинается исторія образованія Англійскаго государства, и на тотъ видъ, который вслѣдствіе Нормандскаго завоеванія принялъ Англійскій феодализмъ. Это будетъ исходной точкой нашего изложенія исторіи политическаго развитія Англіи.

Предварительно однако я вамъ напомню вкратцѣ два главныхъ пункта Англосаксонской исторіи, двѣ ея главныхъ особенности сравнительно съ исторіей другихъ частей Германскаго племени и другихъ странъ западной Европы. Исторія Англосаксовъ имѣетъ двѣ капитальныя особенности. Въ ней не смотря на работу феодализма, т. е. не смотря на развитіе аристократическаго элемента, который подчинилъ себѣ всѣ остальные, оставался въ значительной силѣ средній свободный элементъ, онъ не исчезъ, не подчинился вполнѣ аристократіи, а остался промежуточнымъ звеномъ между крѣпостной массой и аристократическимъ верхомъ общества. Свободные мелкіе не исчезаютъ, не подчиняются вполнѣ, хотя приходятъ въ извѣстную зависимость. Другая сторона выражается уже въ политической сферѣ вслѣдствіе той-же самой неполноты, незаконченности феодальнаго процесса. Мѣстная земская свобода и выработанныя его земскія учрежденія, областныя учрежденія сотни, графства, села точно также не подчиняются вполнѣ феодальному праву. Баронъ или, лучше сказать, крупный тэнъ Саксонскаго періода становился не совершенно полнымъ господиномъ въ своей области, но область эта сохраняла за собою жизненность, и мѣстная самостоятельность продолжала

выражаться въ собраніяхъ свободныхъ людей: въ сотнѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ графствѣ два раза въ годъ. Мѣстныя учрежденія оставались въ силѣ и не уступали династамъ, феодаламъ. Вотъ два главныя условія, которыя отличали Англосаксонское развитіе отъ континентальнаго и съ обоими условіями приходится считаться въ теченіи всей дальнѣйшей Англійской исторіи.

Норманнское завоеваніе.

Характеръ завоеванія. Теперь разсмотримъ, въ какое положеніе стала Англосаксонская жизнь по отношенію къ Норманнскому завоеванію. Во-первыхъ, что это такое за завоеваніе? Какой оно имѣло характеръ? Было-ли это завоеваніе одного народа другимъ? Было-ли это завоеваніе одного государства другимъ? Можно-ли говорить о Норманнскомъ завоеваніи въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно о Саксонскомъ или Датскомъ, т.е. какъ о переселеніи извѣстной части Германскаго племени на островъ и завоеваніи острова этнографически? Можно-ли говорить о Норманнскомъ завоеваніи такъ, какъ мы говоримъ, напримѣръ, о завоеваніи извѣстной части Польши Россіей, т.е. о завоеваніи государства государствомъ? Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи Норманнское завоеваніе не похоже на только что названные факты.

Норманнское завоеваніе не было ни переселеніемъ народовъ, ни завоеваніемъ одного государства другимъ. Норманны, которые перешли въ Англію, были слишкомъ немногочисленны для того, чтобы ихъ переходъ можно было назвать переселеніемъ, слишкомъ немногочисленны для того, чтобы ввести въ Англосаксонскую жизнь очень сильный новый этнографическій элементъ. Они въ состояніи были только распредѣлиться на самой поверхности общества и глубоко въ составъ общества не проникли: ихъ было слишкомъ мало и кромѣ того ихъ этнографическій составъ былъ не однороденъ. Тамъ былъ сбродъ людей со всѣхъ частей Франціи: и Бретонцы, и Норманны, и Гасконцы, и даже люди изъ восточной Франціи. Это первое условіе, почему переселенія народовъ въ Саксонскомъ или Датскомъ смыслѣ этого слова не было.

Второе условіе, на которое точно также приходится обратить вниманіе, это то, что Англосаксы не смотрѣли на завоеваніе Вильгельма Завоевателя, какъ на успѣшную борьбу Франціи съ Англіей, они не понимали дѣло Вельгельма Завоевателя, какъ успѣшную борьбу Нормандскаго

герцогства съ Саксонскимъ королемъ Англіи. Напротивъ герцогство отказалось подать помощь Вильгельму Завоевателю въ его походѣ. Онъ попробовалъ, дѣйствительно, увести за собой, такъ сказать, всѣ силы своего государства и такъ какъ онъ былъ сюзереномъ, феодальнымъ владѣльцемъ, то онъ и созвалъ своихъ вассаловъ въ Лильбонѣ и предложилъ имъ всей массой идти въ Англію. Тѣ отказались и заявили, что они обязаны ему служить феодальных 40 дней только въ предѣлахъ герцогства, и что они не пойдутъ за нимъ по его приказу въ Англію. Но хотя они не участвовали корпораціей, государствомъ, отдѣльные люди, отдѣльныя лица и союзы присоединились къ нему и преимущественно не изъ крупныхъ бароновъ, не изъ тѣхъ феодаловъ, которые ему отказали, а изъ ихъ младшихъ братьевъ, изъ рыцарства, которое не было надѣлено землей. Этотъ безземельный неспокойный элементъ преобладалъ, и къ нему присоединились такіе-же безземельные, безпокойные, почему-либо недовольные элементы изъ остальной Франціи. Поэтому Норманнское завоеваніе было не Норманнскимъ завоеваніемъ, а Французскимъ, и Французскимъ завоеваніемъ въ томъ смыслѣ, что побѣдившая аристократія состояла изъ цѣлаго скопа разныхъ Французскихъ авантюристовъ.

Но какимъ-же образомъ такого рода случайно составившееся войско могло совершить такой актъ, какъ завоеваніе цѣлаго острова, цѣлаго государства, окончательное пораженіе цѣлой національности, за которымъ послѣдовало отнятіе земель, и какъ объяснить то, что послѣ побѣды побѣдители, не смотря на свою малочисленность, могли удержаться? – Тутъ дѣло объясняется не столько характеромъ самаго нашествія, сколько тѣми условіями, которыя установились внутри Англіи въ это время. Пораженіе при Сенлакѣ или при Гастингсѣ, какъ его обыкновенно называютъ, пораженіе 1066 г., еще болѣе объясняется неустройствомъ Саксонскихъ областей, нежели успѣшными дѣйствіями, храбростью, силою Норманновъ; и что тутъ главное дѣло заключалось во внутреннихъ условіяхъ Англійской жизни того времени, это лучше всего доказывается тѣмъ, что это пораженіе было рѣшительнымъ, покончило съ сопротивленіемъ, оно было единственное. Послѣ него сопротивленіе уже держалось мѣстнымъ, областнымъ образомъ, въ тѣхъ или другихъ графствахъ. Даже не было попытки продолжать борьбу. Одно пораженіе свалило цѣлое государство! Ясно, что это государство было

некрѣпко, и некрѣпко было оно вслѣдствіе двоякаго рода причинъ.

Во-первыхъ, его международное положеніе было некрѣпко. Саксонское государство того времени находилось въ постоянной борьбѣ элементовъ вслѣдствіе того, что въ него втѣснились чужестранцы — Датскій слой, который его, такъ сказать, расколалъ на двѣ постоянно враждовавшія части. Вотъ главное значеніе Датскихъ набѣговъ. Датчане не принесли особаго наслоенія въ Англійское право, въ Англійское хозяйство, они не пересилили остального населенія Англіи, они повліяли очень сильно этнографически только на самомъ востокѣ Англіи и отчасти на сѣверѣ. Но ихъ набѣги имѣли громадное политическое значеніе потому, что они разрознили собственно Англосаксовъ, внесли коренную рознь двухъ элементовъ. Они начались въ IX в., сдѣлались уже очень опустошительными и стали привлекать цѣлыя массы Датчанъ въ восточныя части острова въ X в. и наконецъ въ XI в. образуется Англійское королевство Датчанъ Канута Великаго. Но образованіемъ этого королевства дѣло не прекращается, борьба Саксонскихъ элементовъ и Датскихъ все продолжается, и внутри идутъ раздоры между Саксонской линіей, линіей Этельреда, Эдуарда и Датской линіей Свена, Канута, Гардиканута, идетъ борьба за власть. Но затѣмъ продолжаются набѣги Норвежскихъ и Датскихъ пиратовъ, которые теперь стараются главнымъ образомъ захватить сѣверныя области и съ сѣвера влиять на островъ, а въ противовѣсъ этимъ набѣгамъ съ сѣвера и востока Саксы начинаютъ притягивать себѣ помощь изъ Нормандіи.

Еще раньше Норманнскаго завоеванія, раньше битвы при Сенлакѣ, раньше открытаго столкновенія между Нормандіей и Франціей и между Англіей начинается цѣлый рядъ переходовъ черезъ проливъ. Разъ Саксонскій король бѣжитъ во Францію, Этельредъ бѣжитъ во Францію, Эдуардъ Исповѣдникъ родится во Франціи, и въ Англію проникаютъ такимъ образомъ Французскіе нравы. Съ другой стороны въ своей борьбѣ съ Датчанами Саксонскіе династы стараются притянуть въ свою дружину Французскихъ выходцевъ, и уже при Эдуардѣ Исповѣдникѣ жалуются, что иноземцы вытѣснили туземцевъ, что Англію заполонили Французы, что дворяне всѣ Французы. И этотъ наплывъ Французовъ оказывалъ сопротивленіе элементу Датчанъ съ сѣвера. Такъ съ двухъ сторонъ: съ сѣвера и юговостока надвигаются чужіе элементы на Саксонскій слой, оба наплыва были различны между собою.

Насколько капитальное значение имѣютъ эти факты, это видно, во-первыхъ, изъ того, что самый домъ, которому пришлось выдержать окончательную борьбу съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, Саксонскій домъ Гаральда и его отца Годвина, выдвинулся вслѣдствіе, такъ сказать, пробы Саксонскаго элемента въ его борьбѣ и съ сѣвера и съ юга. Основатель этого дома простой Саксонецъ Годвинъ, который мало по малу дѣлается графомъ сосѣднихъ областей, сажаетъ на престолъ Эдуарда Исповѣдника. Эдуардъ Исповѣдникъ женится на его дочери, и слагается такимъ образомъ въ противовѣсъ этому полуфранцузскому королю могущественное вліяніе чисто Саксонскаго, чисто туземнаго дома, изъ этого дома происходитъ Гаральдъ.

Затѣмъ сильно сказывается то-же самое условіе въ ходѣ борьбы съ самимъ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Гаральдъ терпитъ пораженіе при Гастингсѣ. Но передъ этимъ онъ только что одержалъ побѣду надъ своимъ братомъ и надъ Норвежцами.* Слѣдовательно враги шли съ сѣвера и съ юга и Гаральдъ долженъ былъ, такъ сказать, дѣлать фронтъ на обѣ стороны. Первое побужденіе въ тотъ самый моментъ, когда Норманны высадились на южный берегъ, для него было идти на югъ, но явилась необходимость идти на сѣверъ для того, чтобы бороться противъ Норвежцевъ. На сѣверѣ онъ разбилъ, затѣмъ форсированнымъ маршемъ пошелъ на югъ, но на югѣ ему пришлось бороться съ Норманнами, опираясь на болѣе дезорганизованное войско: не всѣхъ онъ успѣлъ привести съ собою, многихъ потерялъ въ битвѣ съ Норвежцами, да и войско было плохо организовано и плохо сплочено и соціально-слабо.

Эта война очень любопытно изображена въ одномъ очень курьезномъ, интересномъ памятникѣ, который остался намъ относительно этого времени, именно, на ковровыхъ обояхъ, которые были сдѣланы Норманнскими дамами для собора въ Байе по случаю завоеванія, и которые представляютъ въ лицахъ весь походъ Вильгельма Завоевателя и битву при Гастингсѣ, ту битву, которая называется характерно не certamen или pugna, а bellum — война. Эти ковровые обои, во-первыхъ, показываютъ, что столкнулись тактически совершенно различныя единицы. Вооруженные строи Саксонцевъ и Норман-

* Братъ Тости и дядя норвежскаго короля Магнуса Гаральдъ Жестокій были разбиты и потеряли жизнь въ битвѣ при Бэттльбриджѣ.

новъ совершенно различны. Норманнскій строй это строй рыцарскій, чисто феодальная сила, феодальное ополченіе. Рыцари конные составляютъ главную силу, пѣшее войско сравнительно незначительно, это только стрѣлки. Съ ними встрѣчаются Саксы, которые разбиваются на двѣ совершенно различныя массы. Въ центрѣ стоитъ хорошо вооруженный отрядъ королевскихъ тѣлохранителей, тековъ, дружинниковъ, это, такъ сказать, феодализованная часть Англійскаго общества —гускарлы, люди, вооруженные громадными топорами, въ кольчугахъ. Это, такъ сказать, твердое зерно сопротивленія, но рядомъ, масса войска состоитъ изъ полувооруженной толпы. Это остатки стараго демократическаго ополченія, остатки стараго свободнаго слоя, который тоже вызывается и который уже совершенно не въ состояніи вести борьбу съ феодальной арміей Норманновъ, съ ихъ конницей. Эти люди плохо вооружены и особенно въ оборонительномъ смыслѣ; у однихъ копья, у другихъ топоры, у третьихъ имѣются стрѣлы. Однимъ словомъ они представляютъ собою сбродъ, которому, конечно, трудно считаться съ организованнымъ войскомъ Вильгельма Завоевателя. Такова тактическая разница обѣихъ силъ, но есть также и разница, такъ сказать, соціальная. Французскіе авантюристы, французское войско, не смотря на случайность своего состава представляетъ уже совершенно законченный порядокъ, порядокъ феодальный, рыцарскій, конный. Саксонское войско представляетъ, именно, въ своихъ двухъ элементахъ переходное положеніе, неустроенное, анархическое. Именно, вслѣдствіе этого неустройства нѣтъ никакой связи, никакой солидарности между частями. И вотъ это графически выражаетъ второй рядъ причинъ, которыя объясняютъ паденіе Датскаго королевства. Первый рядъ, какъ я уже сказалъ, это конкурренція элементовъ, второй рядъ причинъ, причины внутреннія, именно, та работа дезорганизаціи общества, которая происходитъ въ теченіи IX, X и XI в. въ Англіи, гдѣ еще не утвердилась прочная феодальная организація.

Вотъ тѣ условія, которыя необходимо принять во вниманіе для того, чтобы объяснить себѣ Норманнское завоеваніе, условія, которыя важны не только для разъясненія непосредственнаго факта, но важны и для того, чтобы разъяснить его послѣдствія, для того, чтобы понять, что случилось въ Англіи послѣ завоеванія.

Итакъ вкратцѣ повторю главные пункты, съ которыми прихо-

дится считаться. Норманнское завоеваніе является не этнографическимъ переселеніемъ и не государственной побѣдой, оно является крестовымъ и феодальнымъ походомъ, оно вноситъ въ Англію совершенно законченный феодальный строй, встрѣчаясь съ только что вырабатывающимся, начинающимъ феодальнымъ строемъ. Оно вноситъ въ Англію въ то же время численно незначительную массу, которая поэтому, надо ожидать, не въ состояніи будетъ пересоздать, перестроить Англію, такъ сказать, на новыхъ началахъ.

Doomsdaybook. Вотъ теперь, заручившись этими общими свѣдѣніями, мы перейдемъ къ оцѣнкѣ самаго результата завоеванія и прежде всего воспользуемся анализомъ того единственнаго источника, о которомъ я уже упомянулъ, именно, „Великой Переписи." „Великая Перепись", такъ называемый Doomsdaybook (книга Страшнаго Суда), составлена уже въ 1086 г., въ самомъ концѣ царствованія Вильгельма Завоевателя, и представляетъ, такъ сказать, генеральный итогъ всему завоеванію, итогъ всѣмъ послѣдствіямъ побѣды на завоеванной почвѣ: что они взяли, что оставили побѣжденнымъ, все это разъясняется въ Переписи. Перепись не охватываетъ всей Англіи, она охватываетъ 34 графства; но это бо́льшая часть Англіи, остаются за чертою 4 сѣверныхъ графства, въ которыхъ власть Вильгельма Завоевателя и Норманновъ была еще не установлена.

Составлялась Перепись способомъ, который обезпечивалъ ей значительную точность. Она совершалась разъѣздами коммиссаровъ, которые посылались въ разныя части Англіи. Ихъ было приблизительно 9; королевскіе люди, распредѣленные по этимъ коммиссіямъ, являлись въ графства, созывали къ себѣ всѣхъ главныхъ помѣщиковъ, ихъ прикащиковъ и представителей каждаго села. Вызывалось 6 крестьянъ отъ каждаго села, старшина и священникъ. Этимъ присяжнымъ свидѣтелямъ ставился рядъ вопросовъ относительно хозяйственнаго и юридическаго быта ихъ области.

Вопросы эти касались самыхъ мелкихъ подробностей жизни. Спрашивали: кто чѣмъ владѣетъ, кто сколько платитъ податей за свое владѣніе, сколько у кого-либо считается зависимыхъ людей, военныхъ и невоенныхъ, сколько въ числѣ невоенныхъ зависимыхъ людей, крѣпостныхъ, сколько свободныхъ, сколько рабовъ. Затѣмъ собирали свѣдѣнія, и слѣды этого остались, относительно скота: сколько земли можетъ быть обработано плугомъ, сколько имѣется въ дѣйствіи плуговъ для об-

работки, сколько имеется воловъ, коровъ, козъ, овецъ, свиней. Все это записано относительно 5 югозападныхъ и западныхъ графствъ восточной полосы; сохранились точныя свѣдѣнія до самыхъ мелочей, можно даже знать, сколько было, напримѣръ, поросятъ въ такомъ-то графствѣ въ 1086 г.

Относительно другихъ графствъ не сохранилось цифръ скота, но все-таки осталось совершенно достаточно данныхъ для того, чтобы составить очень точную фотографію соціальнаго строя того времени. Затрудненіе будетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка цифръ, не вслѣдствіе недостатка данныхъ, а вслѣдствіе трудности терминологіи, и съ большой осторожностью надо разбираться въ этой терминологіи, потому что иногда одинъ терминъ въ одномъ мѣстѣ значитъ одно, въ другомъ другое. Поэтому обстоятельное изученіе Переписи значительно трудно, но имъ стоитъ заниматься, потому что, дѣйствительно, такого факта въ другой исторіи средневѣковыхъ государствъ, да и вообще нѣтъ.

Результаты, на которые я могу обратить въ общемъ изложеніи ваше вниманіе, подводятся главнымъ образомъ подъ слѣдующія три категоріи: во-первыхъ, мы должны выяснить себѣ юридическіе пріемы Переписи, какіе
1 общеюридическіе факты устанавливаетъ она; во-вторыхъ, каково распредѣленіе классовъ того времени, какъ располагается общество горизонтальными пластами, и наконецъ, въ-третьихъ, что даетъ Перепись для сужденія о землѣ, о землевладѣніи, о хозяйствѣ.

Прежде всего такимъ образомъ стоитъ вопросъ о характерѣ права Переписи. Это, конечно, вопросъ капитальный: что, Норманнское завоеваніе ввело совершенно новое право, право Французское на Англійскую почву? завело-ли оно совершенно новое право? покончило-ли оно съ старымъ Германскимъ правомъ, правомъ Англосаксовъ? замѣнило-ли оно его правомъ Французскимъ?

Затѣмъ Норманнское завоеваніе было завоеваніемъ, какъ я сказалъ, феодальнаго свойства, извѣстная законченная феодальная сила являлась въ общество только феодализующееся. Какъ въ этомъ отношеніи стало дѣло? Что сдѣлало Норманнское завоеваніе для образованія Англіи какъ государства?

Итакъ, вотъ два коренныхъ вопроса, которые должны быть поставлены по отношенію къ правовой сторонѣ Переписи: первый вопросъ о томъ, въ какой степени вліяніе Саксонскаго права и учрежденій переходитъ за черту завоеванія, въ какой степени сильна солидарность и традиція сотни между двумя періодами и Саксонская традиція въ Норманнскомъ правѣ, это вопросъ національный. А затѣмъ второй вопросъ,

уже чисто юридическій и политическій, вопросъ о степени измѣненія феодальнаго права: если право Саксонское не сдѣлалось правомъ Французскимъ, то не сдѣлалось-ли прежнее право свободныхъ Саксовъ правомъ феодальныхъ рыцарей? Въ какой степени внесли Норманнскіе завоеватели элементы Французскіе и элементы феодальные?

Первый вопросъ разрѣшается безусловно тѣмъ, что признается традиціонная связь Саксонскихъ элементовъ по отношенію къ Французскимъ. Въ правительственной Переписи исходится изъ того положенія, что никакого завоеванія, никакого скачка не было. Всѣ Норманнскіе бароны, не смотря на то, что они вытѣснили съ мѣстъ Саксонскихъ собственниковъ, юридически разсматриваются, какъ прямые наслѣдники тѣхъ, кого они обобрали. Вильгельмъ Завоеватель является съ этой точки зрѣнія наслѣдникомъ Саксонскихъ королей.

Когда королевскіе коммиссары являлись къ этимъ наслѣдникамъ-баронамъ, и ставился вопросъ о томъ, сколько онъ имѣетъ владѣній, то спрашивали, какъ владѣлъ, что имѣлъ, что могъ требовать Саксъ, который владѣлъ до него, у котораго онъ отнялъ землю, его antecessor, его предшественникъ.

И то, что приложимо относительно частныхъ лицъ, то приложимо и относительно королевской власти. Норманнскіе короли тоже стали въ рядъ Саксонскихъ королей, а не начали собою новой династіи. О войнѣ, о сраженіи при Гастингсѣ тамъ упоминается раза два, три прямо, вообще-же царствованіе Гаральда вычеркивается. Гаральдъ называется comes, а не rex, графомъ, онъ былъ узурпаторъ, а власть естественнымъ образомъ должна была отъ Эдуарда Исповѣдника перейти къ Вильгельму Завоевателю. И то, что такъ рѣзко выражается въ земельномъ и владѣльческомъ отношеніи, то такъ-же рѣзко выражается въ правѣ. Большая часть описаній графствъ начинается съ перечисленія Саксонскихъ обычаевъ, которые въ ходу въ каждой отдѣльной мѣстности, обычаевъ уголовнаго и гражданскаго права, и уголовное и гражданское право такимъ образомъ прямо резюмируются изъ Саксонскаго права. Норманнское завоеваніе никакого правоваго разрыва не произвело съ Саксонскимъ правомъ и Саксонская традиція переходитъ за черту завоеванія.

Въ юридическомъ отношеніи, какъ я указалъ, существуетъ тѣсная связь между развитіемъ Саксонскаго и Норманнскаго періода. Я не хочу этимъ сказать, что Норманнское или Французское вліяніе не сказывается на

развитіи Англійскаго права. Напротивъ, оно очень замѣтно, но оно является не въ формѣ упраздненія основъ прежняго Саксонскаго права, а въ формѣ переработки этихъ основъ. И сказывается Норманнское, Французское вліяніе поэтому главнымъ образомъ съ внѣшней стороны, со стороны процессуальной, со стороны судопроизводства, судоустройства, а не въ материальномъ правѣ, не въ основныхъ идеяхъ гражданскаго и уголовнаго права. Но это развитіе Французскаго элемента въ Англійскомъ правѣ - это фактъ, который опредѣляется главнымъ образомъ позднѣе, и на который намъ еще придется обратить вниманіе въ свое время. Теперь ограничусь только характеристикой Великой Переписи со стороны Саксонскаго права и Саксонскаго элемента.

Второй вопросъ, который я поставилъ, вопросъ о феодальномъ вліяніи, о вліяніи феодальныхъ порядковъ: въ какой степени Норманнское завоеваніе ускорило и пополнило феодализацію? Въ этомъ случаѣ оно имѣло, дѣйствительно, очень рѣшительное значеніе. Точно такъ-же, какъ надъ земельными отношеніями господствуетъ правило, что каждый Норманнъ вступаетъ въ права своего предшественника Сакса, точно такъ-же и надъ феодальными отношеніями господствуетъ совершенно опредѣленное правило, которое можно выразить такимъ образомъ: нѣтъ земли, которая находилась-бы въ полной собственности лица, всякая земля непремѣнно отъ кого-нибудь зависитъ. Собственникъ одинъ только король, всѣ остальные отъ короля держатъ, у всѣхъ только земля въ арендѣ, т.е., однимъ словомъ, господствуетъ сѣверно-французское правило: nulle terre sans seigneur. Это - начало, которое совершенно проводитъ феодальный принципъ въ гражданскомъ правѣ, сказывается повсюду въ Переписи. Въ Переписи такихъ земель, которыя владѣлись бы, напримѣръ, на теперешнихъ основаніяхъ или на тѣхъ основаніяхъ, какія были въ правѣ Римскомъ, нѣтъ. Вся земля непремѣнно подчиняется кому-нибудь высшему, независимыхъ земель не существуетъ. Въ этомъ случаѣ старыя Саксонскія отношенія подгоняются къ новымъ, и тѣ землевладѣльцы, которые въ Саксонское время были мелкими независимыми людьми въ Норманнскій періодъ являются уже какъ-бы арендаторами. Вотъ два основныхъ факта Переписи въ юридическомъ отношеніи.

Перехожу теперь къ другой сферѣ, къ вопросу о классахъ: какъ распредѣлялись классы Саксонскаго общества? Тутъ является, конечно,

очень важный и интересный вопросъ: спрашивается, насколько глубоко проникли Норманнскіе элементы въ Саксонское общество? что они внесли новаго? нельзя-ли количественно опредѣлить это? Перепись даетъ возможность это сдѣлать больше или меньше. Оказывается, что населеніе распредѣляется по слѣдующимъ главнымъ разрядамъ. Во-первыхъ, наверху стоитъ классъ аристократическій, преобладающее сословіе изъ 10,000 семействъ. Затѣмъ, за нимъ слѣдуетъ въ перечисленіи классъ собственно свободныхъ, который насчитываетъ около 33,000 семействъ помимо горожанъ. Опредѣлить число горожанъ нѣтъ никакой возможности, потому что Перепись относительно городовъ очень неполна. Относительно Лондона даже даются цифры только по отношенію къ немногимъ мѣстностямъ. Горожане поэтому оставляются въ сторонѣ, — такимъ образомъ перечисляется собственно сельское населеніе. Итакъ, въ противовѣсъ 10,000 рыцарей стоятъ 33,000 мелкихъ свободныхъ людей. Затѣмъ слѣдуетъ большая масса вилланов и бордаріевъ (bordarii), т. е. полусвободныхъ, крѣпостныхъ. Вилланов считается нѣсколько больше 100,000 семействъ и бордаріевъ 82,000. Ниже всѣхъ разрядовъ стоитъ кучка рабовъ — 25,000 семействъ.

Вотъ главное распредѣленіе общества на четыре группы: аристократовъ, свободныхъ, крѣпостныхъ и рабовъ. Вглядимся нѣсколько подробнѣе въ это распредѣленіе, посмотримъ, что означаютъ эти цифры, какое онѣ имѣютъ мѣстное примѣненіе и какое имѣютъ историческое толкованіе.

Прежде всего любопытна цифра рыцарей. Среди 10,000 считается около 600 такихъ, которые прямо держатъ отъ короля, его прямые вассалы — tenentes in capite. Эти tenentes in capite почти всѣ безъ исключенія Норманнскіе завоеватели. Слѣдовательно, этотъ слой крупныхъ землевладѣльцевъ совершенно вытѣснилъ Саксонскій элементъ. Совершенно иное уже относительно второстепенныхъ рыцарей, которыхъ считается болѣе 9,000. Это второе держаніе — не прямо отъ короля, а держаніе отъ его вассаловъ. Среди этихъ второстепенныхъ рыцарей приблизительно половина носитъ Саксонскія имена. Такимъ образомъ Норманнскіе завоеватели не вполнѣ овладѣли здѣсь мѣстомъ, а только на-половину. Замѣтьте, что эти 10,000 рыцарей нисколько не являются полнымъ перечисленіемъ всего рыцарскаго населенія. Это перечисленіе только тѣхъ рыцарей, которые имѣютъ землю. Понятно, что не 5,000 Норманновъ пришло въ Англію, ихъ пришло гораздо больше; трудно сказать въ

точности сколько, но вѣроятно не меньше 30,000. Тѣ 5,000, на которыя я только что указалъ; это люди, которые довольно значительно надѣлены имѣньями, но вокругъ нихъ была масса дворянъ, масса людей зависимыхъ, однимъ словомъ, вся вооруженная свита, находившаяся подъ командой этихъ главныхъ лицъ. Она не перечислена, но ее надо все-таки принять во вниманіе, она распредѣлена по домамъ, по дворцамъ. Эти 10,000 занимаютъ главное мѣсто въ обществѣ.

Затѣмъ идетъ группа свободныхъ. Она распадается терминологически на двѣ второстепенныя группы: является около 10,000 такихъ лицъ, которые называются liberi tenentes и 23,000 такихъ, которые называются сокмены. Первое названіе безразлично, оно просто констатируетъ фактъ состоянія свободнаго человѣка. Но второе названіе интересно и даетъ намъ цѣнныя указанія относительно исторіи класса. Именно, слово сокменъ происходитъ прямо отъ слова „сока". Сока это судебный патронатъ, покровительство, которое распространяется на свободнаго человѣка другимъ свободнымъ человѣкомъ. Это люди, имѣющіе личную свободу и первоначально землю, но люди, которые зависятъ по суду отъ другихъ свободныхъ людей; и потому, что они зависятъ по суду отъ другихъ свободныхъ людей, они уже не равны съ ними, спускаются ниже ихъ, теряютъ свои привилегіи и становятся въ зависимость. Важно то, что Норманнскіе завоеватели вводятъ принципъ феодальный – зависимость судебная дѣлается личной: лично человѣкъ имѣлъ свою землю и былъ свободенъ, но онъ зависѣлъ по суду, и вотъ послѣ Норманнскаго завоеванія эта судебная зависимость переходитъ и на лицо и на землю, самостоятельный лично, сидящій на своей землѣ человѣкъ, но зависящій по суду становится уже только арендаторомъ, хотя вѣчнымъ, чиншевикомъ, становится человѣкомъ, который земли не имѣетъ, а сидитъ на чужой землѣ.

Въ этомъ отношеніи завоеваніе закончило процессъ, но оно закончило процессъ и количественно. Очень ясно видно изъ Переписи, что многіе люди, находившіеся въ полной свободѣ и внѣ всякой зависимости впали въ зависимость въ Норманнское время. При этомъ замѣчается одинъ статистическій фактъ, который заслуживаетъ полнаго вниманія. Именно, масса свободныхъ людей 33,000 семействъ распредѣляются по Англійской территоріи не равномѣрно, а перевѣшиваетъ на востокѣ. Въ восточныхъ графствахъ этихъ свободныхъ людей считается доволь-

помного: 10, 15% населенія, доходитъ дѣло до 43% общаго числа людей, перечисленныхъ въ Переписи, т.е. процентъ свободныхъ очень великъ; на западѣ, въ центрѣ и на югѣ совсѣмъ нѣтъ свободныхъ. Что это значитъ? Предлагали различныя объясненія. Указывали на то, что полоса занятая сокменами, это Датская полоса. Этотъ элементъ является тамъ, гдѣ было Датское завоеваніе, куда проникли Датчане. И дѣлали прямо заключеніе отъ этого факта, заключеніе въ томъ смыслѣ, что Саксонская жизнь не представляла данныхъ для развитія мелкихъ свободныхъ, и что мелкіе свободные, засвидѣтельствованные Переписью, тѣсно и исключительно связаны съ Датскимъ элементомъ. Они являются такимъ образомъ съ позднѣйшимъ происхожденіемъ и съ опредѣленной этнографической окраской, — фактъ, который, если бы его можно было установить, помогъ бы намъ значительно, потому что тогда нечего было бы и говорить о вырожденіи свободы у Саксовъ подъ вліяніемъ феодализма и о вырожденіи мѣстныхъ земскихъ учрежденій, такъ какъ въ Саксонской жизни въ противоположность Датской не было свободныхъ элементовъ.

На первый взглядъ Перепись какъ будто подтверждаетъ это мнѣніе, но подтверждаетъ его только на первый взглядъ. Оказывается, во-первыхъ, что въ данномъ случаѣ отсутствіе свободы на западѣ объясняется терминологическими условіями, тѣмъ, что западные коммиссары записывали въ классъ вилланов, крѣпостныхъ тѣхъ, которыхъ восточные коммиссары записывали въ классъ сокменовъ. Уже это одно важно для болѣе равномѣрнаго объясненія. Но видно и другое, видно, что въ полосѣ Датской, западной мы имѣемъ, согласно съ свидѣтельствомъ, въ XI в. то состояніе, которое въ Саксонской полосѣ было въ полной силѣ въ IX в. Разница между Саксонскою большею полосой и Датской меньшею не разница качественная, не разница по существу, а разница хронологическая. Датскій элементъ, какъ болѣе поздній, подвергся феодализаціи позже, и она въ нёмъ слабѣе, въ немъ больше еще остается свободы, когда Саксонская жизнь уже перемолола вслѣдствіе того, что она установилась раньше и что феодализація происходила въ ней болѣе продолжительное время. Повторяю, разница во времени, а не въ свойствѣ дѣла. И то и другое представляетъ развитіе одного и того-же Германскаго начала и мелкой Германской свободы, но Перепись въ Саксонской части Англіи захватила уже эпоху, когда вслѣдствіе долгой борьбы соціальной,

вслѣдствіе продолжительнаго стремленія аристократіи къ преобладанію, она успѣла одолѣть свободную массу, подчинить ее себѣ. А въ Датской полосѣ, которая начала жить позднѣе, въ которой было больше свѣжихъ элементовъ, упорность элементовъ мелкой свободы существовала въ большей силѣ, въ большей степени. Вотъ такимъ образомъ второй капитальный фактъ соціальнаго устройства. Существованіе мелкой свободы засвидѣтельствовано, его нельзя ограничить одной Датской полосой, не смотря на терминологію. И въ самой Датской полосѣ существованіе этихъ элементовъ характерно для той области, въ которой мы остановились, хотя характерно и для предыдущей исторіи.

Слѣдующій классъ крѣпостныхъ самый громадный. Въ немъ считается, какъ я уже сказалъ, чуть не 200,000 семействъ. Эти крѣпостные представляютъ массу, которая такимъ образомъ вполнѣ преобладаетъ въ хозяйственномъ занятіи и владѣніи. Но какъ составилась эта масса? Что это за люди? Какое ея основное положеніе? Откуда она произошла? Прежде всего тутъ устанавливается при ближайшемъ разсмотрѣніи капитальный фактъ. Въ образованіи этой массы главное значеніе имѣетъ не сословіе, не раздѣленіе людей на свободныхъ, на полусвободныхъ и рабовъ, а элементъ занятій. Крѣпостные эпохи Великой Переписи это крестьяне, занимающіеся непосредственно земледѣльческимъ трудомъ, и разница между двумя отдѣлами этихъ крестьянъ, между бордаріями и вилланами, не разница такого рода, что одни произошли изъ свободныхъ, но мало по малу опустились, а другіе изъ рабовъ мало по малу возвысились, — эта разница исключительно хозяйственная: вилланъ держитъ большой, полный надѣлъ, бордарій держитъ мелкій — одинъ имѣетъ 30 акровъ, а другой держитъ 5 акровъ. Вотъ капитальная разница. Сообразно съ этимъ положеніемъ того и другаго, на вилланъ лежатъ пахатныя работы, самыя тяжелыя. Онъ имѣетъ крупный надѣлъ, потому на него и ложатся тяжелыя работы, а на бордаріяхъ лежатъ всякаго рода работы мелкія: жатва, сѣнокосъ, работы, которыя исполняются руками, для которыхъ рабочій скотъ не нуженъ. Это разница такимъ образомъ по отношенію къ надѣлу земельному, къ барской повинности и только.

А затѣмъ въ этомъ разрядѣ встрѣчаются элементы, въ сословномъ отношеніи совершенно различные. Встрѣчаются, именно, съ одной стороны свободные люди, мало по малу потерявшіе землю, попавшіе на

службу къ другимъ свободнымъ, вступившие къ нимъ въ зависимость, сначала по договору, задолжавшие, опустившиеся; а съ другой стороны въ томъ-же классѣ замѣчается элементъ рабовъ, которые посажены на свое собственное хозяйство и обязаны оброкомъ. Объединяется классъ такимъ образомъ занятіемъ, а не происхожденіемъ. Фактъ опять-таки капитальный, значеніе котораго не трудно видѣть: главное основаніе хозяйственныхъ владѣній этого средневѣковаго общества образуется на экономическихъ, а не на юридическихъ началахъ. Древнее общество развивалось на юридическомъ началѣ; древнее общество выдѣлило для труда классъ рабовъ, который образуется рожденіемъ и покупкой, и среди котораго нѣтъ существенной разницы между людьми, которые получаютъ въ управленіе небольшія имѣнья на оброчномъ правѣ, и людьми, которые пашутъ по приказанію приказчика, всѣ они безъ различія юридически отдѣлены отъ общества. Но теперь юридическая разница замѣняется хозяйственной. Объединяется классъ на хозяйственномъ основаніи — классъ земледѣльцевъ, какого-бы они происхожденія не были, хотя бы они происходили отъ людей свободныхъ, хотя бы отъ людей купленныхъ, хотя-бы они происходили отъ людей, родившихся отъ рабовъ.

И это капитальное условіе еще сильнѣе сказывается на послѣднемъ классѣ. Рабовъ считается только 25,000 семействъ, т.е. меньше, нежели даже мелкихъ свободныхъ и гораздо меньше, чѣмъ крѣпостныхъ, полусвободныхъ. Если всмотрѣться въ это положеніе рабовъ, то увидимъ, что оно измѣняется не только количественно, но совершенно измѣняется и качественно. Это дворовые, не люди, обрабатывающіе землю въ рабскомъ состояніи, а слуги, которые потому остались въ рабствѣ, что они къ землѣ никакого ближайшаго отношенія не имѣютъ. Но рабство этого незначительнаго класса уже тѣмъ самымъ, что онъ незначителенъ, подкапывается, и скоро онъ исчезаетъ совсѣмъ. Въ XII в. уже рабство въ прежнемъ смыслѣ не существуетъ, а говорится о рабствѣ, только понимая подъ нимъ крѣпостныхъ, т.е. понимая подъ нимъ обязанность одного человѣка служить другому человѣку на извѣстныхъ оброчныхъ и барщинныхъ повинностяхъ. Условія эти не равняются условіямъ прежняго права. Право XII в. вполнѣ признаетъ, что господинъ можетъ эксплуатировать своихъ виллановъ, какъ хочетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно признаетъ, что онъ не властенъ надъ его жизнью, надъ его членами, не можетъ его изуродовать, такимъ образомъ вилланъ получаетъ извѣстную защиту.

Вотъ тѣ капитальные и чрезвычайно интересные факты, которые сообщаетъ Великая Перепись. Эти факты показываютъ намъ въ полномъ свѣтѣ сущность средневѣковаго соціальнаго процесса. Общественный строй совершенно измѣнился сравнительно съ прежними условіями, измѣнился главнымъ образомъ вслѣдствіе хозяйственныхъ потребностей. Въ центрѣ всего стояла необходимость въ гражданскомъ обществѣ того времени развить мелкія хозяйства, рабовъ поэтому ставили въ положеніе крѣпостныхъ, т.е. оброчниковъ. Они перестаютъ быть орудіями, дѣлаются хозяевами, самостоятельными личностями въ извѣстныхъ предѣлахъ, не смотря на то, что надъ ними остается чужая власть. И характеръ факта и его причина выясняются достаточно.

Третій рядъ условій, на которыя приходится обратить вниманіе въ Переписи, касается землевладѣнія. Какія тамъ представляются данныя относительно распорядка землевладѣнія и вліянія на общественную жизнь? Перепись не представляетъ никакой возможности судить о распорядкѣ движимости, и это очень жаль. Есть нѣкоторыя данныя, но онѣ слишкомъ отрывочны. За то земля описана. Описано: какъ кто владѣетъ, и сколько кто имѣетъ, и сколько имѣлъ прежде въ эпоху Эдуарда Исповѣдника. Является такимъ образомъ возможность оцѣнить значеніе крупныхъ и мелкихъ владѣній, и въ этой сферѣ Перепись заключаетъ цѣлый рядъ капитальныхъ фактовъ.

Во-первыхъ, оказывается, что собственно крупныхъ владѣній очень немного. Оказывается, что самъ король изъ числа какихъ-нибудь 30,000 имѣній имѣетъ только 1000 съ небольшимъ, самъ король является такимъ образомъ не слишкомъ большимъ собственникомъ. Оцѣнка эта, конечно, очень приблизительна; его владѣнія, конечно, крупнѣе, чѣмъ говоритъ цифра. Но если все это принять во вниманіе, но все-таки остается одинъ капитальный фактъ: Англійскій король конца XI в. является крупнымъ землевладѣльцемъ своего государства, но далеко не преобладающимъ. Онъ не имѣетъ такого количества земель, которое давало бы очень значительную территоріальную основу его власти. И его бароны слѣдуютъ за нимъ довольно близко, напримѣръ, братья короля: одинъ имѣетъ 793, другой 442 имѣнья; 13 вассаловъ имѣютъ болѣе 100. Очень большое число земель находится въ рукахъ духовенства, нѣсколько, быть можетъ, менѣе половины всего числа. Это фактъ капитальный, этотъ одинъ фактъ оцѣниваетъ чисто матеріальное значеніе

церкви въ то время: половина земель находится въ ея рукахъ.

Но затѣмъ есть еще и другой фактъ. Не только количество важно, сколько кто имѣлъ, чѣмъ кто владѣлъ, но важно и то, какъ распредѣлена была собственность. И въ этомъ отношеніи опять обозначается крупный фактъ. Именно, крупная собственность разбросана по всей Англіи, не лежитъ сплошной массой, не лежитъ сплошной массой у короля, не лежитъ и у его вассаловъ. Выходитъ такимъ образомъ, что въ Англіи въ XI в. совершенно отсутствуетъ капитальнѣйшая черта французскаго и континентальнаго феодализма. Французскій и континентальный феодализмъ весь стоитъ на понятіи княжества, т. е. на сліяніи власти землевладѣльческой и государственной. Но для этого необходима территорія, необходима сплошная, а не разрозненная масса. Имѣнія, которыя лежатъ въ разбросъ, въ самыхъ различныхъ графствахъ, не могутъ составить княжества. Человѣкъ можетъ быть богатымъ, можетъ быть могущественнымъ, можетъ имѣть цѣлый рядъ политическихъ правъ на своихъ земляхъ, на своихъ имѣніяхъ, но изъ этой власти не складывается того политическаго тѣла, которое складывается изъ власти французскаго и германскаго барона этого времени. Нѣтъ почвы для образованія чего-нибудь подобнаго Шампанскимъ, Аквитанскимъ графствамъ. Этого въ Англіи нѣтъ, потому что самые крупные бароны имѣютъ владѣнія въ разныхъ областяхъ. Это происходитъ вслѣдствіе того, что самый феодальный принципъ въ политическомъ примѣненіи вводится искусственно, вводится не вслѣдствіе медленнаго процесса раздробленія власти, который шелъ на континентѣ, который шелъ и въ Англіи, но не такъ успѣшно, а вводится, заканчивается посредствомъ систематической раздачи, и при этой систематической раздачѣ король въ своихъ собственныхъ интересахъ наблюдалъ, чтобы его бароны получали землю не сплошной массой, а врозь.

Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуется нѣчто похожее на княжество, образуется зародышъ, которому дальнѣйшая исторія не даетъ развиваться. Этотъ зародышъ, эти отдѣльныя формы, похожія на континентальное княжество, сами по себѣ очень интересны какъ промежуточное звено между той и другой формой. Этотъ зародышъ образуется на границахъ, тамъ, гдѣ идетъ сильная борьба съ пограничными областями, т. е. на сѣверѣ и на западѣ, противъ Уэльса и Шотландіи. Это, такъ называемые, палатинаты: Честеръ и Шрюсбери на западѣ

и затѣмъ Доргемъ на сѣверѣ; это три главныхъ палатината, которые, дѣйствительно, имѣли видъ княжествъ и которые даны такимъ образомъ баронамъ для того, чтобы образовать мѣстные могущественные центры сопротивленія противъ набѣговъ пограничныхъ грабителей, противъ набѣговъ Шотландцевъ и т.д. Но исторія этихъ палатинатовъ есть исторія паденія ихъ власти. Очень скоро король начинаетъ отбирать эту власть, старается обезпечить себя, причемъ интересы общеполитическіе перевѣшиваютъ интересы мѣстной защиты.

Вотъ главные капитальные факты въ исторіи землевладѣнія, какъ оно представляется въ своемъ внѣшнемъ очеркѣ, посмотримъ теперь на его внутреннюю организацію. Приходится отмѣтить три очень рѣзко различающіяся части: барскую усадьбу, крестьянскую землю и свободныя арендныя земли. Въ центрѣ имѣнія находится барская усадьба, которая обрабатывается главнымъ образомъ не работниками, поселенными на ней, а трудомъ зависимыхъ оброчныхъ, разселенныхъ около и вызываемыхъ для обработки по опредѣленному масштабу, для извѣстнаго числа рабочихъ дней въ году; обрабатывается барская усадьба такимъ образомъ притокомъ силъ изъ окружающей мѣстности, и обработка немыслима безъ этихъ помощниковъ. Поэтому аграрная форма, господствующая въ Средніе вѣка, это соединеніе крупныхъ господскихъ владѣній и мелкихъ оброчныхъ хозяйствъ, которыя тянутъ къ усадьбѣ своими повинностями, тянутъ они по совершенно опредѣлившемуся обычаю и держатъ надѣлы, которые развёрстываются, примѣняясь къ рабочему скоту, къ тому, сколько кто держитъ скота. Сообразно съ этимъ идетъ и фискальная, податная оцѣнка, которая исходитъ изъ приблизительнаго разсчета рабочаго скота по плугамъ. Я говорю „исходитъ", потому что оцѣнка подвергается различнымъ колебаніямъ, но основное воззрѣніе заключается въ томъ, что та земля, на которой сидитъ крестьянинъ или рабъ, помѣщается между двумя границами: наименьшій участокъ есть земля одного вола — оксгамъ, наибольшій — земля цѣлаго плуга — гайда, при которой считается 8 воловъ.

Вотъ факты, которые съ разныхъ сторонъ разъясняютъ соціальный строй Англійскаго общества. Я особенно подробно остановился на нихъ, потому что этотъ строй въ Англійской исторіи является важнымъ даже при объясненіи самаго политическаго развитія, и кромѣ того онъ можетъ служить хорошимъ примѣромъ строенія всего средневѣковаго общества.

Изъ описанія землевладѣнія въ Переписи Страшнаго Суда совершенно выясняется одинъ очень важный фактъ, именно, что, какъ могущество бароновъ англійскихъ, такъ и могущество Англійскаго короля опиралось не на землевладѣльческую основу. Дѣло въ томъ, что и король и бароны владѣли сравнительно небольшимъ числомъ земель. Они вмѣстѣ владѣли тѣмъ-же, чѣмъ владѣла одна Церковь, и имѣнія короля и бароновъ были разбросаны по различнымъ частямъ Англіи, поэтому главное значеніе въ оцѣнкѣ политической силы того или другаго элемента имѣетъ не этотъ факторъ, имѣетъ не помѣщичья власть. И уже этимъ очень серьезно, очень значительно отдѣлена исторія Англіи отъ исторіи континента.

Тѣмъ болѣе представляется важнымъ рѣшить вопросъ: какимъ образомъ при сравнительно небольшой помѣщичьей власти Англійскій король конца XI в., начала XII былъ дѣйствительно королемъ могущественнымъ, даже гораздо болѣе могущественнымъ, нежели его Французскій сосѣдъ? Вильгельмъ Завоеватель, будучи не особенно крупнымъ помѣщикомъ, былъ чрезвычайно сильнымъ королемъ, его вліяніе проникло во всѣ даже отдаленныя области. Нельзя было никоимъ образомъ сказать про него то, что можно было сказать про его Капетингскаго сосѣда, именно, что онъ совершенно оттѣсненъ отъ связи съ массой своихъ подданныхъ, оттѣсненъ феодалами, которые стали, такъ сказать, въ промежутокъ между нимъ и населеніемъ. Этого сказать нельзя, онъ является государемъ могущественнымъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Онъ имѣлъ политическую силу, политическое значеніе, и корень этого факта заключается въ томъ обстоятельствѣ, что король является посредникомъ между двумя этнографическими и политическими массами, между Норманнами завоевателями и Саксами завоеванными. Нѣтъ въ Англіи того самого существеннаго условія, которое вызывало политическое разложеніе на континентѣ. Въ Англіи не могла распасться общественная государственная жизнь на мелкіе кружки частныхъ интересовъ, потому что остался очень сильный запросъ на крупное, обширное соединеніе государства, и запросъ этотъ проистекалъ изъ борьбы двухъ національностей.

Вы помните, какъ шелъ феодализмъ, какъ шло его установленіе на континентѣ. Обширныя монархіи, образовавшіяся вслѣдствіе завоеванія Римскихъ провинцій, рухнули тогда, когда завоеваніе прекратило борьбу съ Римомъ, вызывавшую образованіе государственнаго тѣла. На минуту

возродилась также обширная монархія, когда явилась новая борьба, борьба съ Саксами, съ Арабами. Она опять-таки разложилась, какъ скоро такой запросъ прекратился. Въ этомъ отношеніи запросъ на соединеніе, на обширный союзъ, конечно, въ Англіи имѣлся. Вслѣдствіе Норманнскаго завоеванія явился такой запросъ на соединеніе обширныхъ политическихъ тѣлъ, который совершенно исключалъ возможность разложенія политической системы на отдѣльныя части.

Вотъ этимъ-то политическимъ запросомъ, этой государственной необходимостью и живетъ могущество первыхъ Норманнскихъ королей. Они сильны не какъ помѣщики, а какъ представители чисто политическаго принципа, и въ этомъ, конечно, лежало чрезвычайно сильное ограниченіе общихъ идей феодализма по отношенію къ Англіи. Это общегосударственное начало выражается въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ дѣйствій. Норманнскіе бароны принуждены держаться вмѣстѣ, принуждены держаться вокругъ короля для того, чтобы ихъ не прогнали Саксы, для того, чтобы только что совершившееся завоеваніе не разстроилось; съ другой стороны Саксы готовы поддержать даже короля Норманнскаго, если онъ облегчитъ непосредственное давленіе бароновъ. Крайне любопытнымъ фактомъ является исторія первыхъ Норманнскихъ королей, исторія Вильгельма Завоевателя, Вильгельма Рыжаго и даже Генриха I, отмѣченная уже возстаніемъ Норманнскихъ феодаловъ. И въ этомъ возстаніи король одерживаетъ верхъ потому, что съ нимъ заодно дѣйствуетъ ополченіе Саксонскаго племени.

Вильгельмъ I (1066–1087).

Этотъ антагонизмъ двухъ племенъ и даетъ силу Англійскому королю, особенно это антагональное положеніе выражается въ первое царствованіе послѣ завоеванія, царствованіе Вильгельма I. Онъ принужденъ былъ ввести въ своемъ государствѣ полицейскія мѣры, которыя показываютъ, какъ велика была враждебность, ненависть къ Норманнамъ. Двѣ полицейскія мѣры такого рода заслуживаютъ вниманія, — это введеніе кругового поручительства и введеніе отвѣтственности области за убійство Норманна.

Для того, чтобы держать въ порядкѣ и постоянно наблюдать всю массу населенія, король и его совѣтники проводятъ такого рода мѣру. Все населеніе распредѣляется на десятки, члены которыхъ взаимно от-

вѣчаютъ другъ за друга, и если одинъ изъ участвующихъ въ десяткѣ совершитъ, напримѣръ, воровство, то остальные должны его разыскать и представить на судъ, въ случаѣ-же, если они его не разыщутъ, то они сами отвѣчаютъ. Это коллективное поручительство вводится при Вильгельмѣ Завоевателѣ и держится до самыхъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, по имени существуютъ слѣды этого поручительства даже теперь, оно называется свободнымъ поручительствомъ. Понятное дѣло, что, когда развиваются другаго рода полицейскія средства, когда государство настолько усиливается, что получаетъ возможность непосредственно разыскивать преступника, ловить его, опредѣлять свойства и условія преступленія, то оно отказывается отъ этой чрезвычайно грубой и тиранической формы; но тогда это было необходимо, потому что иначе было бы совершенно невозможно услѣдить за массою правонарушеній, которыя совершались въ королевствѣ. Въ дополненіе къ этой мѣрѣ является обязательство всѣхъ областей и мѣстностей провѣрять свои десятки. Каждый человѣкъ, достигшій двѣнадцатилѣтняго возраста, обязанъ вступать въ десятокъ, и два раза въ годъ собираются мѣстныя собранія для того, чтобы провѣрить, всѣ-ли взрослые записаны въ десятки. Во главѣ каждаго союза десятка стоитъ одинъ capitalis plegii, т.е. глава десятка. Однимъ словомъ, вводится мѣра самая широкая въ полицейскомъ отношеніи, которая обусловливалась, именно, необходимостью установить порядокъ, во что бы то ни стало.

Другая мѣра точно также тираническая и точно также имѣвшая очень дѣйствительныя послѣдствія. Не смотря на установленіе десятковъ, преступленія, особенно преступленія, направленныя противъ Норманновъ совершались очень часто, и рядомъ съ поручительствомъ личнымъ по этимъ десяткамъ вводится при Вильгельмѣ Завоевателѣ поручительство территоріальное. Именно, если кто-нибудь былъ убитъ, то въ случаѣ, если убитъ Норманнъ, или если неизвѣстно, Норманнъ или Англосаксъ, а убійца не найденъ, то отвѣчаетъ округъ за убійство, онъ возмѣщаетъ вергельдъ и платитъ государству штрафъ. Такимъ образомъ даже тотъ случай, когда національность убитаго неизвѣстна, подводится подъ эту территоріальную отвѣтственность, и въ этомъ случаѣ область отвѣчаетъ для того, чтобы не было попытки, такъ сказать, обмануть правосудіе: убитаго можно такъ изуродовать, что національность его трудно опредѣлить.

Эти полицейскія мѣры Вильгельма Завоевателя показываютъ, въ какомъ осадномъ положеніи находилось общество послѣ завоеванія. Но помимо этихъ полицейскихъ мѣръ, которыя продержались долго, есть еще нѣсколько постановленій Вильгельма Завоевателя, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія, которыя показываютъ, какую значительную роль играло государство въ то время. Самая главная изъ этихъ мѣръ, — это, такъ называемая, Сольсберійская присяга 1086 г. Въ Сольсбери на Уитенагемотѣ — народномъ собраніи — рѣшено было, что королю должны присягать въ вѣрности непосредственно всѣ свободные люди королевства безъ различія вассальныхъ степеней вмѣсто того, чтобы считаться въ политическомъ отношеніи съ ближайшимъ кругомъ своихъ перовъ, съ какими-нибудь 600 tenentes in capite. Король прямо требуетъ присяги отъ всѣхъ свободныхъ жителей королевства, всѣ они поступаютъ въ его непосредственную охрану. Это фактъ, который рѣзко обозначаетъ противоположность между государственнымъ строемъ Англіи и Франціи того времени. Капетингскій государь едва держался на своемъ престолѣ, его посадили на престолъ потому, что онъ могъ быть только первымъ между равными, а Норманскій Завоеватель въ Англіи считаетъ уже возможнымъ переступить, такъ сказать, ту преграду, которую ставили ему ближайшіе вассалы, и требовать подданства на началахъ государственныхъ, подданства отъ всѣхъ свободныхъ людей. Къ полицейскому-же поручительству онъ привлекаетъ не только свободныхъ людей, но и вилланов, всѣхъ крѣпостныхъ, такимъ образомъ онъ вводитъ въ кругъ подданства даже тѣхъ, кто по феодальному праву находились въ полной власти своихъ сеньоровъ. Вотъ до какой степени различны основныя политическія условія въ Англіи и на континентѣ, и различіе это объясняется національной противоположностью группъ.

Въ концѣ концовъ и самая Перепись Страшнаго Суда показываетъ, какое было рѣзкое различіе въ данномъ случаѣ между континентальнымъ порядкомъ и Англійскимъ. Перепись Страшнаго Суда свидѣтельствуетъ о страшномъ напряженіи государственной власти. Такой кадастръ и въ настоящее время произвести было-бы трудно. Трудно было бы заставить и въ настоящее время нѣсколько коммиссаровъ объѣздить государство и точно переписать всю землю и всѣ классы государства. Между тѣмъ это въ XI в. въ Англіи возможно.

Англія XI в. является не случайнымъ соединеніемъ разрозненныхъ феодальныхъ государствъ, а тѣснымъ соединеніемъ на чисто политическихъ основаніяхъ всей страны подъ властью короля. Это прямо ограничиваетъ значеніе Англійскаго феодализма. Англійскій феодализмъ имѣетъ весь характеръ земельнаго права, земельнаго гражданскаго права. Конечно, и въ немъ существовалъ цѣлый рядъ политическихъ привилегій бароновъ, но въ XI в. вслѣдствіе Норманнскаго завоеванія, вслѣдствіе столкновенія двухъ народныхъ массъ можно въ Англіи говорить о подданныхъ, можно произвести перепись, которая захватила всѣхъ людей королевства, можно говорить о полиціи. Такимъ образомъ уже въ XI в. намѣчается въ Англіи точка зрѣнія, которую во Франціи можно уловить въ несовершенномъ видѣ развѣ въ XIII в. Въ томъ-же родѣ идетъ и дальнѣйшее развитіе, являются контрасты на цѣлое столѣтіе, иногда на цѣлыя два столѣтія.

Вильгельмъ II Рыжій (1087–1100).

Преемникъ Вильгельма Завоевателя Вильгельмъ Рыжій является уже съ попыткой установить фискальную систему въ Англіи, что напоминаетъ царствованіе Филиппа во Франціи. Его система вся направлена къ тому, чтобы обезпечить за государемъ подать, и это дѣлается въ девяностыхъ годахъ XI в.. Первое средство, которое пустилъ въ ходъ Вильгельмъ Рыжій для устройства въ государствѣ постоянной фискальной основы, заключается въ томъ, что онъ и его главный совѣтникъ — Ранульфъ Фламбаръ — старались систематически развивать всѣ тѣ фискальныя средства, которыя давало феодальное право. Главнымъ изъ этихъ средствъ было вмѣшательство короля во всѣ случаи перехода собственности.

Всѣ отдѣльные виды феодальныхъ сборовъ можно подвести подъ понятіе пошлины за переходъ собственности. Когда феодальный владѣлецъ умеръ, наслѣдникъ его вступаетъ, получаетъ реинвеституру и платитъ за нее. Когда феодальный владѣлецъ продаетъ, то опять-таки платитъ за это laudemium. Если наслѣдниковъ нѣтъ мущинъ, а есть только женщина, то ее выдаетъ замужъ сеньоръ опять-таки потому, что ленъ принадлежитъ собственно ему, что онъ не можетъ безучастно отнестись къ тому, кто будетъ владѣть имъ. Наконецъ, если ленъ попадаетъ въ руки малолѣтнихъ,

то онъ имѣетъ право опеки. Что-же касается до экстренной помощи въ случаѣ крестоваго похода, выдачи дочери замужъ, эта экстренная помощь зависитъ въ значительной степени отъ добраго согласія, это случайное вспомоществованіе, поэтому я его оставляю въ сторонѣ и останавливаюсь на четырехъ капитальныхъ случаяхъ проявленія права феодальнаго сеньора.

Этими 4 капитальными случаями и пользуется Вильгельмъ Рыжій. Онъ пользуется своимъ сеньоріальнымъ правомъ съ такою послѣдовательностью, съ такою жестокостью, что про него, какъ сказано въ лѣтописи, сложился взглядъ, что онъ хочетъ сдѣлаться единственнымъ собственникомъ въ Англіи. Вильгельмъ Рыжій стоялъ на томъ, что косвенно или прямо всякая собственность въ королевствѣ происходитъ отъ собственности короля, онъ и старался это осуществить. Поэтому, когда умиралъ свѣтскій вассалъ или духовный сеньоръ, то онъ, во-первыхъ, бралъ страшный выкупъ, который иногда значительно превышалъ годовой доходъ съ земли. По отношенію къ духовнымъ лицамъ онъ пользовался правительственной регаліей, т.е. онъ не замѣщалъ вакансіи епископовъ или аббатовъ иногда по нѣсколько лѣтъ, а доходы съ епископства или аббатства шли въ это время въ пользу короля. Для исправленія-же обязанностей, связанныхъ съ леномъ, назначался викарій, который получалъ кое-что, какую-нибудь десятую часть всего дохода съ лена. Это-то грабительство по отношенію къ Церкви вызвало особенно сильное сопротивленіе, но это грабительство выражало только попытку Вильгельма Рыжаго попользоваться доходами, потому что рядомъ съ этимъ мы слышимъ жалобы, что онъ торгуетъ наслѣдницами, что онъ продаетъ позволеніе выйти замужъ за громадныя деньги, иногда беретъ за это половину всей движимости наслѣдницы и т. д. Такимъ образомъ Вильгельмъ Рыжій, пользуясь извѣстными казусами феодальнаго права, развиваетъ фискальность, чрезвычайно тягостную для населенія.

Эта фискальность распространяется и дальше. При Вильгельмѣ Рыжемъ постоянно платится данегельдъ, то прямое обложеніе, которое установилось въ концѣ Саксонскаго періода для поддержанія войны противъ Датчанъ. Этотъ данегельдъ былъ возобновленъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ, при Вильгельмѣ Рыжемъ онъ становится постоянной податью, является такимъ образомъ попытка установить прямой сборъ, прямую подать съ земли.

Какой характеръ имѣли взысканія, какъ они производились, отлично показываютъ слѣдующіе случаи. Существовало старое право короля созывать ополченіе всего государства для защиты королевства, т.е. ополченіе всѣхъ свободныхъ. И вотъ Вильгельмъ Рыжій якобы для защиты королевства созываетъ такое ополченіе, и это бывало не разъ. Дѣлалъ это онъ однако въ сущности не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы заставить откупиться отъ этого ополченія, конечно, при этомъ онъ добывалъ много денегъ. Онъ дѣлалъ даже больше. Разъ онъ созвалъ такое ополченіе по всѣмъ графствамъ подъ строгимъ наказомъ. Всякая сотня должна была выставить ратника, снабдивъ его деньгами и оружіемъ. Ополченіе собралось. Тогда шерифы отобрали деньги, а ополченіе вернулось домой. Наконецъ, лѣтописи единогласно свидѣтельствуютъ, что система земскихъ судовъ эксплуатировалась при Вильгельмѣ Рыжемъ съ фискальною цѣлью. Назначались чрезвычайныя собранія для судопроизводства, очень тягостныя, такъ какъ приходилось являться всѣмъ: помѣщикамъ, приказщикамъ, и кромѣ нихъ 4 вилланамъ или 6, старшинѣ и священнику. Однимъ словомъ, это былъ настоящій походъ, и оно крайне тяжело падало на населеніе. Но эти чрезвычайныя засѣданія и чрезвычайные вызовы назначались для того, чтобы было больше „нѣтчиковъ" которыхъ и штрафовали.

Вотъ какой характеръ имѣла въ Англіи первая крупная попытка установить финансовую систему, характеръ чрезвычайно насильственный.

Другой важный вопросъ, связанный съ этимъ, касается отношеній Церкви къ государству. Церковь самая крупная изъ земельныхъ корпорацій. Она владѣла половиной всѣхъ леновъ. Естественно, что она поэтому всего больше захватывалась въ своихъ интересахъ этими мѣропріятіями Вильгельма Рыжаго и смотрѣла на торговлю духовными должностями, какъ на совершенно незаконный захватъ государства, совершавшійся тогда какъ разъ, въ концѣ XI в., послѣ Григорія VII, т.е. послѣ той аскетической реформы, которая возобновила силу Католической Церкви, послѣ ея нравственной побѣды надъ императоромъ. Среди Англійской Церкви образуется упорное сопротивленіе, тѣмъ болѣе, что Англійская Церковь въ силу Норманнскаго завоеванія попала въ совершенно особое положеніе, и вотъ это — послѣдняя черта, на которую приходится обратить вниманіе при характеристикѣ завоеванія.

Дѣло въ томъ, что самое завоеваніе было въ своемъ родѣ крестовымъ

походомъ и походомъ, который совершился при непосредственномъ участіи Римской куріи. Римская курія всѣми средствами содѣйствовала Вильгельму Завоевателю. Ланфранкъ, Бекскій аббатъ, который сталъ потомъ Кентерберійскимъ архіепископомъ, былъ представителемъ, именно, аскетическихъ идей: идеи полнаго освобожденія Церкви отъ всякаго свѣтскаго вмѣшательства и связи съ грѣховнымъ свѣтскимъ міромъ, идеи безбрачія, идеи преобладанія, словомъ, опеки Церкви надъ государствомъ, онъ стоялъ очень близко къ Вильгельму Завоевателю.

Римская курія потому такъ горячо приняла сторону Норманновъ въ этой борьбѣ, что вслѣдствіе отдаленности Британскаго острова, вслѣдствіе того, что образовались Англійскія отношенія на чисто Германской основѣ, крайне ослабилась связь Саксонской Церкви съ Римомъ. Вмѣсто того, чтобы принадлежать всецѣло къ общей Католической организаціи, Саксонская Церковь въ X, въ XI в. стала занимать особое положеніе, и положеніе это характеризуется главнымъ образомъ двумя чертами. Въ Саксонской Церкви сталъ слабѣть Латинскій языкъ; онъ примѣнялся, конечно, въ богослуженіи, но церковныя грамоты писались въ X и XI вв. весьма часто на Саксонскомъ нарѣчіи, а это уже чрезвычайно характерно. Дѣловой языкъ Церкви становится языкомъ не Римскимъ, отдѣляется отъ космополитической связи католицизма. То-же самое замѣчается и въ другой важной области, въ области юрисдикціи. Церковныя судебныя дѣла и отношенія изъ нихъ вытекавшія, велись въ смѣшанныхъ судахъ, въ которыхъ участвовалъ и свѣтскій элементъ. Судъ сотни, судъ графства имѣли въ своей компетенціи не только гражданскую, уголовную юрисдикцію по дѣламъ свѣтскимъ, но и дѣламъ духовнымъ. Духовенство засѣдало въ этихъ судахъ, а особыхъ каноническихъ судовъ не существовало. И это опять фактъ капитальный.

Вотъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ тотчасъ замѣтенъ рѣзкій поворотъ послѣ завоеванія. Вмѣстѣ съ завоевателями Французами проникла въ Англію цѣлая масса континентальнаго духовенства, которое заняло всѣ епископскія каѳедры, всѣ главныя мѣста въ аббатствахъ и придало всей церкви совершенно иной характеръ, характеръ Римскій. Конечно, Латинскій языкъ, Латинскія формы вступили въ свои полныя права, и затѣмъ выдѣлился весь судебный церковный строй, съ своей особой организаціей, совершенно обособленный. Церковь уже не судитъ въ сотняхъ, въ графствахъ, а судитъ въ своемъ собственномъ

судъ, она стала привлекать всѣ дѣла, касающіяся клириковъ, касающіяся духовенства. Такимъ образомъ отдѣляется область церковнаго суда. Не мудрено, что на этомъ основаніи самостоятельность Церкви, притомъ самостоятельность, опирающаяся на такое крупное землевладѣніе, должна была быть очень могущественной, очень великой, съ которой трудно было справиться даже Норманнскому королю.

При Вильгельмѣ Рыжемъ столкновеніе между Церковью и королемъ принимаетъ характеръ борьбы между Кентерберійскимъ архіепископомъ Ансельмомъ, который извѣстенъ болѣе какъ одинъ изъ главныхъ схоластическихъ докторовъ Западной Церкви, Норманномъ, Французомъ по происхожденію, и королемъ. Ансельмъ Кентерберійскій какъ примасъ Англійской Церкви требуетъ отъ короля права производить замѣщенія вакансій, требуетъ, чтобы онъ держался каноническихъ установленій, чтобы не требовалъ отъ Церкви, отъ аббатовъ и епископовъ болѣе нежели годовой доходъ при всякомъ отдѣльномъ замѣщеніи. Но Вильгельмъ Рыжій не уступилъ, и Ансельмъ Кентерберійскій принужденъ былъ бѣжать изъ Англіи. Итакъ Ансельму не удалось настоять на своихъ требованіяхъ, однако все время чувствовали, что король господствуетъ только грубой силой. Дѣйствительно, преемникъ Вильгельма Рыжаго Генрихъ I долженъ былъ пойти на соглашеніе, на конкордатъ, при которомъ было выговорено, что можетъ король взыскивать, и въ какой степени онъ можетъ вмѣшиваться въ церковные выборы: онъ имѣлъ только право провѣрять.

Генрихъ I (1100 – 1135).

Царствованіе Генриха I вообще очень характерно по реакціонному направленію власти сравнительно съ направленіемъ во время царствованія его отца Вильгельма Завоевателя и брата Вильгельма Рыжаго. Генрихъ I вступилъ на престолъ при условіяхъ, которыя должны были заставить его пойти на соглашеніе. Онъ, собственно говоря, права на престолъ не имѣлъ, точно такъ-же какъ не имѣлъ ихъ и Вильгельмъ Рыжій. Истиннымъ наслѣдникомъ былъ Робертъ, Нормандскій герцогъ, который не успѣлъ предъявить своихъ правъ во время первой смѣны въ 1087 г., когда вступилъ на престолъ Вильгельмъ Рыжій, но теперь онъ предъявлялъ эти права противъ Генриха I въ 1100 г. Для того,

чтобы отстоять свое положеніе, которое было основано не на правѣ, Генрихъ I долженъ былъ опираться на сочувствіе своихъ подданныхъ, долженъ былъ измѣнить, такъ сказать, основанія своей власти. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была грамота Генриха I, которого начинается его царствованіе. Грамота эта, конечно, не имѣла такого значенія, какое имѣла Великая Хартія вольностей, но она очень важна, потому что она представляетъ первый уговоръ между Англійскимъ королемъ и населеніемъ, и притомъ она дается не отдѣльнымъ классамъ, а всѣмъ сословіямъ. Уговоръ этотъ стоитъ пока на феодальныхъ основаніяхъ. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы положить конецъ злоупотребленіямъ и произволу царствованія Вильгельма II. Надо, значитъ, точно оговорить, сколько король можетъ требовать въ тѣхъ феодальныхъ казусахъ, которые давали ему поводъ къ требованіямъ; и право вассаловъ оговаривается точно: опека надъ наслѣдницами, реинвеститура, т.е. пошлина за реинвеституру и т.д. Все это оговорено, и кромѣ того устанавливается, что король долженъ соблюдать миръ Церкви.

Итакъ совокупное сопротивленіе Церкви и вассаловъ приводитъ къ тому, что король идетъ на соглашеніе, на сдѣлку, и, что особенно важно, сдѣлка эта распространяется не только на отношенія короля къ его вассаламъ, а также на отношенія этихъ вассаловъ къ ихъ вассаламъ. Я говорю, что это чрезвычайно важно, потому что это, именно, сразу ставитъ дѣло на совершенно иную почву, нежели та, на которую стала реакція во Франціи въ началѣ XIV в. Вы помните, что тамъ каждый хлопоталъ за себя. Но реакція и не удалась вслѣдствіе того, что каждое сословіе дѣйствовало отдѣльно. Въ Англіи сословія, каждое въ отдѣльности было слабѣе Французскихъ, но, именно, вслѣдствіе того, что каждое сословіе чувствовало, что оно не особенно сильно, устанавливается круговое поручительство, сознается необходимость всѣмъ сообща дѣйствовать противъ короля и вслѣдствіе этой необходимости совокупно представить требованія они являются безкорыстными, т.е. безкорыстными въ широкомъ смыслѣ этого слова. Ради защиты своихъ главныхъ, такъ сказать, правъ, ради защиты самостоятельности и иммунитета Церкви, вассалы считаютъ нужнымъ заручиться симпатіями и подчиненныхъ, почему они дѣлаютъ имъ сами соотвѣтственныя уступки.

Смутное время (1135-1154).

Я особенно настаиваю на томъ фактѣ, что Английские порядки, установившиеся въ концѣ XI в., весьма существенно отличались отъ феодализма, такъ, какъ онъ образовался на континентѣ. Но само собой разумѣется, что нельзя было безусловно отстранить тѣ стремленія, которыя одержали побѣду на континентѣ, нельзя было ихъ уничтожить, они проявились, хотя стѣсненныя. Нельзя было заставить тѣхъ бароновъ, которые владѣли Нормандскими и Французскими помѣстьями, на Английской почвѣ сразу отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ, жить въ государствѣ короля, вмѣсто того, чтобы жить въ своемъ собственномъ государствѣ. Именно, то обстоятельство, что существовала такая тѣсная связь между Английскимъ королемъ съ одной стороны, Нормандіей и другими Французскими областями съ другой, должно было вызывать постоянно попытки Нормандскихъ, Французскихъ бароновъ и въ Англіи утвердить нѣчто похожее на континентальныя условія. Эти попытки объясняютъ отдѣльныя волненія и династическія распри при первыхъ поколѣніяхъ послѣ завоеванія. Но одинъ только былъ моментъ въ исторіи Англіи, когда, дѣйствительно, удалось нѣчто вродѣ установленія феодальнаго порядка въ континентальномъ смыслѣ этого слова. Именно, моментъ этотъ наступилъ послѣ смерти Генриха I въ 1135 г., когда прекратилась линія Норманновъ, линія Вильгельма Завоевателя, прямая, и началась борьба между двумя претендентами, между сыномъ Адели, дочери Вильгельма Завоевателя, Стефаномъ Булонскимъ и между мужемъ Матильды, Готфридомъ Плантагенетомъ. При столкновеніи этихъ двухъ династическихъ претендентовъ начались неустройства, которыя дали возможность выдвинуться феодальнымъ стремленіямъ, и одно время какъ будто облъ... [?] изали успѣхъ. Періодъ отъ 1137-1154 и ознаменовался тѣмъ, что Норманнскіе бароны понастроили укрѣпленныхъ замковъ по всѣмъ областямъ королевства, что частныя войны пошли въ ходъ, однимъ словомъ, началъ образовываться строй, порядокъ или безпорядокъ, который былъ похожъ на континентальныя условія.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ бытѣ, объ этомъ періодѣ одинъ лѣтописецъ, передавая весь ужасъ, постигшій страну вслѣдствіе этихъ условій: „Не было царя во Израилѣ, каждый дѣлалъ, что считалъ пра-

вомъ. Всѣ сдѣлались клятвопреступниками и нарушили присягу подданства, потому что каждый богатый человѣкъ строилъ себѣ замки и загуищалъ ихъ противъ короля, и они наполнили страну замками. Сильно обременяли они несчастный народъ, заставляли его работать надъ возведенiемъ замковъ, въ которыхъ потомъ обитали дьяволы и злые люди. Днемъ и ночью забирали они всѣхъ, у кого по ихъ мнѣнiю было серебро или золото, и мучили ихъ несказанными пытками. Тысячи погибли отъ голода.- Пока царствовалъ Стефанъ, 19 лѣтъ продолжалось это положенiе дѣлъ. Постоянно производили въ селахъ поборъ, называемый tenserie, и когда несчастнымъ жителямъ нечего было платить, сжигали села, такъ что можно было идти цѣлый день и не дойти до обработанныхъ полей или до человѣка, который бы сидѣлъ въ селѣ".

Но такое разстройство, которое получилось вслѣдствiе междоусобной войны и разнузданности феодальныхъ правъ, нашло себѣ противовѣсъ, нашло реакцiю вслѣдствiе того, что первыя три царствованiя Норманнскiя уже образовали извѣстныя традицiи и, главное, вслѣдствiе того, что въ эпоху Генриха I уже болѣе или менѣе прекратилась та острая вражда между Норманнами и Саксами, которая раздѣляла эти племена. Саксонское населенiе уже привыкло смотрѣть на короля, какъ на главнаго защитника своихъ правъ, и совсѣмъ не странно, что Генрихъ I прiобрѣлъ въ концѣ царствованiя нацiональное положенiе. Теперь, именно, со стороны Саксонскаго населенiя является попытка исправить дѣло, установить порядокъ, который воспрепятствовалъ бы частнымъ войнамъ, прекратилъ бы хищничество, разбои, насилiе феодализма. Умиротворенiе Англiи состоялось вслѣдствiе соглашенiя между Стефаномъ и Генрихомъ, сыномъ Готфрида Плантагенета.

Вслѣдствiе этого соглашенiя были установлены, такъ называемыя, Уолингфордскiя постановленiя 1153 г. Стефанъ призналъ Генриха своимъ наслѣдникомъ, и они вмѣстѣ рѣшились дѣйствовать противъ разнаго рода беззаконiй, которыя совершались ихъ баронами. Главною цѣлью Уолингфордскихъ постановленiй было срытiе замковъ, т.е. уничтоженiе тѣхъ оплотовъ, которые понастроили себѣ бароны. 1115 замковъ было уничтожено вслѣдствiе того, что они соединились и начали дѣйствовать вмѣстѣ противъ бароновъ. Затѣмъ въ постановленiяхъ упоминалось о необходимости вновь заселить страну, воздѣлать земли, снабжать поселянъ скотомъ. Церковь должна пользоват-

ся миромъ, не должна подвергаться обложеніямъ. Должны были быть возстановлены шерифы, т.е. какъ бы губернаторы отдѣльныхъ областей. Должны были быть распущены наемныя шайки. Вотъ та программа дѣйствій, которая была намѣчена еще при жизни Стефана и исполненіе которой было первымъ актомъ царствованія Генриха II.

Генрихъ II (1154–1189).

Царствованіе Генриха II имѣетъ очень важное значеніе въ историческомъ развитіи государственной власти въ Англіи. Въ это царствованіе, дѣйствительно, намѣчается тотъ порядокъ правленія, которымъ жила Англія XIII и XIV в. Еще нѣтъ тѣхъ конституціонныхъ сдержекъ, того общественнаго давленія, которое мало по малу выростаетъ, выростаетъ, именно, въ эти вѣка. Но подъ охраной короля въ связи съ его личной властью образуется правительственный порядокъ, сдѣлавшійся основой всего средневѣковаго юридическаго быта, а косвенно и юридическаго быта современной Англіи. На это установленіе порядка я обращу ваше вниманіе.

Удобнѣе всего будетъ прослѣдить за отдѣльными дѣйствіями Генриха II въ такомъ порядкѣ. Сначала я обращу ваше вниманіе на административныя мѣры, которыя имѣли цѣлью введеніе твердой государственной организаціи и правительственныхъ средствъ. Затѣмъ мы обратимся къ характеристикѣ суда и правового движенія, и наконецъ, надо будетъ обратиться къ характеристикѣ тогдашняго церковнаго политическаго спора, который сдѣлалъ царствованіе Генриха II особенно извѣстнымъ. Борьба между Церковью и государствомъ, между Генрихомъ и Бекетомъ составляетъ самый замѣчательный, но далеко не самый важный, единственно важный пунктъ царствованія Генриха II.

Итакъ, прежде всего, какія мѣры были приняты для укрѣпленія и установленія администраціи? Во-первыхъ, важно, что при Генрихѣ II разбиваются послѣднія попытки феодальной аристократіи достать политическія феодальныя права. Въ 1173 г. и 1174 г. противъ короля вспыхнуло опасное возстаніе, въ которомъ участвовалъ наслѣдникъ престола Ричардъ, Людовикъ VII Французскій король, затѣмъ сильные англійскіе бароны, и во главѣ ихъ графъ Лейстерскій и Генри Бигодъ. Возстаніе это не удается потому, что за короля вступается сотенное ополченіе, что онъ находитъ полную безусловную поддержку со стороны одного еще класса населенія и укрѣпляетъ свою власть въ

эти года. Онъ въ 1175 г. проводитъ постановленіе, которое должно было имѣть такое-же значеніе, какъ и знаменитое постановленіе Вильгельма Завоевателя о круговомъ поручительствѣ и территоріальномъ, — это Удстокское постановленіе относительно ношенія оружія, запрещавшее носить оружіе безъ надобности внутри королевства, потому что частная война объявлялась преступленіемъ, т.е. король и его совѣтники не признаютъ за феодальными баронами права войны за себя, за частные интересы, понимаютъ частную войну какъ самоуправство и, какъ таковое, запрещаютъ. Это постановленіе важно не по своей дѣйствительной силѣ, оно очень важно какъ декларація принципа, потому что оно было совершенно немыслимо во Франціи того времени, немыслимо было и въ Англіи за какіе-нибудь 50 лѣтъ передъ тѣмъ. Она является послѣ цѣлаго ряда смутъ и бѣдствій, въ которыхъ масса поддержала короля, какъ представителя порядка.

Съ другой стороны устанавливается административный порядокъ.
51 Въ 1181 г. проводится, такъ называемая, Ассиза оружія. Если Удстокское постановленіе запрещало частнымъ лицамъ для частныхъ цѣлей имѣть оружіе, то въ 1181 г. было узаконено, какъ кто могъ имѣть оружіе для государственной службы. Въ 1181 г. при Генрихѣ II получаетъ окончательную организацію то феодальное ополченіе, которое собственно было возстановлено королемъ Сольсберійской присягой. Сольсберійская присяга за 100 лѣтъ до Ассизы оружія потребовала, чтобы всѣ свободные люди Англіи являлись непосредственно подданными короля. Теперь является дополненіе, является та форма требованій государства по отношенію къ свободнымъ людямъ Англіи, которая выражается въ общей воинской повинности. Всѣ, не только зависящіе прямо отъ короля, принуждены служить въ ополченіи, устанавливается также, кто съ какимъ оружіемъ долженъ явиться.

Таковы, такъ сказать, двѣ границы административнаго развитія. Съ одной стороны запрещается самоуправство, съ другой стороны устанавливается обязательность защиты государства. Между этими двумя границами стоитъ организація собственно чиновническая, организація административной системы. Организація этой административной системы представлялась чрезвычайно труднымъ дѣломъ. Чрезвычайно трудно было найти такихъ помощниковъ, которые служили-бы исполненію своихъ обязанностей, преслѣдовали-бы не личныя цѣли,

не лихоимствовали-бы, не казнокрадствовали-бы, не насиловали-бы, не превышали-бы своей власти изъ личныхъ выгодъ, а служили-бы государственной необходимости, государственному благу. Въ этомъ отношеніи слабая политическая подготовка того времени представляла въ распоряженіи короля чрезвычайно негодный матеріалъ. Оставалось одно средство, и этимъ средствомъ могло воспользоваться правительство сильное, твердое, – оставалось терроризировать чиновниковъ, и действительно, къ этому средству прибѣгнулъ Генрихъ II. Съ одной стороны чиновники и, главное, шерифы имѣли чрезвычайно обширную компетенцію. Они могли вмѣшиваться и въ дѣла ленныхъ правителей и въ управленіе доменами и въ расходы по управленію и командовали ополченіями отдѣльныхъ графствъ и собирали его, однимъ словомъ, въ ихъ рукахъ сходились самыя разнообразныя обязанности. Съ другой стороны, чтобы они постоянно чувствовали надъ собой руку короля, для этого организуется въ центрѣ судъ и палата, которая соотвѣтствуетъ французскому cour des pairs и парламенту отчасти, это, такъ называемый, судъ шахматной доски (Court of Exchequer) или палата казначейства. Въ палату казначейства сходились всѣ нити фискальной администраціи короля.

У насъ остался очень любопытный документъ, именно, эпохи Генриха II, – такъ называемый, dialogus de scacario – разговоръ о шахматной доскѣ, т.е. разговоръ о порядкахъ казначейства. Въ этомъ разговорѣ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ излагались необходимыя указанія для практики счетной части, различныхъ административныхъ дѣйствій. Затѣмъ остались большие отрывки (отъ времени Генриха II, одинъ даже отъ времени Генриха I), такъ называемаго „большаго свертка", въ которомъ записаны всѣ взносы, которые дѣлались въ государственную казну изъ областей, т.е. отъ шерифовъ. Эти документы представляются чрезвычайно важными, потому что они раскрываютъ обычную административную практику того времени. Что-же они показываютъ? Они показываютъ, что въ эпоху Генриха II уже сложилось въ Англіи чрезвычайно образованное технически и ловкое чиновничество, очень неразборчивое на средства, очень централизованное, которое простирало свои дѣйствія на всю страну безъ исключенія. Дѣятельность этихъ счетчиковъ и сборщиковъ проникала во всѣ отдѣльныя области, не останавливалась передъ группами самостоятельныхъ

княжествъ и бароній, какъ это было на материкѣ. Это первое, что поражаетъ. Второе, что представляется очень любопытнымъ, — это то, какъ всѣ отношенія судебныя, политическія разсматриваются съ одной главной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія выгодности. Всѣ проявленія государственной власти прежде всего доходныя статьи. Прежде всего право судить даетъ право взимать судебныя пошлины, и ради этого, именно, очень дорожатъ имъ, а самая сущность суда остается на второмъ планѣ. Вотъ эта фискальная точка зрѣнія и раскрывается вполнѣ въ этихъ документахъ. Но хотя точка зрѣнія эта въ сущности очень низкая и эгоистическая, хотя такимъ образомъ король въ сущности заботится прежде всего не объ установленіи справедливости въ своемъ королевствѣ, а о развитіи своихъ фискальныхъ правъ, о развитіи пошлинныхъ случаевъ въ своемъ королевствѣ, тѣмъ не менѣе эта фискальность ведетъ къ лучшимъ послѣдствіямъ, ведетъ, напримѣръ, къ тому, что вступаютъ въ борьбу съ привилегіями, со всѣми привилегированными судами, она приводитъ въ данномъ случаѣ, руководясь не теоретическими принципами, не желаніемъ государства искоренить всѣ отдѣльныя права и вольности, а руководясь самымъ простымъ желаніемъ расширить кругъ примѣненія своихъ доходныхъ статей, найти себѣ, такъ сказать, угодье. Однако это исканіе доходныхъ статей приводитъ къ очень важнымъ послѣдствіямъ политическимъ, государственнымъ, потому что вслѣдствіе этого мало по малу падаютъ частныя власти, король устанавливаетъ общегосударственное право, общегосударственный судъ. Надъ установленіемъ этой системы работаетъ и самъ король, работаетъ его шахматная доска, его казначейство, работаютъ шерифы и ихъ помощники въ отдѣльныхъ областяхъ, устанавливается система, сѣть, которая раскидывается надъ всей страной.

Для того, чтобы держать всю эту систему въ порядкѣ и страхѣ, король иногда пускалъ въ ходъ обширныя ревизіи. Ревизіи эти совершались на тѣхъ-же началахъ, на которыхъ совершилась Перепись Страшнаго Суда, т.е. король посылалъ чрезвычайнаго коммиссара изъ своихъ приближенныхъ, обыкновенно какого-нибудь архіепископа или барона, въ провинціи. И этотъ коммиссаръ приглашалъ всѣхъ и крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ обвинять чиновниковъ. Средство такимъ образомъ въ руки королевскихъ коммиссаровъ поступало очень широкое, и королевскіе контролеры очень смѣло пускали въ ходъ непосредственное

участие и надзоръ населения. Это видно изъ мѣры 1170 г. Въ 1170 г. произведена была повсемѣстная, обширная ревизія; было послано 12 бароновъ, чтобы опросить о поборахъ, о взяткахъ, объ укрывательствѣ чиновниковъ, и всѣ шерифы были смѣщены и замѣнены другими. Имущества нѣкоторыхъ были конфискованы, и нѣкоторые даже казнены. Однимъ словомъ насколько Генрихъ II сурово относился къ обществу, настолько-же безпощадно и строго онъ относился къ своимъ орудіямъ.

Другой капитальной стороной царствованія Генриха II и всей исторіи Англіи является развитие судебнаи системы. Въ концѣ XII в. получается перестановка судебныхъ отношеній Англіи, которая такимъ образомъ на цѣлый вѣкъ опередила Францію, и притомъ устанавливается порядокъ судопроизводства и судоустройства въ такой формѣ, съ такою безусловностью, которая не была достигнута во Франціи ни при Людовикѣ IX, ни при Филиппѣ Красивомъ. Это движеніе имѣло громадное значеніе. Въ концѣ концовъ мы сами до сихъ поръ отъ него зависимъ и зависимъ во всѣмъ извѣстной формѣ судебнаго учрежденія, которое считается теперь особенно важнымъ для организаціи общественнаго суда, — это, именно, судъ присяжныхъ.

Судъ присяжныхъ является въ Англіи въ XII в. въ эпоху Генриха II, при непосредственномъ сильномъ вліяніи, вліяніи притомъ прямо и просто примѣнявшемъ къ суду тотъ принципъ, который примѣнялся къ подати, въ Переписи Страшнаго Суда и при ревизіи шерифовъ. Король считаетъ возможнымъ отстать отъ обычныхъ формъ феодальнаго суда, онъ устанавливаетъ въ видѣ изъятія, для дѣлъ гражданскихъ сначала, свою систему суда. Онъ даетъ такимъ образомъ въ противоположность феодальному процессуальному выходу другой выходъ — государственный: кто хочетъ, можетъ идти и обвинять феодальнымъ путемъ, но затѣмъ, если сторона недовольна, она можетъ избрать этотъ спеціальный королевскій судъ. Феодальный судъ представлялся въ сущности организованнымъ боемъ сторонъ съ свидѣтелями или сторонъ съ судьями, во всякомъ случаѣ организованнымъ поединкомъ. Судъ народный, судъ сотни или области представлялся организаціей ордалій или соприсяжничества, т. е. судъ точно также совершенно внѣшнимъ образомъ относился къ дѣлу, предоставляя его собственному теченію, борьбѣ сторонъ и ограничиваясь тѣмъ, что онъ рѣшаетъ, которая изъ сторонъ дастъ присягу или пойдетъ въ ордалію. Однимъ словомъ, дѣло не разбирается по существу, судебная власть не возвышается надъ дѣломъ.

Рядомъ съ этимъ судомъ является, сначала въ гражданскихъ дѣлахъ, новое процессуальное средство, такъ называемая, ассиза. Ассиза состояла въ томъ, что король вынималъ дѣло изъ компетенціи феодальнаго суда или компетенціи сотеннаго суда, и передавалъ новому суду, который направлялся къ разслѣдованію дѣла по существу, а не съ формальной стороны.

Какія-же средства пускались въ ходъ? — Опросъ свидѣтелей и опросъ сосѣда. Два рыцаря или два свободныхъ человѣка спорятъ о томъ, кому принадлежитъ земля. Одинъ говоритъ, что другой завладѣлъ его землей. Собственно говоря, дѣло идетъ къ поединку, но можно, заплативъ извѣстную пошлину, получить право, чтобы король вызвалъ это дѣло къ себѣ въ Вестминстеръ или черезъ своихъ коммиссаровъ разобралъ его, произвелъ опросъ сосѣдей о томъ, кто изъ спорящихъ больше имѣетъ права на владѣніе. И въ результатѣ дѣло кончается тѣмъ, что король самъ или черезъ своихъ коммиссаровъ вызываетъ 12 человѣкъ изъ сосѣдей спорящихъ, и эти 12 человѣкъ подъ присягою даютъ показанія относительно спорнаго вопроса. Видите, какая грубая и зачаточная форма, но форма, въ которой совершенно ясно намѣчается судъ присяжныхъ. Король вмѣшивается въ дѣла, вызываетъ спорящихъ въ Вестминстеръ, или разъѣзжающіе коммиссары разбираютъ споры. Рѣшеніе относительно фактовъ дается сосѣдями, и эти сосѣди являются сначала не то свидѣтелями, не то судьями. Мало по малу однако является положеніе, что эти вызванные 12 человѣкъ должны сами анализировать извѣстный рядъ доказательствъ, придти къ убѣжденію, однимъ словомъ, должны дѣйствовать въ качествѣ судей. Это однако дальнѣйшее развитіе, первоначально-же эти присяжные мало отличаются отъ свидѣтелей. Но самая основа суда присяжныхъ дана уже этой формой. Я взялъ одинъ случай, это, такъ называемая, ассиза завладѣнія assisa novae disseisinae, одно изъ процессуальныхъ средствъ, которыя появляются въ этомъ направленіи.

Но затѣмъ, какъ только появилось это средство, тотчасъ-же оказалось, до какой степени оно выгодно для сторонъ, и всѣ стали къ нему стремиться, стали покупать эту ассизу, т.е. напримѣръ, въ случаѣ спора о наслѣдствѣ, вмѣсто судебнаго поединка обращались къ суду короля. И уже къ концу царствованія Генриха II образовались 4 случая, въ которыхъ примѣнялась система новаго разслѣдованія при помощи сосѣдей, спрашиваемыхъ подъ присягой. Но помимо этихъ 4 случаевъ гражданскаго процесса являются попытки ввести то-же самое въ уголовномъ процессѣ. Въ 1166 г. разъѣзжаютъ королевскія коммиссіи по сотнямъ, въ которыя являются по 12 чело-

вѣкъ свободныхъ отъ сотни и по 4 отъ каждаго села, кромѣ того, приказчики имѣній и священники приходовъ. Коммиссіи спрашивали: не знають-ли явившіеся, кто совершилъ преступленія, какіе совершены проступки. И этимъ явившимся приходится указывать преступниковъ. Опять-таки форма грубая, зачаточная, изъ которой впослѣдствіи въ ходѣ развитія Англійскаго судопроизводства выработалась вторая группа присяжныхъ.

Англійское право знаетъ до сихъ поръ двѣ группы, а не одну, какъ наше современное. Въ немъ самое обвиненіе постановляетъ не прокуроръ или судебная палата, какъ у насъ, а вердиктъ присяжныхъ, т.е. совершается то же, что было въ 1166 г. Является коронеръ, т.е. представитель государства, на мѣсто преступленія, на мѣсто убійства и спрашиваетъ у вызванныхъ изъ мѣстности лицъ, такъ называемаго, великаго жюри, что: по мнѣнію этого великаго жюри смерть произошла вслѣдствіе какой-нибудь случайности или вслѣдствіе преднамѣреннаго убійства. Затѣмъ, если человѣкъ убитъ другимъ, то: кто убилъ? - Разъ обвиненіе утверждено вызванными лицами, дѣлу дается дальнѣйшій ходъ. Затѣмъ, по произведеніи дознаній и разслѣдованія, дѣло переходитъ на разсмотрѣніе второго круга присяжныхъ, которые рѣшаютъ дѣло такъ, какъ оно рѣшается у насъ, съ однимъ отличіемъ. Англійское уголовное право требуетъ единогласія, и требованіе это показываетъ прямо на свое происхожденіе: такого рода требованіе мыслимо только по своему характеру въ средневѣковомъ обществѣ, и оно держится теперь только въ видѣ крупной юридической аномаліи. Въ концѣ концовъ оно ведетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ искусственному образованію единогласія. Бываютъ такіе случаи, что одинъ человѣкъ заставляетъ съ помощью различныхъ средствъ согласиться съ нимъ остальныхъ 11 человѣкъ. Это единогласіе иногда достигается роспускомъ присяжныхъ для собранія присяжныхъ въ новомъ составѣ. Это все наслѣдіе средневѣковаго порядка, потому что тутъ сказывается старое феодальное право, требовавшее не только суда перовъ, но требовавшее кромѣ того, чтобы постановленіе дѣлалось съ общаго согласія, а если общаго согласія нѣтъ, то надо измѣнить кругъ судей.

Вотъ тѣ начала, изъ которыхъ позднѣе развилось учрежденіе присяжныхъ въ уголовномъ правѣ, которые были и въ правѣ гражданскомъ. Основныя двѣ идеи совершенно ясно заложены въ разслѣдованіи дѣла по существу королевскими коммиссарами, причемъ вся формально-юридическая часть находилась въ рукахъ королевскаго суда, и затѣмъ въ разслѣдованіи фактической стороны дѣла обществомъ, которое даетъ показанія, какъ сто-

итъ фактъ, не занимаясь вопросомъ о правѣ. Вотъ тотъ институтъ, который впослѣдствіи перешелъ и на континентъ и до сихъ поръ играетъ такую важную роль въ нашемъ судопроизводствѣ.

Итакъ, Генрихъ II, во-первыхъ, установилъ порядокъ послѣ усобицы въ Англіи, той усобицы, которая грозила ввести тамъ полный феодальный строй. Затѣмъ при немъ сложились основы того судопроизводства и судоустройства, которое до сихъ поръ господствуетъ въ Англіи и изъ Англіи перешло своимъ главнымъ началомъ, началомъ суда присяжныхъ, на континентъ. Все это, конечно, онъ совершилъ не вслѣдствіе какой-нибудь единоличной ловкости или таланта, но главнымъ образомъ потому, что въ его время для этой широкой юридической работы сложились уже общественные элементы. Онъ также опирался на многочисленную группу помощниковъ-юристовъ, которые въ одномъ только существенно отличались отъ юристовъ эпохи Людовика IX. Именно, Римское образованіе, Романистическое направленіе играло въ ихъ дѣятельности гораздо менѣе замѣтную роль; нельзя сказать, чтобы совсѣмъ незамѣтно было вліяніе Римскаго права на дѣятельности юристовъ Англіи XII и особенно XIII в., слѣдующаго за дѣятельностью Генриха II, но это вліяніе второстепенное, формальное. Варварскихъ Правдъ не передѣлываютъ на основаніи Римскихъ положеній, подобно тому, какъ это было во Франціи. Тутъ главный запасъ, которымъ оперировали юристы, — это законодательство Норманнскаго права, которое составилось независимо отъ Римскаго вліянія.

Мнѣ остается еще характеризовать одну сторону дѣятельности Генриха II, именно, церковно-политическую борьбу. При немъ точно такъ-же, какъ и на материкѣ, появленіе опредѣленной государственной формы, появленіе государственнаго союза, который строится на началахъ подданства и вводитъ полицейскій и юрисдикціонный порядокъ, ведетъ по необходимости къ вопросу о томъ, какъ размежеваться съ Церковью.

Зданіе Католической Церкви въ той формѣ, какъ оно сложилось въ Средніе вѣка и окончательно сформировалось въ XI в., это зданіе по существу тѣсно связано съ феодализмомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣроученія, нравственныя теченія играютъ существенную, самую существенную роль, если хотите, въ образованіи строя церковнаго общества; но не слѣдуетъ забывать одной стороны дѣла, которая точно также является крайне важной, не слѣдуетъ забывать, до какой степени строй Католической Церкви зависитъ еще отъ третьяго фактора, отъ того общественнаго состоянія, среди котораго

она матеріально существовала. Тотъ космополитическій союзъ Западнаго христіанства, который завершается папствомъ, нуждался для своего образованія въ обществѣ, разбитомъ на мелкія однородныя части, неспособныя противостоять. Всемірныя идеи папства никакого сопротивленія ни политическаго, ни національнаго не встрѣчали. Если бы съ самаго начала Католическая Церковь встрѣтилась съ государствомъ, похожимъ на современныя, или съ государствомъ, похожимъ даже на тѣ, которыя она имѣла въ XIV и XV в., то, по всему вѣроятію, ея строй сложился бы совершенно иначе, и, главное, она не въ состояніи была бы развить ту полноту своихъ свѣтско-политическихъ теорій, которыя она въ дѣйствительности развила, и не въ состояніи была бы претендовать на теократію, господство духовнаго принципа въ свѣтскихъ политическихъ дѣлахъ.

Какъ бы то ни было Римская традиція, традиція всемірной имперіи, которая жила въ ней, и безсиліе феодальныхъ государей-бароновъ, съ которыми она боролась, эти два условія подготовили для нея настолько удачно почву, что въ XI, XII в. сложился космополитическій строй, сложилась въ одномъ отношеніи и теократія въ Англіи, которая рано стала реформироваться на государственныхъ основаніяхъ. Борьба между этой теократіей и нарождающимся государствомъ была неизбѣжна, и я уже отмѣтилъ вамъ начало этой борьбы въ столкновеніи между Вильгельмомъ II и Кентерберійскимъ архіепископомъ Ансельмомъ. Тогда при Генрихѣ I дѣло кончилось компромиссомъ, но главные пункты не были отстранены.

При Генрихѣ II въ эпоху созиданія государства, снова является на очередь столкновеніе и заостряется въ видѣ борьбы между Генрихомъ и извѣстнымъ архіепископомъ Кентерберійскимъ Бекетомъ.

Томасъ Бекетъ. Интересна самая личность Бекета, на ней стоитъ остановиться, такъ какъ онъ является представителемъ общаго направленія, которое господствовало тогда въ Церкви. Онъ былъ изъ бѣднаго дворянскаго семейства и поэтому не могъ разсчитывать на сколько-нибудь хорошее существованіе, оставаясь на мѣстѣ, въ своемъ имѣніи. Онъ поэтому присталъ къ довольно большой, пловучей, такъ сказать, массѣ разночинцевъ и изъ мелкихъ дворянъ, и изъ отбившихся отъ городскихъ классовъ, и иногда происходившихъ даже отъ вилланов, массѣ разночинцевъ, которая тяготѣла къ Церкви, а начиная съ XII в. къ Университету, къ свѣтской сторонѣ, такъ сказать, церковной жизни, потому что въ Университетѣ подготовлялись тѣ клирики и тѣ свѣтски-образованные люди, которые

потомъ вступали въ администрацію, какъ государственную, такъ и церковную.

Онъ учился въ Парижѣ и Болоньѣ и имѣлъ поэтому въ своемъ образованіи элементъ Романскій, проникся въ этихъ двухъ знаменитѣйшихъ Университетахъ того времени ученіемъ другаго порядка, чисто государственнаго, представлявшаго безусловное примѣненіе правъ и не останавливавшагося передъ случайными привиллегіями, какъ дѣлалъ средневѣковый порядокъ. Первоначально практическая дѣятельность Бекета началась у архіепископа Кентерберійскаго Теобальда. И онъ выдвинулся прежде всего вслѣдствіе переговоровъ, которые онъ велъ между Генрихомъ II и папой по порученію архіепископа для того, чтобы при самомъ вступленіи Генриха II устроить извѣстный modus vivendi, извѣстный порядокъ отношеній между государствомъ и Церковью. При этомъ онъ очень угодилъ королю, и король послѣ смерти архіепископа Теобальда приблизилъ его къ себѣ. Въ качествѣ одного изъ главныхъ помощниковъ Генриха II, его канцлера, онъ содѣйствовалъ одному дѣлу, именно, проведенію Уолингфордскихъ постановленій, возвращенію того порядка, въ которомъ нуждалась Англія послѣ смуты. Онъ былъ въ этомъ отношеніи самымъ ревностнымъ и самымъ неразборчивымъ на средства помощникомъ Генриха II.

Вслѣдствіе личнаго сближенія съ королемъ, вслѣдствіе такого отношенія къ государственнымъ интересамъ, Генрихъ выдвинулъ его впередъ и сдѣлалъ архіепископомъ Кентерберійскимъ, разсчитывая, что онъ будетъ на своемъ мѣстѣ точно также проводить идею безусловнаго государственнаго порядка. Но Томасъ Бекетъ, хотя онъ былъ человѣкъ не безкорыстный и не увлекавшійся теоретическими принципами, былъ во всякомъ случаѣ человѣкъ очень крупный, который понималъ, что величіе отдѣльной личности держится на тѣхъ идеяхъ, которыя она представляетъ, и который крѣпко стоялъ за тѣ принципы, съ которыми его связывало положеніе. Поэтому, сдѣлавшись архіепископомъ, онъ сталъ такимъ-же рѣзкимъ, энергическимъ поборникомъ правъ своей церкви, какъ прежде онъ былъ рѣзкимъ, энергическимъ поборникомъ правъ государства. И потому съ первыхъ шаговъ обозначилось, что онъ нисколько не пойдетъ на соглашеніе относительно тѣхъ спорныхъ вопросовъ, которые существовали между Церковью и государствомъ, что кромѣ того онъ будетъ пользоваться всѣми элементами оппозиціи, какіе вообще имѣлись въ то время въ государствѣ. Вотъ двойственное положеніе, которое занялъ Бекетъ съ перваго-же раза: во-первыхъ, онъ явился представителемъ правъ Церкви во всемъ ихъ объемѣ,

а во-вторыхъ, служилъ проводникомъ общаго недовольства, былъ представителемъ также всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, какъ бароніальныхъ, такъ и духовныхъ. Этой двойственности не слѣдуетъ забывать, чтобы имѣть настоящую оцѣнку той популярности, которую снискалъ Томасъ Бекетъ. Главные пункты столкновенія между Церковью и государствомъ, тутъ обнаружившіеся, совершенно тѣ-же самые, какіе существовали и во Франціи между Бонифаціемъ VIII и Филиппомъ IV Красивымъ. Точно такъ-же дѣло шло главнымъ образомъ объ обложеніи Церкви податями, по отношенію къ которымъ она настаивала на иммунитетѣ и настаивала на правѣ давать только добровольно; во-вторыхъ, о подсудности людей духовнымъ. Тутъ также Церковь требовала иммунитета и настаивала тоже на томъ, что она сама судитъ. И наконецъ о вліяніи Церкви на свѣтскихъ людей въ извѣстныхъ преступленіяхъ, правонарушеніяхъ. По всѣмъ этимъ тремъ пунктамъ были выставлены съ той и съ другой стороны противоположныя требованія.

Послѣ цѣлаго ряда мелкихъ столкновеній одно частное дѣло заставило въ концѣ концовъ попробовать рѣшить этотъ вопросъ мѣстнымъ соборомъ, мѣстнымъ совѣщаніемъ Англійскаго духовенства. Это частное дѣло было дѣло клирика Филиппа де-Бруа, который въ 1163 г. убилъ человѣка и за это былъ привлеченъ къ отвѣтственности свѣтскимъ судомъ. Клирикъ онъ былъ самый обыкновенный и не духовнаго свойства, т. е. онъ получилъ одну изъ низшихъ степеней — степень псаломщика, въ сущности жилъ какъ свѣтскій человѣкъ, никакой духовной дѣйствительной должности не исполнялъ, а, принадлежа къ церкви, пользовался ея иммунитетомъ.

Масса такихъ клириковъ была чрезвычайно велика, и Церковный иммунитетъ распространялся не только на тѣхъ лицъ, служеніе которыхъ было прямо связано съ извѣстными богослужебными, религіозными обязанностями. Не говоря уже о томъ, что матеріальныя средства Церкви были громадны, такъ какъ она имѣла громадныя земли, и что на этихъ земляхъ находилась масса населенія, среди свободнаго населенія королевства выдавалась цѣлая группа, которая такъ или иначе примыкала къ Церкви, примыкала ради ея патроната, ради ея защиты. Повторяю, число клириковъ, которые не исполняли богослужебныхъ обязанностей, а считались при Церкви, было чрезвычайно велико, и съ этимъ людомъ было очень трудно ладить, потому что они жили совершенно въ свѣтскомъ обществѣ, привыкли къ нему, а въ судопроизводствѣ имѣли за собою могу-

щественнаго покровителя, такъ что съ ними и въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ бороться было чрезвычайно трудно.

Таковъ былъ и Филиппъ де-Бруа. Когда предъявилъ противъ него претензіи шерифъ того графства, въ которомъ онъ находился, то Церковь вступилась, и Бекетъ объявилъ, что въ томъ только случаѣ клирикъ можетъ подпасть обвиненію свѣтскаго суда, если онъ будетъ предварительно разстриженъ, т.е. значитъ, если Церковь своимъ судомъ разберетъ дѣло и отниметъ у убійцы свое покровительство. Въ сущности матеріальная точка зрѣнія такого рода вела къ тому, что свѣтскій судъ является просто исполнителемъ рѣшенія суда духовнаго, такъ какъ судъ духовный предшествовалъ суду свѣтскому, и духовный судъ своимъ приговоромъ могъ прекратить всякое преслѣдованіе. Понятно, что подобнаго рода постановленіе было очень рѣзко.

Къ этому присоединилось еще другое столкновеніе. Бекетъ безусловно отказался платить отъ своей эпархіи и отказался даже за все духовенство платить подать, которая взыскивалась въ болѣе или менѣе произвольной формѣ королевскими чиновниками. Дѣло шло о небольшой подати, которая была разрѣшена однимъ изъ собраній феодаловъ, собраній вассаловъ, разрѣшена была нехотя, но все-же былъ установленъ небольшой сборъ, который взимался съ населенія въ пользу шерифа, значитъ, въ пользу королевской администраціи. Бекетъ настаивалъ на томъ, что постояннаго значенія эта подать не имѣетъ, что она прерывается ежегодно, и что слѣдуетъ поэтому испрашивать эту подать вновь и вновь. И съ этимъ онъ связывалъ другое требованіе, что Церковь нельзя облагать во всякомъ случаѣ безъ ея согласія, такъ какъ она имѣетъ иммунитетъ. Именно, тутъ вопросъ становился особенно щекотливымъ, потому что примасъ являлся во главѣ претензій уже не одного только духовенства, а во главѣ всего свѣтскаго общества, которое начинало тяготиться фискальностью Норманнскаго государства и пользовалось всякимъ случаемъ для того, чтобы этимъ нѣсколько стѣснить короля. Ростъ государства и его исканіе повинностей точно такъ-же вызываютъ реакцію въ Англіи, какъ они вызвали ее во Франціи.

И вотъ на этой почвѣ глухаго недовольства тѣмъ, что государство во все вмѣшивается, что оно устанавливаетъ свой судъ и ломаетъ чужіе суды, церковныя претензіи являются чрезвычайно важной общественной силой, этой-то силой Бекетъ и воспользовался и сумѣлъ ее эксплуа-

тировать очень ловко. Свѣтскіе люди сами дѣлились и смотрѣли на его дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія. Нѣкоторые держались точки зрѣнія короля, говорили, что Церковь не имѣетъ права на раздѣльное существованіе въ государствѣ, что она не есть государство въ государствѣ или даже государство надъ государствомъ. Другіе ображались отъ безпощаднаго въ своихъ требованіяхъ государства къ Церкви и возлагали упованія на ея заступничество. Вотъ какую двойственную и широкую почву занялъ Бекетъ въ своей оппозиціи.

Въ 1164 г. для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ былъ собранъ съѣздъ въ Клерендонѣ, въ которомъ участвовали какъ духовные магнаты, такъ и свѣтскіе, на немъ должно было рѣшить споры и устранить поводы къ недоумѣніямъ. Прежде всего выдвинулся вопросъ, который стоялъ еще при Вильгельмѣ II и Генрихѣ I, вопросъ о замѣщеніи вакансій, при чемъ былъ утвержденъ соборомъ тотъ компромиссъ, который былъ раньше: замѣщеніе вакансій было поставлено въ зависимость отъ каноническихъ выборовъ, а королю было предоставлено право контроля, доходами-же съ вакантной должности можно было пользоваться въ теченіи только одного года. Тутъ такимъ образомъ не трудно было придти къ соглашенію. Но затѣмъ рѣшенъ былъ косвенно и вопросъ юрисдикціонный. Во всѣхъ случаяхъ - рѣшено было въ Кларендонѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ короля и его совѣтниковъ, - когда духовное лицо совершаетъ общее преступленіе, Церковь обязана выдать его на общій судъ, и право Церкви ограничивается присутствіемъ просто церковнаго депутата. Предварительное разсмотрѣніе дѣла поручается такимъ образомъ свѣтскому суду. Въ случаѣ обратномъ, въ случаѣ преступленія религіознаго или церковнаго, но замѣшаны лица свѣтскія, слѣдуетъ судъ церковный въ присутствіи свѣтскаго депутата, т.е. параллельная организація. А это точно также является чрезвычайно важнымъ дѣломъ, потому что понятіе о религіозныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ были замѣшаны свѣтскія лица, было широкое, не говоря уже объ ересяхъ, которыя прямо сюда подходили: дѣла по нарушенію брака, дѣла по нарушенію завѣщаній, наконецъ по договорамъ, составленнымъ при несоблюденіи формальностей, всѣ эти дѣла были подвѣдомственны духовному суду. Вырабатывается, такимъ образомъ, цѣлый рядъ преступленій частію государственнаго, частію уголовнаго свойства, для которыхъ свѣтскіе суды не находили у себя мѣста, и которыя сдавались въ судъ духовный. Въ этихъ духовныхъ судахъ формируется одна сторона Англійскаго судопроизводства, которая

теперь представляется чрезвычайно важною, представляетъ половину, такъ сказать, гражданскаго права, — это процессы, такъ называемые, in aequitate. Всѣ тѣ случаи, когда свѣтскій судъ не въ состояніи вмѣшаться, потому что нѣтъ опредѣленнаго нарушенія закона, но когда есть нарушеніе нравственности и справедливости, подлежатъ суду духовному, и только уже въ концѣ средневѣковаго періода мало по малу, они переходятъ въ судъ канцлера. И такъ, дѣла по обѣщаніямъ, даннымъ безъ соблюденія извѣстныхъ формъ, давали искъ не въ свѣтскихъ судахъ, а въ судахъ духовныхъ; дѣла по опекѣ, по обману опекаемыхъ опекуномъ, точно также шли въ тотъ же самый судъ, однимъ словомъ, цѣлый рядъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ подлежали вѣдѣнію Церкви на томъ основаніи, что не было нарушенія закона, а было только нарушеніе нравственности, которая охраняется Церковью. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ признается судъ духовной корпораціи, но свѣтскіе депутаты участвуютъ и имѣютъ право голоса, имѣютъ право, собственно говоря, въ извѣстныхъ случаяхъ veto, ибо отъ этихъ депутатовъ зависитъ, будетъ-ли король исполнять свѣтскую часть приговора, т.е. конфискуетъ-ли онъ имущество приговоренныхъ, или нѣтъ. Это опять-таки является важной статьей, потому что безъ этого свѣтскаго ограниченія Церковь имѣла-бы неопредѣленное право жестоко наказывать свѣтскими руками въ силу, такъ называемаго, отлученія отъ Церкви. Отлученіе отъ Церкви, собственно по праву Церкви, должно было вести за собою кромѣ извѣстныхъ богослужебныхъ и религіозныхъ послѣдствій также наказаніе отъ свѣтской руки: тѣлесное наказаніе или даже наказаніе смертью. И вотъ во всѣхъ этихъ случаяхъ для контроля надъ Церковью и ея судомъ являются свѣтскіе депутаты.

Рядомъ съ этими параграфами стоятъ другіе, которые должны были, такъ сказать, отрѣзать путь у Церкви и непокорнаго примаса, отрѣзать и Англійской церкви возможность сноситься для защиты своихъ интересовъ съ Римской Церковью. Нужно было избѣжать борьбы уже иного свойства, борьбы между космополитическимъ католицизмомъ и королевскою властью, этого боялись въ Англіи. Нужно было избѣжать того, что произошло благодаря тому, что Ансельмъ Кентерберійскій бѣжалъ изъ Англіи, надѣясь на защиту папы, а вслѣдствіе этого бѣгства произошла въ Англійской Церкви полная дезорганизація, такъ какъ архіепископъ Кентерберійскій былъ митрополитомъ и главнымъ

представителемъ Английской Церкви. Вотъ для того, чтобы и въ этомъ отношении прекратить возможность борьбы, Кларендонскому собору удалось провести два очень существенныхъ постановления. Во-первыхъ, постановление, что во всѣхъ дѣлахъ апелляція отъ духовныхъ судовъ и духовныхъ инстанцій идетъ только къ королю. Король является въ этомъ отношеніи главою Английской Церкви, это не сказано прямо, но это подразумѣвается, потому что апелляція къ папѣ, къ Римской куріи отстраняется. Съ другой стороны запрещается какому-бы то ни было духовному лицу Англіи подъ страхомъ конфискаціи имѣнія и подъ страхомъ казни выѣзжать изъ королевства безъ разрѣшенія короля. Эти постановленія имѣютъ капитальное значеніе, потому что они въ Средніе вѣка, въ XII в. намѣчаютъ положеніе, занятое Английской Церковью во время реформаціи. Это, собственно говоря, является уже провозглашеніемъ свѣтско-духовной власти короля, супрематъ является въ зарожденіи.

Эти постановленія Кларендонскаго собора являлись такимъ образомъ какъ бы въ видѣ чрезвычайно выгодномъ для короля, для государства, и Бекетъ, скрѣпя сердце, подписалъ ихъ, но подписалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, потому что отъ него отстали нѣкоторые изъ его духовныхъ собратій: епископъ Лондонскій и архіепископъ Іоркскій, подписалъ, скрѣпя сердце и мучимый совѣстью, онъ видѣлъ въ этомъ своего рода отреченіе. Потому сряду послѣ того, какъ соборъ былъ распущенъ, онъ началъ снова выдвигать свои прежнія требованія, свои прежнія претензіи и кончилъ тѣмъ, что бѣжалъ изъ Англіи во Францію, разсчитывая найти помощь со стороны папы Александра III. Но какъ разъ тутъ оказался разсчетъ не совершенно вѣренъ: Александръ III былъ занятъ борьбой съ Фридрихомъ Барбароссой, и ему было не до того, чтобы возбуждать противъ себя еще Английскаго короля, онъ дорожилъ тѣмъ, что оставалось еще вѣрнымъ Церкви, дорожилъ Англией и Франціей. Поэтому папа черезъ Людовика VII старался всячески побудить Бекета отступить отъ самыхъ крайнихъ требованій. Такимъ образомъ Бекетъ не нашелъ поддержки тамъ, гдѣ ее можно было ожидать, не нашелъ вслѣдствіе того, что папская курія вела дѣла по всему Западу, принуждена была считаться не съ одной только Англией, а съ еще болѣе важными для нея Итальянскими и Нѣмецкими дѣлами. Кое-какъ состоялось примиреніе. Генрихъ въ сущности ни отъ чего не отступилъ, обѣщалъ только, что Кларендонскія постановленія будутъ приводиться въ исполненіе снисходительно, что не будетъ вооруженной борьбы,

обѣщалъ не настаивать на двухъ пунктахъ, по которымъ, такъ сказать, Английская Церковь совершенно отдѣлялась отъ вселенской, на пунктѣ объ инстанціяхъ и на пунктѣ о выѣздѣ изъ Англіи. Состоялось такимъ образомъ гнилое соглашеніе, при которомъ каждая изъ сторонъ отказывалась отъ нѣкоторыхъ своихъ требованій и была недовольна своимъ отказомъ.

Бекетъ, во всякомъ случаѣ, на основаніи соглашенія счелъ возможнымъ возвратиться въ Англію и, возвратившись въ Англію, онъ тотчасъ-же почувствовалъ, что въ Англіи онъ имѣетъ другую почву, что въ Англіи онъ имѣетъ, пожалуй, болѣе сильную поддержку, чѣмъ даже та, которую можетъ оказать папа. Въ Англіи было извѣстное національное сопротивленіе, которымъ онъ можетъ воспользоваться въ виду того, что космополитическая Церковь его не поддерживаетъ. И вотъ на эту почву онъ и сталъ. Его въѣздъ въ Лондонъ былъ настоящимъ торжественнымъ въѣздомъ. Низшіе классы ликовали, потому что они видѣли въ возвращеніи Бекета возвращеніе главнаго заступника ихъ въ судебномъ и фискальномъ отношеніи; помнили очень хорошо, какъ онъ по поводу обложенія въ пользу шерифовъ сказалъ королю: вы не получите изъ доходовъ Церкви ни копѣйки, и никто въ то время не рѣшался такъ открыто, такъ сильно отстаивать матеріальныя права по отношенію къ государству. И поэтому его встрѣтили восторженно.

Торжественный въѣздъ Бекета въ Лондонъ и Кентербери отозвался и на Генрихѣ. Генрихъ пришелъ въ страшную ярость, потому что видѣлъ въ этомъ себѣ личное оскорбленіе, видѣлъ, что снова начнется то-же самое, что уже было. Бекетъ почувствовалъ, среди какой атмосферы онъ находится, насколько у него много доброжелателей среди свѣтскаго общества, и онъ принялъ рѣзкую мѣру. Онъ отлучилъ отъ Церкви епископовъ Іоркскаго, Лондонскаго, главныхъ совѣтниковъ Генриха въ Кларендонѣ, которые позволили себѣ во время отсутствія Бекета участвовать въ коронаціи наслѣдника престола, что было собственно привилегіей Кентерберійскаго архіепископа. Придравшись къ этому, онъ нанесъ такимъ образомъ ударъ своимъ двумъ главнымъ врагамъ и главнымъ пособникамъ Генриха II, архіепископу Іоркскому и епископу Лондонскому.

Тогда и сказалъ Генрихъ II знаменитыя слова: „неужели никто изъ тѣхъ, кто ѣстъ мой хлѣбъ, не избавитъ меня отъ этого попа!" Какъ извѣстно, нашлись люди, которые отправились въ Кентербери и убили Бекета. Послѣдствія однако были совершенно не тѣ, какихъ можно было ожидать. Смерть Бекета вызвала какъ разъ взрывъ того національнаго чувства,

которое было уже подготовлено его возвращенiемъ и плохо сдерживалось. Когда Бекета убили, онъ сдѣлался мученикомъ, его идеализировали, его личность честолюбца, какъ клирика и какъ магната, исчезла въ глазахъ всего населенiя. Всѣ помнили только, что это былъ главный заступникъ населенiя во всѣхъ случаяхъ, когда народъ обижало государство.

Впечатлѣнiе было настолько подавляющее, что Генрихъ II самъ безъ всякаго, такъ сказать, формальнаго требованiя, предъявленнаго какимъ-нибудь соборомъ или лицомъ, самъ рѣшилъ отказаться отъ тѣхъ требованiй, которыя онъ предъявилъ въ Кларендонѣ и отказался какъ разъ отъ главной части своей программы, т.е. отъ постановленiй Кларендонскаго съѣзда относительно инстанцiй и относительно выѣзда. Эта существенная часть была оставлена. И Кларендонскiя постановленiя послѣ смерти Бекета, именно, вслѣдствiе волненiя, которое произвела эта смерть, являются уже въ измѣненной формѣ, оставлены пункты, только касающiеся юрисдикцiоннаго вопроса. Въ результатѣ получается такимъ образомъ компромиссъ. Государство не настаиваетъ на прежнихъ реформацiонныхъ требованiяхъ, Церковь принуждена допустить вмѣшательство государства въ сферу духовнаго суда въ формѣ тѣхъ двухъ юрисдикцiонныхъ статей, о которыхъ я говорилъ.

Царствованiе Генриха II во всякомъ случаѣ, не смотря на отдѣльные неуспѣхи и недоборы представляетъ чрезвычайно важный, рѣшительный пунктъ въ Англiйской исторiи. То, что было сдѣлано въ это царствованiе и въ политическомъ отношенiи, и въ судебномъ, и въ церковно-политическомъ, то не въ состоянiи была разстроить даже послѣдующая эпоха, которая отличалась какъ разъ развитiемъ реакцiи противъ государственнаго строя.

Ричардъ I Львиное Сердце (1189-1199).

При Ричардѣ I, непосредственномъ преемникѣ Генриха II, вопросъ ставится главнымъ образомъ о томъ, въ состоянiи-ли будутъ совѣтники короля и замѣстители его удержать государственную власть на извѣстной высотѣ. Не смотря на то, что король отсутствовалъ, сначала въ крестовомъ походѣ, затѣмъ въ плѣну, наконецъ въ въ послѣднiе годы царствованiя находился въ постоянной борьбѣ съ Французскимъ королемъ (конечно, это отсутствiе Ричарда I, исчезновенiе, такъ сказать, личности короля изъ королевства имѣло свое очень значительное влiянiе на ходъ дѣла, оно разрушало личный авторитетъ короля), оказалось, что въ концѣ концовъ въ общегосударственной системѣ важно не столько присутствiе отдѣльнаго властителя,

сколько порядокъ, который можетъ основываться на учрежденіяхъ и основываться безъ монарха. Именно, такая монархія безъ монарха и была въ Англіи во всю эпоху Ричарда I. Это состояніе подготовляло исторію Англіи при Іоаннѣ Безземельномъ, во время котораго, какъ извѣстно, положено было окончательно основаніе англійской свободѣ, тѣмъ политическимъ учрежденіямъ, которыя развились потомъ въ конституціонныя формы.

Іоаннъ Безземельный (1199-1216).

Царствованіе Іоанна Безземельнаго шло чрезвычайно неблагополучно, именно, потому, что король оказался совершенно не на высотѣ своей задачи. Если Ричардъ отсутствовалъ, то присутствіе Іоанна Безземельнаго было, можетъ быть, хуже отсутствія Ричарда. Онъ велъ двѣ неудачныя борьбы: одну съ Филиппомъ Августомъ, которая требовала постоянно чрезвычайныхъ затратъ, для которыхъ постоянно король просилъ субсидій отъ своихъ вассаловъ.

Другую борьбу онъ велъ съ папой по поводу выборовъ архіепископа Кентерберійскаго. Папа настаивалъ на выборѣ Стефана Лангтона, котораго король не принималъ. И король сначала велъ дѣло чрезвычайно рѣзко, конфисковалъ церковныя имущества, не обращалъ вниманія на интердикты, привелъ этимъ все Англійское общество въ очень тяжелое положеніе въ религіозномъ отношеніи: такъ какъ церковныя требы не отправлялись, страдали всѣ тѣ, у которыхъ родились дѣти, у которыхъ умирали родственники. Въ такомъ духѣ борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ, и вдругъ въ 1213 г. онъ пошелъ на полную униженную капитуляцію, онъ уступилъ, потому что ему нужно было помириться съ Церковью, съ могущественной корпораціей Англіи, нужно было помириться съ нею ради той-же неуспѣшной борьбы съ Филиппомъ Августомъ, которая никакихъ положительныхъ результатовъ не давала. Въ 1213 г. онъ объявилъ, что подчиняется всѣмъ требованіямъ папы, принялъ Лангтона и принялъ самую Англію какъ папскій ленъ изъ рукъ папскаго легата. Это было крайнее униженіе, потому что это униженіе падало на все Англійское королевство, на всю страну.

Въ этомъ-же 1213 г. формируются и тѣ партіи, которыя должны были въ концѣ концовъ столкнуться между собою и вызвать этимъ столкновеніемъ Великую Хартію вольностей. Въ противовѣсъ извѣстной партіи, во главѣ которой стоялъ архіепископъ Лангтонъ, и въ противовѣсъ партіи короля, во главѣ которой стоялъ графъ Пемброкъ, образуется небольшая, но очень энергичная, готовая на все группа, во главѣ которой стояло нѣсколько сѣвер-

ныхъ графовъ, сѣверныхъ бароновъ: de Vescy, de Ros, Percy. Эти сѣверные бароны ждали только удобнаго случая для того, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ короля прямо и принудить его держаться порядка, не пользоваться безконтрольно средствами феодаловъ, не взимать незаконныхъ поборовъ, однимъ словомъ, ввести его въ извѣстный законный строй силою. Умѣренные: Лангтонъ и Фицъ Петеръ имѣли въ виду убѣжденіями и переговорами заставить короля дать грамоту, подобную грамотѣ Генриха I. Наконецъ Пемброкъ стоялъ прямо за короля, защищалъ ту точку зрѣнія, что король является главнымъ представителемъ королевства, его власть монархическая, что ограничивать его не слѣдуетъ.

Для того, чтобы проводить свои идеи Іоаннъ Безземельный, не смотря на все свое легкомысліе, все-таки считалъ долгомъ подыскивать себѣ извѣстную національную опору. И вотъ въ 1213 г. онъ рѣшается вызвать себѣ на помощь въ противовѣсъ баронамъ городское населеніе, конечно, королевскихъ городовъ, которые болѣе или менѣе представляли республики подъ общегосударственной охраной, а не подъ главенствомъ отдѣльныхъ феодальныхъ династовъ. Поэтому онъ вызываетъ старосту и четырехъ человѣкъ отъ всякаго королевскаго города. На этомъ съѣздѣ рѣшено было въ общихъ чертахъ, что король возобновитъ грамоту Генриха I и возвратитъ Церкви привилегіи. Подобнымъ-же образомъ онъ старается воспользоваться и рыцарями графствъ, въ слѣдующій парламентъ въ Оксфордѣ онъ вызываетъ по два рыцаря отъ каждаго графства. Но все это отдѣльныя попытки, не представлявшія проведеннаго систематически плана, и на все это смотрѣли съ большимъ недовольствомъ, какъ на простыя уловки.

Негодованіе получило окончательную форму послѣ неудачной экспедиціи 1214 г. Въ эту экспедицію Іоаннъ Безземельный увелъ кого только онъ могъ изъ бароновъ, а съ тѣхъ, которые не пошли, онъ сталъ взыскивать escuage, т.е. щитовую подать, возвратившись съ пораженія, потому что его войско во Фландріи потерпѣло извѣстное пораженіе при Бовинѣ. Этотъ неудачный походъ и требованія, которыя за нимъ послѣдовали, вызвали наконецъ заговоръ сѣверныхъ бароновъ, которые собрались въ С.-Эдмундсѣ, составили тамъ вооруженный отрядъ и двинулись къ югу для того, чтобы взять по возможности самого короля въ плѣнъ. Его войска были частію разстроены, частію еще находились на Французской почвѣ, поэтому онъ попытался сначала добиться соглашенія и обѣщалъ вести переговоры, за это онъ купилъ себѣ перемиріе до Пасхи 1215 г. Но это перемиріе нисколько

не привело къ хорошимъ результатамъ, напротивъ того образовался новый сильный центръ сопротивленія, а къ этому центру примкнули элементы средніе и южные, въ Стамфордѣ. Затѣмъ коалиція заняла Лондонъ. И наконецъ самъ Пемброкъ перешелъ на сторону противниковъ и ограничился ролью посредника между королемъ и возставшими. Къ той-же роли примкнулъ и архіепископъ Лангтонъ. Іоаннъ остался только съ 7 рыцарями, онъ попалъ въ такое положеніе, былъ такъ прижатъ къ стѣнѣ, что долженъ былъ согласиться на все. При этомъ, какъ видите, рѣшительную роль играло отложеніе среднихъ и южныхъ бароновъ.

Великая Хартія вольностей. Великая Хартія вольностей, какъ извѣстно, была дана въ 1215 г. на Ренимедской равнинѣ. Эта Великая Хартія вольностей представляетъ новый коренной документъ въ развитіи Англійской политической свободы, на ней слѣдуетъ остановиться.

Прежде всего надо отбросить представленіе, которое довольно долго держалось въ публикѣ (въ общей публикѣ, не въ средѣ ученыхъ, конечно), вслѣдствіе того: въ исторіи Англійскихъ конституціонныхъ учрежденій чрезвычайно важное значеніе всегда имѣли прецеденты, и среди этихъ прецедентовъ никакому не придавали такой важности, какъ Великой Хартіи вольностей и для защиты какихъ-нибудь правъ, предъявляемыхъ въ XVI в., ссылались на Великую Хартію какъ на источникъ всѣхъ правъ. Вслѣдствіе этого грамота получила отвлеченный характеръ. Такимъ образомъ какъ будто бы въ началѣ XIII в. это Евангеліе свободы было дано для окончательнаго устройства конституціоннаго порядка въ собственномъ смыслѣ слова. Ничего быть подобнаго не могло, и, конечно, это было бы величайшей исторической нелѣпостью.

Великая Хартія вольностей представляетъ договоръ между королемъ Іоанномъ и коалиціей крупныхъ бароновъ, къ которымъ примкнулъ главный городъ Лондонъ. Это, такимъ образомъ, грамота, разрѣшающая совершенно опредѣленное столкновеніе феодальнаго свойство, разрѣшающая въ очень раннюю эпоху XIII в., и она совершенно носитъ на себѣ слѣды этого своего средневѣковаго происхожденія. Это не декларація правъ человѣка, даже не декларація правъ гражданина или Англійскаго гражданина въ частности, а это просто на просто мирный договоръ, заключенный феодальными спорящими сторонами, и который повліялъ на дальнѣйшую исторію только потому, что феодальный строй по самому существу своему могъ мало по малу расширяться въ строй конституціонный.

Первоначально-же Хартія имѣла очень частный, очень специальный характеръ, это сейчасъ-же видно, какъ скоро переходимъ къ анализу постановлений Хартіи.

Во главѣ стоятъ слѣдующія два постановленія. Король обѣщаетъ, что онъ будетъ царствовать согласно праву и закону, какъ это право и законъ установились издревле, еще при Эдуардѣ Исповѣдникѣ, и какъ оно подтвѣрждено грамотой Генриха I. Великая Хартія такимъ образомъ прямо примыкаетъ къ двумъ предшествующимъ: къ болѣе или менѣе легендарнымъ законамъ Эдуарда Исповѣдника, подъ которыми въ сущности разумѣлся правительственный строй Саксонской эпохи, тотъ правительственный строй, который не былъ уничтоженъ Норманнскимъ завоеваніемъ, а перешелъ въ качествѣ наслѣдія Саксонской эпохи въ слѣдующій періодъ. Такимъ образомъ этотъ параграфъ означалъ, что король будетъ соблюдать то традиціонное, обычное Саксонское право, которое собственно не прекратилось послѣ завоеванія и было обязательно для всѣхъ его предшественниковъ, хотя они не всегда его соблюдали. Выставляется такимъ образомъ традиціонная связь, преемственность между Саксонскимъ періодомъ и Норманнскимъ. Затѣмъ въ видѣ болѣе опредѣленнаго обѣщанія выставляется грамота Генриха I, грамота, которая, какъ я уже говорилъ, чисто феодальнаго свойства, фиксирующая, опредѣляющая извѣстные казусы феодальнаго права. Затѣмъ является еще третье общее положеніе, очень интересное.

Во главѣ всѣхъ обѣщаній ставятъ обѣщаніе держать Церковь въ почетѣ, не уменьшать ея права, обѣщаніе, которое въ сущности примыкаетъ къ церковной борьбѣ времени Генриха II, и церковно-политической борьбѣ въ 1213 г. при Іоаннѣ Безземельномъ. Церковь какъ самая могущественная изъ верховныхъ корпорацій государства прежде всего требовала освященія своихъ правъ и нашла здѣсь первое освященіе, она является въ этомъ случаѣ во главѣ оппозиціи точно также, какъ она была во главѣ оппозиціи при Генрихѣ II. Дѣло Великой Хартіи связывалось какъ бы съ дѣломъ Бекета. Какъ Бекетъ достигъ извѣстныхъ уступокъ со стороны государства потому, что за него выступила національная оппозиція и что эта національная оппозиція сдѣлала его мученикомъ, такъ теперь въ началѣ документа, ограничивающаго верховныя права короля стоитъ признаніе иммунитета, отдѣльнаго права Церкви.

Затѣмъ идетъ рядъ параграфовъ, которые расположены довольно безпорядочно, но группируются въ нѣсколько главныхъ группъ: во-первыхъ, регулирующіе феодальныя повинности, затѣмъ судоустройство, потомъ отдѣльныя королевскія привилегіи, наконецъ права отдѣльныхъ корпорацій, и все это завершается постановленіемъ о гарантіяхъ, объ обезпеченіи этого новаго порядка.

Итакъ, въ грамотѣ прежде всего совершенно ясно выставляется элементъ феодальный и первое, что должно было рѣшить при заключеніи мира, это рѣшить, сколько можетъ король требовать съ своихъ вассаловъ. Въ этомъ отношеніи грамота Великая является простымъ продолженіемъ, подтвержденіемъ грамоты Генриха I, т.е. регулируетъ плату за реинвеституру лена, за передачу лена, опредѣляются различныя извѣстныя суммы для графа, для барона, для рыцаря, для свободнаго человѣка. Затѣмъ опредѣляется право опеки, указывается, насколько можетъ король вліять на выдачу замужъ наслѣдницы, въ какой степени онъ можетъ выставлять свои желанія. Въ данномъ случаѣ ему предоставляется право veto, и отнимается право распоряжаться имуществомъ наслѣдницы.

Но что особенно важно, всѣ эти постановленія касаются не одного только короля, но и всѣхъ бароновъ; бароны стѣсняются столько-же, сколько и король, какъ это высказывалось уже при Генрихѣ I. Такимъ образомъ Великая Хартія пріобрѣтаетъ тотъ характеръ, который былъ необходимъ для прочности ея, для упроченія того, чего добились его отъ короля. И тутъ, какъ относительно грамоты Генриха I, крупная аристократія не отдѣлилась отъ средняго класса, а завоевала привилегіи не только себѣ, но и другимъ, и поэтому она могла разсчитывать на помощь другихъ въ своей борьбѣ съ королевскою властью. Вотъ сторона Великой Хартіи, которая имѣетъ капитальное значеніе.

Есть еще другое постановленіе, которое точно также имѣетъ важное значеніе, имѣетъ болѣе общее, нежели чисто феодальное значеніе, – это постановленіе о субсидіяхъ. Приводится въ окончательное правило, что король не можетъ требовать субсидій, денежной помощи иначе, какъ съ согласія парламента. Парламентъ, конечно, понимая не въ позднѣйшемъ смыслѣ, не въ смыслѣ представительства отдѣльныхъ слоевъ Англійскаго общества, а въ смыслѣ съѣзда феодальныхъ лицъ, зависящихъ отъ короля. Созываются на этотъ парламентъ всѣ мелкіе

и крупные вассалы короля, феодалы, потому что не вызываются на этотъ парламентъ лица, которыя отъ короля не зависятъ, не вызываются поэтому вавассоры, какъ ихъ называли, они въ парламентѣ не участвуютъ; не участвуетъ вообще никто кромѣ тѣхъ лицъ, которыя подходятъ къ королю по понятiю пера, кромѣ тѣхъ, кто зависитъ отъ него какъ сюзеренъ. Но уже и это обстоятельство, утверждающее правило, что король не можетъ требовать субсидiй безъ согласiя своихъ перовъ, представляется очень важнымъ, хотя эта статья окончательно формируется въ конституцiонномъ законодательствѣ. Она на время исчезла въ грамотѣ и потомъ возвратилась и фиксируется въ позднѣйшемъ конституцiонномъ строѣ только въ нѣсколько иномъ видѣ. Король опять не можетъ взыскивать податей безъ согласiя парламента, но составъ парламента измѣняется, такъ какъ въ него входятъ не одни высшiе аристократы, но и представители всѣхъ другихъ классовъ, а такимъ образомъ статья феодальной грамоты сдѣлалась статьей конституцiонной.

Вотъ первая группа феодальныхъ параграфовъ грамоты. Среди нихъ есть одинъ параграфъ, который вслѣдствiе измѣненiя состава парламента сталъ конституцiоннымъ, это очень важно. А затѣмъ очень важно, что эти параграфы распространяются не на одинъ баронiальный слой, а на все населенiе безъ различiя степеней.

Затѣмъ идетъ довольно много постановленiй относительно судоустройства и судопроизводства. Тутъ является закрѣпленiе предшествующей работы. При Генрихѣ II столько было сдѣлано въ этомъ отношенiи, что нужно было придать этой работѣ извѣстную законченность, законченность эта, именно, и дается при Iоаннѣ Безземельномъ въ Великой Хартiи. Во-первыхъ, королевскiй судъ, судъ общихъ тяжебъ common pleas фиксируется въ Лондонѣ и отдѣляется отъ королевскаго суда скамьи, который еще слѣдуетъ за королемъ и вѣдаетъ дѣла, въ которыхъ король лично замѣшанъ. Образуется постоянный трибуналъ, къ которому можно всегда обращаться, который можно всегда найти въ Лондонѣ, и юридическое положенiе короля какъ представителя юрисдикцiи отдѣляется отъ его личнаго положенiя. Такимъ образомъ судъ ставится въ положенiе, совершенно независящее отъ придворныхъ желанiй и переѣздовъ, и сфера придворная отдѣляется отъ сферы чисто юридической.

Затѣмъ, кромѣ этого фиксированія центральнаго трибунала подобное-же фиксированіе является и относительно областныхъ трибуналовъ. Троекратный объѣздъ должны дѣлать коммиссіи, три раза въ годъ онѣ должны отправляться въ провинціи для того, чтобы судить дѣла, подсудныя собственно королю. Шерифы не имѣютъ права судить, т. е. мѣстные чиновники не имѣютъ права вести королевскія тяжбы, а королевскія тяжбы ведутся только коммиссіями. Право на королевскій судъ breve de inquisitione можно купить, а отказать въ этомъ нельзя.

Рядомъ съ этой статьей, которая фиксируетъ судопроизводство и судоустройство, есть и другая относящаяся собственно къ матеріальному праву. Прежде всего тутъ приходится стѣснить развитіе одного очень важнаго положенія. Король, развивая свою юрисдикцію, вмѣшиваясь въ судебныя дѣла, привлекалъ къ себѣ процессы, отбивая отъ судовъ сотни и феодальныхъ судовъ бароновъ. Въ то-же время онъ вводилъ вмѣсто постоянныхъ наказаній и штрафовъ обычнаго права, такъ называемое, amerciamentum, выкупъ за милость короля. Этотъ выкупъ ничего общаго не имѣлъ съ платою вергельда или съ штрафами стараго обычнаго права, которые были фиксированы въ точности. Этотъ выкупъ колебался по произволу: иногда за ничтожное преступленіе могли взять очень большой выкупъ, именно, подъ тѣмъ предлогомъ, что король не возвратитъ своей милости. Эта покупка милости, amerciamentum давала страшный произволъ при назначеніи наказаній, а это вело въ свою очередь къ тому, что часто рѣшали дѣла въ сторону обвиненія только для того, чтобы дать возможность королю взыскать свой штрафъ.

Тутъ границы полагаются двоякаго рода. Во-первыхъ, полагается извѣстный maximum пени, нельзя отнять у рыцаря его военнаго снаряженія, нельзя отнять у купца его наличный товаръ, у крестьянина его рабочаго скота. Въ этомъ смыслѣ устанавливается такимъ образомъ извѣстный иммунитетъ, вполнѣ, конечно, иммунитета быть не можетъ. Но, что главнѣе, всякое amerciamentum, въ какой-бы формѣ, въ какихъ-бы размѣрахъ оно не назначалось, должно назначаться по размѣру вины и по усмотрѣнію перовъ провинившагося: назначаютъ штрафъ не король и не его судьи, которые лично заинтересованы нагнать штрафъ, какъ можно, выше, а назначаетъ его кругъ людей, стоящихъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ стоитъ провинившійся. Это является такимъ образомъ очень существенной гарантіей.

Такой-же капитальной статьей грамоты является знаменитое постановленіе, которое ставитъ всякаго свободнаго Англи внѣ административнаго произвола по отношенію къ задержанію и конфискаціи: „Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, лишенъ имущества, поставленъ внѣ закона и какимъ-либо образомъ подвергнутъ убытку; мы не пойдемъ противъ него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору его перовъ или по закону земли. Никому не будемъ продавать, никому не будемъ отказывать въ судѣ и правѣ." Это постановленіе, конечно, капитальное, потому что оно въ Великой Хартіи совершенно исключаетъ возможность, такъ называемой, административной юстиціи, административной высылки, административнаго заключенія, административной конфискаціи, все это немыслимо, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ долженъ имѣть исключительное значеніе законъ и приговоръ равныхъ, приговоръ перовъ. Статья, которая всегда и разсматривалась какъ капитальнѣйшее постановленіе Великой Хартіи, потому что оно обезпечивало гражданскую свободу, свободу отдѣльнаго гражданина, безъ которой всѣ другія не имѣли никакого значенія. И это постановленіе подтверждается нѣсколько разъ, изъ него вырабатывается при Карлѣ II Habeas corpus, по которому каждый Англичанинъ владѣетъ своимъ тѣломъ, т.е. имѣетъ свою гражданскую свободу, поставленную подъ охрану законовъ.

Этотъ параграфъ излагался настолько обще, что тутъ не было даже и надобности перерабатывать его на языкъ конституціонный или современный. Онъ былъ данъ для всѣхъ свободныхъ людей, но подъ свободнымъ человѣкомъ разумѣлось въ то время не то, что понимается въ наше время. Тотъ свободный человѣкъ, о которомъ говорилъ параграфъ, - это былъ или рыцарь или получившій въ городѣ привиллегіи горожанинъ, однимъ словомъ, это широкое постановленіе было связано все-таки съ привиллегированными сословіями, пріобрѣтшими полное свободное положеніе. Но когда эти сословія расширились, приняли новые элементы, тогда и этотъ параграфъ сдѣлался, такъ сказать, національнымъ.

Рядомъ съ этими постановленіями стоитъ группа постановленій ограничивающихъ королевскія привиллегіи, массу регалій. Была, напримѣръ, регалія королевской охоты. Сплошь и рядомъ извѣстныя мѣста объявлялись мѣстами королевской охоты, и вслѣдствіе этого на нихъ налагался строгій, тяжкій сервитутъ. Запрещалась жатва въ

этой мѣстности, запрещалась охота для всѣхъ кромѣ короля. Это отобраніе и было запрещено въ Великой Хартіи. Тѣ лѣса и мѣстности, которыя были отобраны Іоанномъ Безземельнымъ, снова возвращались въ общее право. Затѣмъ ограничивалось droit de pourveyance, право постоя. Придворный короля, явившись въ какую-нибудь мѣстность, могъ потребовать, чтобы его поселили и кормили. Затѣмъ ограничивается droit de prise, право захвата припасовъ, которое точно также допускалось въ феодальныхъ регаліяхъ, такъ какъ король могъ на пути прохода брать даромъ припасы. Теперь король теряетъ эти права. Онъ долженъ былъ испрашивать согласіе относительно размѣровъ постоя, относительно размѣровъ реквизиціи.

Затѣмъ утверждаются права различныхъ отдѣльныхъ корпорацій. Про Церковь я уже говорилъ, но кромѣ Церкви были еще и муниципальныя учрежденія, учрежденія, напримѣръ, муниципальной свободы Лондона и другихъ городовъ. Такимъ образомъ на мѣсто частныхъ привилегій является общее постановленіе.

Наконецъ, Великая Хартія заключаетъ одинъ параграфъ, о которомъ я уже говорилъ, именно, параграфъ о гарантіяхъ. Весь феодальный строй стоитъ на томъ положеніи, что государство есть результатъ договора между государемъ и подданными, и, если государь нарушаетъ договоръ, то подданные имѣютъ право возстать. Въ Великой Хартіи это право формулируется такимъ образомъ, что назначается коммиссія 25 бароновъ, которые должны слѣдить за исполненіемъ постановленій Хартіи. Если король какой-нибудь параграфъ этой Хартіи нарушитъ, то въ такомъ случаѣ они не только имѣютъ право, но безусловно обязаны возстать прежде всего сами, а затѣмъ вызвать всѣхъ для войны противъ короля. Вотъ какая санкція силы придается всѣмъ постановленіямъ Великой Хартіи противъ короля.

Разборъ Великой Хартіи вольностей приводитъ къ двумъ главнымъ выводамъ. Во-первыхъ, этотъ документъ является чисто феодальнымъ договоромъ. Онъ не имѣетъ первоначально того конституціоннаго значенія, которое приписывалось Великой Хартіи вольностей впослѣдствіи. Но этотъ феодальный договоръ составленъ такимъ образомъ, что простая перестановка классовъ общества, простое теченіе соціальнаго развитія должно было мало по малу подмѣнить положеніе, предназначавшееся первоначально для аристократіи, положеніемъ, дѣйствующимъ

для всего свободнаго населенія. Это первая черта, на которой приходится настаивать.

Другое важное обстоятельство заключается въ томъ, что Великая Хартія является результатомъ, правда, дѣйствій преимущественно высшаго бароніальнаго сословія, къ которому присоединилась отчасти Церковь, отчасти города, во главѣ ихъ Лондонъ. Но не смотря на эту односторонность движенія, въ цѣляхъ Великой Хартіи, въ ея постановленіяхъ не замѣтно уже сословнаго характера: цѣли ставятся широко, хлопочутъ бароны не объ однихъ преимуществахъ своего собственнаго класса, но также и о положеніи классовъ, стоящихъ ниже ихъ. Принимается во вниманіе не только среднее, землевладѣльческое, но и положеніе купечества, положеніе даже крестьянъ въ извѣстномъ параграфѣ. Эта черта сразу ставитъ движеніе на иную почву, нежели соотвѣтствующая попытка общественной реакціи во Франціи: тамъ разрозненныя дѣйствія классовъ, здѣсь совокупныя стремленія общества ограничить давленіемъ общества слишкомъ быстро и сильно развившуюся государственную власть. Вотъ тѣ двѣ черты, которыя имѣютъ, такъ сказать, общеисторическое значеніе въ этомъ документѣ и въ этомъ періодѣ Англійской исторіи.

Параграфъ о гарантіяхъ, о вооруженномъ сопротивленіи оказался далеко не мнимымъ, потому что Іоаннъ Безземельный, выйдя дарованіемъ грамоты изъ непосредственнаго затруднительнаго своего положенія, попробовалъ тотчасъ-же послѣ этого развязать себѣ руки окончательно и началъ нарушать грамоту. Поэтому послѣ Великой Хартіи сряду началась междоусобная война, въ которой бароны призвали себѣ на помощь Французовъ и Французскій наслѣдникъ, Людовикъ VIII, высадился на почву Англіи для того, чтобы вмѣстѣ съ возставшими Англійскими баронами дѣйствовать противъ Іоанна Безземельнаго. Эта борьба кончилась смертью Іоанна Безземельнаго.

Генрихъ III (1216-1272).

Въ 1216 г. вступилъ на престолъ малолѣтній сынъ Іоанна Безземельнаго - Генрихъ III, который находился подъ опекой того самаго Пемброка, который игралъ такую важную роль въ дарованіи Великой Хартіи, явившись посредникомъ между баронами и королемъ. Пемброкъ и въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ въ качествѣ посредника. Онъ

обѣщалъ баронамъ, что Хартія будетъ утверждена малолѣтнимъ королемъ, и этимъ обѣщаніемъ отдѣлилъ дѣло бароновъ отъ дѣла Французскихъ выходцевъ. Національное чувство заговорило въ виду того, что права и привиллегіи оказались обезпеченными. На этомъ пунктѣ состоялось соглашеніе, вслѣдствіе котораго Французы принуждены были очистить островъ, и Хартія была утверждена съ ограниченіемъ двухъ важныхъ параграфовъ: параграфа о гарантіяхъ и параграфа относительно субсидій, т.е. опускалась та статья грамоты, которая обозначала, что король долженъ испрашивать согласіе парламента на всякую чрезвычайную помочь деньгами. Какъ бы то ни было, главныя составныя части грамоты были все-таки утверждены. Это дало извѣстную почву государственному порядку, которую и стремились удержать сословія во время царствованія Генриха III.

Царствованіе Генриха III является, съ извѣстнымъ измѣненіемъ личности, въ сущности повтореніемъ и продолженіемъ царствованія Іоанна Безземельнаго. Генрихъ III не отличался дерзостью и рѣзкостью Іоанна Безземельнаго, но подобно ему былъ человѣкъ безъ опредѣленнаго плана, безъ настоящаго сознанія національныхъ интересовъ, человѣкъ легко увлекавшійся различными дальними предпріятіями, вродѣ покупки Сициліи, и не замѣчавшій того, что у него дѣлается подъ рукою. Подобно Іоанну Безземельному онъ находился подъ дурнымъ вліяніемъ придворныхъ, этихъ онъ приближалъ къ себѣ особенно изъ числа иностранцевъ. Его дворъ состоялъ изъ Французскихъ и Итальянскихъ выходцевъ. Французы занимали свѣтскія мѣста, Итальянцы духовныя. И туземная аристократія жаловалась на то, что король является своего рода новымъ завоевателемъ, что національные интересы забываются. Естественно, что очень рано стало образовываться сопротивленіе противъ такого рода хозяйства Генриха III, которое заставляло его требовать большихъ денегъ, потому что внѣшнія предпріятія велись неудачно (напримѣръ, война съ Франціей). Оно должно было уже теперь направляться не къ тому, чтобы настоять на какомъ-нибудь договорѣ или какомъ-нибудь правѣ, надо было обезпечить не матеріальное право, представленное достаточно ясно въ грамотѣ, надо было обезпечить его исполненіе, надо было главнымъ образомъ устроить администрацію.

Вотъ реформа исполнительной власти, приведеніе ее въ соотвѣтствіе къ законамъ, это и есть главная цѣль оппозиціи во время

Генриха III. Эта цель сказывается совершенно ясно въ парламентѣ, который собрался въ 1244 г., въ его требованіяхъ. Конечно, это былъ парламентъ въ смыслѣ феодальномъ, въ смыслѣ собранія прямыхъ вассаловъ короля.

Это собраніе, къ которому король обратился за субсидіей, потребовало, чтобы баронамъ было предоставлено назначать трехъ министровъ изъ своей среды. Эти три министра должны были принять въ свои руки все текущее управленіе, и король этимъ самымъ ставился бы подъ опредѣленный контроль лицовъ. Этотъ контроль долженъ былъ быть въ то время, когда парламентъ не засѣдалъ: бароны говорили, что имъ мало, что совершенно недостаточно имъ случайнаго вмѣшательства въ дѣла, которое имъ представляется только тогда, когда королю нужны деньги. Эти случайныя вмѣшательства не могутъ обезпечивать правильнаго веденія дѣлъ; надо, чтобы при королѣ, такъ какъ ему дурно совѣтуютъ, были другіе совѣтники, которые совѣтовали-бы ему, какъ слѣдуетъ, люди, избранные изъ среды бароновъ.

Эти требованія 1244 г. однако не привели еще къ положительнымъ результатамъ. Король распустилъ парламентъ и сталъ вести переговоры о займахъ и субсидіяхъ съ отдѣльными его группами.

Въ 1254 г. онъ сдѣлалъ подобно Іоанну Безземельному, въ томъ-же самомъ направленіи, попытку снестись, такъ сказать, черезъ голову бароніальнаго слоя съ мелкими свободными землевладѣльцами, съ рыцарями графствъ и вызвать ихъ въ парламентъ.

Но изъ этого тоже ничего прочнаго не вышло. Деньги продолжали давать королю неохотно, внѣшнія предпріятія велись не такъ, какъ слѣдуетъ, Людовикъ IX совершенно отбилъ нападенія Англичанъ въ Гаскони и значительно стѣснилъ ихъ вообще во Франціи. Между тѣмъ и тѣ деньги, которыя были даны, были израсходованы. Правильной системы доходовъ не образовалось; тѣ доходы, которые существовали прежде, оказались недостаточными для покрытія долговъ. Поэтому все больше и больше становилась необходимою чрезвычайная субсидія, и ради этой чрезвычайной субсидіи король въ концѣ концовъ долженъ былъ пойти на соглашеніе.

Бѣшеный парламентъ. Онъ созвалъ въ 1258 г. въ Оксфордѣ, такъ называемый „бѣшеный парламентъ", который уже предложилъ ему въ отплату за субсидію новую систему управленія, гораздо

болѣе развитую, расчлененную въ подробностяхъ, нежели та, которую предложилъ въ 1244 г. Прежде всего въ бѣшеномъ парламентѣ выставлены были списки жалобъ на нарушеніе всякаго рода постановленій Великой Хартіи королевскими людьми: на передачу замковъ и должностей чужестранцамъ, на то, что деньги, данныя для дѣйствительныхъ потребностей, расходуются безъ мѣры и безъ нужды. Въ отмѣну всѣхъ этихъ дурныхъ условій требовали полной реформы управленія, перехода всей системы управленія въ руки баронiальнаго слоя.

Для этой реформы необходимо было прежде всего составить извѣстный планъ, и коммиссія 24 бароновъ, избранныхъ изъ перовъ, должна была составить этотъ планъ правительственной реформы. Не смотря на то, что такимъ образомъ планъ правительственной реформы еще не былъ установленъ, тѣмъ не менѣе въ бѣшеномъ парламентѣ были уже выставлены нѣкоторыя требованія, которыя тотчасъ-же были приведены въ исполненіе. Кромѣ коммиссіи 24 бароновъ, которые должны были составить планъ правительственной реформы, является коммиссія 24 для реформы Церковнаго управленія и отношеній Церкви къ государству. Третья коммиссія 24 назначалась для сужденія обо всѣхъ финансовыхъ требованіяхъ, для обсужденія того, насколько необходимы и когда необходимы субсидіи. Текущее управленіе ставится въ зависимость отъ постояннаго государственнаго совѣта, состоящаго изъ 15 членовъ. Наконецъ, для законодательства долженъ былъ къ этому текущему совѣту 15 членовъ присоединяться три раза въ годъ парламентъ, составляемый по выбору бароновъ изъ 12 человѣкъ. Вотъ главныя черты этого довольно сложнаго управленія.

На первый-же взглядъ оказывается, насколько связанной является эта система. Много неудобствъ было въ этомъ планѣ. Во-первыхъ, порождалась страшная путаница въ коммиссіяхъ. Реформа проходила по всѣмъ сторонамъ государственной жизни, привлекала, такъ сказать, къ отвѣтственности все, но всюду являются коллективныя учрежденія, не слаженныя около какихъ-нибудь центральныхъ пунктовъ, которыя стоятъ иногда въ противоположности другъ съ другомъ. Не сказано ясно, какія дѣла изъ фискальныхъ будутъ вѣдаться въ коммиссіи 24 и какія пойдутъ въ завѣдываніе парламента. Затѣмъ не ясна какъ разъ компетенція государственнаго совѣта и парламента 12. Путаница коммиссій, неумѣлая организація являет-

ся поэтому очень замѣтной чертой.

Но еще гораздо важнѣе другое условіе: на этомъ дѣлѣ бѣшенаго парламента мы видимъ отраженіе той-же самой олигархической тенденціи, которая характеризуетъ стремленія французскаго дворянства въ началѣ XIV в. Олигархизмъ, эгоизмъ извѣстнаго слоя сказывается и въ исторіи Англіи. Это не такое условіе, которое можетъ быть вполнѣ устранено. Оно было стѣснено во время борьбы за Великую Хартію сознаніемъ, что можно достигнуть прочнаго успѣха только подъ условіемъ кооперацiи всѣхъ классовъ. Теперь во время борьбы за администрацію оно прорывается наружу. Олигархи устраиваютъ все управленіе, имѣя въ виду только себя. Это всего лучше сказывается на парламентѣ. Парламентъ получаетъ совершенно новый видъ и видъ очень невыгодный для средняго класса. Вмѣсто массы прежнихъ вассаловъ, которые вызывались всѣ лично, является небольшая группа 12, состоящая только изъ самыхъ крупныхъ бароновъ. И эта группа 12 должна держать въ своихъ рукахъ главный узелъ управленія, — она все контролируетъ, такъ что реформа управленія совершается, правда, въ смыслѣ сильнаго ограниченія королевской власти, но ограничивается королевская власть не обществомъ въ его цѣломъ, а однимъ сословіемъ, крупнымъ баронiальнымъ сословіемъ, которое представляется главнымъ образомъ въ парламентѣ.

Симонъ де Монфоръ.

Главнымъ предводителемъ въ парламентѣ былъ графъ Глостеръ. Но уже въ этомъ парламентѣ сказывается и другая тенденція: рядомъ съ нимъ стоялъ другой дѣятель, которому суждено было сыграть рѣшающую роль при измѣненіи первоначальнаго плана и вывести дѣло изъ той узкой аристократизаціи, въ которую толкнулъ его парламентъ. Этотъ дѣятель былъ Симонъ де Монфоръ, графъ Лейстеръ, младшій сынъ Симона де Монфора, побѣдителя Альбигойцевъ. Побѣдитель Альбигойцевъ происходилъ по матери изъ Англіи отъ графовъ Лейстеръ и поэтому послалъ втораго сына въ Англію искать счастья. Симонъ де Монфоръ появился въ Англіи первоначально въ толпѣ тѣхъ мелкихъ авантюристовъ, которые окружили Генриха III и были такъ ненавистны туземному населенію.

Но онъ однимъ своимъ поступкомъ выдѣлился совершенно изъ этой

группы, сдѣлалъ себя ненавистнымъ королю и тѣмъ самымъ получилъ симпатіи кровныхъ Англичанъ. Именно, онъ увезъ сестру короля, которая должна была поступить въ монахини, и женился на ней. Вслѣдствіе этого ему пришлось даже уѣхать изъ Англіи и искать помощи у папы; и вслѣдствіе этого онъ совершенно поссорился съ своимъ прежнимъ покровителемъ. Главное, этотъ поступокъ далъ ему въ глазахъ Англичанъ иное положеніе, далъ ему возможность стать независимымъ. Этой возможностью онъ сряду воспользовался, потому что, какъ человѣкъ необыкновенно талантливый, очень скоро замѣтилъ, что опираться на Генриха III значитъ опираться на колеблющійся тростникъ. Никакой энергіи, никакой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ король не имѣлъ. Поэтому, разъ разссорившись съ королемъ, Симонъ де Монфоръ въ теченіи 40хъ и 50хъ годовъ сталъ совершенно отдѣльно отъ королевскаго двора и старался по возможности уменьшить то разстояніе, которое существовало между нимъ и природными Англійскими дворянами, по возможности заставить ихъ забыть, что онъ родился не на Англійской почвѣ, что онъ Французъ.

Разныя обстоятельства еще болѣе усилили его вражду съ королемъ и вдвинули его въ ряды Англійской аристократіи. Онъ былъ одинъ изъ лучшихъ, если не самыхъ лучшихъ полководцевъ своего времени, и поэтому во время войны съ Людовикомъ IX во всѣхъ трудныхъ случаяхъ ему давали команду, напримѣръ, поручали команду арьергардомъ, когда нужно было отступать. Послѣ неудачной войны съ Людовикомъ, Генрихъ III послалъ Симона намѣстникомъ въ Англійскія владѣнія во Франціи, намѣстникомъ Гіенни. На этомъ трудномъ постѣ онъ долженъ былъ отстаивать Гіеннь какъ противъ давленія Франціи, такъ и противъ постоянныхъ возстаній и волненій, которыя происходили тамъ. Онъ дѣйствовалъ въ Гіенни рѣзко, безпощадно: хваталъ, казнилъ всѣхъ вожаковъ главныхъ туземныхъ партій и добился наконецъ того, что задушилъ сопротивленіе въ Гіенни. Но вслѣдствіе этой рѣзкости его дѣйствій противъ него можно было собрать очень много фактовъ въ обвиненіе: онъ нарушалъ иногда охранную грамоту самаго короля, хваталъ иногда и сажалъ въ тюрьму тѣхъ лицъ, которыя пользовались личными симпатіями Генриха. Такихъ пунктовъ было много, и вотъ въ отместку за его жестокость во время управленія Гіенью на него вассалы стали жаловаться королю. Противъ него былъ начатъ процессъ, и только сознаніе

большинства Английскихъ бароновъ, что въ сущности онъ спасъ Гіенн для Англіи, спасло Симона де Монфора. Вопреки желанію короля его оправдали.

Послѣ этого онъ уже жилъ на своихъ земляхъ, не вмѣшиваясь въ придворную политику, до 1258 г., когда былъ собранъ парламентъ. Тутъ онъ былъ назначенъ въ двѣ комиссіи, которыя были установлены для реформы управленія, но сразу посмотрѣлъ на положеніе дѣлъ иначе, нежели смотрѣлъ Глостеръ, какъ представлялъ олигархи. Главное, онъ, какъ человѣкъ, собственно не принадлежащій по происхожденію къ крупному бароніальному строю Англіи, онъ смотрѣлъ на дѣло шире; онъ понималъ и заявлялъ, что всякое успѣшное движеніе къ ограниченію королевской власти должно опираться не на отдѣльныя дѣйствія одного класса, хотя бы и высшаго, а на совокупныя дѣйствія всѣхъ классовъ. Его программа поэтому являлась гораздо болѣе демократической, нежели программа Глостера.

И скоро обозначились условія, которыя мало по малу руководство всѣмъ дѣломъ передали изъ рукъ Глостера въ руки Симона де Монфора. Именно, устройство проэктированной администраціи и приведеніе въ исполненіе рѣшеній бѣшенаго парламента оказалось на практикѣ чрезвычайно неудобнымъ. Путаница центральныхъ комиссій приводила къ страшной путаницѣ въ областныхъ. Въ среднихъ классахъ жаловались на то, что дѣла не только не улучшились со времени олигархическихъ преобразованій, но напротивъ ухудшились, потому что бароны, которые захватили центральную власть въ областяхъ, преслѣдуютъ свои личныя выгоды. Въ графствахъ прямо говорили и говорили мелкіе рыцари, что имъ выгоднѣе имѣть дѣло, хотя бы съ безпорядочнымъ произволомъ короля, стоящаго далеко, нежели съ постояннымъ вмѣшательствомъ и притѣсненіемъ бароновъ, которые сидятъ на шеѣ у рыцарей, которые сидятъ въ графствахъ. Сказывалось, однимъ словомъ, очень обычное движеніе, именно, движеніе средняго класса противъ олигархіи.

Въ 1259 г. собрался парламентъ, который долженъ былъ продолжать дѣло бѣшенаго парламента, и парламентъ этотъ начался съ очень курьезнаго, непредвидѣннаго факта, именно, съ петиціи рыцарей графствъ, мелкихъ и среднихъ рыцарей, наслѣднику престола Эдуарду, на котораго разсчитывали больше, нежели на самого короля. Въ этой петиціи рыцари просили, чтобы король избавилъ ихъ отъ ига бароновъ. Является такимъ образомъ признаніе и, такъ сказать,

возрастаніе популярности монархической власти подъ вліяніемъ того, что бароны захватили администрацію и эксплуатировали ее. Въ 1259 г. съ этой петиціи въ парламентъ и начинается измѣненіе движенія, порождающее расколъ въ средѣ самой баронiальной партіи.

Лейстеръ совершенно отступаетъ отъ остальныхъ членовъ партіи и требуетъ проведенія совершенно другой программы, требуетъ реформы управленія съ призваніемъ къ участію въ дѣлѣ самыхъ широкихъ круговъ. Онъ требуетъ на ряду съ бароніальнымъ слоемъ и участія горожанъ и средняго и мелкаго рыцарства. Окончательно власть попала въ его руки вслѣдствіе того, что Генрихъ и Эдуардъ, опираясь на заявленіе рыцарей, попытались сбросить бремя.

Въ 1261 г. были разорваны постановленія бѣшенаго парламента, и король созвалъ парламентъ въ С.-Альбансѣ, въ который было вызвано по три рыцаря отъ каждаго графства. Но въ противовѣсъ этому движенію Симонъ де Монфоръ организуетъ сопротивленіе уже на болѣе широкихъ началахъ. Онъ повсюду объявляетъ, что слѣдуетъ соединиться противъ королевской власти для того, чтобы всѣмъ извлечь выгоду изъ этого сопротивленія. Симонъ де Монфоръ выигралъ дѣло. Ему удалось устроить военную коалицію, которая въ 1264 г. разбила короля (при Льюисѣ).

Послѣ пораженія при Льюисѣ Генрихъ III попалъ подъ опеку Симона де Монфора, и Симонъ де Монфоръ получилъ возможность провести въ жизнь свой новый планъ управленія. Этотъ новый планъ управленія представляетъ полную противоположность тому плану, который былъ предложенъ бѣшенымъ парламентомъ, и который состоялъ въ устройствѣ множества коммиссій и въ исключеніи изъ вліянія на дѣла всѣхъ сословій, кромѣ высшаго бароніальнаго. Главные пункты плана Симона де Монфора состояли въ сосредоточеніи исполнительной власти въ рукахъ небольшаго числа лицъ и въ распространеніи законодательнаго вліянія парламента на широкіе общественные круги. Вмѣсто путаницы коммиссій Оксфордскаго парламента является совѣтъ 9, который долженъ вести административныя дѣла; и въ этомъ совѣтѣ 9 главную роль играютъ три избирателя, которые назначаютъ остальныхъ членовъ, а сами избираются баронами. Эти три избирателя собственно и составляли главный центръ управленія. Среди нихъ былъ выбранъ самъ Лейстеръ, который въ сущности и велъ всѣ дѣла, являлся премьеромъ, такъ сказать. Въ это время у него фактически находилась

въ рукахъ опека надъ королемъ. Но если такимъ образомъ въ отношенiи исполнительной власти сжимается кругъ совѣта, является крайне сосредоточеннымъ, то относительно власти законодательной мы видимъ какъ разъ противное. Уже въ парламентѣ 1264 г. вызваны рыцари графствъ, мелкiе и среднiе землевладѣльцы безъ различiя зависимости: зависитъ-ли землевладѣлецъ прямо отъ короля или посредственно отъ короля, а прямо отъ барона. На 1265 г. были вызваны кромѣ того и горожане.

Парламентъ, вызванный на 20 Января 1265 г. представляетъ въ своихъ основныхъ чертахъ всѣ тѣ элементы, которые до сихъ поръ существуютъ въ Англiйскомъ парламентѣ. Можно сказать, что въ этомъ соединенiи парламентъ 20 Января 1265 г. является первымъ Англiйскимъ парламентомъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Это уже не феодальный съѣздъ прямыхъ вассаловъ. На ряду съ лицами, которыя вызываются лично, съ баронами, вызываемыми лично, съ прелатами существуютъ два другихъ разряда: представители отъ рыцарства и представители отъ каждаго свободнаго города. Эти два послѣднихъ элемента составляютъ какъ разъ тѣ части Нижней Палаты, которая до сихъ поръ является основанiемъ народнаго представительства въ Англiи. Разница заключается только въ томъ: первая разница, конечно, существенная, что всѣ три основныхъ элемента стоятъ порознь, что два низшихъ элемента еще не слились въ одну Палату. Но тотъ-же самый парламентъ, который съ точки зрѣнiя постояннаго учрежденiя имѣетъ такое важное значенiе, такой интересъ, является очень характернымъ и въ другомъ отношенiи: видно ясно, насколько новая организацiя Симона де Монфора была неугодна высшему баронiальному слою. Симонъ счелъ возможнымъ лично вызвать въ парламентъ 13 епископовъ, 104 прелата. Но рядомъ съ ними онъ могъ вызвать въ поддержку себѣ изъ высшей аристократiи только 5 графовъ и 18 бароновъ, т. е. много-много четвертую часть всего аристократическаго слоя. Такимъ образомъ какъ разъ придавая широкое нацiональное значенiе представительству народа, Симонъ лишалъ себя союзниковъ среди собственныхъ своихъ товарищей по сословiю, среди бароновъ.

И его дѣло оказалось подобно дѣлу Бекета до извѣстной степени преждевременнымъ. Противъ коалицiи между королевской властью и недовольными олигархами, съ Глостеромъ во главѣ, онъ не въ состоянiи былъ удержаться. Въ битвѣ при Ившемѣ 4 Августа 1265 г. вой-

ско Симона было разбито, и самъ онъ убитъ. Такимъ образомъ кончилась его личная карьера. Но вотъ тутъ-то и сказалось одно историческое условіе. Лично дѣло Симона оказалось преждевременнымъ и онъ потерпѣлъ неудачу, но не смотря на его собственный неуспѣхъ, на его смерть, то, за что онъ принялся, не прекратилось и даже не прервалось. Тотъ-же самый Эдуардъ, который разбилъ его при Ившемѣ, является его преемникомъ въ конституціонной организаціи парламента. Когда онъ сдѣлался королемъ, парламентъ имѣлъ три сословія.

И населеніе высказалось совершенно такъ-же въ своихъ симпатіяхъ за Монфора, какъ оно когда-то высказалось за Бекета. Монфора точно также канонизовали, канонизовали сряду после его смерти, конечно, не церковнымъ обрядомъ; въ Англіи послѣ его смерти было очень распространено убѣжденіе, что онъ святой, и что рука его, которая была отрублена и выставлена на стѣнѣ города Кенильворта, совершаетъ чудеса. Это проявленіе наивной легендарной популярности во всякомъ случаѣ показываетъ, что дѣло Монфора было не только широко по замыслу, но что оно пользовалось симпатіями народа, и, дѣйствительно, помимо уже названныхъ фактовъ есть другіе факты, которые говорятъ въ пользу того, что все это движеніе было не одной случайной комбинаціей, но являлось выраженіемъ общаго національнаго теченія и желаніемъ обезпечить установленныя либеральныя формы учрежденій Англіи.

По отношенію къ дѣлу Монфора является существенный вопросъ: насколько дѣло это объясняется исключительнымъ талантомъ и честолюбіемъ, разсчетомъ, ловкимъ соображеніемъ относительно условій дѣйствій, и насколько оно является результатомъ общаго теченія? Есть указанія на то, что помимо личной ловкости, несомнѣнно въ данномъ случаѣ, дѣло это вытекало изъ національнаго движенія, очень широко захватывавшаго. Именно во время Генриха III уже слагается извѣстная политическая литература въ Англіи, которая имѣетъ очень опредѣленную и довольно рѣзкую окраску.

Среди произведеній этой политической литературы особенно интересенъ одинъ политическій памфлетъ, написанный въ 60^хъ годахъ, который трактуетъ ex professo, насколько необходимо ограничить королевскую власть, и насколько такого рода ограниченіе подрываетъ самый принципъ власти или не подрываетъ, въ какомъ, наконецъ, отношеніи стоитъ король и законъ, котораго онъ служитъ исполнителемъ.

Я приведу вамъ нѣсколько мѣстъ изъ этого памфлета для того, чтобы вы могли судить о характерѣ аргументаціи. Авторъ неизвѣстенъ, но очевидно принадлежитъ къ людямъ, близкимъ къ Симону.

Авторъ распространяется насчетъ злоупотребленій королевской администраціи и, вотъ, какъ онъ опредѣляетъ корень зла: „вотъ корень зла; король ищетъ такой свободы, чтобы назначать министровъ и совѣтниковъ изъ всякой земли, безъ участія бароновъ такъ, чтобы воля государя имѣла силу закона, чтобы его произвольное приказаніе связывало всякаго." Въ этомъ заключается корень зла, которое тогда только можно отстранить, когда власть короля ограничена; нужно, чтобы король подчинялся постояннымъ ограниченіямъ, потому что: „не всякое ограниченіе лишаетъ свободы, не всякое стѣсненіе отнимаетъ власть. Къ чему приневоливаетъ короля законъ свободы? - Къ тому, чтобы онъ не оскверналъ себя неправильнымъ закономъ. Это ограниченіе не рабство, а умноженіе королевскихъ добродѣтелей. Пусть же король изволитъ дѣлать все хорошее, а дурнаго не смѣетъ. Зло - даръ Божій. Если одинъ король будетъ избирать, онъ легко ошибется, потому что не различитъ полезнаго отъ негоднаго. Пусть-же даетъ совѣтъ населеніе королевства, пусть узнаютъ, чего хочетъ его совокупность, которой отлично извѣстны законы земли. Не настолько глупы провинціи, чтобы не знать лучше чужестранцевъ обычаи королевства, передающіеся отъ предковъ къ потомкамъ. Не можетъ называться свободой порядокъ, при которомъ господствуютъ дураки, свобода ограничивается предѣлами права." И въ результатѣ памфлетъ заканчивается, въ стихотворной формѣ: „мы утверждаемъ, что законъ управляетъ достоинствомъ королей, потому что законъ тотъ свѣтъ, безъ котораго государь сбивается съ дороги. - Говорятъ обыкновенно: какъ хочетъ король, такъ идетъ законъ. По правдѣ иначе, потому что законъ стоитъ, а король падаетъ: lex stat, rex cadit."

И надо сказать, что теорія, которая въ данномъ случаѣ рѣзко выражается въ стихахъ, замѣтна и въ другихъ, гораздо болѣе солидныхъ, если такъ можно выразиться, документахъ, которые болѣе завѣрены, имѣютъ болѣе ученое значеніе. Я имѣю въ виду особенно одинъ объемистый трактатъ, составленный въ эпоху Генриха III; трактатъ одного изъ судей короля Брактона, который былъ судебнымъ дѣятелемъ почти во все время царствованія Генриха III и особенно радикаль-

ными воззрѣніями не отличался. У Брактона извѣстный взглядъ на политическія отношенія между королемъ и обществомъ, и взглядъ этотъ излагается двойственно. Наряду съ фразами чисто монархическаго свойства, появившимися въ послѣдній моментъ борьбы, когда уже опредѣлилось, что королевская партія возьметъ верхъ, существуютъ отдѣльные параграфы, которые чрезвычайно рѣзко выражаютъ какъ разъ феодальныя теоріи, что, правда, у государя, у короля нѣтъ равнаго въ смыслѣ отдѣльнаго лица, которое могло бы тягаться съ нимъ во власти, но вся совокупность вассаловъ является равною ему, и передъ этою совокупностью король долженъ склоняться, они одни имѣютъ право устанавливать законы. Эти конституціонныя идеи выражаются такимъ образомъ въ очень общей формѣ. Эти конституціонныя идеи распространились широко, проникли въ юридическую литературу и въ стихотворную литературу того времени.

Повторяю, особенно важно для характеристики дѣла Монфора, для характеристики его общаго значенія то обстоятельство, что хотя самъ Монфоръ палъ, но дѣло его всплыло при преемникѣ Генриха III, при Эдуардѣ I.

Эдуардъ I (1272-1307).

Царствованіе Эдуарда I, хотя оно очень извѣстно съ его внѣшней стороны, потому что Эдуардъ I велъ удачныя войны съ Франціей во Фландріи, съ Шотландіей, съ Уэльсомъ, имѣетъ несравненно большее значеніе въ внутренней исторіи. Собственно говоря, при Эдуардѣ I и образуется конституціонный строй въ Англіи. Прежде всего Эдуарду I пришлось сдѣлать то-же самое, что и Генриху II. Какъ Генрихъ II послѣ смуты Стефана Булонскаго долженъ былъ привести государство въ порядокъ, такъ и Эдуарду нужно было прежде всего возстановить старыя права, возстановить законный порядокъ. Документами, которые свидѣтельствуютъ объ исполненіи этой задачи, является цѣлый рядъ изслѣдованій.

Въ 1278 г. начинаются эти изслѣдованія. Одно изъ этихъ обширныхъ изслѣдованій называется quo warranto, произведено оно было въ силу Глостерскаго статута въ 1278 г. Цѣль изслѣдованія заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить, какія феодальныя привилегіи находятся въ рукахъ сеньоровъ въ силу закона и права и какія изъ нихъ захвачены вопреки законному праву. При опредѣленіи дѣйствовала

обыкновенно система разслѣдованія, т. е. посылалась въ разъѣздъ комиссія, которая опрашивала присяжныхъ извѣстной мѣстности. Это разслѣдованіе чрезвычайно стѣсняло феодаловъ, и во многихъ случаяхъ они не имѣли возможности сослаться на какіе-нибудь документы, а имѣли за себя просто традицію.

Одинъ изъ феодаловъ, графъ Уорренъ, отвѣчая, по какому праву, quo warranto, по какому документу онъ владѣетъ, показалъ на свою шпагу и сказалъ: „вотъ мой документъ. Мои предки пришли съ Вильгельмомъ незаконнорожденнымъ и завоевали свои земли мечемъ: мечемъ-же я и буду защищать ихъ отъ всякаго, кто попробуетъ завладѣть ими. Король завоевалъ землю не самъ и не одинъ, а съ нимъ были наши предки, какъ помощники и участники. Поэтому наше право таково, какъ и право короля."

Не смотря на эти заявленія отдѣльныхъ феодаловъ, которыя показываютъ въ полномъ свѣтѣ феодальную точку зрѣнія, разсмотрѣніе, quo warranto, было произведено, и вслѣдствіе этого разсмотрѣнія цѣлый рядъ привилегій былъ уничтоженъ, потому что королевская комиссія требовала всегда самыхъ точныхъ доказательствъ.

Затѣмъ начался рядъ другихъ разслѣдованій, такъ называемыхъ „сотенныхъ списковъ" Эти сотенные списки были составлены въ двухъ большихъ комиссіяхъ.

Одни распространялись на все Англійскія графства, являясь результатомъ опроса присяжныхъ по всѣмъ мѣстностямъ и областямъ по поводу захватовъ и незаконныхъ распоряженій королевской администраціи. Если какой-нибудь королевскій человѣкъ позволилъ себѣ что-нибудь вопреки праву, то объ этомъ должны показать люди сотни, представители деревень, староста и 4 крестьянина, священникъ, сеньоры и ихъ прикащики. Такимъ образомъ главная цѣль этого перваго разслѣдованія сотенныхъ списковъ направляется къ провѣркѣ дѣятельности королевской администраціи.

Затѣмъ есть еще фрагменты сотенныхъ списковъ также чрезвычайно важныхъ, которые имѣли цѣлью спеціальныя разслѣдованія относительно землевладѣнія въ Англіи въ 1278, 1279, 1280 г.г. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ земельное разслѣдованіе относительно только 6 графствъ; неизвѣстно, было-ли оно произведено по всей Англіи. Но изъ этого описанія 6 графствъ видно, какъ оно широко захватывало. Оно

имѣло цѣлью опредѣлить еще точнѣе, нежели Великая Перепись всѣ мелкія земли. Въ Великой Переписи не описаны, напримѣръ, повинности крестьянъ, а въ сотенныхъ спискахъ они занимаютъ большое мѣсто. Производится это для того, чтобы судить, какіе совершены были захваты въ соціальной области, не оттянулъ-ли кто-нибудь у другаго землю, не установлены-ли незаконные поборы съ свободнаго населенія, не присвоилъ-ли себѣ какой-нибудь человѣкъ права на коронное помѣстье.

Вотъ три большихъ системы разсмотрѣній, которыми открывается царствованіе Эдуарда I. И на основаніи этихъ-то списковъ уже можно было законодательствовать такъ, какъ законодательствовалъ Эдуардъ I. Изъ его законовъ главное значеніе имѣютъ два. Онъ провелъ цѣлый рядъ мѣръ, но изъ всѣхъ этихъ мѣръ особенно выдаются двѣ, которыя собственно и остановили развитіе феодальнаго порядка въ его двухъ главныхъ выразителяхъ, въ духовной и свѣтской сферѣ.

Вы уже слышали нѣсколько разъ, что Церковь съ ея землями представлялась необыкновенно могущественной, слишкомъ могущественнымъ дѣятелемъ. Она обладала землями приблизительно на половину всей территоріи, и дальнѣйшее развитіе этого церковнаго могущества грозило просто задавить свѣтское землевладѣніе. Въ 1297 г. прошелъ статутъ „de religiosis", въ силу котораго никто не имѣлъ права отдавать земли Церкви, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, не заручась разрѣшеніемъ своего сеньора и посредственно короля. Конечно, интересамъ сеньора прямо противорѣчила воля завѣщателя. Для сеньора было невыгодно, чтобы землю брали изъ его владѣнія, его ленъ слабѣлъ, если земля переходила къ Церкви. Теперь это запрещалось, Церковь не могла уже увеличивать свои силы на счетъ короля.

Затѣмъ такая-же чрезвычайно важная мѣра была проведена и относительно свѣтской сферы. Въ 1290 г. былъ изданъ статутъ, называвшійся по первымъ своимъ словамъ, статутъ „quia emptores". Этотъ статутъ долженъ былъ бороться противъ одного очень важнаго зла, связаннаго съ феодальнымъ правомъ.

При выдачѣ земли въ ленъ всегда получающій землю становился въ непосредственное подчиненіе тому, кто выдавалъ, такъ что каждое дареніе, каждая выдача дробила это имѣнье, часть этого имѣнья спускалась ступенью ниже по феодальной лѣстницѣ. Если мы пред-

ставимъ себѣ, напримѣръ, имѣнье А, который зависитъ отъ извѣстнаго сеньора В, то каждая извѣстная выдача изъ имѣнья А лицу С будетъ представлять осложненіе права сеньора В, такъ какъ зависѣть С будетъ уже не отъ В, а отъ А, т. е. дареніемъ спускается ниже. Часть имѣнья выдается, вслѣдствіе этого происходитъ, такъ называемая, субинфеодація, передача лена въ низшую степень. Это собственно существенная форма феодальнаго развитія. Вслѣдствіе этого образовывалась цѣлая феодальная іерархія, начиная отъ лица непосредственно зависящаго отъ короля, отъ его прямого вассала и кончая лицами, стоящими на низшихъ ступеняхъ феодальной зависимости.

Вотъ противъ этой субинфеодаціи и идетъ статутъ „quia emptores". Всякое дареніе и всякая покупка ставитъ въ прямую зависимость не отъ лица, которое подарило или продало, а отъ сеньора этого лица. Этимъ расчлененіе феодальныхъ владѣній прекращается, и тѣмъ самымъ чрезвычайно стѣсняется развитіе тѣхъ посредствующихъ звеньевъ, которыя ослабляли государственное давленіе короля на помѣщиковъ, отдѣляющихъ ихъ отъ него.

Но помимо гражданскаго законодательства, изъ котораго я указалъ на два акта, какъ на наиболѣе замѣчательные, къ эпохѣ Эдуарда I относятся чрезвычайно важныя мѣры законодательства политическаго. Такъ какъ Эдуардъ I долженъ былъ вести постоянныя внѣшнія войны, то ему приходилось очень обращать вниманіе на національное теченіе, очень дорожить національной поддержкой, поэтому онъ постоянно и обращался къ помощи своихъ чиновъ. Въ 1295 г. являются уже опредѣленныя требованія со стороны этихъ чиновъ, чтобы законное право ихъ было признано оффиціально. „Что касается всѣхъ, должно быть обсуждено всѣми, и общую опасность надо встрѣтить сообща принятыми мѣрами", такъ говорятъ чины 1295 г.

Во время похода 1297 г. чинамъ удалось добиться утвержденія Великой Грамоты, которая санкціонировала, именно, это обязательное вмѣшательство парламента во всѣхъ случаяхъ, касающихся денежныхъ дѣлъ. Во время нахожденія Эдуарда I въ Гентѣ противъ его замѣстителей образовалась коалиція, которая требовала, чтобы король утвердилъ Великую Грамоту Іоанна Безземельнаго, выставила впередъ постановленіе о томъ, что король не можетъ требовать ни въ какомъ случаѣ субсидіи безъ согласія чиновъ, т. е. выставила въ бо-

лые опредѣленной формѣ постановленіе, значившееся въ первой редакціи, но потомъ опущенное. Эдуарду это требованіе было крайне непріятно, потому что это ему связывало руки, не давало дѣлать поборы, которые онъ производилъ своего властью. Не разъ ему удавалось захватить купленныя произведенія, облагать ихъ пошлинами. Но находясь какъ разъ въ разгарѣ Фландрскихъ и Французскихъ замѣшательствъ, онъ принужденъ былъ пойти на требованія чиновъ и утвердить грамоту въ этомъ видѣ.

Въ 1297 г. онъ попробовалъ сдѣлать шагъ назадъ. Въ Вестминстерѣ на Английской почвѣ послѣ утвержденія грамоты прибавлена была clausula: salvo iure coronae nostrae, подъ охраной нашей короны, которая собственно ему давала возможность въ исключительныхъ случаяхъ выставлять извѣстныя незаконныя требованія. Но эта попытка привела къ такому волненію и стала угрожать такой могущественной коалиціей бароновъ, что уже въ слѣдующемъ утвержденіи Эдуардъ отказался отъ прибавки и утвердилъ грамоту въ томъ полномъ видѣ, какъ она была утверждена въ Гентѣ.

Такимъ образомъ при Эдуардѣ I, дѣйствительно, устанавливается видъ конституціонной сословной системы какъ по отношенію къ составу чиновъ, такъ и по отношенію къ ихъ правамъ. По отношенію къ составу, потому что Монфоровскій порядокъ созванія, при которомъ вызывались рыцари графствъ и горожане наравнѣ съ баронами и прелатами, укрѣпляется; по отношенію къ праву, потому что въ самой важной области, въ области финансоваго законодательства чины связали короля опредѣленнымъ договоромъ. Это не значитъ, что не нужно будетъ дѣлать сюда добавленій, и что короли не будутъ прибѣгать къ различнымъ злоупотребленіямъ; но правовая точка зрѣнія утверждается въ своихъ основаніяхъ, ее признали, къ ней стремятся, ее усиленно поддерживаютъ.

Повторяю, что, собственно говоря, конституціонный строй и завершается въ Англіи въ своихъ существенныхъ чертахъ въ эпоху Эдуарда I. Дальнѣйшее развитіе уже опредѣляетъ тѣ сословныя, соціальныя основы, на которыя долженъ стать конституціонный строй.

Составъ парламента. Прежде, однако, чѣмъ прервать исторію средневѣковой Англіи, которая имѣетъ такое значеніе для современной Англіи, я обращу ваше вниманіе на одинъ капитальный, важный

фактъ, который важенъ и по отношенію къ формамъ, принятымъ Англійскими учрежденіями, и по отношенію къ объясненію ихъ исторіи. Это, именно, вопросъ о составѣ парламента, о составѣ тѣхъ чиновъ, которые призваны были ограничить королевскую власть. Вопросъ этотъ является существенно различнымъ, смотря по тому, въ какомъ вѣкѣ мы будемъ разсматривать парламентъ.

Парламентъ XII в., т.е. съѣздъ, который носитъ это названіе въ XII и началѣ XIII в., это чисто феодальное учрежденіе, собирающееся на основаніи принципа феодальнаго конгресса, принципа, который требовалъ, чтобы самостоятельные государи феодальной эпохи всѣ принимали участіе въ установленіи общегосударственныхъ статутовъ, такъ какъ самостоятельнаго государя можно принудить только къ тому, на что онъ согласился, это парламентъ прямыхъ вассаловъ короля. При Генрихѣ II и Іоаннѣ Безземельномъ онъ и состоитъ изъ одной камеры, въ которую входятъ духовные и свѣтскіе.

При Генрихѣ III, во вторую половину царствованія, т.е. при Симонѣ де Монфорѣ, и Эдуардѣ I намѣчается другой видъ парламента, который отличается отъ перваго двумя существенными чертами. Во-первыхъ, является уже не однородная и однообразная группа вассаловъ, а является нѣсколько раздѣльныхъ группъ. Преобладаетъ не понятіе феодальнаго конгресса самостоятельныхъ государей, которые однородны, именно, потому, что они всѣ — государи, свѣтскіе или духовные; тутъ является преобладающимъ понятіе сословія, которое дробитъ всѣ группы, входящія въ составъ парламента XIII в. и начала XIV в. Вся эта масса дробится на сословія: отдѣльно совѣщаются 1) бароны, отдѣльно 2) духовенство, третьимъ слоемъ являются 3) рыцари графствъ и наконецъ 4) горожане четвертымъ. Мало того, иногда группы дробятся даже больше: графы обсуждаютъ дѣла независимо отъ бароновъ и т.д. Тутъ преобладаетъ, повидимому, сословный характеръ.

И рядомъ съ этимъ сословнымъ раздѣленіемъ выставляется еще одинъ капитальный фактъ. Есть одно коренное различіе въ этихъ сословныхъ группахъ сравнительно съ сословіями генеральныхъ штатовъ Франціи. Это, именно, различіе въ положеніи дворянства. Дворянство вмѣсто того, чтобы стоять, какъ во Франціи, однимъ слоемъ, отдѣльно отъ другихъ частей націи, распадается на двѣ части: верхняя часть — бароны, люди, которые вызываются личнымъ письмомъ короля, отдѣлялось

отъ главной массы, которую составляютъ рыцари графствъ. Эти рыцари графствъ являются представителями отъ всѣхъ свободныхъ Англіи какъ дворянъ, такъ и не-дворянъ областей. Какъ разъ этого всесословнаго представительства областей во Франціи не было. Во Франціи вся система была основана на рѣзкомъ различіи сословій, при которомъ нельзя было и думать, чтобы дворянство представляло область, или чтобы область поручила представительство дворянству.

Затѣмъ эта всесословность еще болѣе выражается въ дальнѣйшей исторіи парламента, третьемъ періодѣ этой исторіи, въ процессѣ, который начинается съ Эдуарда II и завершается около XIV в. при Эдуардѣ III. Это періодъ сліянія двухъ палатъ. Люди, которые вызывались въ силу своего государственнаго личнаго положенія, какъ свѣтскіе и духовные магнаты, занимаютъ мѣсто въ одной палатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ другую палату являются всѣ тѣ, которые вызываются не лично, а въ силу депутатскаго положенія, въ силу того, что извѣстное лицо является представителемъ отъ купцовъ, горожанъ или отъ различныхъ сословій землевладѣльцевъ графствъ. Вотъ основаніе двухъ палатъ, которыя срастаются въ XIV в. и удерживаются до сихъ поръ.

Въ результатѣ, этотъ процессъ очень важенъ, потому что въ этомъ результатѣ сказываются двѣ основныя причины, приведшія Англію къ такому капитальному факту, какъ основаніе конституціоннаго строя, факту столь противоположному тому, что совершилось во Франціи. Эти двѣ причины, имѣвшія такое значеніе въ исторіи Англіи: во-первыхъ, преобладаніе внутреннихъ задачъ надъ внѣшними. Внѣшнія войны иногда достигаютъ громадныхъ размѣровъ, но главныя задачи сосредоточиваются на почвѣ внутреннихъ порядковъ и благоустройства. Уже это одно должно было сильно содѣйствовать развитію общественнаго вліянія на государство.

Другое капитальное условіе заключается въ томъ, что сословія въ Англіи стоятъ въ самомъ началѣ на другомъ основаніи, нежели сословія во Франціи. Между ними устраивается связь, градаціи, которыя разорваны во Франціи. Въ Англіи сословія были соединены солидарностью интересовъ и вслѣдствіе этого стѣснили королевскую власть.

Есть извѣстное отклоненіе, которое показываетъ, насколько родственны обѣ исторіи. Это, именно, отклоненіе бѣшенаго парламента, попытка Англійскихъ олигарховъ устроить себѣ самостоятельное

положеніе. Но эта попытка была вполнѣ изолированною, имѣла значеніе только нѣсколько лѣтъ и пала передъ дѣломъ Симона де Монфора и Эдуарда I.

На этомъ я прекращу исторію развитія Англіи, потому что дальнѣйшая исторія есть собственно исторія подстановки одного класса вмѣсто другого и перехода отъ средневѣковыхъ соціальныхъ формъ къ формамъ новаго времени.

Исторія государственнаго развитія въ Германіи.

Перехожу къ послѣднему отдѣлу своего изложенія, который будетъ имѣть цѣлью установить главныя точки зрѣнія на образованіе государственной системы въ Германіи.

Исторія Германіи съ преобладаніемъ надъ ней имперіи до такой степени тѣсно перепутана съ исторіей папства, что, именно, на этомъ изложеніи придется гораздо болѣе принимать во вниманіе церковно-политическую борьбу, церковные интересы, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ изложенія, которыя касались Франціи и Англіи. Вообще исторія Германіи во многихъ отношеніяхъ сложнѣе, нежели исторія Франціи и Англіи, какъ это ни странно на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что въ исторіи Франціи и Англіи мы все-таки слѣдили во второй половинѣ Среднихъ вѣковъ за развитіемъ государственныхъ отношеній на почвѣ болѣе или менѣе подготовленной Римскимъ провинціальнымъ управленіемъ, въ Галліи и даже Британіи; хотя Британія и не такъ сильно романизовалась, какъ Галлія, все-таки она была долгое время подъ вліяніемъ Римской государственной силы, вслѣдствіе чего достаточно набралась политическихъ идей.

Напротивъ исторія образованія Германіи даже и во второй половинѣ Среднихъ вѣковъ является еще какъ бы формированіемъ государственнаго тѣла изъ совершенно незаконченныхъ, слабо подготовленныхъ элементовъ. Прежде всего нѣтъ никакой возможности начинать эту исторію съ того пункта, съ той опредѣленной характеристики, съ которой мы начинали исторію Франціи и Англіи. Тамъ я бралъ эпоху вполнѣ установившагося феодализма, конца X в. во Франціи и середины XI в. въ Англіи, и исходилъ изъ различія феодальныхъ системъ. Причемъ показывалъ,

какъ мало по малу подготовлялись и складывались элементы государственнаго строя. Въ Германіи мнѣ приходится начинать раньше: начинать не съ половины XI в., и даже не съ X в.; но для того, чтобы выяснить себѣ спорные вопросы, главные пункты борьбы надобно прямо исходить изъ эпохи, послѣдовавшей за Карломъ Великимъ. Нужно прямо отмѣтить основныя условія, которыя отразились на разложеніи его государства, потому что при этомъ обозначится и самый политическій составъ Германской національности и обозначатся главные спорные вопросы.

Людовикъ Благочестивый (814-840).

Первое, что представлялось затруднительнымъ послѣ смерти Карла Великаго, это устройство такой системы, которая съ одной стороны обезпечила бы единство имперіи, а съ другой представляла бы прочную организацію ея частей. Имперія была слишкомъ велика, - это всѣмъ было ясно, но и Карлъ Великій и его непосредственные преемники не хотѣли отказаться отъ единства имперіи.

И Людовикъ Благочестивый почти сряду послѣ вступленія на престолъ устанавливаетъ законоположеніе, которое должно разрѣшить эти двѣ, повидимому, совершенно противоположныя другъ другу задачи: сохранить единство Западнаго христіанскаго міра подъ властью императора и въ то-же время дать извѣстное значеніе областямъ. Для этой цѣли закономъ 817 г., который обсуждался на собраніи магнатовъ, былъ сразу обезпеченъ императорскій престолъ; для этой цѣли выдвинутъ былъ старшій сынъ Лотарь, который короновался императоромъ, сдѣлался императоромъ еще при жизни своего отца. Ему, значитъ, матеріально, такъ сказать, передано престолонаслѣдіе еще при жизни Людовика, и онъ долженъ былъ заботиться объ единствѣ имперіи.

Въ противоположность этому единству имперіи однако дѣйствовали права и двухъ братьевъ, двухъ сыновей Людовика Благочестиваго, и даже другихъ родственниковъ. Его племянникъ Бернгардъ, сынъ умершаго Пипина, получилъ Италію въ ближайшее управленіе. Италія такимъ образомъ выдѣлялась въ самостоятельное королевство. Это было еще по распоряженію Карла Великаго. Затѣмъ получили самостоятельныя области два младшихъ сына Людовика Благочестиваго, при чемъ Пипинъ получилъ Аквитанскую марку, т. е. защиту границъ противъ Сарацинъ, а Людовикъ, будущій Людо-

викъ Нѣмецкій, получилъ Австрійскую или восточную марку, Баварію, Каринтію, области которой затѣмъ вошли въ составъ Австрійскаго герцогства, противъ Славянъ и Аваровъ.

Такимъ образомъ цѣль закона состояла въ томъ, чтобы подъ охраной общеимперской власти образовать въ то-же самое время мѣстныя власти, главнымъ образомъ для пограничной защиты и для борьбы съ самыми опасными врагами: съ Мусульманами, Испанскими Арабами, и съ Славянами и Аварами. Вотъ первый исходный пунктъ всѣхъ дальнѣйшихъ столкновеній и движеній.

Тутъ однако былъ заложенъ принципъ, который сразу подвергся измѣненію вслѣдствіе того, что не было найдено въ сущности прочнаго равновѣсія между общеимперскими притязаніями и притязаніями отдѣльныхъ членовъ семьи. И насколько это равновѣсіе было непрочно, это тотчасъ-же обнаружилось. Когда у Людовика родился сынъ Карлъ, явился тотчасъ вопросъ о томъ, какъ удовлетворить этого новаго претендента. Значитъ, является чисто наслѣдственный принципъ. И потому онъ сдѣлался особенно опаснымъ, что въ концѣ концовъ этотъ принципъ находитъ себѣ подкладку въ національныхъ стремленіяхъ. Споря между собой, сыновья императора, каждый изъ нихъ имѣетъ въ виду свои личные интересы: одинъ хочетъ расширить свою область, другой хочетъ оттянуть себѣ новую. Но подъ споромъ сыновей императора, независимо отъ ихъ личнаго раздора, идетъ споръ и между областями, которыя искусственно были сплочены въ одну массу.

Вотъ, значитъ, начиная съ 817 г. поднимается вопросъ о правахъ національныхъ и областныхъ особенностяхъ въ противоположность внѣшнему имперскому единству.

Въ 829 г. поднимается другой капитальный вопросъ, развитіе котораго также идетъ черезъ всю исторію Германской имперіи, конечно, въ связи съ раздорами, которые начинаются между сыновьями Людовика, и въ связи съ его колебаніями, такъ какъ онъ старается выдвинуть то права старшаго, то права младшаго — Карла; въ связи со всѣмъ этимъ является попытка уладить эти отношенія на началахъ посредничества. Но какая посторонняя сила могла вмѣшиваться? Такая сила была создана въ государствѣ Карломъ Великимъ, — это положеніе духовенства.

Я особенно настаивалъ на томъ при характеристикѣ государ-

ства Карла Великаго, что въ этомъ государствѣ духовенство въ своей совокупности имѣло совершенно специально-политическую и административную роль. Мало того, что духовные владѣли громадными землями и вслѣдствіе этого на основаніи принципа помѣщичьей власти землевладѣльца имѣли громадное значеніе; мало того, что они пользовались религіознымъ вліяніемъ, они опять-таки давили на свѣтскія дѣла, кромѣ того имъ была ввѣрена административная власть. Приходилось опираться на духовенство для того, чтобы бороться съ разрозненными теченіями свѣтской жизни. Свѣтская жизнь при ограниченномъ политическомъ кругозорѣ варваровъ, не привыкшихъ къ обширнымъ политическимъ соединеніямъ, тянула къ мѣстному развитію въ самомъ узкомъ смыслѣ. Все это сдерживать представлялось чрезвычайнымъ трудомъ, своего рода Сизифовой работой. Необходима была централизація, необходима была такая сила, которая возвышалась бы надъ мѣстными интересами и руководилась бы болѣе обширной традиціей, чѣмъ точкой зрѣнія и традиціей какого-нибудь отдѣльнаго города, отдѣльной области. Такой силой было только одно духовенство. Поэтому силою вещей Карлъ Великій долженъ былъ сдѣлать изъ духовенства свое великое instrumentum regni. Но это положеніе духовенства въ качествѣ контролирующей и связующей силы надъ графами и князьями было, конечно, обоюдоострое.

Когда началось колебаніе въ центрѣ, когда борьба противъ отдѣльныхъ областныхъ теченій приняла форму извѣстной фамильной распри между собою, эта сохраняющая, объединяющая сила духовенства въ государствѣ почувствовала, такъ сказать, свою самостоятельность, свое рѣшающее и посредствующее значеніе. И на соборѣ 829 г. въ Парижѣ было высказано чрезвычайно рѣзко общее положеніе, что Церковь въ своей совокупности имѣетъ опеку и направляетъ свѣтскую дѣятельность. Проводится сначала систематически различіе между двумя сферами жизни: сферой свѣтскихъ отношеній и сферой духовныхъ, церковныхъ отношеній. Затѣмъ послѣ того, какъ проведена эта антитеза, церковь ясно и прямо требуетъ себѣ надзора за свѣтскими отношеніями и высказываетъ мысль о посредствующемъ значеніи церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда въ государствѣ возникаютъ усобицы и раздоры, т.е. какъ разъ въ томъ случаѣ, который былъ въ то время въ ходу, такъ какъ была усобица изъ-за престола между братьями, съ

одной стороны, и отцомъ съ сыновьями, съ другой.

Такимъ образомъ церковныя претензіи тутъ были выставлены совсѣмъ не ультрамонтанской партіей. Папы даже не было, главнымъ дѣятелемъ былъ архіепископъ Реймсскій Эббонъ, и поэтому все движеніе представляется не выраженіемъ честолюбія отдѣльной личности или отдѣльнаго учрежденія вродѣ папскаго престола, а выраженіемъ, такъ сказать, повсемѣстнаго распространившагося сознанія массы духовенства.

И вотъ, когда папа вмѣшался, - вмѣшаться онъ долженъ былъ рано или поздно, - оказалось, что, дѣйствительно, на этой подготовленной почвѣ духовная сила могла дѣйствовать очень эффектно. Папа Григорій IV вмѣшался въ распрю между Людовикомъ и Лотаремъ и вмѣшался за Лотаря. Этого вмѣшательства было достаточно для того, чтобы въ 833 г. т. е. 4 года спустя, войско Людовика Благочестиваго перешло на сторону возмутившихся сыновей, и тѣмъ совершенно лишило императора всѣхъ средствъ сопротивленія. Вмѣшательство папы рѣшило борьбу въ пользу претензій старшаго сына и противъ претензій самого императора и его младшихъ сыновей.

Такимъ образомъ, въ этомъ столкновеніи прямо намѣчается рѣшающее значеніе Церкви. Оно основывалось на только что указанныхъ фактахъ и завершилось извѣстною сценою наложенія покаянія на Людовика Благочестиваго въ церкви св. Медарда въ Суассонѣ. Людовикъ Благочестивый явился въ власяницѣ и произнесъ длинную покаянную рѣчь, въ которой обличалъ себя въ различныхъ преступленіяхъ и просилъ духовной помощи и прощенія у Церкви. Императорская власть такимъ образомъ вслѣдствіе внутренняго раздора, вслѣдствіе того, что единство имперіи подорвано съ одной стороны династическими, съ другой, національными противоположностями, склонилась передъ властью того духовенства, которое она хотѣла сдѣлать самымъ сильнымъ своимъ орудіемъ.

Лотарь I.

Извѣстно, что эти національно-династическія отношенія, которыя привели къ почти постоянной борьбѣ, борьбѣ, въ сущности не разрѣшенной въ царствованіе Людовика Благочестиваго, продолжали раздоръ въ королевствѣ и послѣ его смерти. Въ концѣ концовъ, не смотря на эти національно-династическія претензіи при Людовикѣ Благочестивомъ, не смотря на сильное направленіе, такъ сказать, областныхъ стремленій, общая имперія еще держалась. Но при Лотарѣ братья раздѣлились

окончательно. Сначала два младшихъ брата: Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Французскій дѣйствовали вмѣстѣ противъ императора, и эти совокупныя дѣйствія привели къ пораженію Лотаря при Фіенѣ и Фонтенуа. Эти совокупныя дѣйствія вызвали, наконецъ, два важныхъ акта, которые въ половинѣ IX в. обозначаютъ формальное появленіе новыхъ націй, — это Страсбургская присяга 842 г. и Верденскій договоръ 843 г.

Страсбургская присяга, которую дали другъ другу Карлъ и Людовикъ для того, чтобы стоять противъ Лотаря, важна тѣмъ, что она представляетъ водораздѣльный, такъ сказать, моментъ въ исторіи Франціи. Присягали войска Карла и Людовика каждое на своемъ языкѣ. И въ сохранившейся формулѣ присяги уже ясно обозначается, съ одной стороны нѣмецкій говоръ въ войскѣ Людовика, съ другой стороны французскій языкъ въ войскѣ Карла. Является такимъ образомъ, національное раздѣленіе.

Верденскій договоръ разрѣшалъ притязанія императора. На этомъ основаніи Германія, какъ нація, отдѣлялась отъ западно-франкскаго государства, которое должно было стать Франціей, и уже имѣлись зачатки французскаго языка. Только въ срединѣ была проложена узкая линія, на которой держался еще императоръ. Это линія Лотаря, которая захватывала Лотарингію, Бургундію и Италію. Но эта промежуточная полоса съ самаго начала представлялась непрочною какъ по отношенію къ тому патронату, который присваивалъ себѣ Лотарь относительно національностей королевства, такъ и по отношенію къ областямъ, присвоеннымъ Лотаремъ.

Во всякомъ случаѣ Верденскій договоръ покончилъ съ ідеею общезападной имперіи, съ него начинается жизнь врозь отдѣльныхъ частей имперіи. Вотъ тотъ фактъ, съ котораго и приходится собственно начинать исторію самостоятельной Германіи. Но такъ какъ, повторяю, исторія эта переплетена съ исторіей политической самостоятельности папства, и для полной характеристики Германской націи приходится имѣть въ виду вмѣшательство папства, то въ видѣ предварительнаго объясненія основаній борьбы необходимо обратить вниманіе еще на одинъ рядъ условій.

Образованіе папскаго могущества.

Я только что изложилъ основные пункты раздѣла, такъ сказать, по вопросамъ національнымъ; теперь необходимо еще обратить вниманіе

на образованіе той папской теоріи, той теоріи папскаго могущества, которой суждено было сыграть такую важную роль въ исторіи Германіи.

Я не буду въ данномъ случаѣ останавливаться на очень отдѣльныхъ фактахъ, т.е. не буду разбирать исторіи притязаній на Римскій приматъ, на первосвященничество по отношенію къ Западному міру въ первые вѣка.

Укажу только на одинъ очень важный фактъ. Именно, вслѣдствіе того, что папская область и Римъ оказались затерянными Римскими остатками среди массы варваровъ, Западное христіанство и Западная церковь, развившаяся на этихъ варварскихъ основаніяхъ, получила иной характеръ, съ одной стороны болѣе ограниченный, съ другой, болѣе твердый, нежели развитіе Восточной Церкви. На Востокѣ подъ вліяніемъ непрерывнаго теченія продолжалась та догматическая борьба, догматическое броженіе, которое началось въ эпоху самаго основанія христіанскаго единства Церкви, которое вырабатывалось въ соборахъ IV, V вѣка. Между тѣмъ на Западѣ догматическіе вопросы были совершенно затѣснены вопросами чисто практическаго свойства: вопросами управленія, дисциплины, отношеній Церкви къ государствамъ варваровъ. Вслѣдствіе, именно, этой безплодности Запада въ догматическомъ отношеніи онъ игралъ, вообще говоря, въ исторіи догматики того времени консервативную роль, и Римскіе папы защищали православіе противъ разнаго рода ересей, которыя развивались на Востокѣ, но въ общемъ не укрѣплялись. Римскіе папы противились извѣстнымъ установленіямъ, напримѣръ, возставали противъ иконоборства. Именно, вслѣдствіе этого рано стало складываться воззрѣніе, что догматической опорой и провѣркой является для вѣроученія Церкви Римъ съ его взглядами на православіе.

Это воззрѣніе поддерживалось другими общими условіями, поддерживалось тѣмъ, что въ концѣ концовъ Римъ продолжалъ сохранять обаяніе относительно варваровъ, какъ первая главная столица разрушеннаго Римскаго государства.

Поэтому извѣстная подготовка теоріи папскаго примата всегда, конечно, была въ распоряженіи папъ. Весь вопросъ заключался не въ томъ: подготовлена-ли эта теорія, найдутся-ли аргументы; но вопросъ заключался въ томъ: образуется-ли такая практическая сила и такая практическая почва, на которой эта теорія можетъ осуществиться и приняться. И вотъ эта почва начала образовываться какъ разъ тогда, когда Западныя государства начали разстраиваться въ феодализмъ.

Эта почва точно также образовалась въ IX в. Въ IX в., именно, въ связи съ попыткой Церкви посредничать въ свѣтскихъ спорахъ является, такъ сказать, усиленный запросъ на развитіе Церковной организаціи, на подведеніе въ одну прочно установленную іерархическую систему, на установленіе полной независимости этой организаціи отъ свѣтской жизни.

Любопытнымъ признакомъ того общаго теченія, которое ведетъ въ IX в. къ созданію практической почвы для папства въ противоположность разрушенію практической почвы имперіи, является цѣлый рядъ документовъ. Прежде чѣмъ папство нашло себѣ энергичнаго выразителя идей и стремленій — Николая I, прежде чѣмъ оно воплотилось такимъ образомъ въ притязаніяхъ личности, носителя папской власти, прошла теоретическая работа, которая имѣетъ такое-же значеніе въ исторіи папства, какое теоретическое возрожденіе Римскаго права имѣетъ въ исторіи государственной власти. Какъ исторія государственной власти XIII в. немыслима безъ возрожденія Римскаго права, такъ точно исторія папства необъяснима, если не принять во вниманіе теоретическаго движенія IX в.

Какой характеръ имѣло оно? — Я укажу только на главные признаки броженія. Таковымъ является сборникъ капитуляріевъ, составленный для Майнцскаго архіепископа Отгара Бенедиктомъ Левитомъ, духовнымъ клирикомъ. Повидимому, ему была поручена очень скромная задача: дѣло шло просто о томъ, чтобы дополнить сборникъ капитуляріевъ, т.е. постановленій Карла Великаго и Людовика Благочестиваго, объяснить постановленія императоровъ. Повидимому, задача свѣтскаго свойства. Но надо помнить, что капитуляріи на цѣлую треть, а можетъ быть болѣе представляютъ изъ себя духовныя постановленія. Капитуляріи, вѣдь, содержатъ не однородныя постановленія, наравнѣ съ постановленіями свѣтскихъ съѣздовъ, съ постановленіями о воинской повинности, о податяхъ, о дополненіи Салической Правды или о редакціи Правды Саксонской, тамъ фигурируетъ цѣлая масса постановленій насчетъ уваженія Воскреснаго дня, постановленія духовнаго свойства, которыя исходятъ изъ постановленій духовныхъ соборовъ, созывавшихся при Карлѣ и при Людовикѣ. Папы часто участвовали, часто не участвовали въ этихъ законодательствахъ. Итакъ, духовныя постановленія занимаютъ въ капитуляріяхъ очень важное мѣсто. Поэтому вопросъ о дополненіи законодательства капитуляріевъ не былъ просто свѣтскимъ.

Бенедиктъ, работая для Майнцскаго архіепископа, дополнялъ капитуляріи съ извѣстной тенденціей, которая привела къ значительному подлогу. Въ этотъ сборникъ капитуляріевъ, напримѣръ, вошла цѣлая переписка Карла Великаго съ папой Львомъ III, которая въ сущности была вся подложная.

Подлогъ является вообще характернымъ преступленіемъ того времени. Мы даже не можемъ представить себѣ, до какой степени обыкновенной вещью являлся юридическій и политическій подлогъ. Для насъ преступленіе подлога представляется настолько яснымъ, что какъ-то не вѣрится, чтобы политическіе факты, которые играютъ столь капитальную роль въ исторіи, прошли черезъ этихъ посредниковъ; а между тѣмъ несомнѣнный фактъ, что не только что масса грамотъ, которыя даютъ земли монастырямъ и епархіямъ, того времени подложны, но несомнѣнный фактъ, что образованіе дисциплины внутреннихъ отношеній Церкви къ государству и іерархическаго подчиненія папству, все это прошло черезъ подлогъ.

Одинъ подлогъ, сравнительно слабый, - это былъ подлогъ Бенедикта, который дополнилъ собраніе Анзегиза, ввелъ въ капитуляріи постановленія многихъ Французскихъ и Испанскихъ соборовъ, искажая нѣкоторыя изъ нихъ, а затѣмъ ввелъ и подложные отдѣльные документы для того главнымъ образомъ, чтобы развить идею самостоятельности Церкви по отношенію къ свѣтской власти.

Та-же самая идея самостоятельности развивается въ другомъ собраніи, которое въ ходу въ IX в. Это, такъ называемое, Испанское собраніе - Hispana. Испанское собраніе не есть подложное. Это есть просто на просто собраніе постановленій Вестъ-Готскихъ соборовъ. Но Вестъ-Готскіе соборы созывались въ то время, когда шла ожесточенная борьба между королями и Церковью, и поэтому составъ постановленій этихъ соборовъ очень пристрастенъ по отношенію къ власти Церкви надъ королями. Теперь интереснымъ является тотъ фактъ, что чисто мѣстное церковное законодательство Готскаго государства, законодательство VII в. получаетъ общее значеніе, распространяется во Франціи, въ Германіи, потому что точка зрѣнія, которою руководствовались Вестъ-Готскіе соборы была точкой зрѣнія враждебной со стороны церковной власти къ власти свѣтской, къ стремленію ея къ преобладанію.

Но и въ той, и въ другой формѣ - и въ постановленіяхъ капитуляріевъ, и въ постановленіяхъ Испанскихъ соборовъ - проводится та точка зрѣ-

нія, которая такъ сильно была выражена въ 829 г. на соборѣ.

Однако сама-то Церковь являлась еще слабо организованной, іерархическій составъ ея еще недостаточно выяснился. И вотъ въ концѣ 40^хъ^ годовъ IX в. являются декреталіи, которыя точно также возникаютъ въ связи съ борьбою притязаній въ Римѣ, - это лже-Исидоровы декреталіи; возникаютъ онѣ, вѣроятно, въ Реймсѣ при архіепископѣ Эббонѣ. Это уже сборникъ, въ которомъ подложный элементъ играетъ чрезвычайно важную роль. Сборникъ приписывается Испанскому епископу VII в. Исидору. Но въ немъ главную, существенную черту составляло собраніе писемъ, декреталій, указовъ Римскихъ папъ, въ которыхъ какъ бы документально доказывалось изъ древнѣйшихъ временъ, что папскія требованія осуществлялись, можно сказать, съ первыхъ временъ. Тамъ имѣлось, ни мало, ни много, 90 подложныхъ писемъ и указовъ папъ первыхъ IV вѣковъ; причемъ сплошь и рядомъ встрѣчаются такого рода ошибки, что документъ отъ III в. ссылается на слова документа VII в. Но дѣло заключалось, конечно, не въ этомъ. Ученыхъ изслѣдованій въ то время не было; записи, которыя существовали, на самомъ дѣлѣ были не многочисленны, раскопать ихъ было трудно. А между тѣмъ этими установленіями, такъ быстро распространившимися, дорожили не только папы, но дорожили и областные епископы, потому что наравнѣ съ общей мыслью о томъ, что вся организація христіанства сосредоточена подъ охраной и главенствомъ папы, проводилась и другая, что государство и области не имѣютъ права суда надъ духовными лицами, - судъ этотъ долженъ быть самостоятельнымъ. Но проводится эта идея не только въ той формѣ, что епископы объявляютъ себя неподсудными королю, они идутъ дальше. Такъ какъ во время разгара династической борьбы въ IX в. очень легко было для свѣтскихъ людей устраивать мѣстные соборы и на этихъ мѣстныхъ соборахъ благодаря своему собственному личному авторитету проводить свои точки зрѣнія, то въ декреталіяхъ проводится одна общая мысль, что никакой мѣстный соборъ не имѣетъ права произносить сужденія надъ епископомъ, если это сужденіе не подтверждено папой.

Для самостоятельности Церкви необходимо, чтобы управленіе надъ нею и судъ сосредоточивались не въ отдѣльныхъ провинціяхъ и не въ отдѣльныхъ странахъ, а чтобы это всегда былъ судъ общеизвѣстный, судъ папства. Значитъ, для того, чтобы сдѣлать Лотарингскихъ епископовъ самостоятельными въ Лотарингіи, надо сдѣлать папу господствующимъ во

всей Церкви. Только тогда у Церкви будетъ, такъ сказать, защитникъ законовъ, только тогда не въ состоянии будутъ злоупотреблять своею фактическою силою государства и народы отдѣльныхъ странъ, – мысль, которая логически, такъ сказать, вытекала изъ общаго положенія Церкви того времени, изъ положенія Церкви, которая стала традиціонной связующею силою и не подверглась разложенію власти.

Папа Николай I (858-867).

На почвѣ, подготовленной теоретически со стороны какъ церковной самостоятельности, такъ и организаціи іерархіи вокругъ папства, выростаетъ власть перваго изъ папъ, которые осуществили идеалъ вліянія учрежденія на все Западное христіанство, стремленіе даже къ вліянію на Восточное. Николай I въ половинѣ IX в. является энергичнымъ и непоколебимымъ выразителемъ идеи примата. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые одерживаютъ успѣхъ вслѣдствіе ловкости въ дипломатическихъ переговорахъ, пользуясь тѣми или другими случайно удачными обстоятельствами. Онъ всегда идетъ на проломъ, и его громадный успѣхъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ совершенно проникнутъ тѣми идеями, которыя онъ представлялъ, не отступая отъ нихъ ни на шагъ. Передъ этой непоколебимой натурой, развившейся на подготовленной почвѣ, склонялось сопротивленіе властей, менѣе твердо обоснованныхъ, хуже поставленныхъ.

Любопытно въ его дѣятельности особенно то, что онъ заразъ ведетъ борьбу и на Востокѣ и на Западѣ – и противъ Константинополя и противъ императора, противъ Людовика II, сына Лотаря.

Въ Константинополѣ, заявляя требованія примата Римской Церкви, онъ опирался на постановленіе Сардикскаго собора IV в., которое требовало, чтобы при смѣщеніи какого-бы то ни было епископа предварительно долженъ былъ быть спрошенъ совѣтъ Римскаго архіепископа, Римскаго папы. Противъ этого постановленія Сардикскаго собора поступили въ Константинополѣ, смѣстивъ патріарха Константинопольскаго Игнатія, и возведя Фотія, очень ученаго человѣка по-свѣтски, который тутъ только былъ посвященъ въ духовные. Николай нападалъ на Фотія, требуя, чтобы вопросъ о смѣщеніи Игнатія былъ представленъ на его разсмотрѣніе, такъ какъ только въ Римѣ можно было говорить о постоянной религіозной традиціи, только епископъ Римскій держитъ прямо по-

преемству отъ Петра, которому поручена Церковь, который является какъ бы основаніемъ Церкви. На Константинопольскомъ соборѣ, на которомъ участвовали между прочимъ и папскіе легаты, былъ утвержденъ Фотій. Но Николай передъ этимъ не остановился, созвалъ въ Римѣ соборъ западныхъ епископовъ и провозгласилъ это рѣшеніе Константинопольскаго собора незаконнымъ, отлучилъ отъ Церкви своихъ легатовъ. И именно, въ 863 г. по поводу этого собора рѣзко заявилъ свою теорію о томъ, что папа является видимой главой Церкви безъ ограниченія ея областями: вездѣ, гдѣ есть христіане, долженъ быть Римскій приматъ.

Николай дѣйствовалъ непоколебимо и въ другомъ дѣлѣ, въ которомъ ему приходилось бороться съ властью очень близкой - съ властью императора Людовика II, который самъ и черезъ своихъ епископовъ утвердилъ разводъ своего брата Лотаря II и новый его бракъ. Между тѣмъ какъ папа выступилъ противъ этого новаго брака съ Вальрадой и выступилъ за прежнюю жену Лотаря Тіетбергу и, не признавъ дѣянія Константинопольскаго собора, онъ точно также не призналъ и дѣянія собора въ Мецѣ, который утвердилъ бракъ съ Вальрадой; противъ этого собора и противъ архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго Николай точно также собралъ соборъ въ Римѣ, который точно также отвергъ рѣшеніе Мецскаго собора.

Людовикъ отвѣчалъ прямо оружіемъ, пошелъ на Римъ и занялъ его, причемъ страннымъ образомъ смѣшалось, такъ сказать, то и другое столкновеніе. Греки, находившіеся въ борьбѣ съ Николаемъ I, предложили Людовику, чтобы онъ смѣстилъ Николая I. Людовикъ передъ этимъ послѣднимъ актомъ остановился, не рѣшился, а Николай не уступилъ и въ концѣ концовъ одержалъ верхъ, именно, своимъ упорствомъ, потому что, не смотря на временное занятіе Рима, во войскѣ Людовика была масса недовольныхъ, которые находили, что, дѣйствительно, папа правъ, что онъ стоитъ на канонической точкѣ зрѣнія, а, главное, въ тылу у Людовика была цѣлая масса мелкихъ самостоятельныхъ феодаловъ, которые неохотно подчинялись власти императора, и Людовикъ долженъ былъ двинуться назадъ для того, чтобы справиться съ своими вассалами.

Феодалы, такимъ образомъ, или, лучше сказать, феодализмъ являлся самымъ лучшимъ пособникомъ папскаго примата, потому что въ противоположность власти духовной, традиціонной, послѣдовательной въ своихъ дѣйствіяхъ, является вмѣшательство грубой, рѣзкой матеріальной силы, которая сама стояла на непрочномъ основаніи. Почва, на ко-

торой пришлось дѣйствовать Людовику II въ Лотарингіи заставила его примириться съ папой, во что бы то ни стало, для того, чтобы обезпечить себѣ помощь духовныхъ вассаловъ противъ свѣтскихъ, - обычное условіе въ борьбѣ папъ съ императорами. Мы увидимъ, какое значеніе имѣло это мѣстное сопротивленіе даже въ знаменитой борьбѣ Григорія VII съ Генрихомъ IV.

Итакъ, въ той-же самой серединѣ IX в., которая обозначилась теоретическимъ движеніемъ въ пользу папы, его іерархическаго единства, является и личность, которая энергически стала преслѣдовать эту идею, которая воплощала собою извѣстное теченіе. Вотъ тѣ два капитальныхъ пункта, по которымъ затѣмъ завязывается постоянная борьба: національныя противоположности, областная рознь въ борьбѣ съ принципомъ космополитической имперіи, это первое; во-вторыхъ противоположность между имперіей и папствомъ, между властью священной и властью свѣтской, и вопросъ о томъ, кто имѣетъ главенство, кому подчиняться.

Исторія Германіи.

Феодализмъ въ Германіи. Заручившись этой общей характеристикой двухъ главныхъ спорныхъ вопросовъ, мы должны перейти спеціально къ исторіи Германскаго развитія и прежде всего, конечно, начать исторію этого развитія съ возвышенія новой династіи, съ разложенія Каролингскаго государства. Прежде всего надо, хотя въ общихъ чертахъ, усвоить разницу, которая существовала въ данномъ случаѣ между Англіей и Франціей съ одной стороны, Германіей, съ другой. Надо сказать, что въ Германіи въ общественномъ отношеніи феодализмъ является не такимъ полнымъ, какъ во Франціи того же времени. Тамъ то обстоятельство, что Франція была Римской провинціей, рано вызвало громадное скопленіе земли въ немногихъ рукахъ, поэтому рано подготовило соціальную почву для феодализма.

Въ Германіи процессъ разложенія свободнаго класса, возникновенія аристократической силы, шелъ медленнѣе. Однородное общество, которое представляли главныя племена Саксонское, Баварское, Швабское, медленно уступало разъединяющимъ, разрозниваюшимъ началамъ; и въ этомъ медленномъ расторженіи общества два элемента играли большую роль: появленіе правительственной службы и развитіе церковной іерархіи.

Появленіе правительственной службы и появленіе церковной іерархіи горизонтально поднимаетъ однихъ и опускаетъ другихъ. Понятное дѣло, что Франкскій графъ присылается въ Саксонію для того, чтобы держать ее въ повиновеніи, такой Франкскій графъ съ своими дружинниками, съ своими родственниками, съ своими приказчиками, являясь въ землю, которая ему была дана въ управленіе, долженъ былъ, естественно, представлять центръ аристократическій. Къ нему тянула масса элементовъ, которые выдавались изъ земскаго строя, которые черпали свою силу не въ рѣшеніи сельскаго схода, а въ рѣшеніи и вліяніи, которымъ пользовался самъ Франкскій графъ. Изъ того факта, что самъ графъ представлялъ Каролингскую монархію, уже возникаетъ первое условіе аристократизаціи.

Вторымъ условіемъ является образованіе и возникновеніе большихъ церковныхъ учрежденій. Конечно, съ одной стороны всякое эпархіальное учрежденіе, всякое епископство является уже фактомъ однороднымъ съ учрежденіемъ графства. Епископъ точно также могъ быть могущественнымъ потому, что онъ былъ очень богатый землевладѣлецъ, что у него было много зависимыхъ людей, что онъ выступалъ представителемъ Церкви, но кромѣ того при стремленіи распространить христіанство, - которое разсматривалось какъ полицейское учрежденіе - государство вводило христіанство съ тѣмъ, чтобы дѣлать изъ эпархій и особенно монастырей прежде всего соціально-вліятельную корпорацію. Монастыри получали массы земли, частію пустопорожней, частію заселенной какими-нибудь мелкими людьми, главнымъ образомъ свободными, и главная цѣль даренія заключалась въ томъ, чтобы вызвать со стороны монастырей колонизацію и соціальную дѣятельность. Монастыри пускали корни въ области: расчищали лѣсъ, осушали болота, устраивали дороги, однимъ словомъ, на ихъ земляхъ являлась соціальная сила. Масса бездомнаго люда, люда, который не могъ сидѣть на своихъ надѣлахъ, который тѣснился бѣдностью на своихъ надѣлахъ; масса людей, которые выбивались изъ общественнаго строя частными распрями, преступленіями; масса, наконецъ, бѣглыхъ рабовъ, - все это селилось на монастырскихъ земляхъ. Монастырь даетъ грамоту съ особыми привилегіями для поселившихся на его землѣ. И свободные люди идутъ къ нему, потому что монастырь обладаетъ капиталами, можетъ помочь деньгами, можетъ дать скотъ, можетъ помочь и въ томъ отношеніи, что арендаторовъ монастырь охраняетъ отъ воинской повинности, очень разоритель-

ной. Является центръ, такъ сказать, извѣстнаго общественнаго водоворота, къ которому стремятся частицы общества со всѣхъ сторонъ. Это значеніе распространенія церковныхъ учрежденій, именно, въ Германіи было громадно, потому что тамъ съ этимъ соединеніемъ некому было конкурировать. Въ Галліи, въ Италіи, даже въ Британіи извѣстное противодѣйствіе могли оказывать крупные землевладѣльцы свѣтскаго происхожденія. Здѣсь борьба могла вестись развѣ только между графами и епископами и монастырями. И епископы и монастыри были обыкновенно сильнѣе графовъ, потому что графы рѣдко опирались на такія обширныя связи и рѣдко могли проводить свои идеи, свои тенденціи, такъ какъ они назначались все вновь и вновь. Наконецъ на сторонѣ монастырей и эпархій стояли самые сильные люди, т.е. императоры и областные князья.

Во всякомъ случаѣ, на этихъ двухъ пунктахъ намѣчается феодализація въ Германіи: феодализація вокругъ графской власти и вокругъ монастырей и епископовъ. Но дѣло не только въ томъ, что общество, не смотря на свое однообразіе, начинаетъ феодализоваться, оно всетаки феодализуется не такъ быстро, какъ Французское, всетаки остаются мелкіе свободные. Съ этой стороны, можно сказать, что Германія въ своемъ развитіи напоминаетъ болѣе Англію, нежели Францію. Земледѣльческій элементъ въ ней не исчезаетъ, т.е. не исчезаетъ мѣстная самостоятельность, классъ мелкихъ свободныхъ.

Со стороны соціальныхъ группъ, повторяю, Германія представлялась въ аналогичномъ состояніи съ Англіей, а не съ Франціей. Но есть одно обстоятельство, которое напротивъ сближаетъ ее съ Франціей и совершенно ставитъ въ иное положеніе, нежели какъ было въ Англіи. Въ исторіи Англіи я особенно настаивалъ на томъ, что, не смотря на развитіе соціальнаго неравенства, политическаго феодализма не образовалось. Даже когда Норманны завоевали и устроился извѣстный феодализмъ, въ сущности феодальныхъ порядковъ въ политическомъ отношеніи не образовалось, потому что бароны получили помѣстья, но помѣстья ихъ были разбросаны, и княжествъ изъ нихъ не вышло. Какъ разъ въ этомъ случаѣ по отношенію къ политическому строю Германія представляется аналогичной съ Франціей, хотя основанія иныя. Франція феодальной эпохи — это собраніе федеративныхъ, самыхъ разнородныхъ государствъ, которыя находятся подъ очень общей и легкой властью королей; Германія X в. — это собраніе тоже самостоятельныхъ племенныхъ и областныхъ дѣленій, которыя на-

ходятся подъ слабой общей властью королей и императоровъ. Вотъ въ этомъ и заключается капитальный фактъ. Не смотря на то, что феодализація въ сославномъ отношеніи пошла не такъ далеко, какъ во Франціи, власть государственная подкапывалась крупными соединеніями чисто государственнаго свойства, которыя образовались подъ нею.

Какія были основанія? Первымъ изъ этихъ основаній была племенная рознь. Германія X в. является не однородной по составу своего населенія. Хотя она уже обособилась отъ зарейнскихъ областей, отъ Франціи, хотя на правой сторонѣ Рейна господствуютъ діалекты чисто нѣмецкаго свойства, но въ средѣ этой обособившейся массы является чрезвычайно всетаки рѣзкое различіе, хотя не столь коренное, какъ различіе между сѣверной и южной Франціей, распаденіе которой было предотвращено Альбигойской войной. Именно, тѣ племенные союзы, которые играли такую громадную роль при завоеваніи Римскихъ провинцій, которые сломили силу Рима, продолжали существовать, продолжали раздѣлять націю въ очень существенныхъ частяхъ.

Племенные союзы такого рода являлись четыре главныхъ: Франки, т.е. населеніе по Рейну, образовавшееся изъ Рипуарской вѣтви франковъ съ примкнувшими къ нимъ второстепенными племенами. Изъ нихъ образовалась одна этнографическая племенная масса. Затѣмъ Швабы на юго-западѣ и остатки Свевскихъ племенъ и Аллеманнскихъ. И наконецъ Саксонское племя на сѣверѣ. Вотъ три главныхъ племенныхъ массы, но помимо этихъ трехъ племенныхъ массъ являются и массы болѣе смѣшаннаго происхожденія, но также принимающія племенной характеръ, изъ нихъ главнымъ образомъ Бавары.

Итакъ, приходится различать четыре группы въ феодальномъ бытѣ того времени. Три изъ нихъ прямо стоятъ на старыхъ основаніяхъ, четвертая тоже болѣе или менѣе по своей организаціи примыкаетъ къ тремъ первымъ. И является такимъ образомъ одно важное историческо-этнографическое распредѣленіе, которымъ намѣчаются племенныя герцогства. Именно вслѣдствіе этого условія выдѣляются племенныя герцогства какъ разъ въ Свевіи или Швабіи, въ Баваріи, Саксоніи и въ Франконіи; кромѣ этого является Лотарингія — Германскій остатокъ королевства Лотаря, которая тоже имѣетъ самостоятельное положеніе, если не племенное, потому что въ составѣ входили Франки, то политическое. Самая власть въ герцогствахъ образуется вслѣдствіе различныхъ комбинацій.

Можно проследить, что именно, ведетъ къ образованію системы герцогствъ, какъ самостоятельныхъ княжествъ.

Въ образованіи Саксонскаго герцогства всего болѣе замѣтенъ элементъ племенной обособленности, желаніе оставить за собой въ общей связи Германскаго королевства положеніе, которое обезпечивало бы самостоятельность племенныхъ особыхъ правъ. Линія Саксонскихъ герцоговъ ведетъ себя отъ Бруно Энгернскаго, князя Саксовъ во время борьбы съ Карломъ Великимъ, во время походовъ Карла Великаго противъ Саксовъ въ половинѣ 70^хъ^ годовъ VIII столѣтія. Этотъ Бруно отдѣлился съ Энгернами и Остфалами, т.е. съ значительной частью Саксонскаго племени, отъ язычниковъ Саксовъ и Витекинда и этимъ отдѣленіемъ очень содѣйствовалъ завоеванію Саксоніи Франками. Но вслѣдствіе этого отдѣленія онъ сохранилъ свое значеніе князька, и такимъ образомъ явился основателемъ племенной княжеской династіи. Отъ него идетъ Лудольфъ. Затѣмъ, въ теченіи IX в. постоянно держится Саксонское герцогство въ этой линіи, которая мало по малу укрѣпляется въ постоянной борьбѣ съ Датчанами и Вендами. Бруно, сынъ Лудольфа, погибаетъ въ битвѣ противъ Норманновъ. Но Оттонъ затѣмъ возвышаетъ снова герцогство этой линіи и является главнымъ оплотомъ Германіи противъ исконныхъ враговъ, противъ сѣверныхъ Славянъ и противъ Датчанъ.

Такимъ образомъ въ Саксонскомъ герцогствѣ является какъ бы осуществленіе идеи племенного княжества, имѣющаго свою силу не въ дареніи императора, а въ томъ, что оно выросло изъ самостоятельности самаго племени.

Въ Баваріи завязывается герцогство на другихъ основаніяхъ. Баварія, съ примыкавшими къ ней областями, которыя выдѣляются впослѣдствіи въ самостоятельныя герцогства, является маркой, пограничнымъ соединеніемъ. Ее укрѣпляли усиленно императоры и короли IX в. для того, чтобы соединеніемъ различныхъ графствъ и властей усилить границу противъ Италіи и Аваровъ и Славянъ. Баварское герцогство военнаго происхожденія, какъ Саксонское племеннаго. - Само собой разумѣется, что, говоря объ этой противоположности, я подчеркиваю тотъ элементъ, который въ томъ и другомъ случаѣ имѣлъ наибольшее значеніе, не отрицая того, что, напримѣръ, въ Саксонской исторіи военный элементъ игралъ извѣстную роль, но въ Саксоніи главнымъ былъ племенной, а въ

Баваріи военный элементъ. Саксонское герцогство было прежде всего племенное княжество, а герцогство Баварское марка. - Именно, съ этой ролью является Баварское герцогство середины и конца IX в. при Ліутпольдѣ и Арнульфѣ.

Швабское герцогство образуется въ IX в., но опять-таки на другихъ основаніяхъ. Тутъ является примѣненіе одного учрежденія, которое никогда не теряло смысла и силы въ исторіи Каролинговъ, это, такъ называемая, система государевыхъ посланцевъ. Для того, чтобы вліять на области, для того, чтобы устроить постоянное соединеніе между центральною властью и мѣстными властями, императору необходимо было создать посредствующее звено. И вы знаете, что ревизоры Карла Великаго, тѣ missi dominici, которыхъ онъ посылалъ въ области, имѣли громадное административное значеніе.

Но ревизоры эти далеко не всегда посылались на одинъ годъ, чтобы только проѣхать по области и оставить ее. Уже при Карлѣ Великомъ, а затѣмъ еще болѣе при Людовикѣ Благочестивомъ образуется система ревизіи на другомъ началѣ. Именно, цѣлый округъ дается въ постоянное наблюденіе извѣстному лицу, которое имѣетъ missaticum - власть посланца, но постоянную. Съ такою властью является основатель Швабскаго герцогства Эрхангеръ, который былъ постояннымъ посланцемъ въ Аллеманнскомъ округѣ, т.е. въ юго-западномъ углу герцогства. Въ противоположность ему идетъ развитие другаго начала, начала мѣстной самостоятельности графа Бурхарда Тургаусскаго, имѣющаго значеніе по старымъ племеннымъ традиціямъ. Эрхангеръ всячески старается установить свое значеніе независимо отъ государева посланничества на, такъ сказать, мѣстномъ основаніи; но первоначально власть этого missus dominicus имѣетъ преобладающее значеніе.

Такимъ образомъ въ Швабіи выставляется еще третье основаніе: наряду съ племеннымъ княжествомъ и маркграфствомъ является власть missus dominicus.

Во Франконіи, четвертомъ племенномъ округѣ, мы видимъ то-же самое начало, которое проявилось и въ Швабіи, т.е. мѣстный графъ старается округлить свои владѣнія, сдѣлаться герцогомъ; власть въ данномъ случаѣ основывается не на какомъ-нибудь опредѣленномъ порученіи изъ центра, какъ въ Баваріи или Швабіи, и не на племенномъ, какъ въ Саксоніи, а совершенно однородно съ княжескими властями во Франціи. Французскій князь всегда былъ мѣстнымъ династомъ, который захватилъ самостоятельность у себя дома и завладѣлъ окружающей мѣстностью. Онъ точно такъ-же самостоятеленъ,

какъ и племенной князь, только самостоятельность его основана не на этнографическомъ началѣ.

Въ Франконіи идетъ борьба двухъ домовъ. Съ одной стороны домъ Бабенберговъ, который владѣетъ цѣлымъ рядомъ графствъ по Рейну и который возвысился до герцогскаго достоинства и ставилъ герцоговъ. Съ другой стороны домъ Конрада, который также пользуется временной поддержкой императоровъ. Сначала императоры старались, такъ сказать, уравнять стремленія этихъ домовъ, но въ концѣ концовъ они прямо высказались за Конрада, и последній Каролингъ – Людовикъ Дитя при помощи архіепископа Майнцскаго Гаттона казнилъ Адальберта Бабенберга и этимъ нанесъ роковой ударъ развитію Бабенбергскаго дома. Въ Франконіи выдвинулся домъ Конрада, тотъ домъ, изъ котораго вышелъ первый императоръ не-Каролингской династіи.

Вотъ условія, при которыхъ складывалась мало по малу Германія. Аналогичными являются условія въ Лотарингіи, гдѣ также идетъ борьба между домами. Мало по малу утверждается домъ Регинара, который захватываетъ герцогское достоинство какъ бы на племенномъ основаніи.

При образованіи такихъ княжествъ на основаніи племенномъ, культурномъ не могло быть и рѣчи въ Германіи о какомъ-нибудь развитіи государственныхъ принциповъ вродѣ того, что происходило въ Англіи. Въ Англіи вы видѣли, какіе громадные результаты получились отъ того, что власть Норманнскихъ королей съ самаго начала перешла, такъ сказать, преграду племенной розни и вошла въ непосредственное общеніе съ земскими учрежденіями, съ земскими союзами. Изъ этой общенаціональности вытекала и Перепись Страшнаго Суда и судъ присяжныхъ, однимъ словомъ всѣ тѣ учрежденія, въ которыхъ выражалась непосредственная связь между государствомъ и подданными. Не смотря на то, что въ феодальномъ отношеніи Германія еще являлась не такой разрозненной, какъ Франція, она въ политическомъ отношеніи уже раздробилась на четыре по крайней мѣрѣ отдѣльныя крупныя области. Эти четыре области не даютъ власти Германскихъ государей развиться въ глубь и, не развиваясь въ глубь, эта власть постоянно стремится развиться въ ширину. Она не въ состояніи одолѣть племенное сопротивленіе внутри государства, но за то чрезвычайно сильно представляетъ обще-германскую національность въ противоположность ко всѣмъ націямъ, ее окружающимъ, и къ Славянской, и къ Французской, и къ Итальянской. Такое направленіе явилось, именно, вслѣдствіе того, что власть не могла развиваться въ глубину, а должна была развиваться въ ширину.

Этимъ самымъ опредѣляется тотъ ходъ ея развитія, который представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ одновременнымъ развитіемъ Англіи, гдѣ исторія привела къ устройству уже въ Средніе вѣка прочныхъ политическихъ отношеній.

Конрадъ I (911-918).

Таковъ характеръ, который получилъ Германскій строй въ концѣ IX в., въ началѣ X в. Самой существенной чертой этого строя является власть, которая стоитъ въ Германіи на иныхъ основаніяхъ, нежели власть Французскихъ князей или Англійскихъ бароновъ, - это власть герцоговъ. Они не имѣютъ того-же характера, какой имѣютъ Французскіе князья, потому что власть ими захвачена не въ силу какихъ-нибудь чисто феодальныхъ основаній, а она въ концѣ концовъ развивается или на основаніяхъ племеннаго различія или развивается изъ делегаціи центральной власти. Вы видите, напримѣръ, Швабское герцогство, образовавшееся изъ учрежденія государева посланничества. Какъ бы то ни было, между властью императора и массою подданныхъ стоятъ промежуточныя власти, которыя политически чрезвычайно ослабляютъ императора.

И самое прекращеніе Каролингской династіи въ 911 г. является до извѣстной степени послѣдствіемъ того, что центральная власть поколебалась. Въ концѣ концовъ было бы возможна продолженіе Каролингской династіи въ призваніи какого-нибудь западнаго, Французскаго Каролинга. И такого рода партія была, но партія эта была чрезвычайно слаба, потому что главную силу въ имперіи имѣли герцоги, и выставлено было прямо воззрѣніе, что для успѣшности Германскихъ дѣлъ необходима власть центральная, связанная съ одной изъ племенныхъ властей. Значитъ, власть наслѣдственная, традиціонная упала такъ низко, что для возрожденія центральнаго союза въ королевствѣ необходимо было обратиться къ одной изъ производныхъ властей.

Такого рода обращеніемъ явилось избраніе Конрада I, герцога Франконскаго, какъ герцога, представлявшаго въ тотъ моментъ наиболѣе значительную племенную силу. Франконское герцогство было сравнительно могущественно. Единственнымъ соперникомъ Конраду могъ быть Генрихъ Саксонскій, и избраніе одно время колебалось. Но рѣшенъ былъ вопросъ первоначально за Конрада Франконскаго и рѣшенъ былъ этотъ вопросъ духовенствомъ. Конрада Франконскаго избрали потому, что духовные люди считали себя особенно заин-

тересованными выставить королемъ,— не императоромъ, а королемъ, такъ какъ императорское избранiе было въ Римѣ,— выставить королемъ главу той области, въ которой въ то время сосредоточивались всѣ главныя церковныя учрежденiя. Именно, по Рейну лежали главныя Германскiя архiепископства, они находились въ тѣсной связи съ Франконскимъ домомъ. И этимъ объясняется то, что первоначально этотъ домъ они выставили впередъ.

Точно такъ-же какъ они выставили этотъ домъ, такъ и поддерживали его противъ соперниковъ, противъ Генриха Саксонскаго, Арнульфа Баварскаго, Эрхангера Швабскаго. Самый главный актъ этой поддержки, актъ, который характеризуетъ положенiе дѣлъ,— это Альтгеймскiй соборъ 916г., на которомъ духовенство собралось для чисто политическихъ рѣшенiй. Была установлена присяга подданства и была установлена угроза проклятiемъ, отлученiемъ отъ Церкви для всѣхъ тѣхъ, кто будетъ воевать противъ избраннаго короля. Такимъ образомъ духовенство сплачивается вокругъ королевской власти Франконскаго дома.

Но, именно, вслѣдствiе того, что въ концѣ концовъ тутъ общiе интересы перепутались съ интересами племенными, такого рода учрежденiе не могло держаться. Твердо дорожило духовенство не только королемъ, но именно, Франконскимъ герцогствомъ, и этимъ оно вмѣшивалось въ усобицы племенныя и ставило свое дѣло въ зависимость отъ случайнаго, такъ сказать, перемѣщенiя силъ отъ одного племени къ другому: сегодня удачно складывались обстоятельства для Франконiи, а завтра эти обстоятельства могутъ перемѣститься, могутъ выдвинуть Саксонское племя, и тогда почва у этого вновь нарождающагося государства теряется. Дѣло было, именно, такимъ образомъ.

Конрадъ не въ состоянiи былъ утвердиться. Уже братъ его въ 919г. счелъ нужнымъ отказаться отъ опаснаго королевства и самъ вошелъ въ соглашенiе съ своимъ главнымъ противникомъ Генрихомъ Саксонскимъ, съ тѣмъ самымъ Генрихомъ Птицеловомъ, который велъ борьбу съ Конрадомъ I. Онъ предложилъ ему взять опасное мѣсто руководить Германской нацiей.

Саксонскiй домъ.

Генрихъ Птицеловъ (919—936).

Генрихъ Птицеловъ, какъ извѣстно, принялъ это предложенiе, состоялось соглашенiе между Саксонскимъ и Франконскимъ домами. И взявъ

стѣ съ Генрихомъ Птицеловомъ вступила на престолъ извѣстная Саксонская династія, которая въ теченіи цѣлаго вѣка управляла судьбой Германіи.

Положеніе Генриха Птицелова чрезвычайно характерно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, благодаря тому, что онъ выдвинулся безъ всякой связи съ духовенствомъ, выдвинулся напротивъ въ борьбѣ съ Конрадомъ I, котораго поддерживало духовенство, въ самомъ началѣ своего царствованія онъ принялъ мѣру, очень строгую на первый взглядъ. Именно, онъ отказался отъ торжественнаго помазанія на царство архіепископомъ Майнцскимъ для того, чтобы этимъ обозначить, что онъ не считаетъ нужнымъ свою власть основывать на притязаніяхъ Церкви и искать въ ней поддержки. Понятное дѣло, что занявъ то-же положеніе, какое занималъ Конрадъ I, онъ тѣмъ самымъ былъ бы принужденъ дѣлать много уступокъ духовенству по отношенію къ его правамъ. Онъ этого не хотѣлъ.

Съ другой стороны, онъ не въ состояніи былъ опираться и на какую-нибудь общую власть вродѣ старой Римской, - для этого время ушло отчасти, отчасти не пришло. Каролингская власть была подорвана; новыя основы императорской власти въ смыслѣ Салической имперіи или такъ, какъ она была осуществлена Оттономъ I, еще не были положены.

И вотъ вслѣдствіе такого положенія своей власти Генрихъ отказался первоначально отъ всѣхъ внѣшнихъ задачъ, отъ поддержки своей власти за предѣлами Германіи и главнымъ образомъ старался эксплуатировать свое новое королевское положеніе для того, чтобы укрѣпить свое положеніе какъ герцога Саксонскаго. Противъ Славянъ между Эльбой и Одеромъ, противъ Чеховъ, тутъ онъ дѣйствовалъ, именно, какъ территоріальный князь, велъ медленную пограничную борьбу. Онъ занималъ совершенно такое-же положеніе, какъ первые Капетинги. Вы помните, что первые Капетинги - Гуго Капетъ, Робертъ I, затѣмъ Генрихъ I, Филиппъ I, всѣ они являются въ отношеніи королевскаго достоинства очень недостаточными. Они не могли считаться королями всей Франціи. Королевское достоинство придавало имъ извѣстный личный авторитетъ въ дѣлахъ ихъ собственнаго княжества. И первое, что они старались сдѣлать, - это устроить свою ближайшую территорію, развить на ней свое вліяніе. Это ихъ первая задача. Именно, такую задачу поставилъ себѣ Генрихъ. Его борьба, напримѣръ, знаменитая борьба съ Венграми, которую онъ велъ сравнительно успѣшно, сводится къ тому, что онъ старался укрѣпиться въ предѣлахъ

Саксонскаго герцогства и развить конное ополченіе, совершенно новую систему вооруженія для военныхъ дѣйствій противъ Венгровъ. Тяжеловооруженная конница была, именно, составлена главнымъ образомъ изъ дворянъ, изъ высшаго слоя Саксонскаго герцогства. Но для того, чтобы сдѣлать это, онъ оставилъ почти беззащитною всю остальную Германію, и набѣги Венгровъ на Германію въ теченіи его царствованія никогда не прекращались. Въ 933 г. ему удалось одержать успѣхъ, но этотъ частный успѣхъ нисколько не подрывалъ одного главнаго обстоятельства: почти въ теченіи всего царствованія онъ платилъ дань Венграмъ. Тѣ отдѣльныя предпріятія и походы, которые онъ дѣлалъ, напримѣръ, походъ, предпринятый противъ Лотарингіи, являются совершенно исключительными случаями, которые не измѣняютъ общаго характера, одного кореннаго факта: онъ старается укрѣпиться въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ, онъ не столько король, сколько племенной династъ. При такой точкѣ зрѣнія его нельзя сравнить съ его преемникомъ Оттономъ I.

Оттонъ I (936-973).

Оттонъ I уже совершенно иначе ставитъ свою задачу. Само собой разумѣется, что ему приходилось считаться съ условіями, сложившимися до него, и, именно, съ условіями, сложившимися въ герцогствахъ. Первая задача, которую ему приходилось разрѣшать, это вопросъ, какъ стать относительно герцогской власти. Затрудненіе заключалось въ томъ, чтобы развить общегосударственную власть, не поколебавъ областныхъ основъ, и чрезвычайно интереснымъ является то, что сначала пытается Оттонъ выступить изъ той тѣсной областной политики, которую велъ его отецъ. Затѣмъ является еще цѣлый рядъ задачъ относительно того, какъ регулировать эти отношенія. И наконецъ у него являются очень важными точно также и вопросы династическіе. Онъ не старшій сынъ Генриха, старше его есть Танкмаръ, другой сынъ Генриха, происходящій не изъ признаннаго брака. И затѣмъ являются претензіи еще младшаго брата, который предъявлялъ свои претензіи быть королемъ потому, что онъ родился, когда Генрихъ былъ уже королемъ, между тѣмъ, какъ Оттонъ родился, когда Генрихъ былъ еще Саксонскимъ герцогомъ. Является такимъ образомъ столкновеніе наслѣдственныхъ идей: старшинство простое Танкмара и затѣмъ сложное воззрѣніе на то, что собственно королевское достоинство должно перейти къ младшему, если этотъ младшій единственный сынъ, ро-

явившійся во время исполненія отцами королевскихъ обязанностей. Вотъ съ такими сложными условіями пришлось встрѣтиться Оттону.

Первоначально онъ продолжалъ развитіе относительно собственной герцогской власти и стремился къ тому, чтобы прекратить племенныя герцогства, т.е. чтобы совершенно покончить съ тѣмъ развитіемъ особыхъ герцогскихъ домовъ, которое, установившись въ концѣ Каролингской династіи, нашло себѣ продолженіе и завершеніе въ возвышеніи сначала Франконскаго, затѣмъ Саксонскаго герцогства. Онъ вступаетъ въ борьбу съ различными герцогскими домами и, повидимому, сначала одерживаетъ почти безусловный успѣхъ. Онъ мало по малу одолѣваетъ всѣхъ герцоговъ: и Баварскаго, и Алеманнскаго, и Лотарингскаго и по прекращеніи герцогскихъ домовъ, передаетъ герцогства своимъ родственникамъ.

Есть моментъ въ его исторіи, когда, повидимому, ему удалось совершенно уничтожить эту основную причину слабости королевской власти. Баварію онъ отдалъ брату Генриху, Алеманію сыну Лудольфу, Лотарингію зятю Конраду. Всѣ герцогства, значитъ, соединились съ королевскимъ домомъ. Но какъ разъ въ моментъ этого кажущагося успѣха выразилось основное теченіе, т.е. выразилось то обстоятельство, что различіе герцогствъ зависитъ не отъ случайнаго распредѣленія фамиліи, не отъ политики отдѣльной личности, а отъ такихъ условій, которыя не поддаются, не смотря на династическія стремленія. Только что успѣлъ раздѣлить территорію своимъ родственникамъ Оттонъ, какъ эти самые родственники возстали противъ него, и начался рядъ войнъ, которыя имѣли основаніемъ племенное различіе отдѣльныхъ частей Германіи, а не фамильныя стремленія. Противъ него возставалъ нѣсколько разъ его братъ Генрихъ, возставалъ сынъ Лудольфъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ — и сынъ и братъ находили постоянную поддержку со стороны зятя. Однимъ словомъ, началась семейная борьба, и она объясняется не тѣмъ, что эти родственники были, такъ сказать, своего рода извергами, что сынъ дѣйствовалъ безнравственно противъ отца; тутъ важна не личная безнравственность, а то, что и сынъ Оттона, попавъ въ Швабію, тотчасъ-же почувствовалъ себя самостоятельнымъ княземъ, — династическія и семейныя отношенія, нравственныя отношенія осложнились политическими. Вслѣдствіе этого происходило то, что въ столкновеніи между общими и частными интересами сынъ, естественно, являлся представителемъ той силы, которую онъ призванъ былъ политически представлять.

И вотъ Оттонъ наконецъ отказывается отъ этой системы, признаетъ себя, такъ сказать, побѣжденнымъ въ этомъ случаѣ. Онъ даже въ Саксонское герцогство, т.е. въ тѣснѣйшiй племенной кругъ своего влiянiя назначаетъ самостоятельнаго правителя Германа, котораго дѣлаетъ предводителемъ Саксонской марки, — уступка, которая имѣла капитальное значенiе. Эта уступка короля — отказъ отъ того основанiя, на которомъ поставилъ свою власть Генрихъ Птицеловъ. Онъ перестаетъ самъ быть Саксонскимъ герцогомъ непосредственно, и дальнѣйшая политика стоитъ на совершенно иномъ основанiи. Оттонъ уже не считаетъ возможнымъ вполнѣ уничтожить племенныя особенности, задавить ихъ, такъ сказать, своей собственной династiей. Онъ входитъ съ ними въ договорныя отношенiя, мирится съ каждымъ отдѣльнымъ герцогствомъ на отдѣльныхъ основанiяхъ.

А затѣмъ онъ начинаетъ развивать власть со стороны церковныхъ отношенiй, отъ чего отказался Генрихъ. Чувствуя, что свѣтская почва подъ ногами уходитъ, что племенныя начала слишкомъ сильны для того, чтобы на нихъ можно было основать общую королевскую власть, онъ ищетъ себѣ помощи, поддержки главнымъ образомъ среди епископовъ и аббатовъ. И начиная съ Оттона, развивается систематическая политика Саксонскихъ императоровъ, которая заключается въ томъ, чтобы по возможности осложнять отношенiя свѣтскихъ князей отношенiями духовныхъ князей, и въ то же самое время организовать всю массу духовныхъ королевства такъ, чтобы изъ нея составить своего рода общеимперскую силу.

Для этой политики служитъ, во-первыхъ, развитiе церковнаго иммунитета. Императоръ отказывается отъ государственныхъ правъ: отъ права чеканить монету, отъ правъ облагать предметы продажи пошлиной, отъ правъ суда. Всѣ эти права онъ передаетъ епископамъ, аббатамъ на началахъ иммунитета, т.е. на началахъ изъятiя изъ общей государственной суммы. Этимъ онъ не столько подкапывается подъ свою собственную власть, сколько подъ власть своихъ намѣстниковъ, которые въ областяхъ должны приводить въ исполненiе регалiи.

Это основное положенiе проходитъ черезъ всю политику Оттона, оно поддерживается и его сыномъ и внукомъ. Это положенiе имѣетъ, конечно, капитальное значенiе, потому что оно совершенно заканчивало образованiе духовной аристократiи, духовнаго феодализма наравнѣ съ феодализмомъ

свѣтскимъ. До тѣхъ поръ, пока духовная власть не организовалась вокругъ внѣ-Германскаго начала, вокругъ папства, это являлось не особенно опаснымъ, потому что императоръ былъ центральнымъ руководителемъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ духовныхъ учрежденій. Но тутъ уже собираются условія, которыя очень напоминаютъ условія Каролингскаго времени. Вы видѣли, какъ въ Каролингскую эпоху мѣры, принятыя Карломъ Великимъ и Людовикомъ Благочестивымъ для того, чтобы устроить контроль епископовъ, обратились противъ нихъ, и Церковь приняла на себя въ извѣстный моментъ рѣшающую роль въ борьбѣ Людовика Благочестиваго съ сыновьями. Теперь Оттоны, Саксонская династія идетъ еще дальше въ ея церковной политикѣ. Цѣль состоитъ не въ томъ только, чтобы устроить взаимный контроль графовъ и епископовъ, а въ томъ, чтобы изъять епископовъ изъ подъ вліянія герцоговъ. И опять-таки этотъ дальнѣйшій шагъ, хотя онъ ведетъ къ минутному усиленію власти, подкупаетъ для Оттона чрезвычайно значительную силу; онъ опять-таки подрываетъ государственный принципъ въ самомъ его основаніи и подготовляетъ неудачную борьбу свѣтской организаціи противъ духовной въ эпоху Салическихъ императоровъ. Въ этомъ отношеніи политика Саксонской династіи является, такъ сказать, отступничествомъ отъ интересовъ, имѣющихъ развиться въ будущемъ, въ пользу настоящихъ.

Оттону, конечно, эта политика пріобрѣла громадное вліяніе. Взамѣнъ всѣхъ этихъ иммунитетовъ, всѣхъ этихъ пожалованій Нѣмецкая Церковь, дѣйствительно, сплотилась около него, не только въ простыхъ фактахъ частной поддержки, которую оказывали ему тѣ или другіе аббаты, но и въ такомъ государственномъ фактѣ, какъ составъ войска. Если разобрать ту грамоту, которой вызывалъ свое войско Оттонъ, то окажется, что въ составѣ этого войска 2/3 принадлежатъ духовной территоріи; только на 1/3 войско составлено изъ людей собственно короля и его герцоговъ, а 2/3 состоятъ изъ епископскихъ людей, изъ людей монастырскихъ. Такимъ образомъ военная сила, бывшая въ рукахъ императора, доставлялась преимущественно духовной территоріей.

Но кромѣ военной силы и финансы въ грубомъ видѣ доставлялись духовными властями. Дворъ Оттона и его сыновей постоянно переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто. У нихъ нѣтъ постояннаго мѣстожительства; хотя Оттонъ выбралъ г. Магдебургъ для своего главнаго мѣстопребыванія, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ столицей. Оттонъ почти постоянно пере-

ъзжалъ съ мѣста на мѣсто, и при этихъ переѣздахъ его главныя квартиры были всегда столицы эпархій и большіе монастыри. А это было не простой случайностью, а являлось своего рода финансовымъ, очень важнымъ условіемъ, потому что какъ только императоръ появлялся въ какомъ-нибудь Майнцѣ, такъ всѣ издержки по содержанію его двора, по содержанію его министеріаловъ падали на духовныя корпораціи, которыя имѣли честь принимать его. И разнаго рода натуральныя повинности, оброки данной мѣстности или въ такомъ случаѣ въ пользу императора. Эти переѣзды являлись чрезвычайно элементарной формой государственнаго хозяйства. Это своего рода полюдье, только полюдье, которое собирается на мѣстѣ. Собственно такимъ образомъ и питался дворъ и администрація Германскаго короля X в.

Такимъ образомъ цѣною обоюдныхъ соглашеній складывается извѣстная сила королевства, основанная на духовномъ иммунитетѣ. Этой-то силой и воспользовался Оттонъ, чтобы въ концѣ концовъ возстановить зданіе имперіи. Его вмѣшательство въ дѣла внѣ-Германскія было значительнѣе, нежели вмѣшательство кого-бы то ни было изъ его наслѣдниковъ. Онъ вмѣшался во Французскія отношенія и во Франціи поддержалъ Людовика Заморскаго противъ Гуго Великаго, который уже тогда пытался захватить власть въ руки Капетинговъ. Затѣмъ онъ поддержалъ Беренгара Иврейскаго въ Италіи.

И это интернаціональное значеніе Оттона, которое держалось на развитіи духовной власти, завершилось, какъ извѣстно, тѣмъ, что въ 961 г. онъ вмѣшался прямо въ Римскія дѣла, пошелъ въ Италію и стѣснилъ настолько папу Іоанна XII, что папа долженъ былъ короновать его. Но императоръ на этомъ не остановился, онъ, какъ извѣстно, смѣстилъ Іоанна XII и поставилъ своего папу. И вообще, Оттонъ въ своей Итальянской дѣятельности чрезвычайно сильно и успѣшно выражалъ ту идею, которая была еще у Карла Великаго, именно, ту идею, что, хотя папскій престолъ въ духовныхъ дѣлахъ независимъ, тѣмъ не менѣе его постояннымъ опекуномъ является императоръ. Въ данномъ случаѣ Оттонъ поддерживался не только Нѣмецкими епископами, не только его подданными, но онъ находилъ и нравственную поддержку въ самыхъ нравственныхъ условіяхъ.

Власть папы въ это время чрезвычайно низко пала, очутилась въ полной зависимости отъ мѣстныхъ Римскихъ раздѣленій и вліяній. Іоаннъ

XII былъ самъ сынъ Сполетскаго рыцаря Альбериха. Все его вліяніе держалось на авторитетѣ его родственниковъ, на авторитетѣ, который онъ пріобрѣлъ въ извѣстныхъ кварталахъ Рима. Это свѣтскій человѣкъ, захватившій высшую духовную власть.

Его обвиняли въ цѣломъ рядѣ не-каноническихъ и безнравственныхъ дѣйствій. Обвиняли его въ томъ, - когда уже пошло дѣло на его смѣщеніе и когда очень стали агитировать за замѣну его старшимъ нотаріусомъ Римской Церкви, папой Львомъ VIII, - что онъ посвятилъ разъ дьякона на конюшнѣ, десятилѣтняго мальчика сдѣлалъ епископомъ, выходилъ на войну вооруженный военными доспѣхами и проливалъ кровь, однимъ словомъ, онъ нисколько не старался представлять изъ себя, хотя бы внѣшнимъ образомъ, настоящаго первосвященника.

И именно, потому въ борьбѣ съ Іоанномъ XII Оттонъ имѣлъ за себя симпатіи всѣхъ лучшихъ элементовъ какъ Итальянскаго, такъ и Германскаго народа.

Во всякомъ случаѣ, возстановленіе императорской власти Оттономъ при полномъ отсутствіи прочно утвердившейся королевской власти очень характерно. Оно показываетъ, что въ то время въ Германіи еще не прекратилось то переселенческое стремленіе, которое двинуло Германцевъ на Римъ, содѣйствовало возстановленію императорской власти Карла Великаго. У Оттона въ Германіи не было прочной государственной власти, и тѣмъ не менѣе онъ идетъ въ Италію. При этомъ сказывается страсть Германцевъ къ приключеніямъ, къ завоеваніямъ, стремленіе Германской національности выйти изъ своихъ предѣловъ на югъ, на западъ, совершить, такъ сказать, второе переселеніе. Этотъ постоянный избытокъ силъ находитъ себѣ выходъ въ Итальянскихъ походахъ точно такъ-же, какъ избытокъ Французскихъ силъ нашелъ себѣ выходъ въ завоеваніи Англіи Норманнами.

Именно, это обстоятельство - этнографическое и общекультурное переселенческое движеніе и союзъ съ духовной властью - объясняетъ могущество Оттона, но, какъ видно уже изъ краткаго очерка, оно было болѣе обширно, нежели прочно, оно совершенно не имѣло, какой бы то ни было, почвы, основанной въ предѣлахъ Германіи, т.е. въ предѣлахъ страны, которая служила исходнымъ пунктомъ. Въ этомъ заключалась коренная слабость, которая сказалась уже въ царствованіе ближайшихъ преемниковъ Оттона.

Оттонъ II (973-983).

Я не буду останавливаться подробно на исторіи непосредственныхъ преемниковъ Оттона I, потому что исторія эта не дала какихъ-нибудь новыхъ идей или положительныхъ результатовъ. Исторія Оттона II, потомъ Оттона III важна главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выражаются слабые пункты императорскаго развитія, которымъ положилъ начало Оттонъ I.

Уже Оттонъ II въ своей дѣятельности главнымъ образомъ обращалъ вниманіе на Итальянскія дѣла. Именно, стремленіе въ новыя страны, къ завоеванію чужихъ странъ, которое проходитъ черезъ всѣ Итальянскіе походы Германскихъ императоровъ, оно имѣло то очень дурное послѣдствіе, что перемѣщало центръ тяжести изъ нѣмецкихъ отношеній въ отношенія иноземныя, и нѣмецкіе государи, получая императорскую власть, слишкомъ часто и слишкомъ скоро забывали, что ихъ главное назначеніе было управленіе нѣмецкимъ народомъ. Это высказалось у Оттона II тѣмъ, что онъ главной цѣлью своей политики ставилъ пріобрѣтеніе южной Италіи. Въ этихъ отношеніяхъ онъ втягивался въ отчаянную борьбу съ Сарацинами и борьбу неудачную; терпѣлъ отъ нихъ пораженія, которыя ослабили его вліяніе и остановили его на югѣ. Это роняло авторитетъ императорской власти.

Оттонъ III (983-1002).

Еще рѣзче выражалась, именно, чужеземность императорской власти у Оттона III. Оттонъ III совершенно проникся идеей всемірной Римской имперіи, онъ отрекся отъ нѣмецкихъ своихъ родственниковъ и непосредственныхъ подданныхъ и старался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проводить общую мысль, что онъ прежде всего Римлянинъ. Римляне противъ него бунтуютъ, и онъ убѣждаетъ ихъ, что это слишкомъ не хорошо съ ихъ стороны, слишкомъ безнравственно бороться противъ него, тогда какъ онъ для нихъ пожертвовалъ своими единоплеменниками: „vosne estis mei Romani? Propter vos quidem meam patriam, propinquos quoque reliqui. Amore vestro meos Saxones et cunctos Teutiscos, sanguinem meum projeci."

И въ своихъ несбыточныхъ планахъ онъ рисовалъ себѣ не только возстановленіе Западной Римской имперіи вродѣ того, о которомъ мечталъ одно время Теодорихъ Остъ-Готскій, Атаульфъ Вестъ-Готскій. Онъ рисовалъ себѣ даже возстановленіе Римской республики. Римъ долженъ

быть самостоятельной городской единицей и въ городскомъ управлении ему должно было предоставить самыя широкія права. При немъ образуется самое представленіе объ особенныхъ правовыхъ отношеніяхъ между императоромъ и столицей міра, Римской республикой. Это такого рода государственное понятіе, которое не приходило въ голову Римлянамъ времени имперіи I и II в. Во время имперіи I и II в. устраивается искусственный дуализмъ власти сената и командира войскъ. Но тутъ является соединеніе самостоятельныхъ городскихъ кварталовъ, въ которыхъ императоръ являлся не императоромъ, а Римскимъ патриціемъ. Съ другой стороны власть, которая стояла за чертою города, власть уже чисто императорская. Все это, конечно, идеи, воззрѣнія, которыя очень важны какъ тѣ квасцы, такъ сказать, которые объясняютъ броженіе. Но когда эти идеи, воззрѣнія до такой степени восреобладали надъ всѣми остальными политическими соображеніями, что нѣмецкій король забылъ о своихъ обязанностяхъ въ Германіи и исключительно посвятилъ себя заботамъ объ организаціи папства, объ организаціи Римскаго города, объ отнятіи южной Италіи у Сарацинъ, это, конечно, дало въ концѣ концовъ отрицательные результаты.

Оттонъ III много содѣйствовалъ движенію, которое впослѣдствіи должно было свалить императора. Онъ всею душою сочувствовалъ мистическому и аскетическому возрожденію, которое мало по малу подготовлялось во Франціи. Оно подготовлялось среди страшнаго паденія духовенства Клюнійской реформой.

Вообще духовенство въ это время смотрѣло на свои церковныя обязанности только какъ на поводъ къ полученію извѣстныхъ доходовъ, не стѣсняясь нисколько въ своей частной нравственности, вставало въ самыя непозволительныя и зазорныя отношенія къ женщинамъ, однимъ словомъ, „соль земли" того времени – католическая церковь опустилась благодаря вліянію матеріальныхъ условій чрезвычайно низко.

Въ противоположность этому теченію образуется во Франціи возрожденіе въ Бенедиктинскомъ орденѣ Клюнійской конгрегаціи, возрожденіе, которое ставило себѣ цѣлью идеалы, которое намѣревалось возродить Церковь, дать иныя нравственныя основанія. И при этомъ главной путеводной нитью ставилась образованіе двухъ важныхъ условій, заключавшихся въ развитіи матеріальнаго труда въ монастыряхъ и затѣмъ въ управленіи и развитіи іерархической организаціи. Клюнійскіе

монахи это не отшельники, не аскеты въ Восточномъ смыслѣ, — это прежде всего практическіе дѣятели, люди, которые старались, чтобы монастырь былъ богатъ, чтобы имѣнья у него было больше, но которые въ тоже самое время требовали, чтобы это богатство, это хозяйство исключительно обращалось на церковное дѣло, чтобы аббаты не раздавали монастырскихъ имѣній незаконнымъ племянникамъ и сыновьямъ, чтобы епископы не вступали въ соглашенія съ свѣтскими магнатами, на основаніи которыхъ эти магнаты пользовались церковными землями, а епископы получали какую-нибудь единовременную плату деньгами, однимъ словомъ злоупотребляли духовнымъ могуществомъ для чисто свѣтскихъ частныхъ цѣлей, — вотъ противъ чего дѣйствовала Клюнійская реформа. Она старалась замѣнить этотъ развратный порядокъ, во-первыхъ, порядкомъ, при которомъ сохранены были извѣстныя нравственныя сдержки по отношенію къ духовенству, и, главное, стремились сдѣлать опять духовенство хозяйственной и юридической силой. Вотъ общее стремленіе Клюнійской реформы, реформы практической, не аскетической или мистической въ тѣсномъ смыслѣ, но которая всетаки имѣла совершенно церковный характеръ, и стремилась къ тому, чтобы выпутать Церковь изъ тѣхъ матеріальныхъ отношеній, въ которыхъ она запуталась, и сдѣлать ее опять самостоятельной корпораціей.

Рядомъ съ этой реформой во Франціи, которая имѣла главной цѣлью развитіе іерархической организаціи и труда, идетъ другое движеніе, уже Итальянское, движеніе, сосредоточивающееся вокругъ Камальдульскаго отшельничества, главнымъ носителемъ котораго былъ св. Нилъ и св. Ромуальдъ въ Италіи. Это движеніе уже совершенно монашескаго аскетическаго свойства. Эти отшельники стремились не къ тому, чтобы основывать какіе-нибудь монастыри и не усиливать хозяйственное могущество той или другой епархіи, а чтобы придать монашеству характеръ большаго отреченія отъ свѣта, хотя бы даже въ Восточномъ смыслѣ этого слова. Отшельничество, аскетизмъ — вотъ, что они преслѣдовали. Само собой разумѣется, что это движеніе имѣло тоже очень важное значеніе и могло соединиться съ Клюнійскимъ движеніемъ, потому что для того, чтобы возстановить авторитетъ по отношенію къ свѣтской жизни и твердо взять въ свои руки хозяйство Церкви, для этого прежде всего нужны были образованные люди, а образовать такихъ людей можно было только, вновь возродивъ сознаніе аске-

тическаго идеала Католической Церкви, — идеалъ, требовавшій полнаго отреченія отъ всего того, что имѣло отношеніе къ плоти и свѣту.

Этой стороной дѣла чрезвычайно интересовался Оттонъ III, и съ этой стороны онъ вошелъ въ очень живое общеніе съ Церковью. Главнымъ помощникомъ его былъ Гербертъ, Французскій клирикъ, который при Оттонѣ III сдѣлался папой подъ именемъ Сильвестра II, и съ котораго приходится собственно считать возрожденіе папства. Это движеніе около 1000-го года, которое усиливалось ожиданіемъ конца міра, при Сильвестрѣ II получаетъ уже очень опредѣленный складъ, который напоминаетъ движеніе Григорія VII. Въ этомъ отношеніи интересны два условія дѣятельности Сильвестра II. Во-первыхъ, начинаетъ подниматься мысль о крестовыхъ походахъ. Для очищенія христіанства необходимо, чтобы люди христіанства и духовные и свѣтскіе не ограничивались простымъ исповѣдываніемъ вѣры или простыми добрыми дѣлами вродѣ пожертвованій на монастырь, необходимо возстать противъ язычниковъ и Мусульманъ, необходимо освободить Гробъ Господень. И для этого освобожденія Гроба Господня необходимо кромѣ того дать себѣ болѣе прочную и твердую іерархическую организацію.

Въ этомъ отношеніи характерно сочиненіе Герберта объ епископской власти. Въ этомъ сочиненіи объ епископской власти Гербертъ очень рѣзко проводитъ воззрѣніе, что власть эта, несомнѣнно, выше княжеской, должна стоять надъ ней, руководить ею. Но къ сожалѣнію, эта сила пала, — указывается въ работѣ, — къ сожалѣнію, идеальныхъ епископовъ не встрѣчается, епископская власть пала низко. И прежде всего необходимо, чтобы папа позаботился о возстановленіи епископской власти, главнаго звена Церкви.

Вотъ тѣ общія воззрѣнія, которыя бродили въ людяхъ того времени, въ людяхъ конца X и начала XI в. Рядомъ съ этими воззрѣніями стоятъ практическіе результаты, которые дало движеніе. Папская власть является на высотѣ общихъ воззрѣній. Сильвестръ II самъ является знаменитымъ ученымъ, хорошимъ представителемъ папской власти. Но между тѣмъ практическаго конца, подведенія итоговъ онъ не могъ произвести, потому что болѣе всего онъ зависѣлъ опять-таки отъ мѣстныхъ Римскихъ условій, отъ поддержки того-же императора. Еще менѣе могъ осуществить идеалъ императоръ, который не въ состояніи былъ увѣрить Римлянъ, что онъ самъ Римлянинъ, который, не основавъ,

какого бы то ни было, свѣтскаго государства, между тѣмъ въ Германіи потерялъ свое положеніе.

Генрихъ II (1002-1024).

Генрихъ II послѣдній Саксонскій императоръ поэтому вернулся домой и снова началъ какъ разъ съ того пункта, на которомъ остановился Оттонъ I, съ образованія герцогства. Императоръ не задавался цѣлями широкой, космополитической имперіи. Онъ всѣ свои силы направлялъ къ тому, чтобы развивать иммунитеты, развивать духовное могущество епископовъ и аббатовъ и держать епископовъ и аббатовъ въ подчиненіи императору. Въ этомъ отношеніи онъ продолжалъ политику Оттона I.

Въ 1024 г. прекратилась Саксонская династія, прекратилось такимъ образомъ на отношеніяхъ, которыя ни съ какой точки зрѣнія не могли представляться прочными. Еще Оттонъ принужденъ былъ отказаться отъ мысли создать космополитическую имперію, онъ попробовалъ дать имперіи космополитическій характеръ, и попытка эта не удалась. Генрихъ II въ состояніи былъ поддерживать свою власть только цѣною уступокъ духовенству, и, значитъ, при окончаніи Саксонской династіи весь вопросъ заключался въ томъ: въ состояніи-ли будетъ духовенство реорганизовать строй, и если „да", то изъ этого происходилъ слѣдующій вопросъ: въ состояніи-ли будетъ оно также воспользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ и подкопаться подъ власть, которая въ сущности на немъ только однимъ и была основана? Эти вопросы ставились и разрѣшались въ эпоху Салическихъ императоровъ.

Салическіе императоры.

Конрадъ II (1024-1039).

При Конрадѣ II еще не такъ замѣтна слабость положенія свѣтской власти. Онъ старается преслѣдовать свѣтскія цѣли, безпощадно эксплуатируетъ духовныя мѣста, продаетъ ихъ. Симонія при Конрадѣ II возводится въ систему. Аббатства передаются свѣтскимъ людямъ, и вообще Конрадъ смотрѣлъ на Церковь съ свѣтской точки зрѣнія, какъ на ленный строй, и это было носія духа политики Оттоновъ при Саксонской династіи. Тѣ уступки, которыя дѣлались духовенству для того, чтобы изъ него сдѣлать опору своихъ свѣтскихъ цѣлей, теперь приводятъ къ тому, что первый изъ Фран-

ганскихъ императоровъ смотрить на духовенство съ другой, свѣтской точки зрѣнія. Для него важенъ не епископъ или аббатъ, а чиновникъ, которыми сдѣлались епископы и аббаты.

Затѣмъ другая капитальная точка зрѣнія, которую онъ проводилъ, и которую необходимо отмѣтить, это поддержка мелкихъ рыцарей по отношенію къ слоямъ высшей аристократіи. Этотъ XI в. есть вѣкъ окончательнаго устройства феодализма, и при этомъ окончательномъ устройствѣ чрезвычайно важнымъ являлся вопросъ: кто воспользуется феодальными привилегіями? - Только-ли князья, которые захватили эти привилегіи у короля? или привилегіи эти распространятся и ниже, т.е. низшій классъ вассаловъ станетъ въ такое же самостоятельное положеніе относительно князей, въ какомъ князья стали относительно королей и императоровъ? Конечно, вопросъ капитальный, важный и вопросъ, при которомъ естественный интересъ императоровъ и королей заставлялъ ихъ дружиться съ мелкими рыцарями, съ мелкимъ дворянствомъ, потому что непосредственными противниками императора были князья, и надо было возвысить ихъ враговъ, т.е. мелкое дворянство.

Конрадъ II и преслѣдуетъ эту политику въ Германіи и въ Италіи. Въ Германіи онъ систематически стремится въ концѣ концовъ къ тому основному принципу, что лены переходятъ совершенно по праву наслѣдства, аллодовъ, т.е. значитъ, если умеръ вассалъ, то его сынъ, его наслѣдникъ получаетъ ленъ отца безъ дальнѣйшихъ переговоровъ и соглашеній въ силу своего права наслѣдства только подъ условіемъ уплаты извѣстной реинвеституры. Это положеніе, которое совершенно разрывало съ прежнимъ понятіемъ бенефицій, которыя являлись переходомъ къ лену.

Вы помните, что три эпохи развиваются въ земельномъ отношеніи. Первая эпоха это земельная система, отличающаяся отъ пожалованія Римской эпохи — бенефиція, т.е. условнаго пожалованія вродѣ Каролингскаго и, наконецъ, ленное наслѣдственное условное пожалованіе. Въ феодальную эпоху бенефиціи является уже землей, которая давалась на политическомъ правѣ за службу, подъ условіемъ службы. Но, именно, потому что она давалась подъ условіемъ только службы, она еще не была вполнѣ наслѣдственной. Если служба прекращалась, ленъ можно было получить назадъ; земля отдавалась въ наслѣдственномъ порядкѣ только, если служба продолжалась въ томъ же видѣ. Въ ленѣ эти опредѣленныя отношенія земли и службы реорганизовались на началахъ полной наслѣдственности, на началахъ перехода отъ отца къ сыну, и въ этой полной наслѣдственности выдававшій ленъ ничего не могъ сдѣ-

лать, не могъ помышлять вступить въ рыцарскія права, а только могъ взять съ него пошлину, такую-же пошлину, какую взыскиваетъ наше государство при переходѣ наслѣдства.

Вотъ это положеніе устанавливается окончательно въ XI в. Я говорю болѣе или менѣе въ XI в. — неопредѣленно. Опредѣленнѣе можно было бы сказать въ первой половинѣ XI в., но еще точнѣе опредѣлить время, напримѣръ 1031ым годомъ, какъ иные опредѣляютъ, нельзя, потому что тутъ имѣетъ значеніе не какое-нибудь отдѣльное постановленіе, а имѣетъ значеніе цѣлый періодъ. Въ теченіи всего своего царствованія Конрадъ II старался обезпечить за мелкими рыцарями наслѣдственный переходъ. То-же самое, что онъ преслѣдовалъ въ данномъ случаѣ въ Германіи, онъ преслѣдовалъ и въ Италіи.

Въ Италіи онъ прямо дѣйствовалъ въ связи съ одной изъ боровшихся тамъ феодальныхъ партій, именно, съ партіей вавассоровъ. Въ Италіи все дворянство и рыцарство распадалось на двѣ части. Съ одной стороны стояли, такъ называемые, капитаны, крупные вассалы, которые держали или отъ императора или отъ его епископовъ; и съ другой стороны вавассоры, т. е. мелкіе рыцари. Императоръ сталъ на сторону вавассоровъ, поддерживалъ ихъ и всѣми силами отстаивалъ ихъ ленныя права. Это отчасти напоминаетъ то, что произошло въ Англіи, что вамъ извѣстно изъ Англійской исторіи. Тамъ въ XII в. грамота Генриха I является распространеніемъ правъ бароновъ на ихъ вассаловъ. Это условіе совершенно капитальное, потому что оно представляетъ солидарность той и другой группы. И вездѣ: и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Англіи, именно, въ эпоху образованія феодализма очень существеннымъ является рѣшеніе такой задачи, какъ станутъ двѣ группы: крупныхъ и мелкихъ дворянъ, дворянъ, которые держатъ отъ короля непосредственно, и дворянъ, которые держатъ отъ него посредственно. Во Франціи крупные дворяне отдѣлились отъ мелкихъ, заняли особое положеніе. Въ Англіи та и другая группа въ значительной степени солидарны, и только одинъ разъ мы замѣчаемъ, какъ крупные дворяне отдѣляются отъ мелкихъ, — это, именно, въ серединѣ XIII в. — бѣшеный парламентъ. Въ Германіи, наконецъ, благодаря дѣйствіямъ эпохи Конрада II устанавливается одно общее ленное право, которое было поколеблено только позднѣе, въ эпоху Гогенштауфеновъ.

Вотъ, значитъ, тѣ два капитальныхъ условія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе въ исторіи Конрада II: его свѣтская политика относительно духовенства, которое приводитъ къ систематической симоніи, и затѣмъ, его соціально-политическая поддержка мелкаго дворянства противъ крупнаго.

Генрихъ III (1039-1056).

На этой основѣ, подготовленной дѣятельностью Конрада II, возвышается могущество Генриха III, который представляетъ собою, можетъ быть, самое сильное напряженіе внѣшняго могущества Германской имперіи. Ему Италія подчинялась безусловно, онъ въ ней господствовалъ непосредственно черезъ своихъ нѣмецкихъ папъ; онъ систематически выставлялъ нѣмецкихъ папъ. Онъ одержалъ полный успѣхъ надъ Славянами, ему подчинилась Бургундія, Франконская полоса. И благодаря этому внѣшнему могуществу императора, основанному на эксплуатаціи Церкви, на эксплуатаціи мелкаго рыцарства, онъ уже представляетъ себѣ свою власть какъ власть абсолютную. Очень характерное и курьезное выраженіе этого взгляда мы находимъ у лѣтописца, который съ необыкновеннымъ, мистическимъ страхомъ говоритъ о громадной силѣ императора. Лѣтописецъ говоритъ, что императора Генриха не могутъ стѣснять собственно никакіе законы, что онъ стоитъ самъ выше закона: у закона бронзовый носъ, а желѣзная рука можетъ согнуть этотъ носъ. И это курьезное выраженіе власти императора является очень наивнымъ выраженіемъ того несомнѣннаго факта, что Генрихъ III воспользовался моментомъ, пока еще папская власть не организовалась.

Генрихъ IV (1056-1106).

Подробнѣе нѣсколько остановлюсь на исторіи Генриха IV, такъ какъ эта исторія является поворотнымъ пунктомъ.

Прежде любопытна самая молодость Генриха IV. Опеку надъ нимъ взялъ Ганнонъ, архіепископъ Кельнскій, а затѣмъ Адальбертъ Бременскій. Эта опека характерна, потому что она опять связала событія этого времени съ политикой Оттона I: опять являлась духовная власть. И среди этой духовной власти особенно характерна власть Адальберта Бременскаго. Адальбертъ Бременскій - сѣверный митрополитъ, который представляетъ своимъ архіепископствомъ прозелитизмъ Церкви по отношенію къ Славянамъ, по отношенію къ Датчанамъ, прозелитизмъ, который выразился въ цѣломъ рядѣ епископствъ, подчиненныхъ Бременскому архіепископу. Саксонскіе императоры систематически старались свою власть на Саксонской границѣ утвердить развитіемъ христіанства. Христіанство тутъ является такой-же полицейской силой, какъ въ эпоху Карла Великаго. Какъ въ эпоху Карла Великаго вопросъ о подчиненіи Саксовъ сводился въ сущности на вопросъ объ ихъ

христіанствъ, такъ теперь вопросъ о подчиненіи Славянъ, о подчиненіи Датчанъ — промежуточной Датской области, Шлезвига — сводится на вопросъ о распространеніи власти Бременскаго архіепископа. Эта опека, именно, характерна потому, что она показала силу духовной власти. Но какъ скоро подросъ Генрихъ IV, такъ онъ тотчасъ-же понялъ, что только на этомъ держать свою власть, значитъ, въ концѣ концовъ быть въ зависимости отъ случайныхъ комбинацій.

Генрихъ IV замѣчателенъ, именно, тѣмъ, что онъ понималъ принципіально положеніе императорской власти гораздо лучше, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ, и сдѣлалъ самую энергичную попытку создать императорскую власть въ Германіи. Его власть не власть Оттона I и не власть, могущественная внѣшнимъ образомъ, но безъ почвы, которая была основана Генрихомъ III на случайномъ основаніи. Онъ сдѣлалъ совершенно систематическую, смѣлую, замѣчательно талантливую попытку устроить правильное государство въ Германіи, но, именно, вслѣдствіе того, что эта попытка была слишкомъ энергична, она встрѣтила такое сопротивленіе, что въ концѣ концовъ дѣло кончилось пораженіемъ. Какъ только Генрихъ IV избавился отъ опеки Бременскаго архіепископа, т.е. съ конца 60^хъ^ годовъ, онъ предпринимаетъ совершенно опредѣленный шагъ. Первое, чего онъ старался добиться, это возстановленіе территоріальной основы, которая была упущена Оттономъ I. Генрихъ Птицеловъ былъ только Саксонскимъ герцогомъ, Оттонъ I перестаръ быть Саксонскимъ герцогомъ, а послѣ этого его императорская власть явилась поставленною на такихъ шаткихъ основаніяхъ, какъ симпатіи дворянства или низшаго рыцарства. Генрихъ IV понималъ, что для успѣшныхъ дѣйствій государства, ему необходимо нѣчто большее, чѣмъ поддержка духовенства и мелкаго рыцарства, — территорія, вотъ, что онъ старался образовать. Точно такъ-же, какъ изъ территоріи исходитъ власть Капетингскихъ королей, такъ и онъ старается дать себѣ прочную областную основу, именно, въ Саксоніи.

И не какъ герцогъ начинаетъ онъ дѣйствовать, — герцогомъ остается Биллунгъ, а свою власть онъ развиваетъ изъ чисто частнаго прававаго основанія. Онъ захватываетъ по возможности дальше въ качествѣ крупнаго землевладѣльца. Около Гарца лежалъ цѣлый рядъ помѣстій, которыя ему принадлежали на началахъ общепомѣстнаго владѣнія. И вотъ увеличивая число этихъ помѣстій, укрѣпляя эти помѣстья, обращая ихъ въ крѣпости, онъ образовалъ помѣщичье княжество. Вотъ къ чему стремился Генрихъ IV. Это пер-

вый фазисъ его дѣятельности, который, къ сожалѣнію, слишкомъ часто оставляется совершенно на заднемъ планѣ въ виду борьбы съ Григоріемъ VII. Но самая борьба съ Григоріемъ VII и ея исходъ понятны только, если принять во вниманіе, что въ 70^хъ^ годахъ XI в. Генрихъ IV сдѣлалъ цѣлый рядъ успѣховъ по образованію территоріальной основы на началѣ абсолютизма своей власти въ извѣстной мѣстности, въ Саксоніи, по возстановленію національнаго герцогства. Постройка укрѣпленій въ Госларѣ, — Госларъ является цѣлью всего этого движенія, — возбудила мысль, что императоръ хочетъ всѣхъ Саксовъ сдѣлать servilis conditionis. Мало по малу онъ свое окружающее населеніе привелъ въ постоянную зависимость отъ себя: выгонялъ его на барщину, требовалъ оброка. Такимъ образомъ онъ занялъ матеріальное положеніе очень независимое и нисколько не похожее на положеніе того странствующаго императора, который кормится отъ одного епископскаго стола къ другому.

Этотъ захватъ Саксовъ ведетъ къ возстаніямъ, начиная съ Оттона. При Генрихѣ Саксы поднялись съ Оттономъ Нордгеймскимъ во главѣ. И когда Саксы поднялись противъ Генриха IV, то онъ дѣйствовалъ не одинъ, онъ опирался на власть южно-нѣмецкихъ герцоговъ. Онъ чрезвычайно ловко эксплуатировалъ правило: divide et impera. На югѣ находятся герцогства Швабское, Баварское, племена враждующія между собой и противъ Саксовъ, и вотъ, когда Саксы возстали, Генрихъ противъ Саксовъ пользуется силами этихъ южно-нѣмецкихъ герцогствъ. Когда-же ему пришлось дѣйствовать противъ герцоговъ, онъ воспользовался противъ нихъ силами Саксовъ. Въ этомъ заключалась слабость императора: у него нѣтъ такой силы, на которую онъ могъ бы вполнѣ опереться и поразить своихъ враговъ. Въ качествѣ силъ, его поддерживающихъ, есть одна сила — это тоже самое рыцарство мелкое, которое уже дѣйствовало въ пользу Конрада II, и еще одна, которую Генрихъ IV старался привлечь къ себѣ, — это нарождающаяся городская свобода. Генрихъ IV систематически поддерживалъ городское движеніе прирейнскихъ городовъ противъ епископовъ. Первыя грамоты городамъ даны были Вормсу, Шпейеру. И тутъ онъ, именно, старался поднять низшіе классы противъ своихъ непосредственныхъ враговъ. Но это все силы еще начинающія дѣйствовать, не могшія еще помѣряться съ строемъ феодальной силы. Поэтому когда вмѣшался папа противъ короля, то даже Саксонія, та область, гдѣ онъ, повидимому, упрочилъ свою власть, не оказала ему существенной поддержки.

Итакъ, борьба Генриха IV съ папской властью является по времени болѣе поздней, нежели его столкновеніе съ племенной самостоятельностью, съ

властью княжеской. Это хронологическое отношение не лишено внутреннего значенія. Дѣло въ томъ, что только на той подготовленной почвѣ, которую представляла Германія того времени папа могъ одержать побѣду, и для объясненія самаго столкновенія Генриха IV съ Гильдебрандтомъ приходится внимательно всматриться въ политическія и сословныя отношенія на Нѣмецкой почвѣ.

Я отмѣтилъ три главныхъ факта, опредѣляющихъ эти сословныя и политическія отношенія. Во-первыхъ, племенное движеніе, которое выражается въ борьбѣ Саксовъ противъ императора и въ томъ, что южныя герцогства, которыя сначала были за императора, отдѣлились отъ него изъ-за того, что онъ систематически преслѣдовалъ цѣль уничтожить племенную самостоятельность.

Другое условіе, на которое приходится обращать вниманіе, это тѣ силы, которыя имѣлъ за себя въ борьбѣ Генрихъ IV. Онъ былъ не одинъ въ Германіи. Не смотря на то, что противъ него дѣйствовала могущественная власть племенныхъ союзовъ и феодальная разрозненность, онъ имѣлъ точно также на что опереться. Во-первыхъ, къ императору продолжали тянуть мелкіе землевладѣльцы, которые, естественно, опасались, что захватъ власти князьями приведетъ къ ихъ полному порабощенію. Они боятся территоріальныхъ княжествъ гораздо больше, чѣмъ императора. Кромѣ этого основанія для поддержки власти Генриха IV было еще и другое основаніе.

Онъ опирался еще на два класса. Во-первыхъ, онъ всѣми мѣрами старался поднять значеніе класса министеріаловъ, того класса, который являлся посредникомъ между центральною властью и хозяйствами мелкихъ людей въ управленіи имѣньями, въ администраціи. Этотъ классъ имѣлъ особенное значеніе въ Германіи. Онъ вездѣ существовалъ болѣе или менѣе, въ средневѣковомъ хозяйствѣ онъ былъ необходимъ въ виду крайней слабости и несовершенства сообщеній между отдѣльными частями средневѣковаго общества. Этотъ классъ, который представляетъ, такъ сказать, нервную систему въ средневѣковомъ обществѣ, классъ полусвободныхъ управляющихъ, имѣлъ корни свои въ несвободномъ рабствѣ и возвышался до вліянія на свободныхъ людей. Этотъ классъ, повидимому, имѣлъ въ Германіи большое значеніе, потому что изъ всѣхъ средневѣковыхъ странъ Германія наименѣе была развита въ хозяйственномъ отношеніи. Отдаленность хозяйствъ другъ отъ друга, слабость торговыхъ связей сказывалась въ Германіи сильнѣе, нежели во Франціи, Англіи или Италіи. И вотъ классъ, который держалъ въ своихъ рукахъ организацію, связывающую всѣ эти отдѣльныя части, былъ классъ министеріаловъ; а такъ какъ Германія была наиболѣе

разрознена, то классъ министеріаловъ въ Германіи имѣлъ весьма важное значеніе. Его-то Генрихъ IV и защищалъ систематически и выдвигалъ въ противоположность классу аристократическому.

3) Наконецъ, третье условіе, на которое опирался Генрихъ IV - это городское движеніе, точно такъ-же, какъ въ извѣстный моментъ французской исторіи Людовикъ VI, Людовикъ VII, Филиппъ Августъ находили себѣ союзниковъ среди городского населенія. Ихъ государственная дѣятельность и правовая соединяется, идетъ навстрѣчу дѣятельности, которая снизу старается разбить феодализмъ. Точно также и въ Германіи лучшие союзники Генриха IV - это купцы горожане. Они его не покидаютъ въ самыя трудныя минуты. Въ Рейнскихъ городахъ, въ Вормсѣ особенно, онъ находитъ убѣжище, когда всѣ отъ него отказались. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, опираясь на городское движеніе, на городское населеніе, которое потому дружило съ нимъ, что враги у императора и городовъ были общіе, Генрихъ тѣмъ самымъ долженъ былъ вызвать протестъ со стороны другой важной силы со стороны духовенства, потому что городское движеніе развивалось на духовной территоріи. Рейнская духовная территорія отпадаетъ отъ императора и пристаетъ къ папѣ потому, что императоръ предпочитаетъ епископамъ города. И вотъ тутъ мы касаемся другой важной стороны дѣла. Именно, при Генрихѣ IV начинаетъ распадаться великое instrumentum regni, которымъ работалъ Карлъ Великій, которымъ работали Оттоны, которое эксплуатировалъ Конрадъ II, Генрихъ III: распадается союзъ между Церковью и государствомъ на началахъ служебнаго подчиненія, эксплуатаціи Церковныхъ связей для поддержанія государственныхъ. Это, конечно, условіе капитальное.

Возрожденіе папства и Григорій VII.

И вотъ, обращая вниманіе на это условіе, мы подходимъ къ самому поворотному, такъ сказать, пункту борьбы. То обстоятельство, что распался этотъ союзъ, объясняется не только фактическими условіями, не только тѣмъ, что Церковь, наконецъ, поняла, что она слишкомъ уже служитъ государству, что само по себѣ должно было вызвать протестъ; но объясняется дѣло и тѣмъ, что императоръ, руководившій Церковью, наконецъ, въ XI в. очутился лицомъ къ лицу съ силою, которая имѣла большее право руководить Церковью, возродившейся на нравственныхъ началахъ при содѣйствіи того-же самаго императора, съ силою папства.

Тотъ же самый Генрихъ III, который такъ существенно старался закрѣплять подчиненіе Церкви, содѣйствовалъ ея очищенію. Онъ поставилъ Нѣмецкаго, Альзасскаго папу Льва IX, съ котораго можно считать начало возрожденія папства и Церкви. Именно, это нѣмецкое теченіе дало возможность папству вырваться изъ условій, которыя совсѣмъ его обезсилили въ X в., изъ условій мѣстныхъ Римскихъ, изъ той сѣти отношеній Римскихъ городскихъ и помѣщичьихъ домовъ, вліянія Рима и сосѣдней мѣстности, въ которую запуталась Римская курія въ X в. Проводя идею, что папъ должно брать независимо отъ національности, и проводя, именно, Нѣмцевъ на папскій престолъ, императоръ тѣмъ самымъ содѣйствовалъ возвышенію политической идеи папства.

Извѣстно, что она нашла главнаго представителя въ лицѣ Гильдебрандта, который, сдѣлавшись папой, долженъ былъ стать во главѣ юридическихъ и фискальныхъ отношеній папскаго престола. Еще при Александрѣ II и даже при Николаѣ II Гильдебрандтъ сталъ душой папскаго дѣла, и при Александрѣ II, даже при Львѣ IX, но главнымъ образомъ при Александрѣ II слагаются пункты папской програмы, т. е. требованіе безбрачія, протестъ противъ симоніи, которая господствовала въ Германіи, противъ продажи духовныхъ должностей и протестъ противъ инвеституры, т. е. противъ трактованія духовныхъ должностей, какъ свѣтскихъ леновъ. Все это не выставлено впервые Григоріемъ VII. Какъ разъ пунктъ о безбрачіи нашелъ себѣ ревностнаго поборника въ Львѣ IX, поставленномъ Генрихомъ III; пунктъ относительно симоніи въ Александрѣ II. Уже Александръ II возставалъ противъ ближайшихъ помощниковъ Генриха IV, которые торгуютъ духовными мѣстами. Но всѣ эти отдѣльные пункты слились въ одну програму и, главное, нашли энергическаго и безпокойнаго выразителя — Григорія VII.

Его идеи являются, конечно, послѣдовательнымъ проведеніемъ старой теоріи, заложенной еще Августиномъ. Книга Августина о государствѣ Божіемъ является одной изъ самыхъ коренныхъ произведеній политической литературы всѣхъ странъ всѣхъ временъ, потому что она точно также резюмируетъ основные средневѣковые взгляды на политическое развитіе, какъ взгляды древняго міра резюмируются книгой Аристотеля, или какъ основные современные взгляды резюмируются книгами Монтескье и Руссо. Особенно поражаетъ то, что эта книга стоитъ въ началѣ средневѣковаго

развитія, заканчивая древнее, и тѣмъ не менѣе налагаетъ свой отпечатокъ на дальнѣйшее развитіе. Все дѣло заключается въ томъ, что книга эта выработалось на почвѣ сильной нравственной духовной реакціи противъ соціальнаго и политическаго строя. Матеріальный, соціальный строй находился въ полномъ распаденіи, отдохнуть было не на чемъ. На развалинахъ имперіи варвары, которые уже появились и завоевали, являлись силою темною, грубою; будущаго отъ этой силы ждать было нельзя. Оставалось одно; оставалось, значитъ, для спасенія культуры искать наиболѣе сильнаго выраженія внутренняго духовнаго начала. Изъ этой противоположности духовнаго и матеріальнаго начала исходитъ психологически книга Августина, и на этомъ строится политическое ученіе Божьяго государства, господства духовнаго начала надъ матеріальнымъ. Господство духовнаго начала надъ матеріальнымъ должно воплощаться не только въ индивидуальной личности, отъ которой оно требовало полнаго подчиненія ея отдѣльныхъ желаній стремленію къ высшимъ цѣлямъ, къ другимъ отношеніямъ чисто духовнымъ, отношеніямъ загробнымъ; но то-же самое должно сказываться и въ общественной организаціи. Въ концѣ концовъ матеріальныя условія, условія государственныя и хозяйственныя представляютъ безотрадное зрѣлище: постоянная борьба, люди уничтожаютъ, давятъ другъ друга, порядка между ними нѣтъ, есть только одно насиліе, и если что можетъ спасти, это только то, что станетъ безусловно выше сферы государства и его свѣтскихъ отношеній, что явится изъ другой совершенно сферы. Царство Божіе, которое выражается въ духовномъ мірѣ, и царство дьявола, которое живетъ въ государствѣ и въ его представителѣ монархѣ, является у Августина въ самой рѣзкой антитезѣ.

И эта антитеза матеріальнаго быта и духовныхъ стремленій должна была существовать, поддерживаться въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, потому что еще много прошло времени, пока въ средневѣковой земной жизни появились, такъ сказать, надежды на нормальное развитіе этой жизни, этой исторіи въ нормальномъ направленіи. Еще цѣлый рядъ столѣтій прошелъ прежде, чѣмъ люди Renaissance'а стали чувствовать себя такъ, какъ чувствовали себя люди древніе, т. е. стали ставить себѣ цѣли въ здѣшней жизни, а не загробной.

Вотъ почему книга Августина стала законоположной, и послѣ этого законоположенія была проведена аскетическая реформа XI в., кото-

рая выставляла требованія, чтобы отдѣлилось вполнѣ служеніе духовному началу отъ свѣтскаго окружающаго міра, и прежде всего разорвалась связь ихъ въ двухъ главныхъ отношеніяхъ: въ матеріальномъ, въ формѣ ленной инвеституры, и, такъ сказать, въ физической зависимости, въ формѣ безбрачія. И въ томъ и въ другомъ отношеніи необходимо полное отдѣленіе отъ свѣтскаго міра, не только необходимо отдѣленіе Церкви, но необходимо, чтобы Церковь для того, чтобы внести порядокъ въ свѣтскій міръ, взяла бы его подъ свою постоянную опеку, потому что нѣтъ ничего соизмѣримаго между духовенствомъ и папой, который стоитъ во главѣ духовенства, и властью царей земныхъ.

Я приведу два мѣста изъ переписки Григорія VII, которыя съ необыкновенно страстной энергіей, составлявшей сущность этого человѣка, выражаютъ, именно, средневѣковый взглядъ на положеніе Церкви и средневѣковыя отношенія: „взгляните на королей на смертномъ одрѣ; чтобы избѣжать ада, сбросить оковы грѣховъ въ день суда, они молятъ священниковъ о помощи. А какой —, не говорю священникъ —, а міранинъ обратится къ королю, чтобы спасти свою душу? Какой императоръ отнимаетъ ребенка у дьявола черезъ таинство крещенія? Какой государь словомъ своимъ создаетъ тѣло и кровь Христову?" Такимъ образомъ духовенство, которое имѣетъ таинства, которое выражаетъ собою посредниковъ между божествомъ и міромъ въ его грѣхопаденіи; духовенство, которому поручено, именно, мистическое возрожденіе чрезъ таинства, должно стать выше всего, и самая попытка царей, князей, людей свѣтскихъ отдѣлаться отъ опеки Церкви — это попытка, которая внушена имъ дьяволомъ, который стоитъ во главѣ всего государственнаго строя: „цари и князья происходятъ отъ людей, которые, не вѣдая о Богѣ, по внушенію дьявола захватили власть надъ ближними. Ихъ толкаетъ сильное честолюбіе и нестерпимое тщеславіе. Средствами имъ служатъ коварство, измѣна, человѣкоубійство. И эти оскверненные люди тщатся къ ногамъ своимъ принизить помазанниковъ Господа! Эта мысль напоминаетъ то, какъ отецъ гордости искушалъ Сына Божія, обѣщая ему всѣ царства земныя: все дамъ тебѣ, если поклонишься мнѣ."

На основаніи такой программы Григорій VII не изъ тщеславія и не изъ личнаго честолюбія, а изъ нравственнаго принципа безусловно пошелъ противъ власти, которая долго опекала папство. Его вліятельство

въ борьбу нерѣшительную, въ борьбу, въ которой и противъ императора и за императора были значительныя силы, безусловно рѣшило дѣло противъ императора. Онъ развязалъ присягу въ 1076 г.: „ex parte omnipotentis Dei Patris Filii et Spiritus Sancti per tuam (S. Petri) potestatem et auctoritatem Heinrico regi, filio Heinrici imperatoris, qui contra tuam ecclesiam inaudita superbia insurrexit, totius regni Teutonicorum et Italiae gubernacula contradico, et omnes christianos a vinculo iuramenti absolvo."

Такимъ образомъ папа вмѣшивается въ политическую борьбу совершенно не въ смыслѣ случайнаго союзнаго элемента, примыкающаго къ извѣстной коалиціи вслѣдствіе одинаковой враждебности къ императору, а на основаніи высшаго принципа.

И, именно, въ этомъ вмѣшательствѣ, въ этомъ отдѣльномъ фактѣ выражается капитальная историческая черта Среднихъ вѣковъ. Папа находитъ себѣ потому естественныхъ союзниковъ среди непокорныхъ вассаловъ императора, потому такое рѣшительное значеніе имѣетъ его отлученіе, что папская власть въ своей естественной почвѣ имѣетъ внутреннюю связь съ феодализмомъ, а потому и расположеніе тогдашняго общества. Феодальный порядокъ — это тотъ жалкій minimum, безъ котораго общество существовать не можетъ, если люди не обратятся въ звѣрей, которые пожираютъ другъ друга. Этотъ жалкій minimum въ то-же самое время удовлетворять не можетъ людей, - которые имѣютъ какія-нибудь нравственныя требованія. Поэтому всемірное папство съ его крайнимъ напряженіемъ духовнаго принципа, съ его аскетическими требованіями отъ служителей Церкви, съ его требованіями безусловнаго подчиненія отъ свѣтскихъ людей, всемірное папство является нравственнымъ дополненіемъ къ областному феодализму, къ сокращенію политическихъ и общественныхъ отношеній до предѣловъ помѣстья. Насколько, значитъ, феодальный строй является результатомъ крушенія Римскаго міра и вторженія не воспитанныхъ въ политическомъ отношеніи Германскихъ элементовъ, настолько-же іерархія средневѣковаго папства является результатомъ духовной реакціи противъ этого матеріальнаго завоеванія и распаденія.

Извѣстно, что борьба принесла Генриху IV и Григорію VII лично разочарованіе. Генрихъ IV пошелъ въ Каноссу; затѣмъ послѣ даже смерти главнаго противника противъ него возсталъ его сынъ. И въ этомъ

возстании выражается старое условіе, т. е. что фамильная рознь и политическая рознь является вездѣ тамъ, гдѣ есть болѣе глубокія основанія розни и борьбы. Однимъ словомъ, Генрихъ IV умеръ неудовлетворенный. Папа тоже не нашелъ личнаго удовлетворенія. Генрихъ IV взялъ Римъ, Григорій VII долженъ былъ бѣжать изъ Рима, онъ принужденъ былъ прятаться, искать помощи у Норманнскихъ разбойниковъ южной Италіи. Но хотя онъ сказалъ на своемъ смертномъ одрѣ: „я любилъ справедливость и ненавидѣлъ нечестіе, за то и умираю", тѣмъ не менѣе его общее дѣло съ нимъ не умерло. И въ концѣ концовъ это дѣло благодаря его усиліямъ восторжествовало надъ дѣломъ императора.

Генрихъ V (1106–1124).

Торжество сказалось не сразу. Напротивъ, можно было думать въ царствованіе Генриха V, что извѣстный Вормсскій конкордатъ 1122 г. скорѣе выгоднѣе для императора и для государства, нежели для Церкви. Главными основаніями этого соглашенія между Генрихомъ V и Калликстомъ II являются слѣдующія общія положенія. Выборы должны были быть свободными; должны были однако совершаться на каноническихъ основаніяхъ, но подъ вліяніемъ императора. Въ случаѣ спора на выборахъ, значитъ, императору былъ предоставленъ рѣшающій голосъ. Инвеститура кольцомъ сообщается Церковью. Но еще была инвеститура скипетромъ, т. е. передача лена скипетромъ, и какъ разъ для Германіи было постановлено, что инвеститура скипетромъ должна предшествовать передачѣ духовной должности, т. е. отказъ въ инвеститурѣ скипетромъ налагаетъ свое предварительное veto на избраніе. Въ Италіи и Бургундіи императоръ отказался отъ предварительной инвеституры: инвеститура скипетромъ должна была слѣдовать за инвеститурой кольцомъ и посохомъ. Такимъ образомъ въ этомъ во всемъ является какъ бы извѣстная уступка. Но все, что формально выигрывалъ императоръ, уравнивалось страшной уступкой императора князьямъ: все соглашеніе ставилось подъ наблюденіе, подъ надзоръ княжескаго сословія Германіи. Признана, значитъ, политическая самостоятельность сословія, которое связывало руки императору, которое потому и шло за одно съ папой, что онъ былъ главный врагъ императора. Такимъ образомъ, дѣлая формально уступки по отношенію къ порядкамъ леннаго владѣнія съ государемъ во главѣ,

1)
2)

папа уже въ этомъ конкордатѣ подрывалъ императорскую власть въ Германіи чрезъ признаніе самостоятельности князей.

Лотарь II Саксонскій (1124-1137).

И для того, чтобы спастись отъ князей уже непосредственный преемникъ Генриха V Лотарь Саксонскій готовъ пойти даже на подчиненіе папѣ. Самая важная черта этого царствованія заключалась въ томъ, что онъ принялъ Германію въ ленъ отъ папскаго престола. „Rex venit ante fores, iurans prius urbis honores, post fit homo papae, sumit quo dante coronam", говорится про его коронованіе. Значитъ, является нѣчто подобное передачѣ въ ленъ Іоанну Безземельному Англіи отъ папы. Но есть одна существенная разница. Когда Іоаннъ Безземельный получилъ въ ленъ Англію, то этотъ актъ вызвалъ единогласное осужденіе со стороны сословій Англійскаго королевства. Ни однимъ изъ своихъ дѣйствій, пожалуй, даже ни Бовіанскимъ пораженіемъ не возстановилъ такъ націю противъ себя Іоаннъ Безземельный, какъ этимъ малодушнымъ отреченіемъ отъ самостоятельности Англійскаго государства. Тутъ было какъ разъ обратное. Тутъ князья не только не были недовольны тѣмъ, что императоръ сдѣлался ленникомъ папы, напротивъ, они видѣли въ папской власти главное обезпеченіе своей силы. И вотъ, что-бы исправить эту ошибку, освободиться отъ этого униженія, нужно было опять бороться, и снова является колоссальная попытка борьбы силъ самой блестящей изъ средневѣковыхъ династій, лучшаго представителя средневѣковаго рыцарства — Гогенштауфеновъ.

Гогенштауфены.

Конрадъ III (1137-1152).

Дѣло перваго Гогенштауфена Конрада III является чисто подготовительной работой, такой-же подготовительной, какъ Конрада II. Нужно было прежде всего устроить такую территоріальную основу, такое объединеніе Германіи, какое сдѣлало бы изъ Швабскаго герцогства подобную-же основу императорской власти въ первое время, какимъ было Саксонское герцогство для Генриха Птицелова и для Оттона I въ первое время царствованія. Но все-таки отношенія Конрада III были отношеніями мелкой борьбы внутри Германіи.

Фридрихъ I Барбаросса (1152-1190).

Впервые выступаетъ императорская власть Гогенштауфеновъ на сцену всемiрной исторiи противъ папы въ лицѣ знаменитаго Фридриха Барбароссы. Фридрихъ Барбаросса въ своемъ родѣ является такимъ-же безусловнымъ представителемъ извѣстной идеи, какъ и Григорiй VII, человѣкомъ очень энергичнымъ. И это дѣло не случайное. Важно то, что онъ опять-таки въ своихъ дѣйствiяхъ нашелъ поддержку великаго историческаго теченiя. Онъ являлся прежде всего интернацiональнымъ въ своихъ дѣйствiяхъ. Трудно сказать, гдѣ онъ больше налагалъ свою руку, въ Германiи или въ Италiи, и при этомъ дѣйствовало не только честолюбiе, а то, что въ Италiи онъ находилъ себѣ поддержку. Какъ разъ въ Италiи онъ встрѣтился съ развитiемъ Римскаго права, того самаго Римскаго права, которое мы наблюдали въ дѣйствiи на королевскую власть въ XIII в. во Францiи, которое не осталось безъ влiянiя на претензiи Генриха II въ Англiи, и которое здѣсь находитъ себѣ наибольшее примѣненiе, во-первыхъ, потому что оно направлялось къ укрѣпленiю власти въ Италiи, а во-вторыхъ, потому что оно дѣйствовало въ прямой традицiи. Когда на Ронкальской равнинѣ Фридрихъ Барбаросса созвалъ свое Нѣмецкое войско и вызвалъ къ себѣ властителей Ломбардскихъ городовъ, Тосканскихъ магнатовъ, Римскаго первосвященника, то не одно изъ замѣтныхъ мѣстъ въ числѣ явившихся занято было Болонскими докторами. Этимъ Болонскимъ докторамъ, профессорамъ Университета, Фридрихъ поручилъ самое видное дѣло: они должны были составить списокъ императорскихъ правъ. Положено было установить программу, которую брался императоръ исполнить въ Италiи. Установленiе этой теоретической программы нашло себѣ великое сочувствiе въ Италiи. Тутъ является Гибеллинская партiя, которой блестящимъ представителемъ былъ Данте въ свое время въ XIII в. И въ данномъ случаѣ особенно важно, что Гибеллинская партiя дѣйствуетъ на основанiи такого-же общаго принципа, какъ и папы.

Въ гораздо болѣе позднемъ сочиненiи Данте de monarchia развивается ученiе о томъ, что монархическiй порядокъ является единственно возможнымъ выходомъ изъ розни и борьбы частныхъ интересовъ. И эту, конечно, теорiю доказать очень легко, если только принять основанiе,

что монархія должна быть всемірной, потому что если она не всемірная, то главной цѣли удовлетворительно достигнуть нельзя.

Только всемірная имперія можетъ положить конецъ борьбѣ. И вотъ эта идея высказывается въ посланіи Болонскихъ юристовъ. Вотъ, что они говорили: „знай, что право устанавливать законъ принадлежитъ тебѣ. Твоя воля законъ. Ибо написано: quod principi placuit, legis habet vigorem (значитъ, традиція Римскаго права); всякое судебное рѣшеніе государя, всякое распоряженіе его тотчасъ становится правомъ. Развѣ не справедливо, что императоръ, обязанный охранять всѣхъ, имѣетъ право повелѣвать всѣми?" Такимъ образомъ тутъ изъ совершенно теоретической аналогіи свѣтскихъ отношеній, отношеній политической борьбы и протеста вытекаетъ теорія всемірнаго посредничества и требованіе всемірной власти, общеобязательной власти, которую ограничить нельзя, потому что какъ только ее ограничить, то наступаетъ полный безпорядокъ. И власть эта должна быть выше всякихъ столкновеній. Вотъ теоретическое основаніе, на которомъ попробовалъ осуществить свою идею Фридрихъ Барбаросса.

Итакъ, Фридрихъ Барбаросса съ своими притязаніями дѣйствовалъ на почвѣ, которая отчасти была подготовлена въ пользу его. Но съ другой стороны, на той-же самой Итальянской почвѣ онъ встрѣчалъ массу силъ и самостоятельностей, которыя должны были его также стѣснять, какъ стѣсняла его самостоятельность Германскихъ княжествъ. Не говоря уже о томъ, что тутъ имѣлъ свое мѣстопребываніе его главный противникъ — папа, онъ долженъ былъ столкнуться и Итальянскимъ феодализмомъ, еще болѣе расчлененнымъ, нежели Германскій феодализмъ и, главное, съ Итальянскими федераціями Ломбардскихъ городовъ, которые, такъ сказать, заграждали свободный доступъ къ Италіи своею вольностію.

Поэтому борьба Фридриха Барбароссы въ Италіи имѣетъ двойственный характеръ: онъ боролся частію противъ самостоятельности Итальянской мѣстнаго свойства, которыя возставали противъ него, частію противъ папы. По отношенію къ самостоятельности Итальянскихъ городовъ онъ предъявлялъ чрезвычайно рѣзкія требованія - предъявлялъ ихъ на почвѣ, именно, той программы, которую составили для него Болонскіе юристы. Болонскіе юристы не ограничились тѣмъ, что въ общемъ намѣтили положеніе императора, какъ свѣтской силы въ борьбѣ,

ими исходили сами, они указали, по прецедентам, какія права имѣетъ императоръ, что онъ имѣетъ возможность требовать на основаніи стараго обычая. При этомъ приходилось, именно, ссылаться не на общія теоріи Римскаго права, а ссылаться на опредѣленные факты изъ прошедшаго имперіи, потому что ограничивались не предшествовавшими только столкновеніями, а прибѣгали иногда къ очень давнему прошлому для подтвержденія императорскихъ претензій.

Прежде всего на основаніи Болонскихъ законоположеній императоръ сталъ требовать регалій въ двухъ отношеніяхъ: судебномъ и фискальномъ. Онъ настаивалъ на томъ, что онъ одинъ имѣетъ право рыночной полиціи, право облагать прямыми сборами купцовъ, право чеканить монету. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ ссылался на государственное право императора. Императоръ началъ лишать города и области самостоятельной рыночной полиціи. Эти стремленія такимъ образомъ отражались на матеріальномъ бытѣ городовъ и должны были уже сами по себѣ вызывать смуты. Императоръ настаивалъ на томъ, что всякій судъ есть делегація суда императора. Императоръ есть источникъ всякаго права не только въ смыслѣ закона, но и въ смыслѣ суда. Нѣтъ суда, который не исходилъ бы изъ суда императора. Тутъ опять-таки дѣйствуетъ фискальная точка зрѣнія.

Затѣмъ ни фискальнаго права, ни суда нельзя было установить, не требуя въ то-же самое время административнаго вмѣшательства, потому что для взысканія во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимы были лица, которыя наблюдали-бы за правами императора и приводили бы ихъ въ исполненіе. И вотъ является требованіе, чтобы главные города приняли въ свою среду чиновниковъ, назначаемыхъ императоромъ. Городское самоуправленіе должно было уступить мѣсто, мѣсто существенной важности, органу центральной власти. Этотъ органъ получилъ названіе potestas, потому что онъ имѣетъ въ городѣ potestas. Это корень того учрежденія, которое играло такую важную роль впослѣдствіи. Podesta Итальянскихъ городовъ избирался впослѣдствіи не изъ среды гражданъ, а изъ среды чужестранцевъ подобно тому, какъ первоначально potestas брался изъ иностранцевъ и затѣмъ формально назначался грамотой императора на мѣсто.

Вотъ главные пункты программы Фридриха Барбароссы въ его

Итальянской политики. Одно время, какъ извѣстно, онъ разрушилъ Миланъ, составлена была книга liber tristium sive doloris. Сопротивленіе городовъ было сломлено императоромъ, но тутъ-то, именно, и выразилось соединеніе съ другимъ сопротивленіемъ. Само по себѣ даже выручило не то, что приходилось считаться съ папой, претензіи котораго не уступали претензіямъ Григорія VII. Папа Адріанъ IV, съ которымъ первоначально велъ борьбу Фридрихъ Барбаросса, снова поднялъ вопросъ о бенефиціальномъ правѣ императора на корону, о преобладаніи надъ свѣтскимъ міромъ. Къ церковно-политическимъ отношеніямъ въ данномъ случаѣ примѣшалось феодальное право. Императоръ якобы получалъ власть отъ папы на ленномъ началѣ. Борьба получаетъ еще болѣе острый характеръ при Викторѣ IV и особенно при Александрѣ III.

Но дѣло рѣшилось главнымъ образомъ тутъ опять-таки вмѣшательствомъ третьей силы, какъ это было въ борьбѣ Генриха IV съ Григоріемъ VII. Тамъ, вы помните, столкновеніе началось на Германской почвѣ, теперь столкновеніе ведется на Итальянской почвѣ. Тамъ вмѣшательство папы рѣшило дѣло; здѣсь императоръ имѣетъ нѣкоторый перевѣсъ, ведетъ борьбу, но вмѣшиваются въ борьбу Германскія условія, и это вмѣшательство тоже рѣшаетъ дѣло не въ пользу императора.

Я разумѣю возникновеніе въ Германіи княжества съ территоріальнымъ характеромъ, дома Вельфовъ, который держалъ два герцогства – Баварское и Саксонское, и представлялъ уже совершенно опредѣленный видъ территоріальной власти, основанной не на національномъ развитіи, не на племенномъ развитіи власти и только, а на чрезвычайномъ богатствѣ домена и на чрезвычайно сильномъ административномъ давленіи герцога на отдѣльныя части этого княжества.

Вельфскій домъ, который сталъ во главѣ Германскаго сопротивленія императору, рѣшилъ дѣло. Императоръ потерпѣлъ пораженіе при Леньяно (1176). И это пораженіе при Леньяно, хотя оно не совсѣмъ уничтожило императорскій престижъ, все-таки въ корнѣ подорвало значеніе императорской власти. Фридрихъ Барбаросса благодаря этому пораженію не достигъ своихъ цѣлей, долженъ былъ идти на соглашеніе, долженъ былъ хлопотать только о возстановленіи Вормскаго конкордата; долженъ былъ отказаться отъ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла Итальянскихъ городовъ, признать

существованіе ненавистнаго папы.

Ясно было императору изъ исхода этой борьбы, что всякая попытка устроить государственную власть должна исходить не изъ широкаго основанія имперіи, слишкомъ широкаго, соединяющаго такую массу противоположностей. Справиться съ задачами всей имперіи заразъ императоръ, какъ бы онъ ни былъ могущественъ и лично авторитетенъ, не въ состояніи; надобно было начинать съ малаго. И вотъ послѣ двухъ столкновеній такихъ людей какъ Генрихъ IV и Фридрихъ I является въ исторіи Германіи попытка, напоминающая попытку Французскихъ королей; попытка развить власть, начиная съ узкой территоріальной основы, и постоянно расширяя ее.

Генрихъ VI (1190-1197).

Въ этомъ отношеніи началомъ является царствованіе Генриха VI. Генрихъ VI прямо и систематически переноситъ центръ тяжести своей власти въ Италію и главнымъ образомъ въ Италію южную; не въ Италію сѣверную, которая по своей организаціи и феодализму представляла слишкомъ много сопротивленія, а въ южную Италію, гдѣ почва представлялась исключительно удобною для полицейскаго государства.

Это почва, которая, во-первыхъ, представляла самое разнообразное смѣшеніе этнографическихъ элементовъ: тутъ были и остатки старыхъ Итальянскихъ народностей - Осковъ, Сабиновъ; были и вліянія Римское, Латинское; были остатки Великой Греціи. Великогреческая традиція держалась еще въ языкѣ. И на этой почвѣ утвердилось Византійское господство, которое провело идею безусловнаго подчиненія, идею полной несамостоятельности подданныхъ. Византійское господство отстаивало южную Италію отъ Лонгобардовъ и уступило въ свое время Мусульманскому и Норманнскому господству. Норманнское господство, которое мало по малу утвердилось въ южной Италіи, воспользовалось административными традиціями Византійской имперіи; пришлось, не имѣя тѣсной связи съ туземцами, организовать власть опять-таки на основаніи полицейскаго надзора, какъ это было въ Англіи при Вильгельмѣ Завоевателѣ, гдѣ ради самосохраненія Норманнами введена была обширная фискальность и централизація.

На этой почвѣ Швабскіе императоры и стараются теперь устроить свою силу. Почва была выгодна съ одной стороны, потому что устроить территоріальное княжество здѣсь было легко. Но она пред-

ставлялась чрезвычайно невыгодной съ другой стороны. Собственно говоря, перенося центръ тяжести на югъ, императоръ отказывался отъ Германіи, и онъ не могъ не отказаться отъ Германіи, а для Германіи это былъ роковой поворотъ. Стремленіе такимъ образомъ развить императорскую власть за предѣлами Германіи, захватить Италію, мало по малу привело къ тому, что императорская власть отстала совершенно отъ своей естественной почвы и привилась на почвѣ Итальянской. Какъ Германское учрежденіе она съ этой поры теряетъ всякую силу.

Фридрихъ II (1215-1250).

Особенно характерно это сказывается въ исторіи опять-таки блестящаго человѣка, въ исторіи Фридриха II, который по своему честолюбію, по своимъ способностямъ, по своей ловкости и по своему могуществу представлялся достойнымъ поборникомъ императорской идеи и который самъ долженъ былъ признать свое безсиліе, признать его государственнымъ актомъ.

Исторія Фридриха II, если обратить вниманіе на политическую сторону, представляетъ рѣзкую двойственность. Съ одной стороны въ Италіи онъ ведетъ политику монархіи-абсолютной; съ другой стороны, въ Германіи онъ ведетъ политику отреченія отъ монархическихъ правъ. И понятно, что дѣлалъ онъ это не по желанію, такъ сказать, и не по своему выбору, а потому что иначе не могъ. Контрастъ выразится еще рѣзче, если мы обратимъ вниманіе на акты его управленія въ томъ и другомъ случаѣ, въ той и другой странѣ.

Въ 1231 г. организація Сицилійскаго и южноиталійскаго государства получаетъ свое завершеніе въ такъ называемыхъ Мельфійскихъ установленіяхъ. Эти Мельфійскія установленія Фридриха II являются чрезвычайно любопытнымъ закономъ въ Средніе вѣка, они представляютъ собою нѣчто подобное постановленіямъ Генриха II въ Англіи, съ тою существенною разницею, что противъ Генриха II начала образовываться самостоятельность общества, а тутъ самостоятельности общества совершенно нѣтъ. Любопытна самая теорія.

Мельфійскія установленія начинаются предисловіемъ, которое разрабатываетъ теоретическіе вопросы. Дѣло начинается съ грѣхопаденія, вслѣдствіе него явился исконный раздоръ между людьми: послѣ грѣхопаденія они борются между собою и приходятъ въ необходимый раз-

дѣлъ общаго достоянія — благъ природы. Для того, чтобы въ этомъ дѣлѣ былъ какой-нибудь порядокъ, для того, чтобы люди другъ друга не истребили, является власть государей, которые являются судьями жизни и смерти, которые суть исполнители Божественнаго промысла. Власть ихъ въ этомъ отношеніи не только не противорѣчитъ Божественному установленію на землѣ, а есть проявленіе и одно изъ его выраженій. Такимъ образомъ императорская власть является посредническою, миротворческою властью, отправляющеюся отъ Божіей власти.

Императоръ идетъ дальше и связываетъ ее съ другимъ, уже историческимъ, основаніемъ. Онъ производитъ свою власть изъ того lex regia, которымъ сообщалась власть магистрата императору и диктатура. Эта власть зародилась еще въ Римскомъ правѣ: власть императора есть imperium, которое делегировано императору народомъ, и императоръ является такимъ образомъ носителемъ идеи народовластія.

Такимъ образомъ попытка Фридриха II сводится, ни мало, ни много, къ тремъ основаніямъ, тремъ теоріямъ: теоріи посредничества — основаніе, которое вышло изъ борьбы за существованіе; теоріи непосредственнаго вмѣшательства Божественнаго промысла, императорской теократіи, которая противоположна теократіи папской, и наконецъ теоріи Римскихъ юристовъ, которая фигурировала еще во времена Византійской имперіи, теорія народовластія, какъ основы для власти императора. Она должна быть въ основаніи всѣхъ другихъ властей, всѣ другія власти могутъ быть только производными, поэтому феодальныя власти никакого самостоятельнаго значенія не имѣютъ.

На основаніи этого общаго постановленія дѣлался цѣлый рядъ выводовъ: во-первыхъ, дѣлалось самое существенное ограниченіе баронiальныхъ правъ въ политическомъ отношеніи, они должны были уступить право уголовнаго суда королю. Они не имѣли права суда по уголовнымъ дѣламъ потому, что проливается кровь только по установленію народа или императора. Точно также они не имѣли права строить укрѣпленія, потому что это дѣло самостоятельной власти. Запрещаются усобицы и частныя войны — опять-таки это самое существенное изъ политическихъ правъ, и оно принадлежитъ императору. Рядомъ съ этими положеніями, которыя идутъ, какъ видите, прямо въ противорѣчіи съ ленными правами, находятся постановленія, которыя на первый взглядъ, можетъ быть, не такъ важны, но которыя

представляются интересными съ точки зрѣнія развитія ленныхъ правъ въ пользу короля. Устанавливается королевскій надзоръ за браками ленниковъ для того, чтобы король могъ слѣдить, какъ соединяются извѣстныя ленныя единицы королевства. Королевскіе вассалы должны приносить присягу королю, сеньоріальные сеньору, и такимъ образомъ вся связь феодальной іерархіи пріурочивается къ королевской власти.

Но Мельфійскія установленія захватываютъ и другую область. Во-первыхъ, они проникаютъ въ область духовенства. Окрѣпшее государство предъявляетъ требованіе, которое оно предъявляло въ эпоху Филиппа Красиваго и Генриха II. Императоръ требуетъ привлеченія духовенства къ свѣтскимъ судамъ по свѣтскимъ дѣламъ. Всѣ эти дѣла: о земляхъ, наслѣдствѣ, о государственной измѣнѣ, идутъ на судъ свѣтскій. Затѣмъ запрещается продажа земли Церкви, стѣсняется право завѣщать земли Церкви, потому что иначе, какъ говорятъ установленія, духовенство скупитъ и пріобрѣтетъ все королевство, т. е. проводится то-же начало, которое устанавливается въ Англіи закономъ Эдуарда I.

И организація эта проведена очень любопытнымъ образомъ. Принципіально сословное вліяніе не было устранено совершенно, чины королевства созывались для утвержденія податей, но подати эти проэктируются королемъ. Провинціальныя собранія, похожія на собранія Англійскихъ графствъ для контроля королевскихъ чиновниковъ, существуютъ. Но, что особенно важно, вся юстиція и вся фискальность все-таки исходятъ отъ короля, завѣдываются его счетной и судной палатой. Онъ назначаетъ великаго судью, отъ котораго зависятъ всѣ судебные трибуналы. Онъ посылаетъ въ области областныхъ судей, которые не принадлежатъ извѣстнымъ провинціямъ, въ которыхъ они должны судить, эти областные судьи берутся изъ разныхъ провинцій. Наконецъ онъ организуетъ рядъ казначейскихъ должностей. Организація эта имѣетъ совершенно бюрократическій характеръ.

На этой почвѣ Фридрихъ II принялся даже за экономическое законодательство. Онъ издалъ законы для покровительства земледѣлію, винодѣлію, для ограниченія извѣстнаго рода торговли. Однимъ словомъ являлась попытка маленькаго полицейскаго просвѣщеннаго абсолютизма.

Вотъ какой характеръ приняла власть въ южной Италіи.

Въ полномъ контрастѣ стояла власть въ Германіи. Съ перваго начала императорская власть Фридриха II рѣзко обозначила дуализмъ сво-

ихъ отношеній къ главнымъ странамъ, ему подчиненнымъ. Вмѣсто себя онъ назначилъ въ Германію правителемъ своего малолѣтняго сына Генриха, а опекунами къ нему назначилъ архіепископа Кельнскаго, герцога Баварскаго, епископа Регенсбургскаго. Такимъ образомъ прямо являлось династическое раздѣленіе. Онъ не научился въ данномъ случаѣ еще или не могъ научиться тому правилу, что фамильное раздѣленіе является по необходимости тамъ, гдѣ чисто фамильныя отношенія становятся противъ національныхъ и политическихъ отношеній. Онъ не видѣлъ политической противоположности.

Дѣло такъ и было въ данномъ случаѣ. Сынъ и совѣтники его возмутились противъ Фридриха II, и пришлось дѣйствовать только для того, чтобы какъ-нибудь сохранить общее верховенство императора. Ради этого верховенства въ 1231 г. пришлось идти на соглашеніе съ князьями Германіи и на соглашеніе, прямо противорѣчащее духу Мельфійскихъ установленій. Король отказался отъ права строить крѣпости, укрѣпленные замки въ территоріяхъ, которыя подчинены князьямъ, предоставилъ имъ право бить монету. Каждый князь долженъ былъ владѣть вольностями, правами, графствами, повинностями по обычаю, имѣетъ-ли онъ ихъ на аллодіальномъ или ленномъ правѣ. Проводится такимъ образомъ очень важное правило, потому что это значило, что князья на аллодіальномъ правѣ могли требовать многихъ правъ. Съ другой стороны, отнималось у городовъ, постоянныхъ союзниковъ императора, право облагать окружныхъ крестьянъ, принимать бѣглецовъ изъ княжествъ, расширять свою юрисдикцію за предѣлы города.

Вотъ какая широкая была постановка княжеской власти по противоположности ея императорской. Въ результатѣ является извѣстное соглашеніе, въ которомъ страннымъ и характернымъ образомъ императоръ ищетъ себѣ помощи въ одномъ условіи: онъ старается связать сословіями князей такъ, какъ они связали его. Было постановлено, что князья могутъ облагать населеніе въ своихъ княжествахъ не иначе, какъ съ согласія лучшихъ людей княжествъ. При этомъ, значитъ, императоръ разсчитывалъ на реакцію рыцарства, на реакцію духовенства княжествъ противъ самостоятельности территоріальныхъ властей. Такимъ образомъ вотъ, къ чему привела первая попытка раздѣленія. Она привела къ тому, что пришлось

династически отдълить Германію и прямо признать княжескую самостоятельность.

Еще разъ вспыхнула борьба, именно, послъ того, какъ король Генрихъ былъ низложенъ. Послъ новаго возмущенія 1235 г. императоръ поставилъ второго сына въ 1237 г. И въ 1237 г. при этомъ случаъ опять было заявлено, что княжеская самостоятельность должна быть обезпечена. Князья титулуютъ себя въ договоръ съ императоромъ отцами и свъточами имперіи, занимающими у императора мъсто Римскаго сената. Въ отвътъ на Римскую теорію высшей императорской власти, князья выставляютъ тоже свою Римскую теорію: у нихъ тоже является извъстный прецедентъ въ Римской исторіи — сенатъ, который сдерживалъ Римскую императорскую власть. „Престолъ императорскій", говорили они императору: „съ которымъ мы соединены, какъ члены тъла соединены съ головой, покоится на нашихъ плечахъ и охраняется нашей силой, причемъ и имперія получаетъ блестящую славу, и наше княжеское сословіе заимствуетъ отъ нея блескъ".

Вотъ такимъ образомъ характерныя послъдствія политики Гогенштауфеновъ, перенесенія мало по малу центра тяжести имперіи въ южную Италію. Въ южной Италіи они сдълались просвъщенными абсолютными монархами, въ Германіи они принуждены были отступить передъ княжеской властью и надъяться только, что княжеская власть будетъ стъснена самостоятельностями рыцарства, городовъ, сословій. Опять-таки нельзя понять этихъ отношеній, этого результата, если не принять во вниманіе также борьбы между папой и императоромъ, которая связывала руки императору.

Борьба съ папой. Борьба между Фридрихомъ II и Григоріемъ IX велась съ тъмъ-же ожесточеніемъ, какъ и въ XI в., и XII в., только произошло нъкоторое измъненіе. Любопытно, именно, что папа представлялъ въ данномъ случаъ не совсъмъ то-же и оперировалъ не совсъмъ тъми аргументами, какъ въ XII в. Фридрихъ II въ своей борьбъ съ папой точно также являлся уже представителемъ новаго совершенно духа, духа раціоналистическаго. Является извъстная подготовка будущаго Возрожденія. Фридрихъ II ереси прямо не проповъдуетъ, но его воззрънія самыя иррелигіозныя. Въ 1239 г. въ самый разгаръ борьбы Григорія IX съ Фридрихомъ вышла цълая полемическая литература, которая чрезвычайно хорошо рисуетъ этотъ фазисъ борьбы, это новое вліяніе.

Фридрихъ II и его помощники донимаютъ папу не съ точки зрѣнія ленныхъ отношеній или императорской власти въ ея отношеніяхъ къ духовной, а съ точки зрѣнія религіозной, съ точки зрѣнія не исполненія папствомъ религіозныхъ задачъ: „что сказалъ Великій Учитель, когда по воскресеніи изъ мертвыхъ впервые обратился къ своимъ ученикамъ? Онъ не сказалъ: вооружитесь щитомъ, лукомъ и мечемъ; нѣтъ, онъ сказалъ: миръ да будетъ съ вами!" — Петръ оставилъ все имущество свое по велѣнію Господа, а ты только и стараешься пожрать все, и всего міра не достаточно, чтобы утолить жадность твоего чрева. — Если ты по заповѣди Христа проповѣдуешь нищету, то зачѣмъ бѣжишь ты отъ того, что восхваляешь? Петръ не хотѣлъ ѣсть нечистое, даже когда его мучилъ голодъ, а ты живешь, чтобы ѣсть, и на всѣхъ сосудахъ твоихъ написано: я пью, ты пьешь.... Такъ часто повторяешь ты это слово за обѣдомъ, что уже начинаешь говорить погречески, поеврейски, полатини и, полный до верха, воображаешь, что ты летишь на крыльяхъ вѣтра. Тогда тебѣ подчинена Римская имперія, цари приносятъ дары, вино создаетъ ополченія, всѣ народы служатъ тебѣ!"

Противъ подобной полемики папа могъ отвѣчать только возбужденіемъ самаго крайняго и непримиримаго средневѣковаго фанатизма, и онъ въ данномъ случаѣ обратился къ старымъ средневѣковымъ воззрѣніямъ. Онъ прямо старался отождествить Фридриха съ апокалиптическимъ звѣремъ: „изъ моря вышелъ звѣрь, изрыгающій богохульство; пасть у него львиная, лапы медвѣдя, а остальныя части тѣла, какъ у барса. Когтями и желѣзными зубами своими звѣрь старается все разрушить, и не тайно уже, а явно вступаетъ въ союзъ съ невѣрными противъ Христа. Всмотритесь въ апокалиптическаго звѣря, это, такъ называемый, императоръ Фридрихъ".

Вотъ на этой почвѣ возникла первая литература средневѣковаго невѣрія. Не Фридрихъ II написалъ знаменитый памятникъ, знаменитую книжку о трехъ обманщикахъ, но она составлена при Фридрихѣ II. Въ этой книжкѣ сближается Іисусъ Христосъ съ Магометомъ, и развивается мысль, что только дураки думаютъ, что всемогущій богъ, создатель неба и земли, родился отъ Дѣвы. Люди вообще не должны вѣрить въ то, что не можетъ быть доказано отъ

природы и разума. - Это капитальный поворотъ, который для Фридриха кончился полной неудачей въ матеріальномъ отношеніи. Собственно говоря, Фридрихъ II положилъ, такъ сказать, основаніе тѣмъ теченіямъ, которыя въ концѣ концовъ нанесли пораженіе его исконному врагу - папѣ. Именно, въ эту эпоху зарождается Европейское вольномысліе, и въ то-же самое время зарождаются нравственныя требованія по отношенію къ Церкви, которыя впослѣдствіи проводила реформація.

Въ результатѣ обзора этой Германской исторіи, даже краткаго, выходитъ, что эта исторія не можетъ быть поставлена въ опредѣленный контрастъ съ исторіей Англіи или Франціи. Но здѣсь есть также очень много интереснаго. Первоначальное положеніе Германіи въ сословномъ и политическомъ отношеніи скорѣе можно считать выгоднымъ, нежели невыгоднымъ. Въ сословномъ отношеніи тамъ не образуется полнаго феодализма. Въ политическомъ отношеніи тамъ не утвердились такія территоріальныя власти, какъ во Франціи. Тѣмъ не менѣе императорская власть принуждена была для того, чтобы спастись, уйти на югъ Италіи.

Вслѣдствіе какихъ-же условій? Во-первыхъ, императоръ потерпѣлъ пораженіе отъ самостоятельныхъ властей вслѣдствіе того, что идею единства государство стало развивать въ то время, когда еще этнографическій составъ былъ недостаточно разработанъ, когда еще сознанія единства не было. Еще существовало полное раздѣленіе Саксовъ, Баваровъ, Швабовъ, Франковъ, и это существованіе этнографической розни подорвало императорскую власть, - оно сказалось въ образованіи племенныхъ герцогствъ. Второе условіе, подорвавшее императорскую власть, это осложненіе Германскаго быта императорскими стремленіями и Итальянскими отношеніями; осложненіе, которое опять-таки стоитъ въ связи съ глубокимъ фактомъ, что въ средневѣковой Германіи все еще живетъ духъ недавняго прошлаго, хотя переселеніе народовъ закончилось, образовались варварскія государства, но старый духъ переселенія еще уцѣлѣлъ въ Германской жизни. Это Wanderungslust проявился и въ другомъ отношеніи: въ эпосѣ Нибелунговъ и затѣмъ поэзіи Миннезенгеровъ. Цѣлый рядъ рыцарскихъ поколѣній ищетъ выхода своей силѣ, своимъ стремленіямъ въ Итальянскихъ походахъ. Наконецъ третье условіе, которое

разрушило императорскую власть, это тѣсная связь императорской власти съ Церковью, осложненіе идеи имперіи идеей папства. 3)
Опять-таки условіе крайне важное.

Эти три условія складываются въ концѣ концовъ около одной главной причины того, что такъ не удалось устроить политическую власть, – эта причина заключалась въ томъ, что Германія была совершенно неподготовлена въ національномъ отношеніи для политической жизни. Въ національномъ отношеніи она не была подготовлена, потому что нація искала себѣ основанія не у себя дома, а внѣ. И наконецъ національная незрѣлость выразилась въ тѣсной зависимости отъ Римскаго элемента въ духовенствѣ.

Оглавленіе.

Общій очеркъ исторіографіи по Среднимъ вѣкамъ. 3—38.

Средневѣковая Исторія.

Исторія Среднихъ вѣковъ. 38-387.

I. Очеркъ перваго періода. 38–168.

II. Развитіе государственной власти во Франціи, Англіи и Германіи. 169-387.

1. Развитіе государственной власти во Франціи. 169-254.

2. Развитіе государственной власти въ Англіи. 254-329.

3. Развитіе государственной власти въ Германіи 329-387.

Пол.

1) Чеканка
2 Частн. война
3. Суд
4. Закон.
5 Сопрот.

Соц.

1. Монтаж м.
2. Foris [illegible]
3. [illegible]
4. Обр. и фарм.
5. Война

37
40

